

ISSN 0869-1177

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

RUSSKOE PROSHLOE **2**

РУССКОЕ
ПРОШЛОЕ

1991

СВЕТЛЕН

1991

Учредитель — трудовой коллектив совместного советско-американского предприятия «Свелен».

Заведующая издательским отделом СП «Свелен»
Е. В. Кичигина.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Г. БОРТНЕВСКИЙ *(главный редактор)*

А. В. СМОЛИН

В. Ю. ЧЕРНЯЕВ

И. В. КАРАСЕВ *(ответственный секретарь)*

«Русское прошлое» публикует только ранее неопубликованные материалы по истории России, представляющие интерес как для историков, так и для широкого круга читателей.

Вторая книга альманаха содержит воспоминания, дневники, документы, любезно предоставленные Архивом Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США), Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР, а также материалы из личного архива Н. А. Поссе.

Адрес редакции: 194156, Санкт-Петербург Сердобольская ул., д. 1 (СП «Свелен»)

Телефон — (812) — 242-27-31

Телефакс — (812) — 242-13-85

Телекс — 121 340 Medin SU

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ

ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

№2

1991

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. И. Ковалевский.</i> Воспоминания	5
<i>Г. А. Князев.</i> Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915—1922 гг.	97
<i>В. А. Поссе.</i> В годы гражданской войны	200
<i>Н. В. Устрялов.</i> Белый Омск. (Дневник колчаковца)	283
Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского Освага	340
Кронштадт в 1921 году: новые документы	349
Сведения о публикаторах	362
Содержание на английском и французском языках	363

Обложка художника *И. Д. Висоцука*

© «Русское прошлое», 1991.

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать материалы «Русского прошлого», должны предварительно сообщить о своих намерениях редакции альманаха.

Ответственность за точность воспроизведения публикуемых источников несут публикаторы.

Воспоминания В. И. Ковалевского

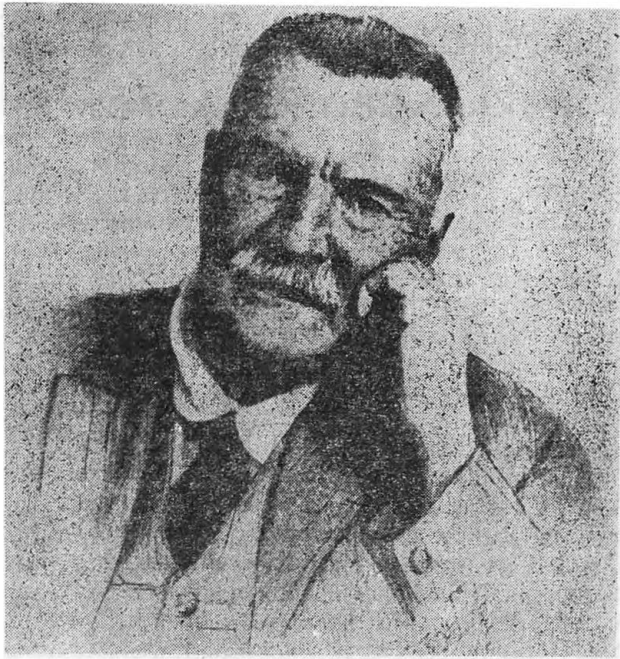
Публикуемые воспоминания посвящены периоду 1882—1902 гг., когда мемуарист работал в Министерстве финансов совместно с тремя выдающимися руководителями этого ведомства — Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградским и С. Ю. Витте. Владимир Иванович Ковалевский — человек с необыкновенной судьбой. Сын помещика, узник Петропавловской крепости, товарищ министра финансов, председатель Русского технического общества, в советские годы ближайший сотрудник Н. И. Вавилова, заслуженный деятель науки РСФСР — таковы вехи его жизни.

В. И. Ковалевский родился 10 ноября 1848 г. в семье помещика среднего достатка, отставного майора в с. Балаклея Змиевского уезда Харьковской губ. Первоначальное образование он получил в Полтавской военной гимназии (Петровский полтавский кадетский корпус), а затем во втором Константиновском военном училище в Петербурге, куда поступил в августе 1865 г. Вследствие подозрения в неблагонадежности, несмотря на вполне успешное окончание курса, он был выпущен в июле 1867 г. по второму разряду прапорщиком с назначением в 154 Дербентский пехотный полк на Кавказе. Военная служба не удовлетворяла его идеалу служения народу. 14 мая 1868 г. он вышел в отставку и вскоре отправился в Петербург, где поступил в Земледельческий институт¹.

Эпоха реформ 1860—70-х годов запечатлелась в памяти В. И. как «славное и светлое время, пора юности народа, пора, казалось, вечной весны. Общественное настроение было бодрое, рвущееся, ищущее новых путей по всем линиям жизни... Все юное и живое по возрасту или духу бросилось в поисках науки и знания, независимого труда, пошло на служение раскрепощенному народу и на общественную работу»².

Предпринятый В. И. шаг был сделан по зрелому размышлению и имел дальнюю цель. В августе 1870 г. в одном из писем он называл себя «борцом за идею экономического развития народа путем пропаганды

* Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Л. Е. Шепелева.

Владимир Иванович Ковалевский

артельного начала и нравственного» развития. «С этой целью» В. И. «вышел в отставку» и занялся изучением «курса агрономических наук»³.

В Петербурге В. И. сблизился со студентами Медико-хирургической академии братьями В. И. и И. Н. Лихутиными и группировавшейся вокруг них молодежью.

В начале 1869 г. он принял «деятельное участие» в волнениях студентов⁴ Петербургского университета, Медико-хирургической академии и Технологического института по поводу организации кассы взаимопомощи и получения права созыва сходок в связи с этим. Вероятно тогда же В. И. впервые встретился с наиболее активным в то время деятелем революционно-террористического движения С. Г. Нечаевым. Осенью контакты В. И. с Нечаевым и его группой в Петербурге возобновились. Есть сведения, что он принимал участие в заседании «весьма замкнутого кружка» у П. Н. Ткачева, где Нечаев, «развивая свою революционную теорию, убеждал в необходимости образования кружков...». Когда В. И. передал содержание сказанного членам группы Лахутиных, «произошел... разрыв... Все, кроме

Ковалевского, пришли к убеждению о неудобстве применения к делу всевозможных сходок и всевозможных кружков. Все революционные идеи, даже и в теории, были заброшены, как вредные. Точно так же бросил их вскоре и Ковалевский». По свидетельству И. Н. Лихутина, В. И. «менее других старался хитрить с Нечаевым и всегда резко высказывал свое несогласие с ним». В частности он «старался... доказать нелепость всяких волнений». «Нечаев не привык, чтобы ему так смело возражали, и остался чрезвычайно недоволен Ковалевским»⁵. Тем не менее, когда Нечаев в конце ноября 1869 г., скрываясь от полиции после зверского убийства в Москве членами его организации студента И. И. Иванова, оказался в Петербурге, В. И. предоставил ему возможность переночевать сначала у себя, а затем у знакомых студентов⁶.

В декабре 1869 г. по делу С. Г. Нечаева были начаты аресты⁷. После трех обысков, ничего не давших, 5 января 1870 г. был арестован и В. И. Сначала он был помещен в тюрьму предварительного заключения, а 10 сентября переведен в Петропавловскую крепость. В июле 1871 г. вместе с большой группой обвиняемых В. И. был предан суду Особого присутствия Петербургской судебной палаты по обвинению в том, что, не принимая участия в заговоре с целью ниспровержения существующего строя, содействовал «в доставлении помещения» С. Г. Нечаеву. К сожалению, материалы ни официального следствия, ни судебного разбирательства не сохранились. Мы располагаем только документами III отделения Собственной его императорского величества канцелярии, проводившего предварительное расследование дела⁸, которые были опубликованы в 1931 г., и стенографическими отчетами о судебном заседании, напечатанными тогда же в газетах⁹.

По семейному преданию, арест скрывался от матери В. И. Через знакомых он посылал ей письма, которые должны были свидетельствовать о его благополучном житье-бытье. Находясь в заключении, В. И. усердно занимался изучением иностранных языков, в частности немецкого и английского, которыми в конце жизни (как и французским) владел, по собственной оценке, удовлетворительно. Между тем материальное положение его было бедственным. Будучи в тюрьме, он тайно писал одному из своих сопроцессников: «В моем скудном гардеробе не хватает штанов, хотя бы каких-нибудь похуже, стареньких. Имеющиеся до того плохи, что я, при

всем равнодушии к этим вещам, малость конфузился, когда приходилось бывать в комиссии»¹⁰.

Во время следствия и суда В. И. держался с большим достоинством. Одному из товарищей по заключению он писал о необходимости внушить уважение к себе даже со стороны обвинения. Его очень огорчило суждение одной из московских газет о «ничтожестве среды», к которой принадлежали обвиняемые по «нечаевскому делу»¹¹.

22 августа 1871 г. В. И. был оправдан судом и освобожден из Петропавловской крепости. Однако он лишился права государственной службы и отдавался под надзор полиции. Репутация неблагонадежного в политическом отношении сохранялась за ним и впоследствии. Стало известно, что в январе 1874 г. он намечался для введения в состав «кружка чайковцев» (в Петербурге), члены которого осуждали тактику Нечаева, а затем обвинялся в причастности к делу С. М. Кравчинского (Степняка)¹².

Выйдя на свободу, В. И. отправился в имение родителей. Вместе с ним туда поехала Екатерина Никитична Лихутина, ставшая его женой. Вскоре (в 1872 г.) он вновь поступает в Петербургский земледельческий институт, в 1875 г. оканчивает его по первому разряду, а затем защищает диссертацию на степень кандидата сельского хозяйства на тему «Исторический обзор о сущности алкагольного брожения и питания дрожжей»¹³.

Последующие несколько лет В. И. посвящает в Петербурге продолжению самообразования, литературной и ученой деятельности. Особенно много было им сделано по переводу на русский язык сочинений известных европейских специалистов в области сельского хозяйства и агрономии, по которым в России «училось целое поколение агрономов»¹⁴. Много печатался В. И. в «Земледельческой газете» и журнале «Сельское хозяйство и лесоводство».

Конечно, В. И. без труда мог бы устроиться на достаточно выгодную частную службу. Но он считал более соответствующей его идеалам государственную. В 1879 г. он обратился к своему знакомому генералу С. П. Зыкову с просьбой «оказать какое-нибудь содействие» в поступлении на государственную службу. Зыков предложил ходатайствовать об этом перед начальником III отделения Собственной его величества канцелярии А. Р. Дрентельном. На вопрос последнего может ли сам ходатай «за него поручиться», Зыков отве-

чал, что он знает В. И. «как добросовестного и образованного человека и слышал в этом отношении одобрительные отзывы о нем... Ковалевскому предстоит две дороги: или к нам, или к ним; третьего выбора нет и от Вас зависит направить [его] на ту или другую дорогу». Дрентельн просил представить ему записку и обещал «навести справку, и, если Ковалевский после своего дела ни в чем замечен не был., не... препятствовать поступить ему на службу». Через 5 дней после представления записки Зыков был уведомлен, «что если Ковалевский будет принят кем-либо на службу, то со стороны III отделения препятствий не будет. Исключение в этом случае составляет учебная часть и прокуратура, куда Ковалевский вследствие своего прошлого допущен быть не может». По ходатайству директора Департамента земледелия и сельской промышленности В. И. Вешнякова министр государственных имуществ П. А. Валуев «изъявил согласие принять кандидата сельского хозяйства, отставного прапорщика Владимира Ковалевского на службу» в этот Департамент¹⁵. В. И. был определен в Статистическое отделение, во главе которого стоял А. С. Ермолов (в 1890-е годы министр земледелия и государственных имуществ). А. Н. Куломзин, бывший в то время товарищем министра государственных имуществ, впоследствии вспоминал: «Способностей выдающихся, незаурядный работник, Ковалевский тянул трудную лямку, вечно подозреваемый начальством и тем не менее терпимый, так как заменить его было трудно»¹⁶.

На службе в Департаменте В. И. принимал участие в работах проф. В. В. Докучаева по почвенной картографии. Но главным его делом становится организация периодического сбора сведений об урожаях и других факторах сельскохозяйственной конъюнктуры непосредственно от хозяев — корреспондентов и ежегодное издание сводок под заглавием: такой-то год в сельскохозяйственном отношении. Публикация эта продолжалась с 1881 г. по 1917 г. и получила высокую оценку специалистов в России и за рубежом. Н. И. Вавилов расценивал названное издание как «фундамент к сельскохозяйственному знанию» России. Уже тогда В. И. были начаты исследования, результаты которых позднее были характеризованы Н. И. Вавиловым как «введение географического принципа в изучение сельского хозяйства» и «установление замечательной закономерности» — укорочения по мере продвижения на север

вегетационного периода для хлебных культур¹⁷.

Уже через четыре года (1882 г.) за свои научные труды В. И. получает высокое назначение в члены Ученого комитета этого Министерства. Там он оказался коллегой некоторых выдающихся представителей русской агрономической науки. Почти 40 годами позже, после Октябрьской революции, В. И. возглавит тот же орган, задачей которого было руководство исследовательской работой в области сельского хозяйства. Членом Ученого комитета В. И. остается и после того, как в 1884 г. по предложению министра финансов Н. Х. Бунге переходит на должность вице-директора Департамента окладных сборов Министерства финансов. В этой должности В. И. принимал деятельное участие в работах по отмене подушной подати, по преобразованию оброчной подати с бывших государственных крестьян и введению податной инспекции¹⁸. С этого момента деятельность Ковалевского получает отражение в публикуемых воспоминаниях.

Стремясь к смещению Н. Х. Бунге с поста министра финансов, министр внутренних дел Д. А. Толстой в январе 1886 г. обвинил его в «неблагонадежности служащих под его начальством чиновников», в частности Ковалевского. При этом он опирался на собранные «неблагоприятные для них полицейские сведения»¹⁹. Вопрос о «красных» чиновниках, как их тогда называли в бюрократической среде, был поднят таким образом на уровень «большой политики», стал орудием в борьбе за влияние в правительственных сферах. Для самого Бунге обвинение Толстого не имело тогда последствий (он оставил должность министра финансов лишь в самом конце 1886 г.), но В. И. должен был покинуть административный пост, который он занимал. Однако, новый министр финансов И. А. Вышнеградский сумел оставить его при себе в качестве чиновника для особых поручений и представителя Министерства финансов в Министерстве путей сообщения²⁰. В марте 1889 г. заведение железнодорожными тарифами было изъято из путейского ведомства и передано в Министерство финансов, в составе которого был образован Департамент железнодорожных дел с Тарифным комитетом при нем и Совет по тарифным делам, состоявший из представителей разных ведомств. В состав Комитета и Совета с самого их возникновения был введен и В. И., занимавшийся по преимуществу тарифами на сельскохозяйственные грузы²¹.

Все это время В. И. успешно совмещал государственную службу с активной научной и научно-организационной деятельностью в Русском географическом и Вольном экономическом обществах. В Сельскохозяйственном отделении последнего он около пяти лет председательствовал. Участвовать в работе этих обществ он продолжал и в последующем. На III съезде естествоиспытателей в 1889 г. В. И. выступил с «блестящим докладом» (позднейшая оценка Н. И. Вавилова) «Запросы сельского хозяйства к естествознанию».

В письмах 1889—90 гг. В. И. жалуется на чрезмерную занятость: «Приходилось работать невыносимо, проклято много, работать нервно...» Политическая же атмосфера в стране представлялась ему крайне тяжелой. «Даже так называемая порядочная часть общества мыслит по „Новому времени“, а оно дожило до того, что слова **убеждение**, **честность** и пр. ставит в кавычки. Отравы проникла в каждый атом воздуха...»²².

К 1890-м годам вполне выявились выдающиеся организаторские способности В. И., в особенности же поражавшая многих способность использовать малейшие возможности реальной ситуации для достижения необходимых целей, умение найти выход из самых затруднительных положений, способность поддерживать деловые контакты как в бюрократической среде, так и в среде предпринимателей, обаятельность в общении, незаурядные ораторские способности. К апрелю 1891 г. Ковалевский успел выслужить первый «генеральский» чин действительного статского советника.

Свои политические устремления В. И. не декларировал. Судя по частным разговорам, он был либеральным монархистом. Вот как излагает политические воззрения В. И. один из его почитателей: 8 июля 1896 г. «был у меня В. И... Я верю,— говорил он,— что в России мыслимо только самодержавие — никакой другой образ правления быть не может у нас... Поддержка самодержавия в народе...— основа, фундамент власти». Ковалевский высказывался за расширение состава Государственного совета и предоставление ему права законодательной инициативы, за децентрализацию власти, возобновления сенаторских ревизий, усиление внимания к положению народа²³. Практическая деятельность В. И. как в 1880—90-х годах, так и позже дает основания заключить, что он был убежденным сторонником интенсивного экономического и культурного развития России. В. И. приходит к убеждению в необходимости перво-

очередного внимания к развитию промышленного сектора экономики, которое может стать и стимулом к развитию сельского хозяйства. В свою очередь изменения в сфере экономики неизбежно приведут к демократическим изменениям в политической области.

Когда в 1889 г. С. Ю. Витте был назначен директором вновь созданного Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, он столкнулся с В. И., который обратил на себя его благожелательное внимание. Сразу же после назначения Витте в августе 1892 г. управляющим, а затем и министром финансов, он предложил В. И. освободившийся в то время пост директора Департамента торговли и мануфактур — главного органа по руководству промышленностью и торговлей в стране. Назначение В. И. прошло не без трудностей. Прежде всего потребовалось отстранить несомненного претендента на пост директора, каким являлся вице-директор Департамента В. И. Тимирязев. Для этого последний был назначен членом Совета министра финансов и отправлен официальным представителем (агентом) Министерства финансов в Берлине²⁴. Но главная трудность заключалась в том, что «Ковалевский все время был под неблагосклонными взглядами высшего правительства как человек политически неблагонадежный. Но тем не менее, — пишет Витте в своих мемуарах, — я взял Ковалевского, потому что это был человек замечательно талантливый»²⁵. Кандидатура В. И. вполне устраивала Витте не только вследствие его деловых качеств и совпадения их взглядов на экономическое развитие России, но и ввиду полного отсутствия у В. И. активного интереса к «большой политике». Витте отлично понимал, что В. И., с его прошлым и репутацией «красного», оказывался на будущее в полной зависимости от его (Витте) поддержки.

Первым делом В. И. на новом посту (директором он назначен 5 октября 1892 г.) стало расширение Департамента торговли и мануфактур, а главное — разработка программы торгово-промышленной политики правительства (октябрь 1893 г.), которая легла в основу всей последующей деятельности Департамента²⁶. Значение этого документа огромно. Прежде всего, это — первая в России попытка формально определить направление развития страны в торгово-промышленной области и методы правительственной политики в связи с этим. Речь шла об активном государственном стимулировании индустриального развития посредством после-

довательно проводимого таможенного покровительства (позднее оно было дополнено привлечением в страну иностранных капиталов), усовершенствования законодательства, улучшения коммерческого и технического образования, организации представительства интересов предпринимателей.

К сожалению, в публикуемых воспоминаниях В. И. Ковалевского об этой программе не упоминается, как и о деятельности мемуариста на посту директора Департамента торговли и мануфактур вообще (за исключением рассказа о проведении закона, нормировавшего условия труда в промышленности). Можно предположить, что вопрос этот — о деятельности В. И. в качестве директора Департамента — обойден именно в виду его особой значимости и сложности.

Поэтому поясним содержание программы несколько подробнее. «Основную задачу правительственной политики по отношению к народной производительности» программа определяла как «содействие настолько прочному и широкому развитию всех отраслей перерабатывающей промышленности, чтобы произведения их не только удовлетворяли внутреннему спросу, но могли успешно соперничать за пределами России с произведениями других стран». Вместе с тем целью «национальной политики» в области торгово-промышленного развития страны ставилось «достигнуть наиболее целесообразного использования естественных и культурных сил страны, считаясь со всеми особенностями ее естественного и бытового склада». Наконец, речь шла об «успешном завершении великой задачи постановки отечественного хозяйства на самостоятельный путь».

Чтобы решить эту задачу и достичь этих целей русская промышленность, серьезно отставшая от промышленности Западной Европы и требований внутреннего спроса, «в своем развитии должна пропустить несколько исторических ступеней». Сделать это быстро она в состоянии лишь при активном всемерном содействии со стороны правительственной власти. В основании «национальной торгово-промышленной политики» остаются (как и при предшественнике С. Ю. Витте И. А. Вышнеградском) покровительственный таможенный тариф и рациональная система внутренних железнодорожных тарифов. Но чтобы эти коренные меры дали необходимые плоды, они должны быть дополнены целой системой других экономических и правовых мер, не только общих, но и частных. Однако их выработка и проведе-

ние в жизнь затрудняются для правительства тем, что оно в условиях России «даже не может ограничиться удовлетворением заявляемых ходатайств, но по своеобразным условиям русского быта ... должно деятельно войти в самую глубь интересов разнообразных отраслей нашего народного хозяйства и положительным воздействием возбуждать и поддерживать частную предприимчивость в желательном направлении». В этой связи много внимания уделяется вопросу об организации представительства интересов предпринимателей перед правительственными учреждениями. Организация такого представительства рассматривалась как необходимое условие успешной реализации всей программы. В целях содействия промышленному развитию России программой намечались совершенствование законодательства, общие административные меры и даже помощь отдельным предприятиям. Причем в общем это «содействие промышленности со стороны государства должно выражаться в России не столько в регламентации, сколько в положительной помощи в каждом отдельном случае — нравственной и материальной...».

Таким образом, намечаемые программой меры должны были стимулировать и облегчить национальные капиталовложения в промышленность и торговлю и обеспечить необходимые условия для развития этих отраслей народного хозяйства. Но программа не решала (и в рамках деятельности только Министерства финансов не могла решить) главную в условиях России проблему — проблему создания, накопления капиталов. С. Ю. Витте и В. И. Ковалевский избегали касаться вопросов внутренней политики царизма, стеснявших развитие экономики.

Заслуживает быть отмеченным, что в это время В. И. тесно дружески сотрудничал с Д. И. Менделеевым, который, как свидетельствовал сам В. И., «был убежденный защитник и деятельный проводник развития индустрии, считая, что только планомерным и рациональным сочетанием двух основных отраслей народного хозяйства — сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности — можно поднять его на высокий уровень... К нему часто обращался министр финансов С. Ю. Витте с просьбой в письмах и устно отпарировать нападения наших аграриев на индустриальное направление нашей экономической политики... Николай II все более становился на их точку зрения и, между прочим, просил Менделеева и меня представить веские доводы против

такой тенденции как с точки зрения обороны страны, так и будущего экономического развития государства»²⁷.

На посту директора Департамента торговли и мануфактур В. И. оставался до 1900 г., когда в связи с реорганизацией Департамента в Центральные учреждения Министерства финансов по части торговли и промышленности уже в чине тайного советника (В. И. получил этот чин в апреле 1899 г.) был назначен товарищем министра финансов, заведовавшим промышленностью и торговлей. По существу эта должность была образована специально для него с целью расширить его права и создать ему (а вместе с тем и самому С. Ю. Витте) более благоприятные условия деятельности. При обсуждении в 1900 г. в Государственном совете вопроса об учреждении новой должности товарища министра, Витте указывал, что она необходима для «человека, который давал бы всему делу общее направление», для «человека, который мог бы ответственно и самостоятельно вести это дело»²⁸. Таким человеком с самого начала считался В. И. В сущности, он становился теперь главой почти самостоятельного ведомства. Именно так расценивали ситуацию компетентные современники. А. А. Половцов записал в дневнике 15 августа 1900 г., что Ковалевский — «в прежнее время отчаянный социалист», теперь — «новый товарищ министра финансов, а de facto, пожалуй, и совсем министр по делам промышленности и торговли»²⁹.

Назначение В. И. директором Департамента торговли и мануфактур совпало с началом периода промышленного подъема, невиданного до тех пор в России. Вследствие этого его деятельность на этом посту оказалась особенно эффективной. Меньше, чем за десятилетие объем промышленного производства удвоился. Позднее не без оснований считалось, что в деле развития промышленности В. И. пошел дальше того, что имел в виду сам Витте³⁰. Отношение В. И. к промышленной буржуазии, интенсивно формировавшейся в эти годы, образно было выражено им на одном из официальных совещаний в 1900 г. Возражая против мероприятий Министерства внутренних дел, ограничивавших предпринимательскую деятельность, он сказал, что применение этих мер «зарежет ту курицу, несущую золотые яйца, для воспитания которой было принесено столь много жертв со стороны государства»³¹.

Заслуги Ковалевского в полной мере признавались С. Ю. Витте. В воспоминаниях он пишет о нем: «Я дол-

жен сказать, что, когда я был министром финансов, он приносил большую пользу, потому что это человек очень живой, чрезвычайно работоспособный»³².

В октябре 1902 г. было торжественно отмечено десятилетие руководства В. И. торгово-промышленным ведомством. И вдруг в ноябре этого же года на подъеме своей бюрократической карьеры, в зените популярности, в трудный период жизни ведомства он подал в отставку. Обстоятельства, приведшие к этому, заслуживают некоторого внимания. Брак Ковалевского с Е. Н. Лихутиной был непрочным, и они расстались. В конце 1890-ых гг. В. И. оказался в близких отношениях с Е. А. Шабельской — писательницей и содержательницей небольшого театра в Петербурге. Незадолго до увольнения в отставку В. И. влюбился в другую женщину — М. Г. Благовестову (Илловойскую), ставшую его женой. Тогда Шабельской были представлены к оплате векселя с бланковыми надписями (ручательством) Ковалевского на полтораста тысяч рублей. В. И. заявил, что векселя поддельные (весной 1903 г. это было подтверждено каллиграфической экспертизой почерков в Департаменте полиции)³³, но согласился выплатить по ним треть суммы. Все это привело к судебному процессу. «Поднялся скандал, об этой истории знал весь Петербург», — читаем в одном из повременных изданий того времени. Воспользовавшись ситуацией, министр внутренних дел В. К. Плеве предложил В. И. подать в отставку³⁴.

Высказывались суждения о том, что отставка В. И. была вызвана, помимо остального, неблагоприятной ситуацией, сложившейся в Министерстве финансов, в частности затруднениями в связи с разразившимся экономическим кризисом, наконец, отпадением от министерства некоторых структурных частей. Хорошо осведомленный чиновник особых поручений Министерства финансов С. И. Гулишамбаров писал своему знакомому: «Мало по малу разрушается все то, над созданием чего он (Ковалевский — Л. Ш.) трудился более 10 лет. Отдел торгового мореплавания уже отпал от нас, а днях ожидается отпадение фабричной инспекции, а в скором времени и Учебного отдела»³⁵. Имело значение и падение престижа С. Ю. Витте (в августе 1903 г. он был уволен с поста министра финансов и назначен на почетную, но малодейственную должность председателя Комитета министров).

В связи с юбилеем службы Ковалевского, а затем

и с его отставкой в прессе появился ряд статей, отразивших впечатление современников о личности В. И. Выдающиеся организаторские способности его отмечались анекдотом насчет того, что «если бы В. И. присутствовал при постройке Вавилонской башни, то, несмотря на смешение языков, башня была бы достроена». Отличительной чертой деятельности юбиляра называлось «безусловное доверие к совместной работе государственных, в тесном смысле слова, и общественных сил, стремление придать всем мероприятиям, связанным с развитием, упорядочением и преуспеянием разносторонних интересов нашей торгово-промышленной жизни, широкий общественный характер, сделать их не мертвою только буквою формального закона, а живым, всегда бодрым, всегда отзывчивым к назревающим нуждам и потребностям общественным делом». В. И. справедливо рассматривался как «ближайший помощник С. Ю. Витте в осуществлении коренных реформ нашей промышленности, в развитии производительных сил страны...; его имя тесно связано со всей плодотворной деятельностью ведомства» Министерства финансов³⁶.

Любопытную характеристику Ковалевскому дал по случаю его отставки известный публицист кн. В. П. Мещерский, постоянно нападавший на него. В. П. Мещерский известен как реакционер и морально отрицательный тип. Но он же — безусловно талантливый журналист и хорошо осведомленный наблюдатель. В самом факте увольнения В. И. он справедливо усмотрел заметное явление современной жизни. Нарисованный им облик В. И. по духу верен и согласуется в основном с данными других источников. В частности же он несколько шаржирован. Тем не менее позволим себе привести статью Мещерского почти целиком³⁷.

«В. И. Ковалевский был в высшей степени интересный тип петербургского бюрократа и русского даровитого человека. Второго такого типа человека я на своем веку не встречал. Та изумительная легкость, с которою в его уме складывались формы не только для красноречия, но и для выхода из самых трудных положений и для представления понятною всякому человеку самой мудреной темы, была, без сомнения, его главным дарованием, и всего, что прошло через его руки, он не столько был творцом, сколько Эолом, под звуки которого действительность серая и, подчас, беспорядочная принимала самые яркие краски и формы фантастической живописи. Одною из курьезных черт этого интересного

государственного человека было то, что никогда никто его не мог находить, и пять минут беседы с пойманным на лету В. И. Ковалевским добывались днями безнадежных розысков. А между тем, он никуда не скрывался, а исчезал для искавших его потому, что в течение дня он успевал перебывать в нескольких комиссиях и совещаниях, у разных лиц, и везде говорил, везде строил воздушные замки несомненного благополучия для тех, которые его слушали.

Другая интересная особенность его была — сочетание полной неспособности слушать вникая, с невозможностью в чем-либо отказывать. Первая неспособность ему не вредила, потому что никто не умел так сладко маскировать свое неслушание вас, как он, так что проситель всегда уходил с впечатлением, что В. И. Ковалевский его великолепно выслушал, а вторая неспособность была одним из магических его талисманов, и тому, кто пришел бы к нему с просьбой занять его место, он наверное бы не ответил отказом. Деловая импровизация была тоже поразительным дарованием этого человека. Про него рассказывают в Департаменте, что, теряясь во множестве комиссий, он прибегал к своему курьеру, как к путеводной звезде, указывавшей ему, в какую комиссию когда ехать, и тогда, сидя в извозчике, он готовился к десятой речи за день, с утра, и импровизация по вопросу, о котором он ни одной бумажки не читал, выходила блестящей.

Блеск и наружный успех всегда были его нераздельные спутники и ни разу не изменили своему любимцу. Углубленным в чтение, поглощенным слушанием, никто его не видел, но блестяще говорящим его видела и слышала вся Россия в течение целых десяти лет.

Направления он был либерального. Но так как он, прежде всего, был бюрократ самый чистокровный, то наивен был бы тот, кто стал бы искать в следах его официальной деятельности признака либерализма. Наоборот, во всем том многом, что вышло из его управления за годы его главенства в области торговли и промышленности, вы везде, прежде всего, наткнетесь на проявления его бюрократизма. Они заключались в разных заговоздках, которые он изобретал, чтобы всякое дело, им применяемое, так или иначе, поставить в зависимость или от Департамента, или от чиновника, чтобы труд еще в зародыше уже обложить налогами и регламентацией.

Но он был безусловно бескорыстный человек.»

В сентябре 1903 г. стало известно, что В. И. является «самым крупным кандидатом» на пост петербургского городского головы; это рассматривалось как возможный «реванш служебным несправедливостям»³⁸. Позвидимо в мае 1904 г. Ковалевский избирается в состав Совета съездов горнопромышленников Урала и до октября 1905 г. является его представителем в Петербурге. В 1905 же году он выступает одним из активных организаторов главной общероссийской предпринимательской организации — Совета съездов представителей промышленности и торговли. Есть сообщения, что летом 1907 г. В. И. был приглашен П. А. Столыпиным в состав его кабинета, но отказался, высказав Столыпину «неодобрение его аграрной политикой»³⁹. Позднее В. И. принимает участие в деятельности нескольких акционерных компаний. Так, в 1909 г. он становится председателем правления Товарищества Петроградского вагоностроительного завода, с 1913 г. — Урало-Каспийского нефтяного общества и с 1914 г. — Общества механических заводов «Бр. Бромлей» (Москва). Некоторое время он состоял членом правления Петербургского частного банка. Предложение этих должностей В. И. диктовалось, несомненно, не только его связями в правительственных сферах, но и его познаниями, энергией и, может быть особенно, нравственным авторитетом в деловом мире. В материальном отношении служба в этих компаниях дала ему существенно больше, чем ранее давал пост товарища министра.

Однако, основное свое внимание после отставки В. И. посвящает научно-организационной и общественной деятельности. В 1903 г. он становится товарищем председателя императорского Русского технического общества, членом которого был уже давно. На общем собрании общества 2 декабря 1906 г. избирается его председателем и остается на этом посту максимально доступное по уставу время (три срока) — до 23 января 1916 г. Общество это существовало еще с 1866 г. Оно объединяло, главным образом, техническую интеллигенцию России и являлось с одной стороны центром научной мысли, а с другой стороны — органом представительства интересов этой интеллигенции и предпринимателей перед правительственными учреждениями. Одной из важных целей Общества было содействие техническому образованию в России, необходимость чего всегда сознавалась В. И. Отсутствие достаточного числа инженеров и техников справедливо рассматривалось в ка-

честве одной из причин слабости технического развития страны, да и засилья иностранных специалистов. Сказанное помогает уяснить линию преобладания в занятиях В. И. Научный авторитет Общества был общепризнан. Среди его членов было много выдающихся представителей русской науки, которых связывали с В. И. отношения понимания и дружбы. За годы председательства В. И. (после перерыва с 1884 г.) возникло 6 новых отделов Общества: Сельско-технический, Промышленно-экономический, Содействия труду, Горный, Техники городского и земского хозяйства и Мелиоративный⁴⁰.

В годы первой мировой войны «особенно проявилась» «широкая общественная деятельность Общества», выразившаяся в помощи голодающим и жертвам войны. По свидетельству В. И., Русское техническое общество «первое выступило с идеей общественных организаций в тылу для военно-технической и военно-промышленной помощи нашей армии». Эта идея выразилась в создании сети так называемых военно-промышленных комитетов во главе с Центральным военно-промышленным комитетом. В 1916 г. В. И. сам вошел в состав бюро ЦВПК⁴¹.

29 апреля 1915 г. В. И. выступил в Русском техническом обществе с докладом «Основные нужды русской промышленности», в котором особенно настаивал на необходимости «прежде всего... снять различные стеснения, связывающие русскую промышленность»⁴². В начале 1916 г. в докладе по случаю 50-летия Общества В. И. сказал, что «настоящее» России «скорбно и мучительно-тяжело, но оно имеет зародыши лучшего будущего». Он предсказывал, что «после войны будет другая война — война за экономическую нашу независимость». Его особенно радовало развитие кооперативных форм организации народного труда: «Родилась и быстро растет новая экономическая Россия — Россия кооперативная, выковывающая свою культуру в общественных ячейках, а эти ячейки мало-помалу объединяются в могучее хозяйственное целое»⁴³.

О том, как отнесся В. И. к свержению царизма и Октябрьской революции, мы с точностью не знаем. Во всяком случае он оказался в очень тяжелом положении, но остался на родине, хотя, по слухам, имел предложение выехать для работы за границу. В 1918—1919 гг. В. И. много работал для сельскохозяйственной энциклопедии, занимался переводами. К этому же времени относится написание им воспоминаний. Позднее он устра-

ивается сотрудником Сельскохозяйственного отдела Комитета Северо-Западных железных дорог, затем заведует секцией библиографии и статистики Подотдела огородничества Сельскохозяйственного ученого комитета Наркомзема. 24 марта 1920 г. Ковалевский был введен в состав этого комитета в качестве специалиста по сельскохозяйственной экономике и избран его председателем. Комитет являлся в значительной мере преемником Ученого комитета Министерства государственных имуществ. В советские годы он являлся организационным центром всей научной работы в стране по агрономии и сельскому хозяйству. В 1922 г. на базе его создается Государственный институт опытной агрономии под председательством Н. И. Вавилова. В. И. избирается его почетным председателем⁴⁴. С этих пор сотрудничество этих двух выдающихся людей продолжалось до кончины В. И. Для сравнительно молодого тогда Вавилова В. И. стал незаменимым экспертом в области общих вопросов экономики земледелия, дореволюционного опыта организации научной работы, а также относительно знания людей старой России, оставшихся на службе Советской власти.

В. И. очень ценил возможность работы в Сельскохозяйственном ученом комитете и Государственном институте опытной агрономии (который он считал наследником комитета). В октябре 1922 г., передавая в дар Институту фотографический портрет Д. И. Менделеева, подаренный ему ученым, В. И. писал, что чувствует «и глубочайшее уважение за все сделанное им на пользу агрономической науки, и большую признательность, что многому научился, начав работать в нем с молодых лет»⁴⁵.

Почти весь следующий год В. И. посвящает работе по подготовке Первой всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в Москве. Назначение В. И. председателем Научно-технического совета выставки и членом Президиума Главного выставочного комитета было на редкость удачным как ввиду отличного знания им сельского хозяйства и кустарного дела, так и вследствие громадного его опыта. Выставка 1923 г. имела большое хозяйственное, культурное и политическое значение. Ко времени ее проведения специальное Оргбюро под председательством В. И. приурочило ряд съездов по вопросам сельского хозяйства. Газеты писали, что В. И. — «мозг выставки» и «один из выдающихся работников выставочного комитета». Ру-

ководством Института опытной агрономии отмечалось, что «выставка дала очень много» институту. В особенности же она способствовала «подъему уважения к работе в области агрономической науки, без которой не может быть прогресса в сельском хозяйстве»⁴⁶.

В том же 1923 г. В. И. принимал деятельное участие в I Всесоюзной конференции по изучению естественных производительных сил страны в качестве председателя Агрономической секции. На пленуме конференции он выступил с докладом «Основы агрокультурной политики», в котором, в частности, шла речь о положении сельскохозяйственного опытного дела и роли научной агрономии для поднятия сельского хозяйства страны.

В августе Президиумом ЦИК СССР было принято постановление об организации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук и учреждении, в качестве первого звена ее, Института прикладной ботаники и новых культур. Сохранилась фотография первого заседания Совета Института в Кремле, на которой В. И. изображен сидящим во главе стола между Н. П. Горбуновым (почетный председатель Совета) и Н. И. Вавиловым (директор Института). До конца жизни В. И. оставался почетным членом Ученого совета Института, продолжал вести научную работу и занимался переводами.

В 1928 г. в связи с 80-летним юбилеем В. И. присвоили звание заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. 1 ноября 1934 г. он скончался и похоронен на Смоленском кладбище в Ленинграде. Некролог о нем написал Н. И. Вавилов, отметивший прежде всего заслуги В. И. перед российским сельским хозяйством⁴⁷. О предреволюционной деятельности покойного резонно было, конечно, вообще не упоминать.

Публикуемые воспоминания В. И. Ковалевского написаны им в марте и июне 1919 г. по предложению Л. М. Клячко (Львова). Будучи известным журналистом, возглавлявшим корпорацию представителей прессы при Государственной думе и Государственном совете, Клячко хорошо знал бюрократические и придворные верхи предреволюционной России⁴⁸. Как он рассказал незадолго перед смертью в специальной памятной записке (1933 г.), «вскоре после Октябрьского переворота» ему пришла мысль «приступить к собиранию воспоминаний оставшихся в столице сановников. Вернее не столько к собиранию, сколько к тому, чтобы заставить написать».

С разрешения Наркомпроса образовали небольшую «редакцию мемуаров». «Заставить бюрократов писать» было «нелегко». Важным поощрением к этому стали гонорары и разного рода материальные пособия, прежде всего, видимо, продовольственные. «Преимущественная... установка» Клячко «была такова, чтобы писали о том, что видели... сами». Все же, судя по записке, имелось в виду разоблачение дореволюционного прошлого. Некоторые тексты достигали по объему 40 печатных листов. Работа редакции продолжалась около трех лет, после чего тексты хранились у Клячко и лишь в начале 1930-х годов переданы в архив. В настоящее время коллекция воспоминаний (более 50 единиц хранения) находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР⁴⁹.

Воспоминания В. И. Ковалевского невелики по объему и состоят из двух основных и трех дополнительных текстов. Основные тексты озаглавлены самим мемуаристом: «Из старых заметок и воспоминаний» и «Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте». Канцелярскими штемпелями обозначены на них даты завершения работы. На начальном листе первого текста В. И. проставил свою фамилию. Второй текст подписан им в конце. Небольшие по объему третий и четвертый тексты посвящены посещению России в 1893 г. американским историком Дж. Шином и представлению В. И. Николаю II в 1900 г. записки о положении России и необходимости созыва всероссийского совещательного собрания. Наконец, в качестве пятого текста публикуется письмо Ковалевского С. Ю. Витте от 31 мая 1910 г., в котором автор излагает свое ретроспективное представление о совместной работе и сопоставляет общественно-политическую обстановку в стране в конце XIX и начале XX в. Все эти тексты обозначены нами римскими цифрами.

Во всех текстах Ковалевский выступает как очень компетентный и хорошо осведомленный наблюдатель. Его воспоминания интересны прежде всего сведениями о личных свойствах российских министров финансов и некоторых других государственных деятелей конца XIX в., их политических приоритетах, манере работать, борьбе за реализацию своих идей — о всем том, о чем почти невозможно получить информацию из официальной документации. Представляется, что свидетельства мемуариста заслуживают большого доверия.

Текст воспоминаний о С. Ю. Витте напечатан на ма-

шинке и относительно легко читается (хотя и содержит рукописные вставки и правку). Все прочие тексты написаны преимущественно мелким трудно читаемым почерком со множеством исправлений. В тех местах, которые не удалось разобрать (прочсть), нами курсивом указано на это обстоятельство (в квадратных скобках). Там же, где текст мог быть прочитан, но оставалось сомнение в точности истолкования рукописи, проставлены вопросительные знаки в конце трудно читаемого места. Возможно пропущенные В. И. Ковалевским в нескольких местах слова и части слов вставлены нами в текст в квадратных же скобках. Нарушенный в некоторых случаях порядок листов нами восстановлен.

При комментировании текстов мы ограничились пояснением лишь самых существенных обстоятельств, понятий и выражений, упоминаемых в текстах воспоминаний. При ссылках на источники использованы следующие сокращения для обозначения архивов: ЛГАНТД — Ленинградский государственный архив научно-технической документации; ЦГАЛИ СССР — Центральный государственный архив литературы и искусства; ЦГАОР СССР — центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства и ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

¹ Впоследствии Лесной институт (Лесотехническая академия).

² Речь В. И. Ковалевского, посвященная 50-летию Русского технического общества. «Записки РТО». 1917. Вып. 2—3. С. 35.

³ Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов. Подготовил к печати Б. П. Козьмин. М.-Л., 1931. С. 153.

⁴ Так характеризуют это участие составители справочника «Деятели революционного движения в России» (Био-библиографический словарь. Т. I, ч. 2. М., 1928. Стб. 172) А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова.

⁵ Нечаев и нечаевцы... С. 122, 130.

⁶ Там же. С. 22—23, 204.

⁷ Сам С. Г. Нечаев успел выехать за границу, но позднее был все же арестован.

⁸ Сведения о В. И. Ковалевском оказались сконцентрированными в деле «Об организации общества с целью ниспровержения в империи существующего порядка правления» (в 24 частях). В частности, там же оказались письма Ковалевского А. Н. Колачевскому и Р. В. Волховскому и их — Ковалевскому.

⁹ Нечаев и нечаевцы. Сборники материалов. М.-Л., 1931.

¹⁰ Там же. С. 194.

- ¹¹ Там же. С. 152, 155.
- ¹² Деятели революционного движения в России. С. 172. По сведениям «Анкетного листа», заполненного В. И. Ковалевским в ноябре 1925 г., в 1874 г. он подвергался даже кратковременному аресту по делу С. М. Кравчинского.
- ¹³ ЦГИА СССР. Ф. 864 — В. И. Ковалевский. Оп. I. Д. I. Л. 29.
- ¹⁴ ЛГАНТД. Ф. 2978. Оп. 2. Д. 1154. Л. 28—30.
- ¹⁵ Зыков С. П. Наброски из моей жизни. Русская старина. 1910, сент. С. 410—412.
- ¹⁶ ЦГИА СССР. Ф. 1642 — А. Н. Куломзин. Оп. I. Д. 198. Л. 89.
- ¹⁷ ЛГАНТД. Ф. 2978. Оп. 2. Д. 1154. Л. 28—30 (Справка «Сведения о службе и деятельности почетного председателя Совета Государственного института опытной агрономии В. И. Ковалевского»).
- ¹⁸ Там же. Л. 28—30.
- ¹⁹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. I. М., 1966. С. 378.
- ²⁰ ЦГИА СССР. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 778. С. 143.
- ²¹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 206; ЦГИА СССР. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 86, Анкета, заполненная В. И. Ковалевским.
- ²² ЦГАЛИ СССР. Ф. 192. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 4 об.— Письма Е. П. и Г. З. Елисеевым.
- ²³ ЦГИА СССР. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 816. Л. 21—22.
- ²⁴ ЦГИА СССР. Ф. Д. 560. Оп. 16. Д. 821. Л. 85.
- ²⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 211.
- ²⁶ Подробный анализ программы дан в монографии: Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
- ²⁷ Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 13. М., 1962. С. 104—105.
- ²⁸ ЦГИА СССР. Ф. 1153. Оп. I. 1900 г., Д. 108. Ч. 2. Л. 23, 32, 51 об., 52
- ²⁹ ЦГАОР СССР. Ф. 583 — А. А. Половцов. Оп. I. Д. 51. Л. 83.
- ³⁰ ЦГАЛИ СССР. Ф. 1208. Оп. I. Д. 48. Л. 7 — воспоминания С. И. Тимашева.
- ³¹ ЦГИА СССР. Ф. 20. Оп. 13а. Д. 56. Л. 149—150.
- ³² Витте С. Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 211.
- ³³ ЦГАЛИ СССР. Ф. 459. Оп. I. Д. 1843. Л. 10—12.
- ³⁴ Освобождение. 1902. № 12.
- ³⁵ ЦГИА СССР. Ф. 864. Оп. I. Д. I. Л. 48, 55.
- ³⁶ Там же. Л. 28.
- ³⁷ Там же. Л. 29.
- ³⁸ Дневник кн. В. М. Голицына — ОР Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Ф. 75. № 24. С. 512.
- ³⁹ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916. Т. I. М., 1924. С. 34.
- ⁴⁰ Записки Русского технического общества. 1917. Вып. 2—3. С. 28—30, 39.
- ⁴¹ Там же. С. 37—38; Весь Петроград на 1916 г.
- ⁴² ЦГИА СССР. Ф. 90. Оп. I. Д. 992. Л. 3—6.

⁴³ Записки РГО. 1917. Вып. 2—3. С. 38.

⁴⁴ ЛГАНТД. Ф. 2978. Оп. 2. Д. 1154 (327).
Л. 27—54.

⁴⁵ Там же. Л. 19.

⁴⁶ Там же. Л. 28—30; Правда. 14 июля 1923. С. 6.

⁴⁷ Природа. 1938. № 1. С. 89.

⁴⁸ Клячко автор нескольких книг: Львов Л. (Клячко Л. М.). За кулисами царского режима. Воспоминания журналиста. Л., 1926; Клячко Л. М. Звездная палата. Минувшие дни. 1928. № 3. С. 13—38; Клячко Л. Повести прошлого. Л., 1929.

⁴⁹ ЦГАЛИ СССР. Ф. 1208. Оп. I. Д. I.

I

ИЗ СТАРЫХ ЗАМЕТОК И ВОСПОМИНАНИЙ

Извлекаю из заметок и даю воспоминания в форме сырья, без малейшей попытки к систематической обработке. Так, пожалуй, и лучше: проще, непосредственнее, с большим отпечатком духа времени, к которому относятся факты, и, бесспорно, с меньшей субъективностью. Личный элемент я, по возможности, старался устранить, удерживая его в тех случаях, когда то необходимо для характеристики событий или действующих лиц. Цельный, связный очерк, хотя бы некоторых периодов былого на моей памяти, я предпочитаю дать впоследствии, когда душе не будет так скорбно и мрачно, а телу так холодно и голодно...

Назначение Н. Х. Бунге министром финансов в 1882 г. внесло живую струю во всю деятельность Министерства финансов и поставило перед ним новые задачи. Бунге приехал в Петербург с готовой программой, сложившейся у него, когда он еще занимал профессорскую кафедру в Киеве. Ему было ясно, что на бедном, голодном и переобложенном сельском населении нельзя построить экономического благосостояния государства, что система прямых налогов должна быть в корне преобразована, что центр тяжести окладного обложения необходимо перенести на имущие классы, что внесение справедливости в податную систему и исправление бюджета не мыслимо без подходящего обложения и что колеблющаяся, все более падающая наша бумажная валюта и бешеная спекуляция с русским рублем, главным

образом на германском фондовом рынке, требуют коренной реформы — восстановления золотого обращения. Не все удалось ему осуществить из задуманного; многое осталось лишь в стадии первичной подготовки (например, валютный вопрос и подоходный налог) для его преемников.

Николай Христианович Бунге (1823—1895 гг.)

Бунге приходилось преодолевать много препятствий, в особенности, во вторую половину его управления нашими финансами. Обвинения в демократизме и либерализме сыпались на него со всех сторон и в реакционной печати («Гражданин» и «Московские ведомости»), и из влиятельных административных и общественных

кругов. Самая внешность его, весь обиход жизни, простота, доступность, человеческий язык не могли нравиться тем, кто с понятием о министерском poste связывал прежде всего представления о внешнем престиже, блеске обстановки, юпитерстве и рычании (?). Бунге чужда была погоня за популярностью и подделка под чужой тон. Он не искал поддержки высокопоставленных влияний «про черный день» и, так сказать, воплощал в себе антитезу царедворства. Не простая выдумка, что нередко он, сопровождаемый курьером, ехал до вокзала на простом извозчике с портфелем в руках для доклада Александру III в Гатчину.

Главное внимание и забота Бунге были сосредоточены на облегчении сельского населения, и большие его заслуги в этом деле до сих пор еще недостаточно освещены и оценены историей социально-экономической эволюции на Руси. То же относится и к другой основной черте его государственной работы. Я говорю о том, что Бунге был первым министром финансов, исходившим из твердого и ясного сознания, что узкий «финансизм» — исключительная забота о государственных финансах в тесном смысле должен быть заменен «экономизмом» — широкой экономической политикой, направленной к развитию народного труда и производительных сил страны, и что хотя бы только удовлетворительного финансового положения государства нельзя достигнуть при бедности, несправности и темноте массы населения. Говоря геометрически, «экономизм» должен быть обнимающим, а «финансизм» — обнимаемым. Разрыв между государственным финансовым хозяйством, как его понимали до сих пор, и народным хозяйством, как он должен быть понимаем, так глубок и зияющ, что им объясняются главные отрицательные стороны нашей экономической жизни, а также недоверие Запада к нашей финансовой политике, не говоря уже о коренных недостатках всей внутренней политики и системы государственного управления.

Все это было для Н. Х. Бунге совершенно ясно, и он шел твердо к намеченной цели, не обращая внимания на реакционную травлю.

Освобождение крестьянского населения от наследия тяжелого прошлого, составляло главную задачу в программе Н. Х. Бунге. Таким наследием со времен Петра Великого являлась прежде всего подушная подать. Трудно представить себе, что еще 35 лет тому назад жили «мертвые души», искание их по всей России для

«положения в оклад», и что передвижение и жизнь десятков миллионов населения огромного государства было оплетено сетью препятствий и связанными с ними тягостями паспортной системы. Выкупные платежи, в особенности в центральных губерниях России, не соответствовали ценности и доходности наделных земель, отчего недоимки росли и взыскание их все более и более разоряло население. Бывшие государственные крестьяне все еще находятся на оброчной подати, и обращение их в собственников посредством перевода на выкуп, не могло отразиться благоприятно на их материальном положении. В губерниях Сибири владенные записи все еще не были выданы, иначе говоря, тамошнее сельское население не имело прочного поземельного устройства. Бывшие помещичьи крестьяне во многих селениях не были переведены на выкупные платежи и находились на положении временнообязанных; необходимо было произвести обязательный выкуп в кратчайший срок. Рядом с этим, нападки на общину, стремление облегчить отдельным дворам выход из мирского землевладения путем выкупа наделов, требовали защиты интересов крестьянского «мира» и борьбы за неотчужденность наделов.

Н. Х. Бунге предстояло трудное дело: отыскать подходящего человека, который, будучи поставлен во главе Департамента окладных сборов (где в то время сосредотачивались прямые налоги и вопросы поземельного устройства крестьян, поскольку они относились до Министерства финансов), отвечал бы по своей подготовке государственному пониманию перечисленных задач. Такого человека он и нашел в А. А. Рихтере. По окончании Александровского лицея, он совершенно молодым человеком был выбран мировым посредником в одном из участков родной ему Калужской губ. Это дало ему возможность хорошо ознакомиться с аграрной и бытовой стороной крестьянской жизни. Дженгельмен *de pur sang** он вносил тонкость обращения и в крестьянскую избу. Не без юмора он рассказывал такой казус. Войдя в избу по делу мирового посредничества, он обратился к бабе с приглашением «Садитесь, сударыня». Баба разобиделась: «Чего пристал, у меня свой муж есть!» Знакомство А. А. Рихтера с Серно-Соловьевичем и явное сочувствие Чернышевскому угрожало ему преследованием за «неблагонадежность». Влиятельные лица по-

* Чистокровный (фр.).

могли Рихтеру вовремя уехать за границу, откуда он, когда гроза затихла, поселился в своем имении Калужской губ.* Рихтер был глубоко предан крестьянскому делу, вкладывал в работу всю свою душу, энергию и обширные познания. Он-то и был главным вдохновителем и направителем коренных реформ в этом деле.

Рихтер представил министру о назначении меня вице-директором Деп[артамента] окладных сборов. При первом же свидании с министром я считал долгом предупредить его о моей репутации как «политически неблагонадежного», что могло бы неблагоприятно отзываться на ходе работ по крестьянским делам. Н. Х. Бунге ответил, что он не придает этому значения. Так как познания мои по крестьянскому землевладению были недостаточны, то я получил месячный отпуск для подробного ознакомления с реформой 19 февраля [и] заехал к К. Д. Кавелину, прося его помочь мне на первых шагах; он охотно согласился.

А. А. Рихтеру удалось подготовить все те преобразования, о которых сказано выше. Вместе с тем, надо было внести новый дух в казенные палаты — архаические учреждения времен Екатерины II** — и оградить сельское население от неправильностей обложения и жестоких мер при взыскании недоимок, а другой [стороны] — не дать имущим классам безнаказанно уклоняться от платежей. Отсюда — учреждение податной инспекции. Нужно было подобрать соответствующий персонал.

* Так в оригинале.

** При посещении мной одной из южных казенных палат управляющий рассказал мне, что у них в числе начальников отделений имеется большой оригинал: говорит только по-малорусски, одевается как 50 лет тому назад, а когда пишет бумаги от казенной палаты, то всегда предпосылает слову «казенная», «казенною» другое слово — «оная», «оную», и пр., причем пишет «оная» через два «н». Я пожелал познакомиться с таким умником и спросил его: «Почему вы всегда ставите „оная“ перед „казенная палата“». Он вскочил с места и, несколько обиженно, заметил мне: «Хиба (разве) вона мині кума тая казенная палата?» Этим восклицанием он, очевидно, хотел выразить, что казенная палата — особа очень важная, и к ней нельзя обращаться фамильярно. Впрочем, и в самом Департаменте окладных сборов я застал несколько чиновников голевского типа. Один из них по поводу начальных слов на месте подписи «и. д.» (исправляющий должность, ибо тогда у меня не было чина, соответствующего должности), желая сказать каламбур, состриг по моему адресу: «Мы таких и. д. называем идолами». Другой поведаль мне, что из слова «оклад» можно сделать четыре: оклад (для фиска), клад (для полиции), лад (для начальников) и ад (для населения).

Рихтер поехал в Москву и в числе других кандидатов пригласил на службу в податной инспекции таких достойных людей, как Н. Н. Кутлер и Д. А. Дриль.

И реформа, и создание податной инспекции, и подбор персонала — все это вызвало большое раздражение в той реакционной части общества, из среды которой рекрутировалась «Священная дружина»¹, расцветшая пышным цветом после 1-го марта 1881 г. Раздражение против Бунге росло. Даже фамилия его подвергалась насмешкам в аристократических салонах, где его прозвали monsieur Бёнж. Но выступить против него в открытую все еще не решались. Надо было минировать министра иным способом: нападением на ближайших его сотрудников с точки зрения их политической благонадежности. Открыл кампанию Мещерский в «Гражданине» помещением статьи под заглавием «Огрызко еще жив». В эпоху польского восстания Иосиф Огрызко; повешенный Муравьевым, занимал пост вице-директора Департамента окладных сборов. Фамилия моя названа не была, но не оставалось никакого сомнения, что «Гражданин» целился в меня. Инкриминировалось введение податной инспекции, как органа для поднятия революции, как только будет нажата кнопка из Петербурга.

Я предложил Бунге принять мою просьбу об увольнении, но он категорически отказал в этом, добавив: «Не стоит нам самим расписываться в получении».

За первой статьей последовала вторая по следующему поводу. Я просил своего товарища П. П. Червинского, члена Черниговской губернской земской управы, приобретшего почетное имя своими статистическими работами, подобрать для податной инспекции Черниговской губ. порядочных людей. Телеграмма была перлюстрирована тамошним губернатором Анастасьевым, приобретшим печальную известность своими держимордовскими расправами и попавшему в Государственный совет фуксом (Александр III сделал по ошибке надпись на докладе, вследствие чего последовало назначение в Государственный совет вместо обычного для губернаторов назначения в Сенат *). Содержание телеграммы было передано Анастасьевым Мещерскому, который разразился статьей на тему о том, какой же будет податная инспекция, если один неблагонадежный просит другого такого же подобрать персонал для нее. «Гражданин» усердно читался Александром III, [который] к издате-

* В оригинале ошибочно: «в Совет министров».

лю его относился дружески и с большим доверием. Статьи его не могли остаться не замеченными.

Вскоре последовало назначение Дм. А. Толстого министром внутренних дел, который и воспользовался инсинуациями «Гражданина» для попытки низвергнуть Бунге. Он подробно доложил Александру III о моей «политической неблагонадежности»: об укрывательстве Нечаева, о почти двухлетнем заключении в крепость, предании суду и близком знакомстве с С. М. Кравчинским (Степняком). На ближайшем докладе Бунге, государь потребовал удаления моего с административного поста и перевода в Ученый комитет Мин [истерства] финансов. Бунге сообщил мне об этом, прибавив, что «отстоять меня он был бессилен». Я просил уволить меня совсем, ибо предпочитал попасть еще несколько раз в «Гражданин», чем в «Стрекозу», так как Ученый комитет был в то время странным учреждением: в нем было два члена — Блюх и Скальковский (из коих первый жил в Варшаве и только наездом бывал в Петербурге) и чуть ли не два ученых секретаря (мне предстояло быть вторым секретарем). «Впрочем,— закончил я,— попытаюсь отстоять не себя, а то министерство, которое приютило меня».

М. Н. Островский, стоявший тогда во главе Министерства государственных имуществ (впоследствии — Министерство земледелия, а еще позднее при А. В. Кривошеине — Главное управление земледелия и землеустройства), в котором я служил старшим редактором Статистического отделения до перехода в Министерство финансов, узнав от В. И. Вешнякова, своего товарища, о грозившей мне неприятности, пригласил меня в воскресенье зайти к нему рано утром. М. Н. Островский встретил меня чрезвычайно приветливо: «Н. Х. Бунге трудно будет отстоять Вас, положение его самого очень непрочное. Расскажите мне главные черты Вашей жизни, и я попытаюсь что-нибудь сделать». Я исполнил его желание — передал ему, между прочим, о моем заключении в крепость за предоставление приюта Нечаеву сперва у себя, а затем у двух моих друзей, офицера Рослякова и студента Лазоревского, о том, что на суде с участием сословных представителей прокурор Судебной палаты В. А. Половцов отказался от обвинения всех нас троих укрывателей, убежденный фактами моего защитника, почтенного и всеми уважаемого А. Н. Турчанинова, что нет закона, запрещающего давать приют эмигрантам.

Все рассказанное мною произвело на Островского сильное впечатление. «Идите в соседнюю комнату и напишите государю с полной откровенностью объяснение Вашего поведения и образа мыслей. Государь отнесется рыцарски-великодушно, чему уже был пример. Написанное прочтите мне, а потом перепишите. Я доложу государю. Правда мой доклад будет в понедельник, позже доклада Бунге (в пятницу), но я попрошу Бунге не докладывать о Вашем деле до моего разговора с государем».

Объяснение свое я написал, прочитал М. Н. Островскому, который сделал в нем несколько поправок. Вот сущность написанного государю. В 20 лет, по выходе в отставку из кратковременной военной службы, чтобы продолжать образование, я познакомился на студенческих сходках с Нечаевым, пригласил его, по приезде нелегально из Швейцарии, пробыть у меня несколько дней, а затем, когда ему угрожала опасность быть узнанным, просил двух своих товарищей сделать то же. Я не мог поступить иначе, не идя вразрез со своей душой, не мог не отнестись сочувственно к преследуемому человеку. Государь, как носитель христианских и высоко нравственных идеалов, да не поставит мне этого в укор. И теперь, находясь уже на государственной службе, я едва ли бы поступил иначе, исполняя свой человеческий долг. Государственная служба требует чистых помыслов и намерений, а потому мой поступок надлежит оценить по его моральному значению. Доселе меня преследуют за вредное направление, обвиняя в либерализме. Действительно, как и все просвещенные на Руси люди, желающие блага своему государю и родине, я не могу не желать лучших форм управления государством и коренных улучшений в жизни народа. Внесение в нашу жизнь побольше света, разума и правды может служить лишь к укреплению верховной власти. Народное представительство рано или поздно придет. Оно нужно самому монарху, чтобы при его помощи обратить Россию в благоустроенное, материально благополучное и просвещенное государство. Но находясь на государственной службе, обязанный присягой, я не проповедаю своих взглядов, стараясь посылить облегчить участь тех, кому живется тяжело при теперешних условиях. Если я ошибочно думаю, если высказанное мною будет принято неодобрительно, то ходатайствую об увольнении меня от всех должностей и о разрешении уехать навсегда за пределы России, так как мне уже нечего

делать на моей родине. М. Н. Островский посоветовал вычеркнуть последние строки письма.

Накануне доклада А. А. Рихтер написал Н. Х. Бунге сильное письмо, в котором убеждал его отстаивать меня не как частное [?] лицо, а как служащего в его министерстве, подвергающегося несправедливому преследованию со стороны враждебной реформе партии, и указал на то, что если министр поступит иначе, то будущее не помянет его за это добрыми словами. Директор канцелярии министра Г. М. Раевский, близкий его человек, намеренно не составил доклада об устранении меня с административного места и о назначении в Ученый комитет. На сердито заданный министром вопрос, почему он не исполнил требование, Раевский с мало-российской флегмой ответил: «Я думал, что оно не так спешно». Таким образом, Бунге не оставалось ничего другого, как сослаться на Островского.

М. Н. Островский передал Александру III мои объяснения, и государь решил: «Оставить К[овалевского] на прежнем месте. Он — честный человек». Вернувшись из Гатчины, Островский заехал ко мне на службу, чтобы с большой радостью передать мне об исходе дела. И когда я выразил ему большую благодарность, М. Н. ответил: «Не благодарите, сделайте для другого что-либо подобное». Затем он посетил Н. Х. Бунге и передал о результатах доклада.

В тот же день Бунге пригласил меня пообедать у него, высказал с очень добрым чувством, что дело окончилось благополучно, угостил превосходными грушами, из своего киевского сада, а после обеда сделал такое предложение: «Государь поручил мне преподавать наследнику цесаревичу финансы и политическую экономию. Прошу Вас составить краткие очерки с приложением карт и графиков о сельскохозяйственной промышленности, земельной ренте, выкупной операции [?], экономическом положении населения и пр.». У меня невольно вырвалось: «Как же так! Еще вчера меня готовы были преследовать за политическую неблагонадежность, а теперь придется готовить наследника к познанию России». «У нас все невероятное возможно» — был ответ Бунге.

Однажды, когда я передал ему часть исполненной работы по указанному выше поручению, он рассказал мне следующее: «Я разъяснял наследнику сущность и значение реформ Александра II, характеризуя их как благодетельные для России. Наследник прервал меня

замечанием: „А вот К. П. Победоносцев говорит совсем иначе”. По окончании занятий я зашел к воспитателю наследника ген [ералу] Даниловичу и высказал ему, что при такой системе преподавания ничего не выйдет, кроме путаницы. Данилович иезуитски успокаивал меня: „Не бойтесь, наследник — умная голова, он разберется, где правда”.

Почувствовав, что дни его сочтены, Н. Х. Бунге तो-ропился осуществить совершенную отмену подушной подати (еще раньше он добился отмены ее лишь в отношении некоторых разрядов населения), понижение выкупных платежей и перевод б [ывших] государственных крестьян с оброчной подати на выкупные платежи. До закрытия сессии Государственного совета оставалось недолго и с окончанием подготовительной работы приходилось спешить. Бунге до внесения представления в Государственный совет предварительно переговорил с председателем Департамента экономии А. А. Абазой, голос которого в Гос[ударственном] совете имел огромное значение. Абаза обещал полное содействие Бунге в проведении его проекта отмены подушной подати, но в свою очередь, как крупный сахарозаводчик на Юге России, получил от Бунге обещание провести сахарную нормировку². Бунге согласился на это против своего убеждения. Вернувшись от Абазы, Бунге приказал Рихтеру составить со всей спешностью представление в Государственный совет об отмене подушной подати. «Нечего делать. За отмену подушной подати пришлось уступить даже сахарную нормировку».

Работа по приготовлению представлений о подушной подати, понижении выкупных платежей и переводе б [ывших] государственных крестьян на выкуп была закончена в недельный срок, причем служащие в Деп[артаменте] окладных сборов работали по очереди в течение почти целых суток. Государственный совет одобрил внесенные проекты. А. А. Абаза, предвидя возможные попытки со стороны будущих министров финансов к восстановлению подушной подати, хотя бы в измененном виде, по фискальным соображениям, предложил разъяснить Александру III в мемории Совета великое значение отмены подушной подати, тяготевшей на «податном населении» в течение почти двух столетий, и закрепить отмену словами: «в каком бы то ни было виде навсегда». Это и было внесено в меморию и получило одобрение Александра III.

К числу больших заслуг Н. Х. Бунге надо отнести

учреждение фабричной инспекции и назначение в ее состав таких выдающихся по инспекции деятелей, как профессор И. И. Янжул, Светловский, профессор Эри-сман и др. с Михайловским во главе. Подбор лиц на первых же порах определил то направление, которое министр желал придать зародышу нового института. На инспекцию посыпались резкие обвинения и со стороны местной администрации, и со стороны промышленников. Все они были признаны «неподходящими» и впоследствии были вынуждены уйти из инспекций частью из нежелания работать при таких условиях (И. И. Янжул — автор превосходного отчета о положении рабочих в Московском районе), частью по требованию власти.

Введение нормировки сахара послужило поводом к ярким нападкам и инсинуациям на Н. Х. Бунге. В чем только не обвиняли его в «Московских ведомостях»! Не стыдились даже бросать в лицо такому чистому человеку намеки на недобросовестность...

Участь Бунге была решена³. Надо было подыскать ему преемника. Катков и Мещерский, к голосу которых так внимательно прислушивался Александр III, выдвигали И. А. Вышнеградского⁴. Под их влиянием он был назначен в 1887 г. членом Государственного совета. Как явление исключительное, такое назначение произвело большое впечатление и было понято как преддверие к иному назначению — на пост министра финансов. Припоминаю, как на одном из «экономических обедов»⁵, главным учредителем которых был академик В. П. Безобразов, И. А. Вышнеградский выступил с защитой самого широкого выпуска бумажных денег, без соответствующего обеспечения, для выхода из тяжелого тогда финансового положения государства. Взгляд этот не получил поддержки, напротив, вызвал возражения. Противники поколебали Вышнеградского, так как позже, на посту министра финансов, он много сделал для подготовки к восстановлению золотого обращения.

«Очищение Министерства финансов от неблагонадежных элементов» было одним из условий, поставленных И. А. Вышнеградскому его «промотарами» при назначении на министерский пост в 1888 г.

На первых докладах у него он [был] очень придиричив, как бы вызывая А. А. Рихтера и меня подать в отставку. Так, при представлении ему мною об определении нескольких лиц на должность податного инспектора, он резко спросил: «А было ли сделано сношение с

Департаментом полиции? — Да, было. — А покажите мне отзыв». Такое требование сильно задело меня; я почувствовал, что не выдержу — отвечу резкостью. Как раз в это время вошел в кабинет товарищ министра Ф. Г. Тернер. Он долго разговаривал с ним. Этот перерыв привел меня в себя, да и сам министр стал мягче.

И Рихтер, и я все более приходили к убеждению, что нам нельзя долго оставаться на службе. Однако, И. А. Вышнеградский просил нас продолжать работу. Впрочем, А. А. Рихтер пробыл на посту недолго: ему дано было понять, что занятие им поста директора Деп[артамента] окладных сборов признается неудобным. Он был назначен членом Совета министра финансов. Его заместил директор канцелярии министра Д. Ф. Кобеко — свой человек у И. А. Вышнеградского, который относился к нему с полным политическим доверием. Вступил Кобеко в Департамент, как в **свою** семью: так много было там окончивших Александровский лицей, откуда вышел и сам Кобеко. Многих он знал еще раньше, и всех ласково приветствовал. «Университетские» упали духом. Когда Кобеко зашел в мой кабинет, я откровенно высказал ему, что нам работать вместе будет невозможно, и что я предпочитаю уйти. Кобеко просил меня остаться на некоторое время, пока не освоится с делом. Однако, на докладах политического или экономического свойства он часто мне делал колкости. После представления Александру III по случаю назначения, Кобеко рассказывал многим, что когда на вопрос государя, кто у него вице-директор, он назвал мою фамилию, на лице государя выразилось неудовольствие. До меня дошли слухи о том, что распространяет Д. Ф. Кобеко, и я в упор задал вопрос почему он не передал прежде всего мне о прочитанном на лице государя неудовольствии. Кобеко смутился, стал ссылаться на сплетни. Я не выдержал, высказал в резком тоне: «Предпочитаю слыть неблагонадежным, но не желаю, чтобы мне ставили в укор, что я мог перенести даже вас [?]. На службу я больше не приду». Д. Ф. Кобеко пожаловался на меня Вышнеградскому. «Действительно, служить Вам вместе с Кобеко нельзя. Но не придавайте значение словам Кобеко о замеченном на лице государя неудовольствии. Мало ли, что я могу прочесть на лице самого Кобеко? Назначаю Вас представителем Министерства финансов во временном Управлении казенных железных дорог, и Вы будете работать по железнодорожным вопросам непосредственно со мной».

Иван Алексеевич Вышнеградский (1831—1895 гг.)

В противоположность Н. Х. Бунге, деятельность и заботы преемника его, И. А. Вышнеградского, сосредотачивались главным образом на финансовых вопросах (займы, конверсии, бюджет и пр.), на покровительстве нашей промышленности и упорядочении железнодорожного дела. Он был типичным выразителем «финансизма», мало интересовался вопросами социально-экономическими — рабочим и крестьянским. Зато И. А. Вышнеградский вкладывал все свои знания и душу в обширный замысел: создать национальную промышленность, освободить наш рынок от ввоза иностранных изделий (и прежде всего — от произведений гер-

манской индустрии) и вместе с тем исправить наш торговый и расчетный баланс. Коренным условием для «насаждения» национальной промышленности он считал такое построение протекционистского тарифа, которое, широко учитывая себестоимость производства и все особенности русской фабрично-заводской конъюнктуры, ограждало бы наш народный труд и открывало бы ему возможно широкое применение. Вышнеградский был совершенно глух к жалобам потребителей дешевых предметов иностранного ввоза, в частности, к протестам землевладельцев, да и вообще к запросам земледелия относился с безразличьем, вступая в беспощадную борьбу с «аграриями» во всех тех случаях, когда из их уст делались выпады против его любимого детища — общегото таможенного тарифа. Это было действительно стройное сооружение, [подготовленное] по строго продуманному и смело выполненному плану, к осуществлению которого призваны были лучшие научные и практические силы, знатоки промышленного дела, тогда как интересы земледелия были представлены очень слабо; выдающихся защитников «министерство сырья» не проти [во] поставило крайним [*не разобрано одно слово*] — обрабатывающей промышленности. Духовной осью всей работы в комиссии по созданию промышленного протекционизма был Д. И. Менделеев, при сильной поддержке С. Ю. Витте, вызванного для этой поддержки из Киева, где он тогда состоял управляющим Юго-Западными дорогами. Бесспорно, протекционистский таможенный тариф дал могучий толчок к развитию нашей обрабатывающей промышленности, но издание его положило начало крайнему антагонизму между земледелием и промышленностью, породило [?] борьбу двух ведомств, в которой победа оставалась на стороне сильнейшего — Министерства финансов, а также [привело к] началу [?] таможенной войны между Германией и Россией. Эта борьба и эта война достигли своего апогея при С. Ю. Витте, сменившего И. А. Вышнеградского.

С не меньшей энергией и большим знанием дела, приобретенным по предшествующей деятельности в качестве председателя правления Рыбинской и Юго-Западной железных дорог, принялся Вышнеградский за внесение порядка, плана и стратегии [?] в железнодорожное дело. Вышнеградский застал его в хаотическом состоянии, так как тарифная борьба, перехватывание с чужих дорог на свою грузов посредством крайнего понижения тарифов, отнятие грузов от рынка на земские

пути и пр., наносили огромный ущерб государству, вынужденному приплачивать по гарантиям железнодорожных облигаций огромные суммы, расплачиваться народными деньгами за «тарифную игру». Одерживали верх, конечно, дороги наиболее сильные [*не разобрано одно слово*] — лица, давившие своей властью и авторитетностью. Вышнеградский прекрасно знал все способы и приемы тарифной игры. Еще лучше практически изучил этот предмет С. Ю. Витте, который, как управляющий огромной и широко разветвленной сетью Юго-Западных железных дорог, не только довел тарифную борьбу до виртуозности, главным образом в отношении важнейших хлебных грузов, но даже пытался дать ей принципиальное оправдание в своем труде о железнодорожных тарифах, исходя из основного положения — о выгодности «наибольшего пробега».

Задавшись целью упорядочения железнодорожных дел, Вышнеградский искал активного знатока и проводника в практическую жизнь пороков железнодорожной тарификации и конкурентной войны с [*не разобрано одно слово*] преимущественно казенными железными дорогами. Таким знатоком и был С. Ю. Витте. Мне это напоминает остроумное замечание А. Н. Энгельгардта, что лучшее средство от казнокрадства, взять казнокрада к себе в казначей [?].

И вот, И. А. Вышнеградский в 1889 г. проводит в кратчайший срок проект устройства при Министерстве финансов Департамента железнодорожных дел и тарифных учреждений, облеченных огромными полномочиями. В отделах и Совете Департамента были сосредоточены тарифное дело, железнодорожные финансы, рассмотрение ходатайств о концессиях на постройку и эксплуатацию железных дорог и пр. Министерство путей сообщения с передачей тарифного дела лишилось главного экономического нерва и превратилось почти исключительно в техническое управление. Тогдашний министр путей сообщения Гюббенет по слабости и незнакомству с делами не мог защитить своего ведомства. Во главе Департамента железнодорожных дел был поставлен С. Ю. Витте, который и разработал проект закона о новых учреждениях. С необычайной энергией он принялся за знакомое ему дело, но направил его в совершенно противоположном духе тому, в каком вел частное железнодорожное хозяйство. Твердой диктаторской рукой он принялся вводить государственную точку зрения в построение железнодорожных тарифов,

в сооружение и выкуп железнодорожных линий, в распределение провозных плат между дорогами — участниками в перевозке грузов в прямых сообщениях и пр. Зараженный теорией «наибольшего пробега грузов», Витте, заняв ответственное государственное кресло, скоро полностью [?] отказался от своего [?] анти-экономического проекта [?].

Сосредоточив в руках Министерства финансов железнодорожную тарификацию и финансовое дело рельсовой сети, Вышнеградский, помимо всего прочего, преследовал задачи улучшения торгового баланса и не всегда справедливые интересы фиска. Действительно, так называемые вывозные тарифы были построены по таким дифференциальным схемам, что вызывали небезосновательные жалобы на выдавливание [?] русского хлеба и других произведений сельскохозяйственной промышленности на мировые рынки к ущербу для внутреннего потребления. Голоса, раздающиеся в защиту интересов внутреннего обмена (посредством соответственных железнодорожных тарифов) между различными экономическими областями, приобретшими [?] какие-либо отдельные хозяйственные индивидуальности, оставались без внимания, несмотря на то, что такие тарифы [?] дали бы могучий толчок для развития как производительности таких единиц, так и потребления.

Насколько Вышнеградский был чужд экономических задач, в обширном значении этого понятия, можно судить по следующему эпизоду. П. С. Ванновский, в бытность военным министром, представил Александру III доклад о необходимости, хотя бы только с точки зрения боеспособности русской армии и государственной обороны, поднять хозяйственный и умственный уровень населения. Александр III одобрил соображения и предположения Ванновского. Узнав об этом, Вышнеградский как бы совершенно независимо вошел в свою очередь с всеподданнейшим докладом о настоятельной необходимости соблюдать, ввиду «затруднительного состояния государственного казначейства», величайшую экономию в расходах. Доклад его также был одобрен. Вскоре после этого Ванновский посетил Вышнеградского, и, показывая ему свой доклад, прибавил, что «он имел счастье удостоиться Высочайшего одобрения». Вышнеградский, вынимая из стола свой доклад, заявил, что он также «имел счастье...» и что его «счастье», как более позднее, поглощает «более раннее счастье» Ванновского.

И. А. Вышнеградский был скуп на ассигнования для производительных нужд государства. Стереотипный ответ его о «затруднительном положении государственных средств» вошел в поговорку. Как скупой рыцарь, он накоплял, преумножал поступление доходов ради образования свободной наличности, подготовлял золотой запас для восстановления золотого обращения, причем с этой последней целью предпринял во Франции трехпроцентный заем, не имевший, впрочем, успеха. Некоторым оправданием такой [*не разобрано одно слово*] политики служит то, что И. А. Вышнеградский получил государственные финансы в расстроенном состоянии.

Конверсии иностранных займов проходили при нем очень удачно. По поводу конверсий не могу не вспомнить интересный случай. Александр III, одоблив несколько конверсий, был смущен тем, что утверждает законы, не имея ясного представления о сущности конверсий и представляемых ими для государства выгодах. Он откровенно заявил о том Вышнеградскому, прося его разъяснить, что такое конверсия. Вышнеградский в соседней комнате подготовил пояснение на нескольких примерах. Александр III, усвоив изложенное, пригласил министра к завтраку и, обратившись к государыне, весело заметил: «Муся, я благодарен Ивану Алексевичу: он хорошо рассеял мои недоразумения по поводу конверсий». Не помню, к Вышнеградскому или к Витте относятся следующее замечание Александра III: «Министр внутренних дел может быть и понимает, что докладывает, но я его не понимаю; министр путей сообщения ни сам не понимает, ни я его не понимаю; министр финансов хорошо понимает сам, понимаю его и я».

Однажды И. А. Вышнеградский попросил меня к одному из докладов подготовить, по возможности спешно [?], работу о влиянии колебания рубля на различные отрасли народного хозяйства, дабы государь (Александр III мог лучше усвоить дело. «Кстати, я скажу, что эта Ваша работа и это поможет поправить Вашу политическую репутацию». Работа была исполнена и, по словам Вышнеградского, удовлетворила Александра III.

И. А. Вышнеградский отличался исключительной трудоспособностью, в работе не щадил себя, что и подорвало его могучие силы. Доклады он выслушивал чрезвычайно внимательно, вникал во все подробности, в необходимом случае тут же делал вычисления и под-

счеты. Поэтому доклады тянулись очень долго, и докладчик чувствовал себя на экзамене, словно перед профессором. После обеда он имел обыкновение спать в течение часа, раздевшись; поэтому по вечерам он был бодрым и работал далеко за полночь. Он часто призывал в 11—12 часов ночи для совместной работы по интересовавшему его, иногда новому для него вопросу. Нередко он готовил своего сотрудника, посылая его в коллегиальные учреждения представителем,— готовил как истый профессор. Сам математически образованный (он окончил Педагогический институт, где учились также Добролюбов, Менделеев, Стеклов [?] и многие другие знаменитые и видные наши деятели на различных поприщах), обладая огромной эрудицией в специальных отраслях знания, он относился терпимо к заявлениям: «Я этого не знаю, это для меня предмет новый», и принимался за подготовку своего подчиненного. Словом, у него можно было научиться многому и по предмету, и по методу работы.

Я это извещал на собственном опыте. До учреждения Департамента железнодорожных дел он поручал мне работы по железнодорожным тарифам и по некоторым вопросам ведомства путей сообщения. Я предупредил его, что совершенно не подготовлен. «Я буду Вам помогать и готовить вас [?]. Но вы не совсем незнакомы с делом. Я помню, как будучи представителем Министерства государственных имуществ в комиссии при Министерстве путей сообщения Вы вполне основательно возражали против моего проекта соединения сахарных заводов рельсовыми путями с линиями Юго-Западных дорог. Я на Вас жаловался министру Островскому, что Вы плохо защищаете интересы земледелия. Я был неправ, но я выступал в защиту не государственных, а частных интересов; теперь же я министр финансов».

В 1888 г. был очень обильный урожай. Дороги не могли вывезти все количество предъявленных к перевозке хлебных грузов. Я был свидетелем того, как мучился И. А. Вышнеградский при мысли, что десятки миллионов пудов хлеба, на большинстве станций незащищенные от ненастья, могут сгнить. «Не понимаю, как главные руководители железнодорожного ведомства могут спать спокойно. Для меня — это большое бедствие. Я просил К. Н. Посьета (тогдашнего мин[истра] пут[ей] сообщ[ения]) спешно обсудить в комиссии вопрос о скорейшей вывозке грузов и о хранении невыве-

зенных. Назначаю вас в состав комиссии. Вы должны выступать не только с мнением по финансовым, но и по техническим вопросам. Не соглашайтесь на ассигнование денег для устройства [*не разобрано одно слово*], спрямления уклонов и пр. Они там так любят строительные работы; я их хорошо знаю. Требуйте улучшения оборота [?] подвижного состава, сокращения простоев, увеличения состава поездов, в особенности применения блокировочных систем. Против последнего они будут усиленно возражать — [*не разобрана одна строка текста*]. Само собой разумеется, что меры ограждения [?] хлеба от гниения — [*не разобрано одно слово*] полотном и пр. должны быть приняты в самых широких размерах. Сильные паровозы в военных депо [?] на полесских дорогах надо направить для усиления перевозок; об этом я уже переговорил с военным министром. Немцы — глубоко уверен в этом — воевать с нами пока не собираются».

Я ответил министру, что технически совершенно не подготовлен; например, я не знаю, что такое блокировочная система, каково влияние времени года на состав поезда, какой порядок обмена подвижного состава. И. А. Вышнеградский с большим старанием принялся за мою подготовку, прочитал настоящую лекцию. «Дорога [?] между станциями А и Б 20 верст. Требуется усилить пропуск поездов в 5 раз. Вот для этого и служит блокирование пути...» Занятие продолжалось до 3½ час. ночи. При прощании он дал мне свои заметки, пообещав на следующее утро прислать с закладками отчеты некоторых железных дорог по относящимся к делу вопросам, что он и выполнил.

Посъет торжественно открыл заседание. Я принял участие в обсуждении также технических сторон дела, что очень не понравилось комиссии. Посъет поехал к Вышнеградскому с выражением неудовольствия на мой якобы поучительный тон. Вышнеградский, тогда все-таки сильный, успокоил Посъета указанием на то, что «К [о-валевский] излагал не свои суждения, а мои мысли». Посъет и я позавтракали у министра финансов и все обошлось благополучно.

Не рассчитывая на энергичное содействие мин[истра] путей сообщения, И. А. Вышнеградский сам взялся за работу, поручив мне подыскивать [?] рельсы, скрепления [*не разобрано шесть слов*] и пр. Каждое утро, обыкновенно в 8½—9 час., он требовал представления отчета о сделанном. Почти каждый день утро

уходило на обмен [?] письмами: таких писем было написано мне почти 50, причем характерно, для столь занятого человека, что текст писем и конверт надписывался им собственноручно. «Для ускорения, — говорил он, — написал и немедленно посылаю с курьером». Однажды в 3 часа ночи я получил от него открытое письмо: «Спать не могу — хлеб гниет. Как может мин[истр] путей сообщения относиться безразлично к государственному бедствию!» Так как письмо заключало несколько сердитых выпадов по адресу деятелей путей сообщения, то оно заканчивалось словами: «Непременно лично верните мне письмо завтра в 8¼ час. утра». [*Далее неразборчиво написано шесть строк*].

Для характеристики И. А. Вышнеградского не могу не рассказать также следующих эпизодов.

Из личного опыта он знал, что распределение совокупных перевозных плат между железными дорогами, участницами в перевозках прямого сообщения, делается с нарушением интересов казенных дорог. Поэтому, он поставил этот вопрос на рассмотрение Совета по железнодорожным делам при Мин[истерстве] пут[ей] сообщения, поручив мне отстаивать [?] выработанную им схему явно в пользу казенных дорог. Я отказался принять такое поручение, ссылаясь на неподготовленность вопроса и явную несправедливость постановки дела. «А так как представитель, имеющий мнение, не согласное с мнением министра, ему не нужен, то прошу меня уволить». И. А. Вышнеградский, подумав несколько секунд, ответил: «Действительно, [дело] надо изучить». Решено было собираться в его кабинете раз в две недели при участии, кроме министра, Н. П. Петрова, Б. Ф. Малешевского, С. И. Кербедза и моем. Вышнеградский вместе с Н. П. Петровым выработал формулу с введением необходимых переменных величин. Тяжбу [?] старались разрешить на справедливом основании. Когда работа окончилась, Вышнеградский сказал: «Я хотел решить несправедливо дело частных дорог; это дало бы казне слишком 500.000 руб. в год. Из-за такой суммы не стоило бы отступать от правды. Теперь мы дело выяснили, и наша работа пригодится в скором времени».

И. А. Вышнеградский отличался большой простотой, иногда даже грубоватостью, но никто не обижался, так как и от других он не требовал соблюдения внешних форм. Помню, накануне Рождества к Александру III поступили жалобы на [*не разобраны два слова*] ущерб сельскому хозяйству тарификацией хлебных

грузов к речным портам. Министр поручил мне спешно разобраться в этом деле, предоставив подобрать рабочий персонал и дополнительно оплатить труд служащих и широко пользоваться телеграфом. «Праздников у вас всех не будет, но Бог труды любит», — заметил он в утешение. Для окончания работы были назначены определенный день и час. Работа запоздала. Вместо 12 час. ночи она была мне принесена в 2 час. ночи. Вышнеградский был недоволен за [?] опоздание: «Я должен быть на рауте у франц[узского] посла, ну да не беда». Он принялся подробно просматривать сделанные таблицы и задавал вопросы для выяснения неясных ему цифр. Потом вспомнил: «Если ли Вы сегодня что-нибудь?» Я сказал, что нет. Вскочив с места, он побежал разбудить своего лакея, потребовал икры и калачей и мы вдвоем усердно занялись закусыванием. На основании этих таблиц он сам написал доклад по поводу жалобы, не отпуская меня домой. У него была особенность — он любил работать в присутствии своих сотрудников.

И. А. Вышнеградский живо интересовался международным хлебным рынком, следил за интернациональными конгрессами и съездами по этому предмету и обращал особенное внимание на неосведомленность наших хозяев о состоянии цен на хлеб на руководящих внутренних и внешних рынках. Он придумал хорошую меру — еженедельное оглашение [?] (через вывешивание на станциях и пристанях и рассылку земским учреждениям, биржевым комитетам и пр.) получаемых телеграфных сведений об этих рынках, о ценах на хлеб, фрахтах и страховых премиях. Предварительную разработку он поручил мне. Когда работа была в ходу, он позвал меня в субботу явиться [?] на Елагин остров. «Жена уехала. Давайте позанимаемся ночью вопросами хлебной торговли, а завтра поезжайте на дачу». Работа продолжалась до 4 час. ночи. Я отпросился домой, рассчитывая уехать пораньше на Сиверскую. Вышнеградский предложил, не хочу ли я, чтобы лакей его проводил меня через парк, так как бывают нападения хулиганов. Я отказался, приведя такой довод: «Вашему человеку я не могу дать менее 5 руб.; лучше сберечь их». Вышнеградский оживился [?]: «Разумная экономия, ибо не только государственное, но и домашнее хозяйство надо держать в порядке. Приезжайте ко мне в понедельник рано утром прямо с поезда». Мои часы запаздывали. Поезд уже проехал некоторое [?] рас-

стояние; я попытался прыгнуть в поезд на ходу, но неудачно — сорвался, не причинив себе, однако, особого повреждения. Вышнеградский прислал узнать, почему я запоздал, приехал ко мне и назначил быть, как только поправлюсь, в 8½ час. утра, причем порассказал мне всяких ужасов о том, как опасно прыгать на находящийся в движении поезд.

Еще один эпизод. Не отдавая себе отчета о происхождении фрахтовых формул на перевозку хлебных грузов из наших портов в иностранные, вдобавок формул разнообразных [?], Вышнеградский признал необходимым выяснить их происхождение и затем на международном конгрессе предложить всестороннюю [?] унификацию и упорядочение их. Из данных [?] портов разные [?] фрахты на морскую перевозку хлебов установлены [?] по основной ставке на тонну [?] сала. Отсюда Вышнеградский основательно догадался [?], что такая единица была установлена в то время, когда сало было главным предметом экспорта в Англию. В день Покрова он пригласил меня к себе, чтобы вместе с ним написать ряд писем к нашим консулам в иностранных портах, поручая им выяснить применение [?] фрахтовых формул и основания их установления. Сам же он написал по-английски письмо к великобританскому министру финансов с просьбой разъяснить, когда и на каких основаниях введены расчеты [?] по тем или другим [*не разобраны три слова*] на вывозимые из русских портов хлебные грузы. Затем мы принялись подписывать и заклеивать конверты. Вышнеградский дал курьеру 10 руб. с поручением: «Козловский, свежи немедленно на Варшавский вокзал и опусти в почтовый ящик отходящего поезда».

Крайне напряженная и притом часто ночная работа расстроила здоровье необычайно деятельного министра. Последствием этого у него в 1892 г. явилось так называемое «двойное зрение»: при чтении бумаг для представления на другой день у Александра III доклада ему показалось, что каждая строка написана два раза. Он позвал директора канцелярии Д. Ф. Кобеко. Ясно было, в чем дело. Кобеко проводил его в Гатчину; И. А. попросился в отпуск и, по возвращении из него, вскоре покинул министерский пост, передав его С. Ю. Витте.

Вскоре после назначения С. Ю. Витте министром финансов в 1892 г. в Государственный совет был внесен законопроект об ответственности предпринимателей за увечье и смерть рабочих от несчастных случаев при про-

изводстве фабрично-заводских работ. Вопрос о недостаточности содержащихся в нашем законодательстве норм об ответственности за причиненный вред действиями других лиц и о необходимости соответствующего [?] закона уже стоял на очереди в Министерстве финансов, но некоторые ведомства относились к нему не сочувственно. Нужны были решительность и настойчивость Витте, чтобы решиться на борьбу для защиты такого безнадежного дела.

Когда представление в Госуд[арственный] совет было готово, я заехал к Н. И. Стояновскому, председателю Департамента законов, прося его поддержать предложения Министерства финансов. Стояновский отнесся очень сочувственно [?] к проекту, признал его своевременным, передал мне, что лично [*не разобраны четыре слова*], указал на включение [?] в проект Гражданского уложения соответствующей [статьи] об ответственности, и пообещал полную поддержку. Он сдержал свое обещание, высказав при открытии заседания, что наконец-то Министерство финансов стало выдвигать вопросы большого социального значения. Проект был принят с незначительными изменениями, за исключением одного — были отклонены статьи, относящиеся к профессиональным болезням.

Уверенные в том, что в Общем собрании Гос[ударственного] совета дело пройдет беспрепятственно, С. Ю. Витте и я спокойно уехали в Рыбинск по случаю юбилея тамошней биржи. По возвращении мне передают, что К. П. Победоносцев предполагает резко возражать против законопроекта. К нему, между прочим, обратились некоторые [?] промышленники Царства Польского или Прибалтийского края (точно не помню), прося его выступить на защиту интересов промышленности.

Действительно, в Общем собрании К. П. Победоносцев приложил все старания и пустил в ход все способы [?], чтобы проект не прошел. Собственно [?], доводы его сводились к следующему. Принятие проекта явилось бы признанием правительством наличности антагонизма между трудом и капиталом. Испугались и признания «четвертого сословия», со всеми опасными последствиями в политическом и социальном отношениях; это было бы подражанием Западу, где человечество устремляется в бездну потрясений. Промышленность не вынесет новых материальных жертв. Постановка [?] в известном разбирательстве на одну доску фабриканта и рабочего

[не разобраны два слова] это вызовет сутяжничество, послужит постоянной угрозой мирным отношениям между работодателями и рабочими, увеличит поводы к столкновениям между ними.

Речь Победоносцева вызвала большую растерянность в Гос [ударственном] совете. Напрасно председатель его великий князь Михаил Николаевич пытался ослабить впечатление от [заявлений] обер-прокурора Священного Синода, указывая на то, что принципиально одобряет проект и [не разобрано одно слово], что «К. П. Победоносцев видит опасности там, где их нет»; напрасно Витте старался отстоять эти [?] мысли председателя. Общее собрание прибегло к тому варианту, к которому нередко прибегало в щекотливых случаях: не приняло, не отвергло, а решило возвратить законопроект в Министерство финансов для нового рассмотрения, приняв в соображение все представленные [?] замечания ⁶.

Но пересматривать было нечего. Надо было положить на [не разобраны два слова] фактор — время и ждать какого-либо неожиданного, но благоприятного стечения условий.

После провала законопроекта я попробовал лично убедить Победоносцева отступить от занятой им позиции, попросив Н. А. Никольского — признанного финансиста, учредителя и инициатора многих предприятий (линия от Одессы Юго-Западных жел [езных] дорог, начало дороги Поти—Тифлис, «Кавказ и Меркурий» и пр.), б [ывшего] одесского городского голову, человека очень доброго и гуманного, близкого знакомого Победоносцева устроить мне с Победоносцевым частное свидание. Все мои доводы в кабинете Победоносцева ни к чему не привели. На его обвинения в социалистических затеях я между прочим сослался на Бисмарка, который при рассмотрении проекта закона о страховании рабочих выступил с известным: «Ich bin ein Staatsozialist» * доказывая, что нужно быть мудрым и справедливым, сверху [не разобрано одно слово] предупреждая революционные давления снизу. Я привел также историческую справку о том, что антисоциалисты, как это ни мало понимается, заботились об улучшении положения рабочих на казенных заводах. Для Победоносцева это было новостью, которая его заинтересовала, и в нем проснулся живой историк русского права.

С проведением закона ждать пришлось долго — по-

* Я — государственный социалист (нем.).

чти десять лет. Подготовку проекта можно было начать, ибо наступили «благоприятные условия». Они олицетворились в очень своеобразной форме. Владелец крупного механического завода Ф. Х. Сан-Галли, получивший крупную награду — Станислава I степени, после посещения С. Ю. Витте для принесения благодарности зашел ко мне и спросил: «Чем могу отслужить Министерству финансов?» — «Побывайте у К. П. Победоносцева и убедите его не возражать против оснований законопроекта об ответственности предпринимателей за увечье и смерть рабочих. Между прочим, он думает, что проект выставлен [?] либеральными чиновниками и никому не нужен. Докажите ему всю важность его в интересах самой промышленности. Приведите доказательство во что обходятся заводчикам стачки, забастовки и недовольства рабочих. Только не становитесь на точку зрения гуманности и справедливости. Не стесняйтесь порицать нас. Поставьте нам в вину [?], что мы не сумели защитить свой собственный проект и целых восемь лет ничего не делали. Похвалите наш проект». Сан-Галли пообещал исполнить мою просьбу, прибавив, что к нашему проекту он присоединит записку о сравнительном законодательстве по тому же вопросу (Германия, Австро-Венгрия, Англия, Франция). Сан-Галли сдержал свое обещание, рассказав мне, что у Победоносцева имел успех, причем прокурор Синода заметил: «Другое дело, когда сами заводчики находят веские основания [для] издания сепаратного закона; конечно, в проект его надо внести некоторые поправки, в особенности же дать широкое применение примирительному разбирательству между промышленниками и рабочими». Сан-Галли принес [?] письмо к Витте; в нем сообщалось, что К. П. Победоносцев принципиальных возражений не встречает.

После рассмотрения первоначального проекта в комиссии, с перенесением [*не разобраны два слова*] на предпринимателя, широкого использования примирительного разбирательства и с некоторыми другими изменениями, большей частью к лучшему, он был внесен вторично в Гос[ударственный] совет в 1903 г., который одобрил его с немногими поправками. Однако и тут не обошлось без возражений со стороны Победоносцева, которые, впрочем, не оказали влияния на исход дела.

Не меньше, если не больше затруднений встретило проведение другого закона — о продолжительности ра-

бочего дня. Тут уж пришлось бороться не с одним Победоносцевым.

Постоянное неудовольствие рабочих на непомерно длинный (до 14 часов в Центральном промышленном районе) рабочий день и жалобы промышленников значительной части государства, где продолжительность рабочего дня *[не разобраны два слова]* была значительно меньше, вследствие чего конкуренция с Московским районом сложилась не в пользу заводов *[?]* окраин, заставили, наконец, обратить внимание на законодательное регулирование вопроса о рабочем дне. Волнения и забастовки летом 1895 г. придали ему особую остроту. Более 15.000 рабочих, разместившихся как бы лагерем на Марсовом поле, выставили ряд требований, и в том числе о сокращении рабочего времени. Правительство переполошилось и обещало в скорейшем времени удовлетворить требования рабочих, призвало их к возобновлению работ.

На первую очередь был поставлен вопрос о регулировании рабочего времени. Решено было создать комиссию из промышленников различных районов. Опасаясь, что я искусственно подберу состав из сочувствующих сокращению рабочего дня, С. Ю. Витте сам составил список половины участников, а другую половину предоставил выбрать мне. Председательствовал в комиссии сам министр. Несмотря на то, что Витте отдавал *[не разобраны два слова]* тем, кто, по его соображениям, должен был *[не разобраны два слова]* вопрос был разрешен принципиально в положительном смысле, причем единогласно. Затем Витте покинул заседание, предоставив мне дальнейшее ведение его. После продолжительных рассматриваний в подкомиссии остановились на десятичасовой норме.

Ранее, чем внести в Государственный совет, Витте нашел нужным подвергнуть этот вопрос обсуждению в особом совещании под председательством К. П. Победоносцева в составе министра внутренних дел (И. Л. Горемыкина), министра финансов (С. Ю. Витте), министра земледелия (А. С. Ермолова) и министра юстиции (Н. В. Муравьева), о чем и доложил государю. Предложение это было одобрено.

Совещание открылось вступительным словом председателя. Смысл сказанного Победоносцевым был таков. Проект *[?]* готов, дверь открыта, но я боюсь входа в нее. Вопрос мы хотим регулировать законодательным порядком, тогда как разрешение его должно быть

на почве христианской морали [*не разобраны три слова*]. Так думает просто моралист и [*не разобраны четыре слова*], на который Победоносцев любил ссылаться. Да и кто будет исполнителем закона? Губернаторы. А каковы они? Если бы можно было найти 80 администраторов разумных, предусмотрительных и заботливых, не страшно было бы давать в руки их такое тонкое орудие, как закон. У нас забывают, что [*не разобраны четыре слова*]. Некоторые губернаторы следят за исполнением закона, но есть и такие, которые оставляют его без всякого внимания. Мы вступаем на рискованный путь законодательного регулирования Западной Европы и вместе с нею попадаем в пропасть.

С. Ю. Витте высказался в том смысле, что его внутренняя политика не касается [?], и он лишь вносит пожелания самих промышленников на обсуждение содействия.

А. С. Ермолов напомнил, что в ведении его министерства состоит только треть промышленности, в которой вопрос о рабочем времени не представляет остроты, ибо многое уже урегулировано, и в частности, продолжительность рабочего дня.

Н. В. Муравьев выступил принципиальным противником проекта по политическим соображениям, ссылался также на практическую сложность дела и трудность безболезненного проведения его в жизнь.

Спас положение И. Л. Горемыкин. Он резко высказал, что волнения и беспорядки в среде рабочих падают на плечи министра внутренних дел и что правительство торжественно обещало удовлетворительно разрешить вопрос. Отступить от обещания значило бы подорвать авторитет власти и вызвать забастовки и требования, и потому необходимо проект принять.

Все с этим согласились, причем Н. В. Муравьев заявил, что убежденный доводами министра внутренних дел, он все же находит нужным, во-первых, удлинить рабочий день против предложенной нормы, во-вторых, ввести закон на определенный срок, в виде опыта, и в-третьих, не назначать кары за неисполнение закона. Из трех пунктов был принят совещанием только первый.

Журнал совещания был одобрен государем, причем на полях против суждений Победоносцева сделаны одобрительные отметки. Оставалось внести представление в Государственный совет. Когда он был готов, С. Ю. Витте возвратил его мне неподписанным, сделав резкие

замечания. Так, на первой странице была заметка: «Это как будто бы написано Ж. Ж. Руссо», против того места, где говорилось об антигигиенических условиях на фабриках и заводах, стояло замечание: «Оставьте гигиену в покое!», а в конце, против слов: «На основании всего вышеизложенного министр финансов полагал бы...» стояло: «Министр финансов ничего не полагает». Удивленный этими отметками после всего того, что предшествовало выработке законопроекта, я немедленно [?] написал С. Ю. Витте, что после рассмотрения проекта в совещании и одобрения государем внесение проекта обязательно и что задерживать его значило бы принять на себя всю ответственность за это дело [?]. Заметки же на полях вызывают с моей стороны возражения: Руссо никогда не писал по рабочему вопросу, да в его время он и не существовал в современном смысле; гигиену не могу оставить я также, так как сам С. Ю. Витте ежедневно [*не разобраны четыре слова*]; что же касается отметки, что «министр ничего не полагает», то это равносильно отказу от внесения в Государственный совет. Если министр окончательно откажется от [*вероятно, отсутствует часть текста*] ⁷.

В 1893 г. возникла [?] таможенная война между Россией и Германией. Германией было [проявлено] крайнее недовольство реформой общего таможенного тарифа [*не разобраны три слова*] характер, к явному ущербу [?] для германской индустрии, продукты которой заполняли русский рынок. С Германией в то время у нас не было сепаратного договора, а потому к ней применялся наш общий тариф. Желая добиться применения конвенционных тарифов, в чем им было отказано, немцы повысили свои ставки на предметы нашего вывоза. На это с нашей стороны последовало на предметы германского импорта повышение тарифных ставок вдвое, увеличение корабельных сборов и другие репрессивные меры. Чтобы положить конец таможенному конфликту, обе стороны согласились на учреждение комиссии для урегулирования условий временного товарообмена. Работа в комиссии шла туго, немцы были очень требовательны, и чтобы вынудить нас к уступчивости, угрожали высоким обложением и другими препятствиями [?] ввозу нашего сельскохозяйственного сырья, в особенности хлебных продуктов.

Александр III очень интересовался ходом этих переговоров и требовал по этому предмету еженедельных

докладов. Нередко на них он писал резкие замечания против немцев. На одном из них была такая пометка: «Немцы всегда были недобросовестны по отношению к нам и такими же остаются». Не могу не рассказать один эпизод, относящийся к случаю [?], когда требовательность немцев стала настолько невыносимой, что с нашей стороны было намерение прервать переговоры и отозвать делегации. Чтобы побудить немцев к большей уступчивости, С. Ю. Витте придумал совершенно своеобразную меру.

Земледельцы восточных провинций Пруссии, где сосредоточены крупные поместья, которые принадлежали влиятельным аграриям, ежегодно нанимали на земледельческие работы от 100 до 200 тысяч выходцев из Царства Польского. То были большей частью безземельные люди, батраки, которых немцы очень низко оплачивали, худо содержали и вообще относились [к ним] как к париям. Запрещение выхода таких рабочих из Царства Польского тяжело отозвалось бы на владельцах крупных имений. И вот С. Ю. Витте поручает составить проект представления в Государственный совет о воспрещении польским рабочим выдачи паспортов в Германию, если бы по ходу переговоров или при рассмотрении соглашения [?] это стало необходимо. Представление было отпечатано в большом количестве экземпляров, но не представлено в Государственный совет. Два [?] экземпляра корректурных листов доставили, якобы похищенными, в редакцию [*не разобрано название немецкого издания*], широко распространились они [?] в особенности среди аграриев, другие — тогдашним имперским канцлером гр[афом] Каприви. Остальные экземпляры были затем [?] уничтожены. Опубликование в немецкой сельскохозяйственной газете произвело сильное впечатление. Гр. Каприви, желавший [для Германии] приятного исхода таможенной войны, очень ловко воспользовался попавшим в его руки проектом при втором внесении таможенного договора в Рейхстаг с целью обеспечить его принятие.

Почти в конце [?] соглашения по проекту торгового договора С. Ю. Витте получил от тогдашнего нашего посла в Берлине гр[афа] Шувалова телеграмму с уведомлением, что германское правительство настаивает на секретном [?] торговом договоре с Финляндией. С. Ю. Витте немедленно телеграфировал гр. Шувалову в том смысле, что если гр. Каприви не откажется от требований Германии, то таможенные переговоры будут

прекращены. Пять дней ответа из Берлина не было. Витте с нетерпением ожидал его, сильно волновался, предвдвая резкие обострения между Россией и Германией в случае отрицательного ответа. В четверг, накануне доклада государю, Витте вызвал меня. Я нашел его в большой тревоге. Он нервно ходил из угла в угол своего кабинета. «Несомненно, гр. Каприви волнуется не меньше меня. Подождем — посмотрим», — заметил он. В ночь пришла депеша от гр. Шувалова с успокоительным ответом: «Гр. Каприви берет назад свои требования». На докладе у Александра III, который очень благосклонно относился к Витте, министр финансов сознался, что превысил власть — без предварительного одобрения государя сделал такой рискованный шаг, который мог привести к резкому столкновению с Германией. Александр III задал явно риторический вопрос: «Ну что же вышло? Какой ответ?» — «Немцы уступили». — «Так и нужно было ожидать. С немцами надо говорить жестко и требовательно».

В течение переговоров Витте очень удачно пользовался приехавшими из Германии влиятельными лицами из промышленного и железнодорожного мира, чтобы обеспечить в торговом трактате возможно выгодные для России условия, и узнавал от них о настроениях немецкого правительства и торгово-промышленных сфер. Постепенно он и известный публицист, издатель «Die Zukunft» * Максимилиан Гарден, написали ряд статей, в которых кроме характеристики Витте, высказывали о желательности, в интересах обоих государств и поддержания добрососедских отношений, придти к мирному соглашению.

Гр. Каприви хотя и не был знаком с Витте, признавал в нем сильного государственного человека, с которым необходимо считаться. При первом рассмотрении [в Рейхстаге] одобренного [*не разобраны три слова*] договора, он прислал Витте в корректурных листах проект речи, прося пополнить и усилить ее, если бы то понадобилось. Целью было доказать, что Россия не пострадала бы от прекращения вывоза нашего хлеба в Германию и что такое прекращение могло бы иметь тяжелые последствия для самой Германии. Проект речи был пополнен новыми доводами, содержащиеся в нем цифровые данные исправлены и затем корректурные листы были переданы по принадлежности.

* Будущее (нем.)

ЦГАЛИ СССР, ф. 1208, оп. 1, д. 25, л. 1—19. Рукопись.

II

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ГРАФЕ СЕРГЕЕ ЮЛЬЕВИЧЕ ВИТТЕ

Обрисовать С. Ю. Витте во весь его большой рост, дать его психику, мораль и деятельность в цельном очерке — задача очень трудная, которую удачно разрешит более спокойное и беспристрастное будущее. Настоящему приходится скорее накапливать материалы, разбросанные и отрывочные, собирать факты, часто между собою не связанные, для предстоящей оценки такой выпуклой и исключительной фигуры, какою был Витте. Трудность не только в чрезвычайном разнообразии его многосторонней и обширной работы, но еще более в сложности и пестроте его духовного содержания. Яркие магистрали личности Витте переплетаются со скрытыми чертами. В этом чрезвычайно своеобразном сочетании света и тени придется разбираться не одному биографу и историку, но и психологу. Знать Витте было легко, но познать очень трудно...

Во всяком случае, пред нами большой человек, человек сильного ума, твердой воли, бьющей оригинальности во внешности, образе мыслей и действий, с совершенно особым нравственным укладом. «Большим» его называли еще при жизни; под этим именем выведен он псевдонимом и на сцену. В нем все было крупно и рельефно — и достоинства, и недостатки. В нем все дышало страстностью, порывом, непосредственностью, нечеловеческой энергией. По натуре борец сильный, даже дерзкий, он как бы искал поприща для состязания, и когда встречал противника, вступал с ним в решительный бой. Витте постоянно «дерзал», и этим в значительной степени объясняется исход борьбы в его пользу.

Появление С. Ю. Витте в Петербурге на государственной арене было целым событием, историческим явлением. Этот *homo novus** сразу приковал к себе общее внимание, подвергся резкой критике и подозрениям со стороны как знавших его лишь по слухам, так и встречавшихся с ним в Киеве. Сам И. А. Вышнеградский, особенно вначале, не пользовался расположением высших административных кругов, что еще больше усиливало предубеждение против его ставленника — С. Ю. Витте. Старое знакомство с консервативными

* Новый человек (*лат.*).

московскими деятелями, в том числе с Катковым, быстрое сближение с кн. Мещерским, то участие, которое С. Ю. Витте якобы принимал в «Священной дружине»,— все это обостряло на первых же порах отношение к нему петербургского общества и чиновничества.

По вступлении в чуждую ему обстановку Витте начал с изучения поля действия, наметил стратегический план и тактические приемы, возобновил старые киевские знакомства, завязал влиятельные связи, подыскал нужных людей и вскоре прочно встал на новые рельсы. Мало-по-малу к нему стали привыкать, многие даже восхищались обаятельностью его ума и обходительностью, другие же не только не стали более снисходительными, но еще резче проявляли свою нетерпимость к этому «авантюристу», как его называли.

На первых порах поражала прежде всего внешность Витте: высокая статура, грузная поступь, развалистая посадка, неуклюжесть, сипловатый голос; неправильное произношение с южно-русскими особенностями: ходатайство, верства, учёбный, плацформа, сельские хозяйва — резали утонченное петербургское ухо. Не нравилась фамильярность или резкость в обращении. Однако, мало-по-малу эти экстравагантные черты частью стирались, частью к ним попривыкли.

И вот все более и более вырисовывалась в лице Витте государственная сила, оригинальность творчества и боееспособность на защиту того, что он считал необходимым и полезным для России. На глазах у всех со сказочной быстротой проявлялась могучая натура, которая постепенно всем овладевала и всех вольно или невольно подчиняла себе. Ум и воля Витте импонировали, резкость и иногда даже грубость его выступлений обезоруживали противников, редко идейных, но большей частью сводивших личные с ним счеты.

Быстрому подъему государственного значения Витте много содействовали расположение и доверие к нему императора Александра III, которому нравилась непосредственность нового сановника и отсутствие у него царедворческих привычек. В этом государь видел внешнее проявление прямоты и искренности. Министров такого типа еще не бывало в кабинете Александра III, и ему, самому непосредственному и сильному, пришлось по душе такие же черты у Витте.

В Комитете министров, в Государственном совете, в многочисленных комиссиях и совещаниях Витте приходилось встречаться и бороться с людьми большей частью

Сергей Юльевич Витте (1849—1915 гг.)

безразличными, которым «все все равно», чуждыми близкого знания России и жизни, с людьми «в футляре», внешних форм, а не твердых идей и смелых замыслов, с людьми, все содержание деятельности которых сводилось «к движению по службе государственной», то были большей частью сторонники самого вредного для государственного строительства вида мышления — мышления «жупельного», запугивающего разными словами. Витте и футлярность, Витте и шаблонность не совмещались воедино. Подобно высокоствольному маячному дереву, он высился над низкоствольни-

ком и подлеском, затеняя его своею густою кроной...

Витте все рос в своем государственном значении и влиянии. От начальника станции Юго-Западных дорог он быстро поднялся по лестнице до поста управляющего этой самой обширной рельсовой сетью, привел ее в образцовый порядок, расширил ее, развил на ней огромное пассажирское и товарное движение, правда, часто прибегая к хитроумным комбинациям. Затем судьба, в лице министра финансов И. А. Вышнеградского, помогла Витте подняться на пост директора для него же учрежденного Департамента железнодорожных дел. Четыре года спустя Витте, опять-таки главным образом при содействии Вышнеградского, получает назначение министром путей сообщения, где горячо принимается за коренную реформаторскую работу. Не прошло и пол-года, как болезнь Вышнеградского и собственные усилия С. Ю. Витте открывают перед ним блестящую карьеру министра финансов. С этого времени и до конца его активной государственной работы проходит почти двадцать лет.

Это двадцатилетие в истории административного управления Россией можно по справедливости назвать «эпохой Витте», а его деятельность — «проложением новых путей» (*bahnschreckende Thätigkeit*), как она характеризуется одним немецким публицистом. За этот длинный период времени Витте был главным руководителем, направителем и вдохновителем не только в экономической и финансовой жизни государства, но и в международной политике, в школьном деле, отчасти во внутренних и военных делах. Следы его преобразовательной деятельности, планомерной и решительной, несомненно глубоки в различных областях управления и жизни за долгое время почти неограниченного господства и главенства. Следы эти сохранятся еще долго в государственном укладе и в народном хозяйстве, в явной или сокрытой, прямой или косвенной форме. Это — не только памятники созидательной работы высокоодаренного человека, но и составная часть жизненного процесса огромного государства.

По общему характеру, государственная деятельность Витте может быть разделена на следующие периоды: первый с 1892 по 1900 год — период смелой, неустанной борьбы, обширных замыслов и больших реформ; второй период с 1900 по 1903 год — ослабление творческой энергии, искание фарватера для безопасного прохода между подводными камнями, опасение за свое положение

ние, искание примирительных выходов среди направленных на него враждебных сил; третий — с 1904 по 1906 год — опять подъем духа борьбы, сильное напряжение ума и воли, опять широкие замыслы, закончившиеся актом 17 октября 1905 г. Короткое пребывание во главе Совета министров заключилось выходом из строя, почти полной утратой влияния на государственные дела.

С того времени прошло десять лет медленного замирания, тоски от бездеятельности, печального существования в состоянии покинутости и предвидения трагического исхода войны для нашей родины. Начало 1916 г. освободило Витте от бремени земного бытия: он покоится под камнем из черного мрамора на кладбище Александро-Невской лавры с лаконической эпитафией: «Сергей Юльевич Витте. 17 октября 1905 года». Эта дата — заключительный аккорд его богатой содержанием, творческой и бурной жизни, а тяжелая плита прикрыла много тайн этого феноменального человека, разгадать которые попытается талантливый историк...

Раскрытию тайн и закулис — государственных, а отчасти и личных — сильно помогут законченные мемуары Витте. По счастью, они найдутся за границей и увидят свет там и тогда, где и когда по ходу событий это представится наиболее удобным. Если бы мемуары Витте оставались в «Белом доме»⁸ на Каменноостровском проспекте до его смерти, их постигла бы та же участь, как и другие материалы, хранившиеся у него. Не успели тело покойного положить на стол, как по поручению Николая II прибыл с тележкой генерал-адъютант Максимович, чтобы отобрать и увезти документы, имеющие государственное значение. В числе документов было и оглавление мемуаров. Заинтересовавшись содержанием, Царское Село пожелало получить и самые мемуары. Вдова покойного, гр. М. И. Витте ответила, что их в России нет. Какая судьба постигла все отображенные документы после всего того, что случилось на Руси, не известно. Во всяком случае Витте широко воспользовался ими при составлении своих мемуаров, и это умаляет сожаление о их перемещении из квартиры хозяина. Что касается издания мемуаров, то, как мне передавали, Британский музей желал приобрести их, как большую ценность, но гр. Витте отклонила это предложение. Мемуары, конечно, с большой подробностью освещают все перипетии Портсмутского договора. По всей вероятности, они, если не вполне разъясняют, то бросают свет

также на происхождение знаменитого манифеста 17 октября 1905 г., на участие в нем Витте и других лиц, на отношение Витте к этому акту в стадии его подготовки, подписание государем и после обнародования⁹.

Витте был патриот, любил русский народ, хотя и недостаточно знал его. В воззрениях Витте проскальзывали славянофильские черты — наследие Фаддеевых: мать его была сестрой известного публициста — славянофила, генерала Фаддеева, автора нашумевшей книги «Чем нам быть?» Под этим влиянием у Витте слагается твердый монархический образ мыслей. Всем памятна его записка о земстве, которое он считал несовместимым с самодержавием, предвидя, впрочем, совершенно основательно, что при широком развитии общественных учреждений и при выходе их деятельности за узкие, предуказанные им законом рамки, они приведут к ограничению самодержавной власти. Абсолютистские мировоззрения Витте едва ли можно считать несовместимыми с известной запиской государю о положении России — предтечей манифеста 17 октября 1905 г., и с самим этим манифестом. Сам Витте не считал, что с изданием манифеста и основных законов, с учреждением народного представительства, самодержавие действительно прекратило свое существование. Он продолжал рассматривать императора как неограниченного монарха. Об этом он заявлял неоднократно по различным поводам. В народном представительстве он видел лишь помощь самодержавной власти и гарантии от ошибок, а в манифесте — средство успокоения взбаламученного народного моря, по-видимому, не отдавая отчета во всех политических последствиях принятых на себя верховной властью обязательств.

Полугодовой опыт пребывания на посту председателя Совета министров должен был привести Витте к убеждению, что зажатый между девятым валом революционной волны и сатрапством П. Н. Дурново, поддерживаемого Царским Селом, он у кормы удержаться не может. С одной стороны, народное движение приобретало явно революционный характер и уже не удовлетворялось одними политическими формулами, с другой — так называемый «солидарный кабинет» фактически был упразднен произволом министра внутренних дел, у которого в одном кармане — зверки [?] для запугивания слабой воли, а в другом — полная *carte blanche* *

* Чистый бланк, свобода действий (*лат.*).

для отражения народного напора жестокими мерами. И вот Витте дрогнул. Он искренно признается государю, что ошибся в оценке подготовленности народа к участию в государственных делах через своих избранных...

По натуре сам неограниченный и властный, Витте, так сказать, органически принадлежал самодержавию. «Я» и все личное стояло у него на первом плане. Витте был резко выраженной индивидуальностью. Общественность в его глазах была необходима, либо для нащупывания пульса и установления диагноза, чтобы затем сообразить необходимый образ действий, или для собирания и освещения фактов, относящихся к огромному и пестрому государству, дабы в порядке управления не наделать грубых ошибок. Иначе говоря, роль общественности чисто вспомогательная. «Аз есмь абсолют, альфа и омега» — это было заложено во всем существе Витте. В исторической сменяемости могут прокидываться [?] и очень плохие автократы, но это прежде всего символ и пред ним *chapeau bas* *. Засыпать пропасть между всею монархической природой Витте, его основными воззрениями на властвующую личность в историческом процессе, с одной стороны, и совокупность его действий под общим флагом 17 октября 1905 г., с другой, удастся лишь после детального анализа лиц и событий той эпохи. 17 октября вынесло Витте на вершину и принесло ему бессмертие, но Витте все же не предугадывал дальнейшего хода событий. Он растерялся и от размаха, и от характера движения. Ловкой дипломатии и хитромумной тактики было уже тут недостаточно...

При сильном и ярком уме Витте в моральном отношении не отличался ни твердостью, ни устойчивостью. По нравственному масштабу его надо отнести к *mixtum compositum* — к соединениям сложного типа, составные части которого распознаются лишь путем тонкого анализа и чувствительными реактивами. В нем уживались самые расходящиеся моральные черты: великодушные с его оборотной стороной, доверчивость и подозрительность, скрытность и экспансивность, граничащая с болтливостью, добродушие и жалость к людям с эгоизмом и даже жестокостью, серьезность умного и вдумчивого человека рядом с наивностью. Вот почему суждения о нравственной природе Витте так противоречивы: берется не вся совокупность черт, определяющих об-

* Шапки долой (*фр.*).

щую физиономию, а отдельные, часто случайные проявления внутреннего мира, притом оцениваемые по субъективной мерке, нередко в зависимости от результатов их приложения к данному лицу или случаю. К тому же не всегда делается различие между индивидуальной и общественной нравственностью, между моральными требованиями к частному лицу и государственному деятелю. Границы между этими категориями не были вполне ясны и для С. Ю. Витте. После похорон убитого министра внутренних дел Д. С. Сипягина Витте поставил мне такой вопрос:

— Объясните мне, почему искреннее сожаление о насильственной смерти Д. С. Сипягина было у очень немногих, да, пожалуй, только у государя и у меня?

Я попытался объяснить, насколько мог.

— Потому, — ответил я, — что, как ни жаль Сипягина, жертву убийства, но все же у огромного большинства берет верх обратное чувство: ушел навсегда защитник насилия и произвола, враг движения России вперед.

— Но ведь он честный человек. В домашней жизни и среди знакомых Д. С. всегда был джентльменом. Человек замечательно последовательный и строгий.

— О последовательности Сипягина я слышал: халат у него был синего, жандармского цвета; кухарка носила казакин того же цвета. Но спрашивали не это, а другое: с каким багажом пошел ты на государственное служение, что дал ты своему народу? Сипягин не был государственным человеком.

— А что такое, по-вашему, государственный человек?

— Тот, кто обладает глубоким и прозорливым умом, понимает нужды своей страны, самоотверженно и твердо идет на светлые точки его лучшего будущего, руководимый любовью к своему народу. Такой человек не только государственный — он может быть и великим.

— Так по-вашему одного ума недостаточно?

— Да, недостаточно, и вот почему: ум есть алгебраическая величина, перед которой нравственная сила ставит знак плюс или минус.

Кажется это определение понравилось Витте, как формулировка мысли, но самая мысль по вкусу ему не пришлась.

Сипягина и Витте связывали дружеские отношения, они были на «ты». Витте часто посещал его во время болезни, особенно тогда, когда к Сипягину заезжал государь поговорить с ним об охоте. Витте хотел восполь-

зоваться добрым отношением государя к Сипягину и просил последнего разъяснить царю весь вред «зубатовщины», которая так беспокоила Витте и извращала работу фабричной инспекции. Однако, доклада по этому предмету не последовало, потому ли, что Сипягин смотрел на зубатовщину иначе, чем Витте, или просто не успел этого сделать. Кроме дружбы к Сипягину, скорбь Витте по случаю его кончины отчасти объясняется предвидением С. Ю., что преемником на посту министра внутренних дел явится В. К. Плеве, от которого он не ждал ничего хорошего ни для себя, ни для своего ведомства.

Витте был страшно честолюбив и властолюбив. Честолюбие его можно было эксплуатировать с большой пользой для дела. Приведу несколько случаев. В. Н. Герард, председатель Синего Креста (попечение о бедных и больных детях), нуждавшегося в больших средствах (а их было очень мало), не раз говорил со мной о необходимости материальной помощи этому учреждению. Я спросил его, отчего он не обратится прямо к Витте. Герард ответил, что уже просил министра, но безуспешно. Затем я лично переговорил с С. Ю. Витте, но тоже успеха не имел. Герард опять приехал ко мне с настоятельной просьбой, и я предложил ему свой способ действия, который вполне оправдался на деле.

«Пойдите, Владимир Николаевич, к министру и пожалуйте на меня. Скажите, что я неумело доложил Ваше дело, и только потому оно не прошло. Можете даже выбрать меня. Подчеркните, что не может быть, чтобы такой умный и сочувствующий всему общественно доброму человек как Сергей Юльевич, отказал в помощи, если бы докладчик мотивировал ее, как следует».

Герард так и сделал. Просьба его была исполнена.

В другом случае С. Ю. Витте недостаточно реагировал на неоднократные просьбы об улучшении некоторых сторон хлебной торговли. Тогда одному из недвольных я посоветовал написать сильную статью в «Новом Времени», указав в ней, как чиновники тормозят проведение в жизнь простых и бесспорных мер. И это только потому, что министру финансов, очень занятому, нет возможности входить во все дела. Если бы такой чуткий и восприимчивый к запросам практической жизни [человек], как С. Ю. Витте, был осведомлен о всех ненужных тормозах в его ведомстве, то, конечно, сделал бы соответствующее распоряжение. Статья подействовала.

С. Ю. Витте отличался удивительной трудоспособ-

ностью. Работал он не менее двенадцати часов в сутки; семейные дела его мало отвлекали (у него была лишь одна приемная дочь). И работа его была чрезвычайно производительна. За рабочий день он успевал прослушать много докладов, прочесть большое количество записок и представлений, дать массу распоряжений и указаний о направлении дел. Его отметки и замечания на докладах и представлениях в Государственный совет и Комитет министров указывают, с каким вниманием он читал и как быстро схватывал руководящие идеи и кардинальные доводы. В работе его интересовала основная мысль и общее направление. К мелочам он никогда не придирался и не требовал условного канцелярского языка.

Работать с ним было и приятно, и легко. Усваивал он новый предмет, что называется, на-лету. К ближайшим сотрудникам он относился с большим доверием и предоставлял им широкую самостоятельность и большой почин. За час — полтора времени проходило в его кабинете много докладов. Шаблонные он пропускал, либо молчаливым кивком головы, либо лаконическим «дальше». К возражениям Витте, вообще говоря, относился терпимо; основательные доводы и твердая, по убеждению, защита на него действовали. Нервность у него проявлялась разве в тех случаях, когда он связал себя словом дать определенное направление делу, а между тем, встречал возражения со стороны своих товарищей по работе.

От просьб высокопоставленных лиц, в особенности от влиятельных при дворе дам, не было отбоя. С. Ю. Витте, несмотря на все желание исполнить просьбу, во многих случаях брал свое слово назад, когда ему приводили, например, такие доводы: «это идет в разрез с Вашим же общим распоряжением; оно включается теперь во все уставы акционерных обществ, и отступить от него невозможно»; или: «по однородным делам неудобно ставить разнородные решения, иначе нас будут обвинять, что дела направляются и разрешаются в зависимости от положения и степени влияния лица, обращающегося с просьбой». Бывали случаи, когда по высокому положению обращающегося с просьбой самому Витте было неудобно ответить отказом, тогда С. Ю. предупреждал своего сотрудника о том, что в присутствии такого-то лица он просит представить откровенно все свои возражения, а затем отказывал в исполнении просьбы в такой форме: «Вот, видите ли, какие возра-

жения выставляет непосредственно заведующий делом».

Стесняясь нередко в отрицательном ответе на обращения близких к государю лиц, Витте нередко смело выступал против определенно выраженных желаний самого государя, навлекая тем на себя неудовольствия. Покойный английский король Эдуард VII изложил в мемории Николаю II свой план благоустройства нефтяных промыслов на Биби-Эйбате, с широким привлечением английских капиталов. Государю очень хотелось удовлетворить желание короля. Витте находил это не в интересах нашей промышленности. Составлен был проект ответа на английском языке в отрицательном смысле. Государю это не понравилось, причем на полях проекта письма он сделал пометки о неграмотности изложения, а против слова *out-put* написал: «Такого слова нет». Витте очень раздосадовался на нас за неудачное изложение письма. Я успокоил его: письмо редактировал мистер Хисс, обучавший государя английскому языку. Что же касается слова *out-put*, то оно выражает технический термин «добыча» и не только помещено и истолковано в имеющемся у меня классическом «English Dictionary» Webster's [порядок слов В. И. Ковалевского], но и пояснено рисунком (тартанье нефти). Витте обрадовался этому и просил вырвать из лексикона лист со словом *out-put* для представления государю. Листок этот мне возвращен не был и мой словарь укорочен на две страницы. Затем вопрос о Биби-Эйбате более не возбуждался, и остается неизвестным, что ответил государь английскому королю.

Еще более решительно иногда выступал Витте против домогательств великих князей. Как-то раз в часы приема курьер мне доложил, что два великих князя желают видеть меня по очень спешному делу. Курьер растерялся. Я пошел навстречу высоким посетителям. Публика в приемной повскакивала с мест. В кабинете моем один из великих князей задал мне вопрос: могут ли они выступать учредителями акционерных обществ, в данном случае золотопромышленного? Необходимо пояснить, что это было в самый разгар лихорадочного оживления фондовой биржи, когда цены, в особенности на дивидендные бумаги, были предметом самой бесшабашной спекуляции. На поставленный вопрос я ответил отрицательно.

— Почему же нет? — недовольным тоном спросил меня великий князь.

— Закон о несовместимости воспрещает быть учре-

дителями и состоять на службе акционерных компаний лицам, занимающим должности выше известного класса, — пояснил я.

— В этом законе ничего не сказано о великих князьях. Да, наконец, могут выступить вместо нас учредителями другие лица, которым закон это не воспрещает.

— В законе действительно о принципах крови не упоминается: говорить о них было бы неудобно. Воспрещение распространяется и на великих князей по духу закона, ибо почти все они занимают очень высокие государственные посты. Подставлять другие имена было бы еще менее подходящим: это вызвало бы возражения, но уже не формального только свойства.

Дальнейших настояний не было, но меня спросили, правильно ли составлен проект устава. Я просмотрел коренные статьи и посоветовал им непосредственно обратиться к министру финансов. Однако, к Витте они не обратились и от меня поехали прямо в Министерство земледелия, в ведении которого в то время находился Горный департамент. Там от них проект приняли, немедленно сдали в типографию (дело было в пятницу), так что в Комитет министров он поступил в понедельник и в тот же день прислан министру финансов. Витте препроводил мне проект с надписью: «Мне об этом золотопромышленном предприятии ничего не говорили». Я объяснил ему, в чем дело. «Ну, так завтра в Комитете министров я провалю проект». Действительно, на заседании Витте выступил с резкой филиппикой, указав на то, что нельзя допускать учреждение общества с подставными лицами с явно спекулятивными намерениями. Проект не прошел. На Витте посыпались неудовольствия. О казусе он доложил государю. Дело закончилось примирением у великого князя Владимира Александровича, который принял на себя роль посредника между недовольными великими князьями и Витте.

После одного из свиданий Николая II с Вильгельмом, германский император передал ему краткую меморию с предложением посредничества Германии в торговых сношениях между Россией и Соединенными Штатами и о готовности Германии снабжать Россию многими из тех изделий промышленности, которые поставляли Штаты. В то время Россия состояла в таможенном конфликте с Америкой (по вопросу о ввозе нашей шерсти). Витте, однако, настоял на отклонении этого предложения, опасаясь, что маклерство Германии обойдется нам слишком дорого.

Вообще, Витте решительно выступал на защиту торгово-промышленных интересов России, как при заключении торговых договоров, так и при столкновении экономических интересов между Россией и иностранными государствами. В особенности он вел энергичную борьбу с Германией в 1892—1893 гг., в период таможенной войны и выработки проекта торгового соглашения.

Тут для Витте не было мелочей, он входил во все подробности. Как человек умный, он понимал и знал, что всего знать не может. Поэтому старался уяснить себе, например, вопросы, относящиеся до красильной технологии: допрашивал, что такое антрацен и антрахинон и роль их в процессе производства, или что такое биметалл. При постановке решения в спорных вопросах, возникавших в Берлине по разным статьям нашего общего таможенного тарифа, Витте почти всегда принимал заключение комиссии, образованной под моим председательством, при участии нескольких профессоров, в том числе Д. И. Менделеева, и представителей от некоторых департаментов Министерства финансов. В эту комиссию министр передавал все предположения, препровождавшиеся со специальными курьерами В. И. Тимирязевым, главою нашей делегации на берлинской конференции. Витте очень торопился с исходом этих переговоров и потому всегда охотно и без задержек принимал относящиеся к ним доклады.

Если Витте часто проявлял упорство и до известной степени принципиальность в защите государственных интересов от вмешательства высочайших и высоких особ, то с другой стороны бывал уступчив и податлив при удовлетворении просьб частных лиц, когда это облегчало проведение его планов или замыслов государственного или личного свойства. В особенности ему трудно было отказывать старым друзьям по Киеву и Одессе, которые, в свою очередь, оказали ему услуги собиранием фактов, сообщением важных для него слухов, разоблачением интриг и т. п. Впрочем, Витте иногда уклонялся от ратоборства с людьми высоких позиций, если того не требовало его честолюбие или собственный интерес.

Во время Китайского конфликта из-за боксерского движения предстояло перебросить, со всею спешностью, несколько десятков тысяч [солдат] всех родов оружия на Дальний Восток. Датская принцесса, рожденная Мария Орлеанская, супруга принца Вильгельма, сына покойного короля Христиана, пользовавшаяся особым

расположением царя Николая II, обратилась к нему с просьбой сдать перевозку всех наших войск датскому Восточно-Азиатскому обществу, которого она была главной пайщицей. Письмо привез адмирал датского флота. Император направил адмирала ко мне, как председателю комиссии для организации доставки войск в Китай, с выражением пожелания об исполнении просьбы принцессы. Комиссии были предоставлены большие полномочия. Я объяснил адмиралу, что исполнение просьбы невозможно по двум причинам: прежде всего надо призвать для перевозок русские торговые суда, дать возможность практики плавания на Дальний Восток тем из них, которые таких рейсов не делали; во-вторых, в случае невозможности поставить наши суда для этого назначения, зафрахтование иностранных судов может быть сделано лишь на основе конкуренции между арматорами. Адмирал уехал очень недовольный. Когда отправка войск из Одессы, сопряженная с большими трудностями, была почти закончена, мне был доставлен в ночь с субботы на воскресенье пакет от государя со вложением телеграммы к нему на английском языке от Марии Орлеанской. В ней она, узнав о дополнительном отправлении в Китай восьми тысяч человек, просила предоставить ей хотя бы эту перевозку, подчеркивая, что «Вам стоит только приказать». На телеграмме стояла пометка царскою рукою: «Надеюсь, на этот раз можно исполнить». Утром [в] воскресенье я приехал к Витте на Елагин остров, показал телеграмму и спросил его совета. «Действуйте сами, ведь Вы председатель»,— ответил он безучастно. Я разослал курьеров по дачам (дело было в августе), где жили члены комиссии, с приглашением прибыть на заседание, хотя бы поздно. Все собрались. Я доложил, в чем дело. Единогласно было решено и подписано отклонить предложение с пояснением в деликатной форме, что, если было бы принято датское предложение, то оно обошлось бы дороже на несколько миллионов против фрахтов, по которым были наняты суда.

Витте очень дорожил сохранением добрых отношений с А. А. Половцовым, членом Государственного совета. В свою очередь, Половцов был близок к великому князю Владимиру Александровичу. Половцов состоял попечителем музея барона Штиглица, на приемной дочери которого был женат. Из своего большого состояния барон Штиглиц отказал по духовному завещанию 10 млн. руб., на проценты с которых должны быть

устроены и содержимы небольшие художественно-промышленные школы в разных городах России. Впоследствии отдано было предпочтение учреждению большого музея в Петербурге. Для этого музея ежегодно покупались Половцовым художественные произведения в общем на большую сумму. Во главе финансового управления стоял финансовый комитет, на котором лежало рассмотрение отчетов и смет. Властное положение А. А. Половцова сводило деятельность комитета к простой формальности. Между тем, в Департамент государственной экономики Государственного совета представлялась ежегодно специальная смета доходов и расходов по музею, верность которой удостоверялась по Департаменту торговли и мануфактуры. Смета эта принималась на веру. Я высказал С. Ю. Витте мнение, что, хотя нет никаких оснований сомневаться в правильности отчетов и сметных предположений, но все же требуется соблюдение известного порядка в ведении и проверке счетоводства и отчетности. Витте признал требование основательным, но наотрез отказался переговорить на эту тему с Половцовым. «Если хотите, займитесь этим делом сами. Вы будете иметь большие неприятности с Половцовым». После разговора с С. Ю. я заехал в музей к тогдашнему директору училища технического рисования барону Штиглицу (он же заведовал и музеем) и просил его изменить порядок [утверждения] расходования [средств]. Половцов пришел в негодование от моих попыток вмешательства и в разговоре с членом Государственного совета Н. С. Абазою наговорил много неприятных вещей по моему адресу. В свою очередь я просил Н. С. Абазу устроить мне свидание с Половцовым, чтобы убедить его в отсутствии предвзятых намерений с моей стороны и внушить ему, что я не имею права относиться безразлично к делу, за которое вместе с ним несу ответственность. К моему удивлению, Половцов встретил меня очень радушно, и за завтраком мы согласились с ним о необходимости введения улучшенных порядков.

Витте относился очень добро и сочувственно к своим сослуживцам, часто сам предугадывал их нужды и шел им навстречу. Несправедливые нападения на них он отражал со всею энергией и часто сам переходил в наступление на противников. С другой стороны он был преувеличенно чувствителен и восприимчив к нападкам властей на так называемую политическую неблагонадежность его подчиненных.

Вспоминаю такой случай. Кандидаты на должность управляющих казенными палатами избирались комиссией из директоров соответствующих департаментов. На одну из таких должностей я предложил в качестве кандидата начальника отделения Владимирской казенной палаты Житецкого, известного украинского писателя и бывшего преподавателя русской литературы в киевской гимназии. В молодости своей «за украинофильское направление» был сослан в Вятскую губ. В конце концов Житецкий пристроился к казенной палате и был доволен, что живет спокойно, никем незамеченный. В прежнее время состояние «никем незамеченного» представляло большие выгоды: зоркие глаза явной и тайной власти теряли из виду, и можно было жить сравнительно сносно. По общему порядку о назначении Житецкого требовалось сношение с Департаментом полиции «о неимении препятствий». От Департамента последовал такой ответ: особых препятствий не имеется, но сообщается, что в прошлом были такие и такие-то факты. На полученном ответе Витте сделал пометку: «Наверное, рекомендовал В. И. Ковалевский», а затем высказал пожелание, чтобы Житецкий устроился как-нибудь иначе. Об этом было сообщено Житецкому, который немедленно приехал в Петербург. Разговор с ним произвел на меня очень тяжелое впечатление. Мне было и стыдно, и прискорбно при сознании, какую медвежью услугу я ему оказал. Почтенный и скромный Житецкий ни о чем не просил, не домогался никакого повышения. Средств у него нет, жена больна, дочери в Москве делают операцию... Чтобы загладить свой великий грех, я в тот же день заехал к Н. С. Абазе и просил его вместе со мною поехать к тогдашнему государственному контролеру Т. И. Филиппову, чтобы совместно упросить его немедленно предоставить Житецкому место лучше того, которое он занимал. Т. И. Филиппов на это согласился. Прошло несколько времени. С. Ю. Витте, узнав о той хорошей репутации, какую Житецкий пользовался, в особенности в Киеве, пригласил его к себе и предложил опять перейти на службу в Министерство финансов. Житецкий отказался.

Ярославский губернатор Б. В. Штюмер, впоследствии министр иностранных дел и председатель Совета министров, пожаловался на старшего фабричного инспектора Ярославской губ. Дейшу за «некоторые проявления неблагонадежности». Вся вина Дейши заключалась в том, что он не признал правильной смету, со-

ставленную для постройки какого-то казенного здания. Посланное на место для расследования лицо не только не нашло в действиях Дейши чего-нибудь предосудительного, но аттестовало его как человека вполне достойного, по аттестованию же Штюмера было характеризовано так, как оно того заслуживало. С. Ю. Витте, отнесшийся сначала с предвзятостью к Дейше, потом охотно перевел его на такую же должность в лучший город — Киев, чего Дейша, сам украинец, женатый на известной певице Сионицкой, давно добивался.

Губернаторы довольно часто жаловались на фабричных инспекторов, выставляя против них или то, что они всегда [*не разобрано одно слово*] на стороне рабочих, или что не пользуются уважением среди промышленников, либо какой-либо другой мотив. Витте в этих случаях спешил скорейшим расследованием через особо командированных лиц. Оказывалось, что сам губернатор не пользовался ничьим уважением, что нападки на пристрастие фабричной инспекции были неосновательны. И Витте успокаивался.

Вообще С. Ю. Витте был очень импульсивен и, под влиянием минуты и настроения, склонен был немедленно переходить к действию. Но по прошествии некоторого времени, когда он мог спокойно обдумать, довольно легко отказывался от казавшихся на первый взгляд бесповоротными решений.

Однажды, привезя с собой проект инструкции фабричной инспекции, С. Ю. призвал меня и поручил немедленно отпечатать и разослать этот циркуляр фабричным инспекторам. Циркуляр был написан рукою К. П. Победоносцева, что я и высказал С. Ю. Витте.

— Откуда Вы это знаете? — спросил он.

— Мне известна рука Победоносцева.

— Все равно — надо разослать.

Я прочел циркуляр. Содержание его было поистине возмутительно. В нем Победоносцев, после краткого, но вполне правильного изложения сущности социализма, указывал на опасности распространения его среди рабочих, называя глубоко развращенными тех, кто придерживается социалистического учения. Фабричную же инспекцию он призывал к надзору и выслеживанию за рабочими, чтобы своевременно могли быть приняты строгие меры. Я раздраженно высказал Витте, что циркуляр Победоносцева прямо-таки чудовищен и даже неумен: за идеи и взгляды можно людей считать вредными, но кто имеет право считать их безнравственными.

ми? Безнравственно само обвинение в безнравственности за честное убеждение. Отказываясь от рассылки этого циркуляра, я просил Витте не давать ему хода, так как в противном случае Министерство финансов наложит на себя несмыслимое пятно. Прошло две недели. Витте запиской спросил меня, когда же будет исполнено его распоряжение. Только что я собрался отвечать ему, повторяя уже ранее приведенные резоны, как на пути к Витте меня повстречал покойный М. И. Кази. Увидев меня в расстроенном состоянии, он спросил, в чем дело. Я ему дал прочесть проект циркуляра Победоносцева и высказал, что если Витте будет настаивать, то я вынужден буду подать в отставку. Кази был того же мнения, как и я, о циркуляре и одобрил мое намерение. Он предложил переговорить с С. Ю. Витте. Министр отказался от своих настояний и, по словам Кази, добродушно закончил словами: «Ну, и не будем публиковать. Пусть Ковалевский положит проект под сукно».

Надо пояснить, что С. Ю. очень считался с М. И. Кази, который пользовался расположением Николая II. Внешним образом Витте обнаруживал дружеские отношения к Кази, но в душе побаивался М. И. и помешал его назначению сперва на пост государственного контролера, а потом — министра путей сообщения, подсказав вдовствующей императрице в качестве кандидата на пост министра путей сообщения князя М. И. Хилкова, к которому императрица-мать относилась очень благосклонно. Кази был человек сильной воли и влиятельный, несмотря на то, что не занимал никакого официального положения после управления казенным Балтийским судостроительным заводом на полукommerческом основании. Человек состоятельный, он не искал государственного поста по материальным побуждениям. Но ему очень хотелось приложить свою кипучую энергию к большому административному делу, в сознании, что государственный корабль несетя «без руля и без ветрил» навстречу гибели. Да и честолюбие играло не последнюю роль. В беседе с Витте Кази откровенно высказал, что, если бы попал в государственные контролеры, то имел бы пред собой полную картину того, как живет и управляется Россия, был бы превосходно осведомлен о деятельности всех министерств, о результатах их работы на благо или во вред населению, о переживаниях и настроениях России. Витте все это принял к сведению.

Неожиданности неприятного свойства нередко вызы-

вали у Витте не только смущение, но и растерянность, правда на короткое время, пока он не успевал сообразить подходящую комбинацию для выхода из затруднений.

Летом, в один из воскресных дней, С. Ю. получил от императора Николая II записку без подписи, положенную на столе кабинета охотничьего домика во время царской охоты. Как оказалось впоследствии, записка была составлена генералом Пантелеевым, товарищем министра внутренних дел по управлению жандармской частью. Характерно, что содержание записки министру внутренних дел известно не было. В ней описывалось печальное положение фабрично-заводских рабочих («белых рабов» — по выражению Пантелеева). По мнению его, улучшить положение рабочих, среди которых тлетворные семена социализма дают обильные всходы, можно лишь одним путем — передачею заботы о благополучии рабочих в руки губернских жандармских управлений. Под председательством начальника такого управления нужно образовать комиссии при участии промышленников, которые, по указке председателя, и будут приводить в исполнение намеченные им меры. Расходы по улучшению быта рабочего класса будут распределяться по соображению с состоятельностью и платежеспособностью заводчиков. Никаких законодательных норм не нужно: все по душе и на глазок, по справедливой оценке. Просто и скоро. Фабричная инспекция должна состоять в распоряжении жандармского управления и служить ее видам — для осведомления о настроении. Не так голо — откровенно было написано, но сущность была именно такая. И все это подносилось под флагом защиты труда от угнетения капиталом, с целью положить конец пропаганде. Царь на полях записки сделал много сочувственных пометок: «Правильно», «Верная мысль», «Так и сделать».

По получении записки Витте пришел в ужас от проекта такого «жандармского социализма», как он назвал его. Он вызвал меня и мы стали обдумывать, как выйти из затруднения. Решено было снять копию с записки Пантелеева, не воспроизводя царских пометок на полях, и затем недели через две просить государя о передаче ее на рассмотрение комиссии под председательством К. П. Победоносцева.

Государь положил резолюцию именно в этом смысле. Я отвез записку Победоносцеву в Царское Село. Оберпрокурор был очень недоволен этим поручением и, по

прочтении записки, злобно заметил: «Да разве я золотарь для Пантелеева?» Я сказал ему, что назначение комиссии исходит от государя. «Знаем мы: это воля не государя, а Витге». Разбор записки потребовал много времени. Когда работа была закончена, я заехал к Победоносцеву, чтобы передать некоторые материалы. Он предложил мне ехать вместе с ним на дачу к министру внутренних дел, у которого было назначено заседание комиссии для рассмотрения основных положений доклада Пантелеева и возражений на них¹⁰.

Мы ехали в купе молча. Обер-прокурор имел презабавный вид. Тошная, мумиеподобная фигура сидела в полудремоте, устремив неподвижно глаза на большие пальцы рук, описывавшие круги один около другого. Пальцы периодически разжимались, чтобы подбирать обильно скопльившиеся в углах рта капельки. В довершение всего — частое посвистывание сусликом. Я долго крепился. Наконец, меня охватил неудержимый хохот. Как ни кусал я губы, как ни щипал ноги, ничто не помогало.

Победоносцев, сердито посмотрев на меня, спросил: — Что вызвало у Вас такой неистовый хохот?

— Я припомнил смешную жанровую сценку, в которой сам был действующим лицом, — оправдывался я.

— Расскажите ее мне, — пожелал Победоносцев.

— В древние времена можно было в некоторых высших учебных заведениях записываться слушателями отдельных предметов, уплачивая в год по три рубля за каждый. Я записался слушателем химии и получил ответственное удостоверение, заменявшее паспорт. С ним я и выехал в свою родную Харьковскую губ. По приезде на станцию, мне надо было подыскать в соседнем селе лошадей для проезда в имение моего отца, верстах в сорока. Я обратился к волостному старшине, по фамилии Борщ, с просьбой отпустить земских лошадей. «А кто вы такой будете?» — спросил он. Я предъявил документ. Борщ был «людина неписменный» — неграмотный или почти неграмотный, ибо бумагу повернул верхним концом книзу, «догоры ногами». На помощь позвал он писаря Коробку, разбитного малого типа «Шельменко». Тот прочел и передал мою квалификацию: «Слушатель химии». «Слушатель химии», — повторил Борщ, отчеканивая каждый слог. «Щож воно таке: чи чин, чи звание, чи должность? Здорово молоде. Мабуть, неважна птица». «Ни, мини здаеця, шо то чоловік вчений, — пояснил Коробка. А шо молоде, то не в ди-

ковину, бо вченые завсегда молоди бувають. Коней дати треба. Воно, пане голова, и спокойниие. Може и справди то людина важна. Не дасте коней, як бы вам вид становаго ни вливило». Борщ согласился. Подали лошадей. Когда отъехали шагов двадцать, Борщ приказал остановиться и спросил: «А казенна печать е?» Я опять показал бумагу. Печать совершенно успокоила волостного старшину. «Ну, теперь, идьте с Богом», — напутствовал он меня.

Рассказ мой насмешил Победоносцева, и я вышел из тяжелого положения.

Витте был чрезвычайно доступен, прост в обращении, не любил формальностей. Старых друзей он помнил, принимал их запросто и [*не разобраны два слова*] обычно приходил им на помощь.

Из многих фактов проявления С. Ю. Витте великодушия расскажу три разнохарактерных.

В 1894 г. мы шли на пароходе из Рыбинска в Нижний для обсуждения с тогдашним нижегородским губернатором Н. М. Барановым вопросов, связанных с предстоявшей Всероссийской художественно-промышленной выставкой 1898 г. Сзади шел другой пароход «на всякий случай». В пути лопнула крышка парораспределительного прибора парохода, на котором мы находились; пар повалил во все машинные отделения, на палубу. Пароход этот только что вышел из ремонта. Подали другой. Началась пересадка и перегрузка. Капитан и помощник его сильно смутились, команда имела растерянный вид. Витте молча и спокойно перешел на другой пароход и продолжал своими широкими шагами ходить по палубе, углубившись в какую-то, видимо его тревожившую, мысль. Настало время завтрака. Я спросил его, о чем он думает. «О Восточной китайской дороге и о Ляхунчанге»¹¹, — ответил он. Напомнив ему о времени завтрака, я обратил его внимание на общее смущение. «Пойдемте завтракать». За столом он интересовался Волгой и плаванием по ней, ни одним словом не намекнув на инцидент.

По приезде в Нижний, он поблагодарил служащих и команду. Надо было дать команде. «Сколько дать?» — спросил он. «Вам, как министру меньше 200 руб. дать нельзя». Витте принялся вытаскивать бумажки из жилетных карманов, насчитал менее 400 руб. (Витте в то время не носил портмоне и никогда в точности не знал, сколько денег имеет при себе). «А у Вас сколько?» Я насчитал 280 руб. «Ну, как-нибудь достанем в Нижнем на

расходы по пребыванию там и обратную поездку». Надо заметить, что Витте обыкновенно не брал полагавшихся ему на поездку денег, но получал по действительному расходу, что было гораздо меньше.

Другой эпизод. Пришла пора пересмотра «вечного» Туркманчайского торгового договора 1828 г. между Россией и Персией, времен Грибоедова. В основу коммерческой части договора была положена оплата товаров 5% пошлиной *ad valorem** с обеих сторон. Такая пошлина представлялась неотвечающей нашим фискальным интересам и отчасти подрывала общую схему таможенного покровительства. Поэтому предположено было повысить ставки на некоторые предметы персидского ввоза, по возможности сохраняя обложение наших товаров при ввозе их в Персию [*не разобраны несколько слов*]. Переговоры решено было вести в [*не разобраны три слова*], возложив [?] их с нашей стороны на посольство и специально командированную отсюда делегацию. Выработанный нами проект держался в строгой тайне. Он был обнаружен на другой день после отъезда делегации. Произошло это при следующей обстановке.

Один из сыновей служащего в Департаменте, еще совершенный юнец, спросил у входившего в состав делегации лица, зачем они едут в Персию. Тот ответил ему в общей формуле. На другой день в «Новом Времени» появилась краткая заметка об отправлении министром финансов для переговоров делегации в Тегеран и с какою именно целью. Я немедленно поехал к А. С. Суворину с выражением неудовольствия на то, как редакция могла поместить известие, могущее принести большой вред России, прибавив, что ни одна редакция английских газет, будь такой казус в Великобритании, не только не поместила бы его, но сделала бы серьезный реприманд молодому и неопытному автору, который польстился 10-копеечной платой от строки сенсационного известия. Суворин высказал свое сожаление по поводу случившегося, в чем лично несколько неповинен, так как отдела хроники вовсе не просматривал. Я опасался раздражения Витте против состоявшего у нас на службе отца молодого человека, а потому посоветовал ему пойти с повинной авансом. «Расскажите ему все откровенно и заявите о своей отставке, указав, что за проступок юнца-сына в данном случае отве-

* Сообразно цене, от цены (*лат.*).

чает отец. Вы увидите, что отставка Ваша принята не будет». Предположение мое вполне оправдалось. Вите даже не сделал выговора.

Между тем, английское посольство, прочтя помещенное в «Новом Времени», забило тревогу. Оно настаивало на том, чтобы уступки, сделанные Персией России, распространялись и на Соединенное Королевство на принципе наибольшего благоприятствования. Насколько англичане бдительны в деле защиты интересов своего государства, видно из следующего примера. Нашей миссии в Тегеране удалось добиться согласия персидского правительства на устройство шоссейной дороги от Джульфы до Тавриза и дальнейшего затем соединения с Тегераном. Трасса линий, ширина пути, устройство водного снабжения, запасы рельсов и скреплений тут же на месте — все было рассчитано на быстрое превращение шоссе, с наступлением подходящих обстоятельств, в настоящую железную дорогу. Для обсуждения этого плана было созвано совещание из небольшого числа лиц. Кто-то уронил пригласительную повестку на это совещание, которая попала в руки английского посольства. Встревоженное, оно сделало запрос нашему Министерству иностранных дел и сообщило в Тегеран своему посланнику о необходимости проследить за ходами России и принять своевременные меры.

Великодушные С. Ю. Вите проявилось особенно выпукло в деле покойной Любарской-Письменной. Вите тогда уже не состоял министром финансов. Дело это находится в связи с процессом, наделавшим много шума и стоившим жизни двум главным действующим лицам — А. К. Алчевскому и Любарскому-Письменному.

Оба они обвинялись в злоупотреблениях в Харьковском городском и Земельном банках. Растроченные Алчевским суммы на кредитование его каменноугольных предприятий Юга России он надеялся покрыть за счет дополнительных облигационных займов за границей, на заключение которых имелось принципиальное согласие иностранных капиталистов. Алчевский просил меня поскорее направить его ходатайство о разрешении этих займов, не передавая однако того, что случилось в Харькове. С. Ю. Вите отнесся сочувственно к ходатайству Алчевского, а я очень обрадовался тому, что такой умный и талантливый самородок, как Алчевский, много сделавший для русской горнозаводской промышленности, выйдет из тяжелого положения. Облигационные займы вполне оправдывались финансовым состоя-

нием промышленных предприятий, руководимых Алчевским. Как известно, бельгийцы, охотно помещавшие свои и французские капиталы в южно-русские дела, несомненно быстро реализовали бы необходимые для Алчевского суммы.

Надо пояснить, что самоучка Алчевский, начавший с мелкой торговли, прекратил ее в сознании необходимости финансового и экономического образования за границей, и с этой целью отправился в Германию, где и слушал лекции в течении нескольких лет. Жена его — Х. Д. Алчевская, всеми уважаемая устроительница воскресных школ (впоследствии закрытых) на Юге России в эпоху освобождения крестьян, общественная деятельница по народному образованию и автор сочинения «Что читать народу», пользующегося почетной известностью. По возвращении из-за границы, Алчевский горячо принялся за горнопромышленные дела на Юге, имел большой успех и пользовался большим влиянием. Спасти такого человека было нравственным долгом, тем более без ущерба для иностранного капитала.

Через несколько дней после данного мне обещания разрешить облигационные займы, Витте взял его обратно, ссылаясь на сообщенные ему директором Кредитной канцелярии Б. Ф. Малешевским сведения о растратах в харьковских банках и о необходимости назначить ревизию. Очень хороший математик, превосходно знавший страховое дело, Малешевский был большой пессимист, даже с мрачным оттенком, плохой администратор, вовсе не знавший России, относившийся предубежденно ко всему русскому, но зато очень сочувственно ко всему польскому. После отказа Витте Алчевский снова просил меня поддержать его пред министром финансов, но сделать этого я уже не мог, и посоветовал ему непосредственно и откровенно рассказать все самому Витте. Витте ему опять отказал. Через несколько дней Алчевского извлекли искалеченного из под поезда на ближайших путях Николаевской ж. д. Вскоре после этого Алчевский скончался. Смерть его произвела на Витте очень тягостное впечатление.

Любарский-Письменный был осужден, ослеп в заключении и тоже вскоре умер. Жена его М. А. Любарская, женщина образованная, талантливая и чрезвычайно энергичная, очутилась в очень тяжелом материальном положении. Ввиду солидарной ответственности, было наложено запрещение на все принадлежавшее Любарским имущество. Жила М. А. Любарская в Петер-

бурге за счет небольших сбережений, продавала свои драгоценности, гардероб, в надежде, что ходатайство на высочайшее имя о пересмотре дела скоро приведет к лучшим дням. Целыми годами она пыталась добиться благоприятного для нее результата, обращаясь к государю то непосредственно, то через великих князей и других влиятельных лиц. Обещаний было много, надежд еще больше, но ничего не выходило.

Доведенная до отчаяния, она обратилась ко мне, не могу ли я вместе с Витте помочь ей. Пригласить к этому делу Витте мне казалось прямо-таки невозможным: Любарская, считая Витте главным виновником своего несчастья, в течение нескольких лет очень резко выступала против него в печати и во всеподаннейших ходатайствах, называя его самыми грубыми именами. В одном из писем С. П. Витте она, излив на него свое негодование и грубо порицая его государственную деятельность, как направленную, по ее мнению, ко вреду России, угрожала убить его. Факсимиле этого письма было напечатано в газетах. Витте относился к этим нападкам спокойно и однажды выразился так: «Но что же мне делать с этой нелепой женщиной?!» Я решил попросить Витте о помощи Любарской. Общая сумма взысканий с обвиненных превышала 12 млн., причем, около половины приходилось в пользу фирмы братьев Рябушинских. За все это должно было ответить главным образом имущество Любарской, так как у остальных обвиненных его почти уже не было. Между тем, вся ценность недвижимости Любарских не превышала 800—900 тыс. руб. Чтобы предоставить Любарской хотя некоторые средства к жизни, необходимо было упросить кредиторов сбавить свои требования настолько, чтобы в пользу Любарской получилось 200—300 тыс. руб.

Витте согласился помочь Любарской с искренним и добрым чувством. Для переговоров по этому делу был приглашен один из Рябушинских. Надо заметить, что Любарская не щадила в своих отзывах и характеристиках также представителей этой фирмы. В. П. Рябушинский немедленно приехал в Петербург, и в кабинете Витте, после изложения мною доводов и просьб по делу Любарской, Рябушинский согласился от имени своей фирмы ограничить свои требования 200 тыс. руб. Другие кредиторы также пошли на соответственные скидки, благодаря чему, после ликвидации всего дела Любарской очистилась такая сумма, на проценты с которой она могла бы сносно существовать.

Однако, если на пути к осуществлению честолюбивых планов Витте стоял человек, воплощавший в себе реальную опасность, то С. Ю. не стеснялся в способах действия для устранения противника. Такую опасность для себя он усматривал в лице А. А. Абазы, председателя Департамента государственной экономии. А. А. Абаза, человек богатый и властный, занимал исключительное положение в Государственном совете. Он имел огромное влияние на направление и решение дел в прежнем законосовещательном учреждении, в особенности по Департаменту государственной экономии, где рассматривались росписи доходов и расходов и все законодательные проекты финансовых и экономических мероприятий. Если Абаза не одобрял внесенного, например по Министерству финансов, представления, то почти не было шансов на благополучное прохождение чрез Государственный совет. Абаза недолюбливал Витте, считая его выскочкой. Витте это знал и воспользовался первым удобным случаем, чтобы устранить Абазу со своего пути.

После тяжкого голодного 1891/92 г., когда был воспрещен вывоз хлеба из России, предстояло снять это запрещение, причинившее нам немало вреда. Германия приняла все меры, чтобы в интересах своего земледелия освободиться от ввоза нашей ржи, чего она и достигла в значительной степени. Запрет экспорта отразился неблагоприятно на нашем балансе и валюте. Надо было решить, снять ли запрещение, или продлить его еще на некоторое время. Для рассмотрения этого вопроса императором Александром III была назначена комиссия под председательством А. А. Абазы, в состав которой вошел и Витте, бывший в то время министром путей сообщения. Витте очень хорошо подготовился к обсуждению вопроса в этой комиссии. Он подробно ознакомил ее с положением международного хлебного рынка, с влиянием размера вывоза хлеба на торговый баланс и валюту, привел статистические данные о ввозе и вывозе хлеба различными странами, о колебании цен и фрахтов и т. д. Сообщенные им по этому предмету сведения, внесенные в журнал комиссии, обратили внимание государя, который сделал лестную для Витте пометку на его полях. Это выдвинуло Витте, как знатока в области финансовых и экономических вопросов, и запланировало ему пути к посту министра финансов, тем более, что дни главного руководителя финансового ведомства, И. А. Вышнеградского были сочтены, ввиду его серьезной болезни.

Восстановление свободного вывоза хлеба должно было улучшить вексельный курс и значительно поднять цены на бумаги. Абаза сыграл на повышение при посредстве А. А. Рафаловича. И Абаза, и Витте знали Рафаловичей по Одессе. Во время своего студенчества Витте был учителем детей этой богатой одесской семьи. Рафалович сообщил Витте о данном Абазой поручении купить какие-то бумаги на большую сумму. С. Ю. Витте доложил об этом Александру III, и Абазе пришлось покинуть свой пост и выйти в отставку.

Витте умел слушать. Это — редкая у нас способность. Читатель, конечно, часто бывал в публичных заседаниях, и от его внимания не ускользнуло следующее явление: раньше чем внимательно выслушать чье-нибудь изложение и согласиться с ним убежденно или возражать основательно, «слушатель», вернее — присутствующий в собрании, заранее сосредоточивается на своем слове, говорит не на тему, повторяет уже сказанное или возражает невпопад и без надобности. Потребность «отсебятины» у нас страшно развита, словно оратор желает заявить о своем существовании: «говорю — значит существую». Сумма вреда, причиняемого нашим словолюбием, наклонностью «к словесности» и диалектическому «пулеметству» так велика, что если бы ее превратить в материальные ценности, то мы были бы самым богатым народом в мире*.

Витте не только умел слушать, он умел тонко осведомляться, распознавать пульс жизни. От каждого посетителя, сколько-нибудь интересного, он находчиво извлекал все то, что могло ему пригодиться для очередного плана действий, или для освещения общего положения, или той или другой отрасли науки и народного труда. Очень часто он приглашал тех лиц, которые могли его информировать по разным вопросам, или просил познакомить с теми, кто мог быть ему полезен в этом отношении. Вообще, изучение «шахматной доски» составляло как бы его потребность. Оно дополняло его арсенал для борьбы с противниками или для подготовки к выступлениям на защиту его предположений. Комиссии и совещания он недолюбливал, ибо в них, по его словам, тонет индивидуальность и воля, а времени тратится много [*не разобраны два слова*]. Для озна-

* Далее опущено пространное примечание В. И. Ковалевского (2 страницы машинописи) об использовавшихся им приемах ведения деловых совещаний.

комления с настроением он беседовал с лицами самых разных кругов. Так, однажды он пригласил членов Совета Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. К. П. Победо[но]сцев был вначале настолько враждебно настроен против этого общества, что поручил председателю Совета передать его слова: «Я буду счастлив, когда их прихлопнут». Победо[но]сцев, враг живого проповеднического слова, всегда уходящий из церкви, когда начинали проповедь, относился отрицательно к этому обществу именно за то, что оно открыло внебогослужебные беседы о долге и церкви. Члены Совета, в числе восьми, явились по приглашению С. Ю. Витте. Он просил их, как официальных лиц Общества, высказать [свои] взгляды на текущие события, изложить критику некоторых правительственных мер, обещая затем представить государю членов общества. Председатель, прот[оиерей] Кульбуш, заявил, что он не уполномочен говорить от имени Общества, но каждый из присутствующих кратко высказал свое личное мнение. Вторичного приглашения не последовало и государю священники не были представлены.

Бескорыстие С. Ю. Витте не возбуждало никаких сомнений. Вопросы личного материального благополучия его мало интересовали и только за несколько лет до смерти он задумался об источниках существования в будущем, когда иссякнут его небольшие резервы. В бытность С. Ю. министром финансов, государь Николай II два-три приказывал ему помочь выдачей значительных — по казенной мерке — сумм. Не знаю, сделал ли это государь по собственной инициативе или по просьбе кого-либо из близких к Витте лиц, во всяком случае сам Витте непосредственно не просил о том государя. Надо заметить, что со времени Бунге прекратились вошедшие в обычай отчисления министрам финансов за успешные конверсии и займы, так что этот источник ничего не давал ни И. А. Вышнеградскому, ни С. Ю. Витте.

Раньше, чем характеризовать государственную работу С. Ю. Витте и ее важное значение, я рассказал несколько эпизодов из его служебного быта, чтобы дать представление, так сказать, о сложности и многогранности его духовного мира. Я не воздержался от изложения и некоторых отрицательных сторон его личности. Не воздержался — из глубокого убеждения, что актив его деятельности так велик, что и после вычитания не-

которых пассивных статей его баланса, все же остается такое крупное сальдо, которое оправдывает его звание большого государственного человека и то огромное место, которое бесспорно принадлежит ему в истории России конца XIX и начала XX столетий.

III

По окончании Всемирной выставки в Чикаго в 1893 г. Россию посетил Джеймс Шин — бывший министр народного просвещения Северо-Американских Соединенных Штатов, автор учебника русской истории для средней американской школы и главный эксперт (single judge) на Чикагской выставке. Он очень интересовался русским отделом этой выставки и сильно содействовал внимательному и заботливому отношению к русским экспонентам. Целью его поездки было, во-первых, ознакомиться, как он говорил, «с магистральными течениями русской мысли и русской жизни» и, во-вторых, поднести Александру III, «защитнику и проводнику мира», адрес от сотен тысяч американских граждан.

Александра III Шин не застал в живых и очень сожалел, что отсутствие настоящего паспорта заставило его вернуться в Берлин для оформления права въезда в Россию. «Не будь этого. я бы, пожалуй, успел вручить императору приятный для него адрес». Шин никак не мог уразуметь, почему его личность должна быть удостоверена только паспортом с описанием «особых примет»; еще меньше было ему понятно требование прописки при каждой перемене места жительства в Петербурге.

Д[окто]р Шин — бодрый, подвижный, энергичный человек лет 70-ти, интересовался всеми сторонами русского быта. Он перезнакомился со многими нашими литераторами, учеными, художниками, практическими деятелями, стараясь вникнуть в основы нашей жизни. Полюбил он и русскую кухню, и русские развлечения. В трескучий мороз повезли мы его на Крестовский; став рядом с ямщиком, он неоднократно понукал его русским «пошел!» На Крестовском он с восторгом прослушал цыганские хоры, увлекался русской пляской, особенно понравился ему малороссийский «гопак», которому он учился подражать, «чтобы экспортировать в Америку».

Представлялся он государю два раза. При первом

ЦГАЛИ СССР, ф. 1208, оп. 1, д. 24, л. 1—33. Машинопись с рукописными вставками.

представлении Шин передал о дружеском отношении американского народа к русскому, напомнил с благодарностью о той помощи, которую Россия неоднократно оказывала Соединенным Штатам в трудное время и заявил о готовности американской нации ответить России взаимностью, если бы по ходу исторических перемен [?] в том оказалась надобность. Государь спросил у Шина, думает ли он дополнить свой учебник истории царствованием Александра III. Шин ответил на вопрос положительно. Государь предложил ему просмотреть этот отдел учебника, «чтобы устранить возможные [?] погрешности, не касаясь выводов [?] и освещения фактам». При втором представлении государь спросил м[исте]ра Шина, собирается ли он описать свои впечатления о России, и если да, то прислать ему тексты [?]. Расставаясь, Шин передал через государя императрице-матери совсем простенькое пресспапье из оникса.

Приблизительно через полгода Шин вернулся в Америку и вскоре после того прислал при письме на мое имя пакет, в котором содержалось письмо к государю и рукопись написанных им «Impressions». Пакет не был заклеен и на нем значился оригинальный адрес: «To Emperor Nicolas II, Nevsky, Anitchoff-Palace». Письмо к государю было подписано: «Your american friend»*. По прочтении письма и «Впечатлений», я изложил С. Ю. Витте содержание их, прося подлинники вручить государю.

«Impressions» представляют интерес. Вот сущность их. В Петербурге все шиворот-на-выворот, а в хаосе [?] общечеловеческие законы, по-видимому, не действуют. Россия — страна *sui generis* **. В Петрограде зимой нет дня, а летом нет ночи. Жителей много, но не ощущается биения жизни. Общество приветливое и доброе, но в [не разобраны два слова] чувствует не по себе: ничто общественное его не интересует, господствует взаимное недоверие, опасение говорить о политике. Американцу трудно жить вне общественных интересов; но вскоре (он) осваивается с этими особенностями русского просвещенного [не разобраны три слова] — так милы и ласковы русские души. Хозяева спешат занять своих гостей ужином и картами, чтобы они не скучали.

Россия — классическая страна противоречий и несообразностей. Природа все дала ей в изобилии — и зем-

* Ваш американский друг (англ.).

** Своеобразная, необычная (лат.).

ли, и леса, богатые недра, изобилие рыбы и дичи, разнообразие климатов и мест [?]; но какое горькое несоответствие между этими природными дарами и нищетой народа, темнотой и скудостью бытия!

Россия — страна глубоко демократическая — и по своей истории, и по складу своей жизни, и по строю души народа. И русский царь должен называть себя «а тоцѣк тзар» (?) Народ — даровитый, свежий своею молодостью, легко воспринимающий все полезное и приложимое к практической деятельности, но он в основной своей толще очень темен. Ему нужен свет просвещения. И местные учреждения могли бы сделать в этом отношении очень много, если бы им не ставили препятствий. Высшее образование оторвано от запросов реальной жизни; среднее образование не подготавливает молодежь для непосредственной работы, и трудно понять, зачем такому реалистическому и демократическому народу, как русский, нужно мучительное изучение классической премудрости.

Шин не без иронии останавливался на двух явлениях русской жизни — политическом шпионаже и цензурстве. Как американец, он не понимал, что делают эти люди. Подобно Маколею в его оценке действительно [*не разобрано одно слово*] исходит из предположения: «По всей вероятности они занимаются таким-то делом» (it must be). По поводу работы цензоров Шин замечает: «Цензоры должны обладать чуть ли не божеским провидением того, по каким путям должно направлять развитие многомиллионного народа для его политического, экономического, научного [?] и духовного совершенствования; цензоры должны быть глубокими знатоками прошлого своего народа и его современных нужд. Счастлива страна, имеющая таких мудрых и прозорливых [людей], каких в Америке нет! Что касается политического шпионажа, то Шин жестоко осуждает его, как явление глубоко деморализующее народ и закрывающее от власти истинные настроения и запросы страны.

Заканчивает Шин воззванием [?] к государю — выступить с инициативой всеобщего разоружения, положить конец международной травле начал мира в человеках. Россия должна явиться носительницей нравственных, гуманитарных принципов в международных отношениях. Тогда она окажет великое благодеяние всему человечеству, проложит новые пути и будет благославлена народами.

ЦГАЛИ СССР, ф. 1208, оп. 1, д. 25, л. 20—22. Рукопись.

IV

В 1900 г. незадолго до Боксерского движения в Китае, я был приглашен на обед к своей землячке Варваре Ивановне Иксуль, известной общественной деятельнице и организаторше женского медицинского института в Петербурге. В числе гостей был и Павел Васильевич Жуковский, сын знаменитого поэта и воспитателя императора Александра II. Большой любитель искусства, П. В. Жуковский жил постоянно в Москве и, в числе прочих полезных должностей, был председателем Комиссии по сооружению памятника Александру II в Кремле. Человек «не от мира сего», чуждый знания практической жизни, Жуковский возвышенно понимал миссию самодержавной власти и испытывал тяжелое чувство от сознания, что она все более теряет престиж. При приездах из Москвы, он останавливался в Царскосельском дворце и пользовался радушием царской семьи.

После обеда зашел разговор о тяжелом положении России, о неведении царя об истинном настроении страны и о необходимости принять решительные меры, пока не поздно. Я тоже высказал свое мнение, что нужно сделать. Жуковский, в частном разговоре со мной, передал мне, что царь говорил с ним как раз о положении России. «Мне с разных сторон заявляют — высказал он — о неблагополучии России и о настоятельности приступить к коренным реформам. Россия будто бы переживает кризис. Между тем министры утверждают противное. Мне хочется знать правду и помочь, — но чем?» Жуковский просил меня составить краткую записку с изложением высказанных мною мыслей, с тем чтобы лично передать ее Николаю II. Записка была на другой же день написана на ремингтоне и по одобрении ее А. А. Киреевским, известным идеалистом-славянофилом и писателем по церковным и славянским вопросам, я вручил мною написанное П. В. Жуковскому, который мне посоветовал не подписывать ее. Жуковский нашел, что записка составлена в сильных выражениях, но все же он передаст ее по назначению.

Вот содержание этой записки:

«Самодержавие на Руси было не только исторически — [*не разобрана часть слова*] формой государственного правления, но и предметом народного верования, своего рода культом. Народ смотрел на царя как на земное божество, видя в нем воплощение высшего разума и высшей правды, направленных на его

благо. В царской короне то был самый драгоценный камень, но он потускнел и для восстановления его прежнего блеска необходимы чрезвычайные меры и усилия со стороны властей.

В историческом ходе развития отношений народа и самодержавной власти выделяются три периода. В первом периоде народ все свои бедствия не ставил в вину самодержавию. «Царь не знает правды, которую от него скрывают приближенные. О если бы он знал ее!». Во втором периоде народ дает иное объяснение своим тяготам: «Царь не любит правды, боится ее, стоит далеко от своего народа, не желает лично убедиться в его страданиях». Оба эти периода уже прошли. Теперь Россия вступила в третий период. Народ говорит: «Царь сознательно и намеренно защищает угнетателей народа; он идет не с ним, а против него». Такое убеждение все глубже и глубже проникает в сознание населения. В этом кроется величайшая опасность для будущего, предупредить которую есть еще время, но надо действовать быстро и соответственно [*не разобрано одно слово*] населения.

Народ русский — народ исключительный по основным чертам своего духа: всепрощающий, самоотверженный, страстотерпец. Он прощал царю жестокому, слабому, безумному, приписывая переживаемые печали своей собственной греховности. Сам бедный и сирий, он охотно делится последним со страдающим человеком. К преступнику он относится как «к несчастному» с глубокой терпимостью: «грех да беда на ком не живут», «кто перед Богом не грешен и перед царем не виноват» — так сложилось в народной душе. Отрицательные стороны характера русского народа объясняются долголетним забвением о его просвещении и материальном благополучии. Перед таким народом нельзя не склонить венчанной главы.

А какова его жизнь? Нищета, темнота, забитость, гнет, повальные болезни, огромная смертность. Достаточно побывать в нескольких деревнях, чтобы вынести самое безотрадное впечатление. Но цари не посещают деревни, а между тем хотя бы некоторое ознакомление с нею могло бы повести к коренному переустройству и было бы совершенно неожиданным проявлением воли. Требование остановки поезда с нарушением маршрута перепутало бы все замыслы министров с целью показать Россию в том искусственном освещении, какое так желательно администрации.

Во время коронации царь пред «царем царствующих и господином господствующих» торжественно обещал править на благо своего народа. Знакомство с действительной жизнью, с ее неправдами и бедами поставило бы верховную власть лицом к лицу с теми задачами, которые надо разрешить для осуществления этого блага.

Россия считается житницей Европы, но сама периодически голодает. При обилии естественных богатств, она лишена самого необходимого. Даровитый народ, способный устроить более счастливо свою судьбу, лишен возможности прилагать свои силы на свое же благополучие — так велики препятствия, опутывающие [*не разобраны четыре слова*] к просвещению и материальному благосостоянию. Снять все эти путы, устранить глубокую пропасть между знатными дарами природы и скудостью народного быта — такова задача, стоящая перед самодержавной волей [*не разобраны четыре слова*] начала нынешнего царствования. Народ тревожно ждет проявления царской воли на свое благо. Безвольное самодержавие не соответствует прочности государственного порядка. Необходимо устранить такое противоречие возможно скорее, направив волю прежде всего на диагностику болезни, которой болеет Россия. Для этого нужно призвать лучших людей, предоставив земству, городам, ученым корпорациям и практическим деятелям право избрания таких людей и надо дать им возможность сказать правду, как бы ни была она неприятна.

Лучше люди на Руси часто подвергаются преследованиям и гонениям не только за свои действия, но и за образ мысли. Деление людей на политически благонадежных и политически неблагонадежных приносит огромный вред с государственной и общественной точек зрения. Оно лишает Россию наиболее способных работников, любящих свою Родину и готовых отдать ей все свои силы. Но спроса на таких людей нет, к величайшему ущербу для материального и духовного движения России вперед. Достаточно донесения частного или станového пристава о «подозрительном образе жизни», достаточно доноса агента тайной полиции о «внушающем сомнение поведении», чтобы испортить жизнь и будущее самого безобидного человека. Сатирик Щедрин очень метко выразил содержание одного из доносов на совершенно невинного обывателя: «Кажется, говаривал, что армии не нужно». Эти, так называемые политически неблагонадежные, люди представляют наиболее бла-

гонадежный элемент для распознавания правды, для разъяснения, как водворить лучшие порядки на русской земле и как воплотить их в жизнь.

Россия страдает небывалым в мире перепроизводством умственных и нравственных сил, и не потому что богата такими силами, но потому что у нас знания и таланты не находят помещения. Отсюда странное явление: с одной стороны — «лишние люди», а с другой — жалобы, что нет людей. Нередко эти «лишние люди» пользуются большим почетом за пределами России, уходят туда для научной работы и просветительных целей, либо скорбно доживают свои дни вдали от родины. Так, профессор Мечников стоит во главе Пастеровского института; профессор Максим Ковалевский читает лекции в заграничных университетах — в Стокгольме, Флоренции, Париже и Лондоне, приглашается на конференции в Соединенные Штаты как знаток истории и государственного устройства союза*; профессор Чупров поселился в Швейцарии, растрачивая свое здоровье на борьбу за общественный интерес. Все эти люди из «неблагонадежных». К той же категории относится знаток уголовного права Дриль, которому была закрыта кафедра в Киевском университете за «вредное направление», выразившееся в защите идеи невменяемости, между тем международный конгресс криминалистов в Риме избирает его своим председателем.

«Неблагонадежными» почитаются многие учреждения и [*не разобрано одно слово*]. Неблагонадежна земская статистика — только потому, что вскрывает истинное положение главной массы населения — крестьянства и рабочего класса; обнаружение правды не в интересах административной власти. Неблагонадежной считается и работа в земстве. Привлечение на земскую службу «разночинцев» рассматривается как опасное [?] для государственного строя.

Забота о просвещении народа тоже находится под подозрением из опасения, что просвещение народного разума приведет к критике существующего порядка и к [*не разобраны четыре слова*]. Свободная проповедь в церкви не допускается, требуется предварительная цензура или произнесение проповеди по одобренным шаблонам, как гарантия против вольномыслия с церковного амвона. Печать поставлена в очень тяжелые условия: административный произвол и наступающие

* Так в оригинале.

ее кары убивают все оригинальное и правдивое, улетают народный гений и талант, деморализуют и читателя, и писателя. Свобода выбора профессоров академической коллегией и свобода преподавания ограничены множеством стеснений и формальностей.

Все это — из опасения как бы не проникло что-либо «неблагонадежное», хотя никто из подвергающихся преследованию не уясняет себе, где пределы дозволенного и недозволенного. Всего ужаснее, что нет защиты от подобных обвинений, тогда как для судебных приговоров законом установлен определенный порядок обжалования.

Развитие такой важной отрасли промышленности, как земледелие также задерживается из опасения неблагонадежности. Когда министр государственных имуществ Островский доложил покойному государю свои предположения о том, что наше сельское хозяйство сделало бы большие успехи, если бы в России была применена та мера, которая двинула вперед земледелие Германии и Финляндии, именно распространение знаний и умений посредством «ходящих учителей», то мера эта была отвергнута в предвидении пропаганды среди крестьян.

Россия не двинется вперед, пока чуть ли не все просвещенные люди, с сердцем отзывчивым к народным нуждам, исключаются из посильной работы на благо массы населения.

Но есть еще разряд нетерпимых людей: это — так называемые [?], «беспокойные». Находясь на государственной службе, они тревожат власть своими идеями, высказывают свои предположения о лучшем строе управления, борются с мертвящим бюрократизмом и волокитой. Если они не унимаются, их «сдают в архив», назначая нередко на почетное [?], но бездеятельное место. При призыве для обсуждения теперешних условий жизни и средств устранить их, такие неблагонадежные и беспокойные люди открыто и смело скажут правду, хотя быть может не в обычных формах. Терпимость в отношении к ним должна быть проявлена возможно шире: эти люди невысказанно много пострадали в ожидании просвета.

Указ Сената о призыве избранных для вышеозначенной цели должен последовать без предварительного обсуждения с министрами, так как с их стороны будут представлены «соображения» об опасных последствиях такого созыва. Они всегда боялись того, как бы не проникло луча настоящего света непосредственно к царю.

Чтобы добиться хотя бы подобия правды, царю приходится, как свидетельствуют исторические факты, использовать соперничество министров между собой.

Совещание депутатов под председательством самого государя сможет не только выяснить теперешнее положение и причины его, но и наметить меры к коренному изменению. Меры эти следует осуществить быстро и в исключительном порядке. Настроение России таково, что медлить нельзя. Бурные ручейки могут слиться в неудержимый поток. Волны народного недовольствия поднимаются все выше и выше.

Великое несчастье, что царю приходится нести тяжелую моральную ответственность пред Богом, историей и своим народом за ошибки и злоупотребления администрации. Все содеянные ею грехи словно камешек за камешком наполняют суму на плечах монарха и груз с течением времени может сделаться непосильным даже для гиганта».

Записка эта была представлена государю Николаю II на следующий же день и произвела, по словам П. В. Жуковского, сильное впечатление на него, хотя форму он нашел «несколько странной». Содержание записки он передал императрице и она пригласила Жуковского к завтраку.

Дней через пять я получил телеграмму из Царского Села, в которой Жуковский просил меня ожидать его к определенному часу в Hôtel de France. Жуковский приехал в повышенном настроении сообщить мне, что государем поручено составить указ Сенату о созыве представителей земств, больших городов, Академии наук, университетов и биржевых комитетов для обсуждения современного политического и экономического положения России. На радости мы обнялись и приветствовали это решение тостом. Через три дня последовало переданное Жуковским распоряжение «пока подождать». События ли в Китае отвлекли внимание на другой предмет, или другие обстоятельства были тому причиной, но замысел загдох [?] в самом зародыше, и вопрос о созыве представителей более не возбуждался.

V

Дорогой и глубокоуважаемый Сергей Юльевич.

Только что вернулся в Петербург и хочу ответить потребности своей души — приветствовать Вас от всего сердца по случаю 40-летия Вашей общественной и государственной работы. Делаю это письменно в предположении, что мне не удастся лично поздравить Вас именно сегодня.

Тринадцать лет совместной работы с Вами, более того — тринадцать лет борьбы на все фронты во имя того, что мы считали благом для нашей темной, бедной и скорбящей родины, — создали между нами узы духовно-крепкие, неразрушимые, несмотря на все превратности и удары судьбы, несмотря на осадок горечи в моей душе...

Теперь из глубин прошлого встает только светлое, отрадное, манящее к лучезарной эпохе, к подъему и полету, к сосредоточению всех умственных и нравственных сил на труде живом и плодотворном, к прокладыванию просек и магистралей в дремучем наследии веков. Вы были центральной фигурой этой эпохи, выразителем редкой государственной мощи и таланта, фокусом всего живого, к Вам неслись надежды, около Вас группировались деятельные силы, зарождалось новое — лучшее будущее.

И я счастлив при воспоминании, что совместные труды с Вами — лучшее время моей жизни. Сумма нравственного удовлетворения так велика, что наболевшие, хотя лично очень жгучие *abstractions* (в противность арифметике) нисколько не умаляют итога*.

К великому огорчению моему, нет шансов на возобновление прошлого. И не потому, что «история не повторяется». Нравственные условия и духовное содержание труда могло бы повториться вновь, если бы был на них спрос. К несчастью, этого нет. Никому не нужны большие, двигательные силы — широкий государственный разум, творческий талант, смелость мысли, твердая воля, бескорыстие. В спросе — горизонтальная спина, прислужливость, все серенькое, маленькое, бедное мыслями и богатое аппетитами. И вот всякий осел лягает копытом льва...

Какую великую радость испытал бы я, если бы опять

* Так в архивном оригинале.

своего дорогого льва увидел на большой, исторической чреде.

Хотя редко Вас вижу, но скорблю и страдаю за Вас. Желаю Вам здоровья, бодрости, светлых и радостных дней, а себе желаю — поскорее видеть Вас в силе и величии, иначе говоря — желаю спроса (в Вашем лице) на все действительно большое и ценное.

От всей души всего лучшего Вам, дорогой Сергей Юльевич.

Искренне Вам преданный и глубоко Вас уважающий.

В. Ковалевский.

31 мая 1910 г.

ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 424, л. 1—2. Копия. Машинопись.

КОММЕНТАРИИ

¹ Священная дружина — конспиративная организация, созданная для борьбы с революционно-террористическим движением в России после убийства народовольцами Александра II. Подробнее о ней см. в комментариях к воспоминаниям С. Ю. Витте (Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. I. С. 520—523).

² Сущность «сахарной нормировки» заключалась в ограничении государством максимальных размеров производства сахара российскими предприятиями в целях поддержания приемлемого для стабильного развития отрасли уровня цен. Заинтересованность казны в этом определялась тем, что она получала ежегодно более 15 млн. руб. акциза. Важным признавалось и то, что отрасль выплачивала до 50 млн. руб. заработной платы, занятым в ней рабочим.

³ В январе 1887 г. Н. Х. Бунге был назначен председателем Комитета министров и оставался на этом посту до кончины в 1895 г. В начале 1890-х годов он приступил к составлению обширной записки, которая после его смерти подлежала передаче императору. В ней рассматривалось «насколько задуманное» Александром III в области внутренней и внешней политики «было осуществлено и насколько результаты соответствовали ожиданиям государя и России». Бунге полагал, что главными задачами царствования были: «I. Освободить нашу внешнюю политику от опеки иностранных держав. II. Удовлетворить народному чувству, по которому Россия должна принадлежать русским. III. Упорядочить и скрепить внутренний строй управления, чего требовали пробелы в преобразованиях прошлого царствования. IV. Развить духовные и материальные силы народа». Такова была и структура записки. Завершалась она приложением — «Социализм и борьба с ним». Важнейшим выводом автора была констатация

того, что «мы не только отстали от Запада, но по временам отстаем в большей и больше степени». После смерти Бунге записка была напечатана типографским способом в нескольких десятках номерных экземпляров. С ней были ознакомлены С. Ю. Витте и другие высшие государственные чины (ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 54936). Большое влияние Бунге оказал на С. Ю. Витте в первый период его управления финансовым ведомством. По признанию Витте, Бунге обратил его «внимание на то, что главный тормоз экономического развития крестьянства — это средневековая община, не допускающая совершенствования» (Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 499).

⁴ И. А. Вышнеградский (1831—1895 г.) получил известность как выдающийся ученый в области механики и машиностроения, автор ряда капитальных исследований. В 1875—1878 гг. он занимал пост директора Петербургского технологического института. Принимая участие в руководстве ряда акционерных компаний, он снискал себе славу умелого и удачливого предпринимателя, составившего себе миллионное состояние. Возможно, что именно репутация человека, практически знакомого с предпринимательской деятельностью, учитывалась при его назначении на пост министра финансов.

⁵ Экономические обеды — частные собрания в ресторанах Петербурга ученых и государственных служащих, интересующихся проблемами экономического развития России.

⁶ По поводу этого эпизода С. Ю. Витте пишет в своих воспоминаниях: «Я был новичок и взял проект обратно для переработки». Узнав об этом, Александр III заметил: «Имейте в виду, что К. П. Победоносцев всегда все критикует, и, если его слушаться, можно застыть» (Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 254, 309).

⁷ Закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» был принят Государственным советом и утвержден царем 2 июня 1897 г. При его обсуждении в Совете отмечалось, что в условиях России законодательная нормировка продолжительности рабочего времени оправдана потому, что «государственный строй» страны исключает возможность «так называемой закономерной борьбы, т. е. организованных забастовок, руководимых рабочими союзами и вынуждающих иногда фабрикантов соглашаться» (Вовчик А. Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. 1895—1904. Львов, 1964. С. 182).

⁸ «Белый дом» — имеется в виду особняк С. Ю. Витте в начале Каменноостровского проспекта.

⁹ Мемуары С. Ю. Витте впервые были изданы И. В. Гессеном, видным деятелем кадетской партии, в Берлине. В 1923—1924 гг. они были перепечатаны в Советской России. В 1960 г. было предпринято новое, широко комментированное их издание под редакцией А. Л. Сидорова (С. Ю. Витте. Воспоминания. В 3-х то-

мах. М., 1960). Естественно, что мемуары Витте и публикуемые воспоминания В. И. Ковалевского по многим сюжетам перекликаются, дополняя и разъясняя друг друга. В мемуарах Витте (и комментариях к ним) читатель найдет сведения о судьбе его архива, влиянии на него дяди Р. А. Фадеева (в тексте воспоминаний В. И. Ковалевского — Фаддеев) и обстоятельствах его деятельности, упомянутых, но не разъясненных Ковалевским.

¹⁰ Рассказ В. И. Ковалевского о рассмотрении записки А. И. Пантелеева не имеет продолжения в тексте воспоминаний. Между тем это был важный момент в процессе формирования правительственной политики в рабочем вопросе. Выражая позицию Министерства финансов, на совещании С. Ю. Витте сказал: «Генерал-лейтенант Пантелеев приводит мысль о необходимости предъявить к тем, на обогащение которых рабочий кладет свои силы, т. е. к фабрикантам, настоятельные требования в смысле облегчения участи и улучшения быта рабочих. Можно ли правительству стать в рабочем вопросе на такой путь, крайне рискованный и неправомерный? Положение фабричных и заводских рабочих (3 млн.) хотя и не блестящее, но тем не менее вовсе еще не так худо, как положение сельского населения (30 млн.). Конечно, из этого не следует, чтобы первые не нуждались (как и вторые) в попечениях правительства, направленных к улучшению их благосостояния, но мероприятия эти должны быть вырабатываемы в законодательном порядке (что делается и делается) постепенно и с величайшей осторожностью, когда все спокойно, и ни в коем случае не под давлением рабочих и не по их требованиям». Витте выступал против «пренебрежения» интересами промышленности и «принуждения» фабрикантов полицейскими методами и органами к уступкам «для успокоения рабочих» (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. I, д. 696, л. 14—15).

¹¹ Ли Хун-Чжан — китайский государственный деятель.

Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915—1922 г.*

Судьбы людей, как и рукописей бывают удивительны и непредсказуемы. Георгий Алексеевич Князев начал вести дневник еще в годы Первой мировой войны и продолжал в течении всей жизни. Некоторое представление об авторе и его блокадном дневнике «В осажденном Ленинграде» читатели уже получили из литературно-документального повествования А. Адамовича и Д. Градина «Блокадная книга». Однако, это представление будет не полным и односторонним без знакомства с дневником Князева за период революции и гражданской войны. Именно эти записи в 1922 г. он передал одному из хороших знакомых, неоднократно бывавшему в России, американскому профессору Фрэнку Голдеру, так как понимал, что на родине, в сложившихся условиях подавления инакомыслия, издать свои наблюдения ему не удастся. На основании ежедневных записей 1915—1922 гг. им была подготовлена рукопись «Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции», куда вошло все наиболее значимое. Все права на нее Князев передал Голдеру, таким образом она оказалась в США, а затем в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (коллекция Ф. Голдера, ящ. 16, 17). Надо отметить, что на протяжении всей жизни существование этой рукописи за границей было предметом большого внутреннего беспокойства для автора. Однако, надо отдать должное мужеству этого человека, сумевшего сохранить для потомков и подлинник дневника на родине (рукопись хранится в Архиве АН СССР).

* Подготовка текста, предисловие и примечания А. В. Смолина.

Г. А. Князев родился в 1887 г. в купеческой семье. С малолетства он имел физический недостаток, одна нога была короче другой, что лишало его в детстве кампани сверстников. Наверное, этот недостаток в какой-то мере сформировал одно из его достоинств — интерес к наблюдению, размышлению над увиденным. Из-за отсутствия склонности к торговому делу, в семье решили дать сыну образование. Князев окончил гимназию, а в 1916 г. историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1913 г. он служил вольнонаемным в Архиве Морского министерства. В 1916 г. он получил штатную должность младшего делопроизводителя 8 класса. В советское время Князев продолжал работу в Историческом отделе Морского архива, а затем с 1929 г. до своей кончины в 1969 г. заведовал Архивом Академии наук СССР. В научном мире он известен своими публикациями документов по истории России, исследованиями по истории Академии наук и архивоведению.

Дневник Князева, хранящийся в Архиве Гуверовского института, охватывает период с 1915 по 1922 гг. Рукопись в двух экземплярах, состоит из 418 страниц машинописного текста и 4 страниц предисловия с объяснением причин написания дневника. В тексте имеются пометы, сделанные рукой автора, которые говорят о его тщательном редактировании. Личная подпись под «предупреждением» заменена на безличное — «автор». Князевым вычеркнуты в тексте имена и фамилии близких людей или они заменены криптонимами. В рукописи вымарана и собственная фамилия автора. Одной из особенностей дневников является то, что будучи стеснен в передвижении, Князев был ограничен в непосредственных наблюдениях и недостаток информации возмещал фактическими данными, почерпнутыми из газет, слухов и рассказов родственников. Наиболее сильной стороной дневников являются авторские оценки событий, что выдает в авторе человека с аналитическим складом ума. Дневник Князева является ценным источником для изучения процесса эволюции взглядов русской интеллигенции на революцию.

Р. С. Текст записок Г. А. Князева уже находился в наборе, когда в газете «Труд» (1991. 12—20 сент.) профессором С. Кулешовым были воспроизведены фрагменты машинописного варианта заметок Г. А. Князева, с которыми он ознакомился через год после меня в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира

Стэнфордского университета (США). В связи с этим считаю необходимым отметить, что предлагаемая читателям «Русского прошлого» публикация подготовлена в результате сверки гуверовского варианта с автографом записок, хранящимся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Передаем профессору рукописи материалов по русской революции:

1. «Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915—1922 гг.» с предисловием. С. 4—418 печатанных на машинке.
2. «Дневник русского морского офицера 1917—1918 гг.» С. 56, печатанных на машинке.
3. «О состоянии русских школ в годы революции». Очерк русской учительницы. Стр. 25 печатанных на машинке.

На перепечатку потрачено труда более месяца. На корректуру их такое же количество времени. Все эти рукописи передаются профессору для полного и свободного использования их для своих исторических работ.

Если будет интересна первая рукопись материалов «Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915—1922 гг.» в литературном отношении, как переживание и отражение революции в сознании среднего русского интеллигента профессор может её напечатать. В таком случае литературный гонорар в английской или американской валюте просим проф. поместить в одном из зарубежных банков, (напр. в Лондоне). Право использования или напечатания этой рукописи предоставляется профессору Голдеру.

А в т о р .

Петроград. 1922 г.

ПРЕУВЕДОМЛЕНИЕ.

В случае напечатания этой рукописи в настоящее время, таковая должна быть напечатана без подписи автора и со всеми предосторожностями относительно автора и третьих лиц, которым, при существующем в России режиме, могла бы угрожать какая либо опасность.

Может быть, умелый перевод и тщательная, осторожная редакция текста и позволяет напечатать эту рукопись в настоящее время, хотя бы в той её части, где говорится о войне и первых годах революции, что уже сделалось достоянием истории.

Во всяком случае, использование в выдержках или напечатание целиком этих записок в каких либо агитационных целях для автора совершенно неприемлемо.

*Петроград, 1922 г. **

Заметки эти писались мною на листках записной книжки. Сюда вносилось только то, что попадало в мой кругозор во время великой войны и русской революции. Поэтому сведения о многом здесь очень не полны. Я не пытался привести в систематический порядок все эти записи, сделанные на протяжении нескольких лет. Искушение было большое, когда я пересчитывал эти страницы, дополнить, исправить их, но я превозмог это искушение. Задача моя не в том, чтобы дать историю или воспоминания (мемуары) о всём пережитом, это сделают другие лучше меня. Оставляя же совершенно непеределанными свои первоначальные заметки, я тем самым, думаю, сохраняю непосредственность их и все особенности переживаемого момента.

В мой кругозор попадало только то, конечно, чему я — средний русский интеллигент, окончивший высшую школу и много думавший и читавший, интересовавшийся вопросами политики, и общественности, и экономики, и, особенно, вопросами философии и искусства, но занимавший очень скромное место учёного архивиста, далёкого от всякой активной политики и нетерпимости — чему я был свидетелем, что я слышал, о чём читал.

Я как тот, выражаясь фигурально, светлячок, который освещал собою крохотное пространство, и только в этом небольшом пространстве и можно рассмотреть что-нибудь при помощи такого небольшого света. Вот то, что попадало в сферу этого «света» — моего сознания — так или иначе запечатлевалось в моих заметках.

Не всегда было время и желание писать. В иные минуты, когда душа была чем-нибудь очень смущена, при всём желании записывать я ничего не мог. Так у меня нет почти ни одной строчки о великом отступлении русской армии с Карпат и из Польши в 1915 году. Слишком болезненно мы, русские люди, переживали это

* Текст пресуведомления-автограф.

несчастье. Также недостаточны и отрывочны записи после 1919 года, когда все надежды на что-то лучшее и светлое рухнули. Но зато некоторые события или точнее, как они отобразились в моём сознании, изложены очень подробно. Даже, может быть, слишком подробно, но перечитывая их, я не решился ни сократить, ни переделывать: они бы потеряли свой характер.

Много мы, русские люди, пережили за это время. Много было мечтаний, радужных надежд в 1905 году, но скоро чёрная полоса реакции сгустилась над нами. Мечтали о том, как рассется тьма, как скинет с себя цепи русский народ, как он заживёт спокойной, полной и культурной жизнью — и вдруг удар — война, страшная небывалая война. Растерялись. Великие миролюбцы «идейные пацифисты» оделись в военный мундир и пошли на фронт. Война оказалась ещё страшнее, чем ожидали, потому что жестокость воевавших, превзошла самое пылкое воображение и самое главное, мы скоро поняли, что нам не победить, но всё же надеялись, что не будем и побеждёнными. Русские люди, сознавая тяжёлое положение родины, чтобы спасти её, решились на отчаянный шаг и совершили во время войны революцию. Это были прекрасные дни, когда казалось всё, о чём мечтали так долго русские люди, было достигнуто. Но мы жестоко ошиблись. Некоторые из нас скоро поняли эту ошибку, другие так и не поняли её до сих пор.

Скоро отцвели русские свободы, и вместо одной диктатуры самодержавия восторжествовала другая диктатура — пролетариата и превзошла первую в своей жестокости и наглости. Всё оправдывалось святой целью. В жертву приносились гетаккомбы человеческих жизней, попиралось самое святое и неприкосновенное из того, что создала молодая, но высокая и прекрасная русская культура. Русский интеллигент еще более растерялся и ослабел. Многие попали за границу и перестали активно участвовать в строении русской жизни, а те, кто остались, часто ни о чём другом не могли думать, как только о борьбе за существование.

С 1914 года начался этот великий крестный путь русского народа и распятие русской интеллигенции. У ней, у русской интеллигенции, есть свои ошибки, много их, но бросит камень в неё только тот, кто ничего не понимает или кто хочет просто добить. И вот всё, пережитое за это время, конечно, воспринималось разными людьми по-разному, в зависимости от многих причин — классовой вражды, личных интересов и проч. Полного

беспристрастия нельзя и требовать от современников, но в моих заметках я непосредственен и беспристрастен, насколько это было в моих силах. А то, что я не принадлежал и не принадлежу ни к какой партии и не был под властью религиозных и др. предрассудков, давало мне возможность спокойнее и проще разбираться во многом. Конечно, я ошибался и не хочу скрывать своих ошибок. «Я человек, и ничего человеческого мне не чуждо».

А в т о р

Петроград 1922 г.

1915

1 февраля

Задумаемся на секунду.

«Харьков, 29 января. (По телеграфу от нашего корреспондента)

Прибыл раненый 12-летний герой, награжденный лично Верховным Главнокомандующим Георгием: он переколот 13 австрийцев...»¹

Ведь последние слова — кошмар. В обыкновенное время — это было бы мировое событие по своему сплошному ужасу — преступление из ряда вон выходящее... 12-летний мальчик переколот 13 человек!.. Все газеты мира с содроганием перепечатали бы это известие, и опозорена была бы та страна, где это случилось. Теперь наоборот. Мальчик — герой. Мальчик лично награжден Георгием Главнокомандующим. Мальчик окружен ореолом славы. Ему сотни, тысячи мальчиков позавидовали. О нем миллионы подумали восторженно...

Не стоит больше задумываться.

2 февраля.

Наступление немцев в Восточной Пруссии... Наступление австро-немцев в Сербии...

В Восточной Пруссии наши отступили, и, кажется, перешли уже границу. Таким образом, на территории Германии в настоящее время не оказывается ни одного неприятеля. Это на седьмом месяце войны! Это после того, как Германия со всех почти сторон окружена врагами. Можно только удивляться германской стойкости и поражаться той колоссальной энергии, которую они проявляют. Сознаюсь, мне уже не верится, что мы будем

заключать мир в Берлине. Дай Бог освободить от немцев Польшу, Бельгию и занятую ими часть Франции. Я даже не знаю, вернет ли Франция себе Эльзас и Лотарингию. Это вовсе не пессимизм, а следствие всего того, что происходит. Я не жду страшных поражений и несчастий для нас и по-прежнему уверен в конечной нашей победе, но не уверен в разгроме Германии. Отстоять себя с честью мы сумеем, но уничтожить великое государство, расчленив его на прежние королевства и герцогства, не сможем. Сил не хватит. Да и не в этом наша задача. На востоке наша главная задача — в проливах, в Царьграде. Надо будет только использовать всюю ослабление Германии и доброжелательство к нам Англии и Франции. А на западе с нас будет и Галиции с Буковиной.

С[оциал] Д[емократы] и трудовики в Г[осударственной] Д[уме] резко провели свое отграничение от остальной части думы. Их речи в историческом заседании 27 января не пропущены председателем в печать. Вчера социал-демократ был остановлен председателем после слов: «Лица, внесшие пожелания (о следственной комиссии по нарушению международного права) прекрасно понимают, что нарешения были не со стороны одной Германии и Австрии. У нас в открытом заседании о вопиющих фактах не хотят говорить. Вы устроили свое заседание за этой стеной, а тут все эти три дня происходит не заседание, а нечто другое»².

Они, с.-д. и труд., настойчиво требуют прекращения войны. И тут я одного не пойму: как этого можно требовать, если враг еще на нашей земле, если прекратить сейчас войну, он потребует неисчислимых жертв, и, быть может, свершит еще новые, неслыханные ужасы... И прежде всего победительница Германия сотрет с земли тех же с.-д. ... Разве Германия примирится с господством демократических принципов? Несчастные и жалкие слепцы.

4 февраля.

Печальные известия. Может быть, и преувеличенные. Немцы в ста верстах от Вильно. Наступление ведется значительными силами. Что это — несчастье или временная заминка с нашей стороны? Тяжелое моральное впечатление производит это новое немецкое наступление, словно они, а не мы господа положения. Закрадывается гнетущая мысль — все ли у нас там, на войне, благопо-

лучно? И непонятно как-то: немцы превосходят нас численностью, когда чуть не две трети их на западной границе.

Седьмой месяц войны и никакого определенного результата, если не сказать хуже, т. е. наметившегося успеха немцев. Нет, Вильгельм не был безумцем, начинающая великую войну. Он знал, что делал. Только одного не учел — губительного влияния времени. Германии не выдержать долго тяжести войны, и в этом наша крепкая надежда на наш конечный успех. Только на это надеяться, надо признаться,— грустно. Но факт налицо. С ним приходится считаться.

6 февраля.

Два дня газеты упорно молчали о событиях в Восточной Пруссии³. По городу в это время ходили самые разноречивые слухи. Говорили о большой постигшей нас неудаче, прорыве всего нашего фронта и перерыве нашей главной магистрали, соединяющей центр России с Варшавой. И с каким-то злорадством говорили некоторые: «А вы слышали, наши-то отрезаны. Прорыв... Полная неудача. Дождались».

Досада эта отчасти понятна. На седьмом месяце войны немцы окончательно освободили свою территорию от неприятеля и теперь трубят о своих победах по всему миру. Чего они добивались, т. е., прежде морального воздействия,— они достигли вполне.

8 февраля.

«Побольше веры». Да, но все-таки обидно. Хотелось бы видеть свою родину более могущественной, более подготовленной к борьбе за существование. Ведь мы по обширности территории, богатству страны, многочисленности населения во много раз превосходим Германию. Почему же не можем превзойти ее в экономической жизни, в технике, наконец, в военном могуществе. Где причины нашего бессилия? Неужели в самом корне славянства?

Последние события тяжело отражаются в народе: «Где нам побить немца,— говорит наш дворник,— Он нас и автомобилями и «чемоданами» так и лупит. Нашим-то и не угнаться за ними. Худо пишет с войны земляк. Но совладать, говорит, с немцем, только зря пропадем». Боже, упаси, если это мнение делается общим. Надо принимать все меры к тому, чтобы не падало на-

строение, особенно у войска, чтобы не пропала вера у народа. И как это случилось, что вдруг наша непоколебимая вера пошатнулась. Почти все в один голос теперь говорят, что раньше только думали, если бы не англичане, сидели бы мы теперь на Волге.

Нам так необходимо сейчас, чтобы военное счастье повернулось в нашу сторону. Иначе за упадком настроения поднимется и недовольство, и ропот, а это создаст почву для полного нашего поражения, ну, а если не окончательного поражения, то крушения всех поставленных с этой войной целей, что может быть гибелью для будущего нашей родины.

11 февраля.

Сегодня сообщается о несчастном корпусе, погибшем при отступлении нашей 10-й армии, что окруженный со всех четырех сторон он стойко оборонялся до последнего патрона, причем в середине его находились захваченные в плен немцы, которые не выпускались корпусом до последней возможности. Честь и слава свято исполнившим до конца свой долг перед родиной, но где виновник, где причины, приведшие нашу 10-ю армию к разгрому и заставившие больно сжаться сердце каждого русского и невольно вспомнить по неизбежной ассоциации тяжелые переживания минувшей войны⁵. Неужели мы так ослаблены, что немцы всецело овладели инициативой и могут распоряжаться нами, как хотят?

Лично я по-прежнему верю в конечный наш успех, в нашу полную победу. Но боюсь, что победа эта будет стоить слишком дорого. Не надорваться бы нам. Слишком сильно потрясение государства и напряжение всех его сил. А если не победим,— это будет началом конца нашей великой родины, началом разложения ее. Неужели не минует нас чаша сия. Не хотелось бы дожить до этого времени.

15 февраля

Опять чувствую мощь своей родины и горжусь ею. Наше противодействие обвалу всех сил немцев поразительно по своей стойкости. Нет, не оскудели мы.

Упорство боев поразительно. Неудача для немцев теперь почти очевидна. Успех их был мгновенен и случаен. Теперь это ясно. Отлегло от сердца. Слава Богу.

4 марта.

Началось наше общее наступление. Кончилось «зимнее сиденье»⁶. В Ставку верховного Главнокомандующего выехали министр иностранных дел, французский посол: японский генерал, раньше прибыли туда Государь и генерал По. Решающий момент. Вся эта неделя полна нашими и союзников успехами. Может быть, военное счастье теперь повернется в нашу сторону. Пора бы.

Вопрос о проливах обострился. Вся печать единодушно говорит, что Константинополь должен быть наш навсегда, и это должно быть известно прежде всего Англии и английскому общественному мнению. Дело в том, что нам после очень неясного ответа Грея на вопрос о палате общин о захвате проливов русскими встал призрак нового Берлинского конгресса. Мы высказались ясно. Теперь очередь за Англией. Печать прямо заявила: для нас без обеспечения получения Константинопольского пролива не может быть и успешного ведения общей войны в будущем и единения наших сил с союзниками.

1916

7 января.

Тяжелые вести пришли. Черногорская армия капитулировала. Король отдал свою саблю австрийскому генералу Кевешу. Начались переговоры о сепаратном мире Черногории с Германской коалицией. Так катастрофически окончилась геройская стойкость черногорского народа⁷. И холодная дрожь пробегает по телу от этой безусловной гибели народа — героя. Не поднимается рука бросить ком грязи в поверженных. Что они могли сделать! Спасти свою честь, избегнуть плена, бежать из своей страны, умереть... Еще одно страшное испытание... Быть может, самое чувствительное за время войны... И все на наших глазах. И мы ничего сделать не можем. Погибла Бельгия. Погибла Польша. Погибла Сербия. Последняя всех печальнее, всех ужаснее. Заживо отпелся весь народ. Разметались сербские знамена. Разрушены все святыни, расхищены все сокровища... Сербии нет больше. И король где-то на одном из греческих островов Архипелага... И остатки армии где-то в Албании... И народ унижен и растерзан болгаро-немецкими полчищами...⁸ И вот теперь жребий выпал Черногории. Но у Сербии есть хоть спасенная честь, хоть легенда,

которая не умрет в веках... Черногорцы же погибают без славы, без легенды... Не хочется верить этому.

10 апреля.

Ужас охватывает при сознании всего того, что происходит. Слезы подступают к горлу. Если побольше подумать — с ума сойдешь.

Нет слов для выражения всего того, что делается в мире. И не где-нибудь в Африке, а в центре Европы — у самого Парижа, в Бельгии, в Польше. В самом центре величайшей христианской европейской цивилизации. И это после всего того, что дала наука и литература, особенно в XIX веке. И маловерие проникает в душу. Охватывает ее ледяными объятиями-тисками. Мечты о мире! Идеал благополучия!..

Хорошо, что так устроен человек — все-таки надеешься на что-то, веришь. Это дает силу. Можешь забыть творящийся кругом ужас. И только порвется этот ужас, как смерч, и закружит на мгновение... Видел на днях отправление за границу пленных инвалидов... Многих несли на носилках — это были обрубки человеческого тела. Другие передвигались сами, но это были уже окончательно потерявшие трудоспособность... И это еще «счастливы». Сотни тысяч, миллионы других совсем погибли, многие в расцвете сил и жизни, и надежд... Даже слез не было...

11 апреля.

Промелькнуло известие, что немцы вытапливают жир из трупов своих солдат для получения глицерина, необходимого им при выделывании взрывчатых веществ. Правда ли, нет, не известно, конечно; но это так характерно для немцев. Они в эту войну выказали столько черствости сердца и холодной жестокой расчетливости, что теперь, кажется, всему поверишь.

В журнале появилась картинка, страшная, жуткая.

Стоит на полотне железной дороги на часах немецкий солдат. Схватил судорожно ружье и уткнулся в воротник, чтобы не смотреть на проходящий поезд. В открытых платформах, в которых везут песок, друг на друга, как дрова, лежат сложенные трупы. Это везутся обратно в Германию бесчисленные жертвы из-под Вердена. Для чего везутся? В Германии чувствуется недостаток глицерина...

Пусть это фантазия, но действительность все же ужаснее ее. Если кто-нибудь из нас вполне осознал ужас

происходящего — он тотчас бы сошел с ума. Его мозг не выдержал бы такого потрясения.

Карикатуры все больше на купца. Удачных мало. Попадаютя и на Вильгельма. Неудачи под Верденом⁹ дали много материала для карикатуристов. Совсем исчезли карикатуры на Франца Иосифа¹⁰. Иногда попадаютя на Фердинанда Болгарского¹¹ (обязательно с громадным носом) и кронпринца (выработался окончательный тип его); часто рисуют его в головном уборе данцигских гусар с громадной эмблемой смерти. Везде он такой жалкий, неудачливый, смешной. Интересно, что совершенно отсутствуют карикатуры на турецкого султана. До того он бездейтелен и непопулярен. Турцию иногда олицетворяют в образе «Ахметки», «Махмутки». Один Вильгельм изображается много и разнообразно. Можно сказать, вся русская карикатура во время войны на Вильгельма. Он — главное лицо этой войны.

Лубочных картин совсем не видеть...

Война сделалась «бытовым явлением». Зимнее затишье много способствовало этому. Только Верден сперва да теперь наши действия на Кавказе¹² всколыхнули начавшееся было равнодушие к войне.

1917

27 февраля.

Вот уже неделя, как в городе начались волнения. Еще 23 февраля я читал в нашем домашнем литературном кружке доклад о «Тайной вечере» Леонардо да Винчи. Не все члены были. Пришедшие говорили о происходящих кое-где уличных беспорядках; мы им не придавали большого значения. Тревожили нас только большие хвосты за хлебом и нервность вследствие этого.

В пятницу 24 февраля я отправился на службу. Выйдя за ворота, я услышал пение и крики, доносящиеся от 14-й линии. **Ш**ла громадная толпа. Я побежал обратно. Постучал М. Ф.¹³, чтобы на службу идти вместе. Велел какой-то женщине, суетившейся во дворе, сказать дворнику, чтобы он запер ворота. Торговцы вытаскивали ставни и закрывали магазины. Толпа приближалась. Мы стояли у ворот и смотрели в замочную скважину. Мимо нас проходила толпа. Проходившие что-то пели и кричали, но я не разобрал, что. Так непривычно, жутко было слушать это гудение протестующей толпы. Все время ждали, что толпу будут рассеивать. Ведь каза-

ков, говорят, нагнали в Петроград до 40 тысяч¹⁴. Так и ждали, что затрещат сейчас пулеметы. Толпа прошла. Мы с осторожностью отперли ворота. Шли еще разрозненные кучки народа. Между ними дети, бабы, оставшие рабочие. За прошедшими тянулись один за другим трамваи разных маршрутов, шедшие из города обратно в парк. Некоторые из них были испорчены и двигались на буксире у других. Дойдя до остановки, мы долго ждали, пойдет ли трамвай в город. Оказывается, движение окончательно не прекратилось. Наш маршрут № 18 еще работал. Мы с М. Ф. доехали до службы. Мало я поработал в этот день. Говорили о больших уличных беспорядках на Петроградской стороне, на Невском. К 4 часам дня стало известно, что трамвайное движение почти совсем прекращено. Я поспешил домой. На мое счастье у Адмиралтейства, на Дворцовом проезде не по своему маршруту шел на остров трамвай № 4. Сел и доехал до 8-й линии. Оказалось, что трамвай не пустили на Невский, и он повернул у Главного штаба на Дворцовый мост. Забежал к отцу в магазин. Его не застал там. В магазине все было спокойно. Шла обычная торговля. Ничего не предвещало грядущих событий...

М. Ф., ушедшая раньше меня со службы, прошла по Дворцовому мосту совершенно спокойно, издали видела большую толпу, запрудившую весь Николаевский мост и набережную. Вечером узнали от Л., что сестра М. Ф., живущая у нас, находится у знакомых на Петроградской стороне. Как оказалось потом, трамвай, на котором ехала она, был остановлен на Большом проспекте толпою. Публику попросили выйти, кондуктору, который не хотел уходить, пригрозили силою, а вагоновожатому приказали ехать в парк. Но это так быстро произошло и неожиданно, что в первую минуту В. А. (сестра М. Ф.), услышавши крики, думала, что кого-нибудь раздавили. Толпа, снявши с трамвая публику, двинулась снимать рабочих с тех фабрик, где работы еще производились. В. А. слышала, как разбивались стекла, как неистовствовала толпа. Разными улицами она, наконец, добралась до Малого пр., где живут С., знакомая ей семья. Там она оставалась на весь день и ночевала.

На следующий день, в субботу 25 февраля, мы не попали на службу. Трамваи не ходили уже окончательно. Шел снег, дул порывистый холодный ветер, вьюжило. М. Ф. не знала, что ей делать с сестрой, хотела привезти ее во что бы то ни стало домой. Я не отпускал ее одну. Сторговали было одного извозчика, но М. Ф.

побежала сперва позвонить по телефону. Оказалось, что сестры ее нет у С.: она ушла в Институт... Пока мы это обдумывали, да М. Ф. ходила говорить по телефону, пошел 1-й час. В субботу у нас кончают на службе в 2 часа. Я попросил М. Ф. лучше остаться дома.

Около 5 часов, во время обеда, пришли, наконец, В. А. и ее подруга А. А. Они были в Педагогическом институте¹⁵ на занятиях, прошли туда и обратно благополучно, ничего сами не видели, но слышали, что громят некоторые магазины. Казаки ведут себя очень странно, безучастно смотрят на все происходящее. Сестра А. А. видела, как городской и казак дрались поленьями. Рассказывали, что казаки сами науськивают толпу на полицию. Толпа разгромила кондитерскую Крюжи на Каменноостровском¹⁶. Там стоит громадная толпа. В. А. и А. А. сами видели, как какой-то очень прилично одетый молодой человек, шедший с барышней, тащил под мышкой 4 свежих булки. Не знали, как понять все происходящее; не находили достаточного объяснения в поведении и толпы, и казаков, и правительства. Говорили, что по городу разъезжает вместе с Риттихом¹⁷ Родзянко¹⁸. В Государственном Совете происходило большое совещание из членов Думы, Совета и правительства по продовольственному вопросу¹⁹.

Положение, правда, для многих отчаянное. Надо работать и нет хлеба. У нас на службе сторож и сторожиха второй день без хлеба. Вчера вагоновожатый возбужденно говорил, как же он выйдет на работу, если он который день хлеба не достает. В очереди стоять придется, а не трамвай вести. Кондукторша также возбужденно переговаривалась об этом. Какая тут служба!

Особенно важного и нового В. А. и А. А. нам ничего не сообщили. Мы никак не могли понять, что это — обычная забастовка, народный протест, вызванный голодом, или нечто большее? О последнем мы как-то меньше всего думали. 26 февраля, в воскресенье, трамвай совсем перестали ходить. Передавали, что казаки явно на стороне народа и потешаются над полицией. Войска тоже наэлектризованы. Достаточно искры, чтобы все вспыхнуло. Так ничего до вечера и не знали определенного. Сидели дома вчетвером: я, жена, ее сестра и еще одна знакомая. Никуда не выходили. Сидели и играли в дураки.

27 февраля, в понедельник, я все-таки попал на службу. Меня подвез дядя на собственной лошади и обещал заехать за мной на службу около 4-х часов. Ни трамваев, ни извозчиков не было. На службе были только

те, кто жил близко. Конечно, ни о каком деле не могло быть и речи. Все были очень осторожны. В Адмиралтействе принимались меры предосторожности — бдительнее охранялись проходы, но все трое ворот были еще открыты. К часам 3-м все разошлись, и только я не мог уйти, т. к. идти пешком я не мог, а лошади еще не было. Сторож принесил одно за другим тревожные известия. На Невском стрельба. На многих улицах баррикады. Всюду толпы народа и мало полиции. Медленно тянулось время. Становилось жутко: попаду ли я домой? А сторож убежал и снова возвращался, еще более встревоженный. Жена его начала выть. Что же происходит? Наконец, сторож прибежал совершенно бледный и сообщил, что к Адмиралтейству двигаются войска и пушки*. Как раз в это время за мной приехал мой дядя, и мы покатали домой. Где ехать? За Дворцовым мостом оказалась громадная толпа. Успеем или не успеем переехать? Успели. По Университетской набережной нам попадались отдельные прохожие. Было даже пустынно. Навстречу нам около Университета попался какой-то штатский с ружьем верхом на англазированной лошади. По уздечке и седлу можно было заключить, что эта лошадь принадлежала конному городовому. Это был первый, увиденный мною, революционер. Дядя рассказывал, что часть войск перешла на сторону народа. В некоторых местах города идут форменные сражения. Особенно кровопролитно было столкновение у Литейного моста, где он сам чуть уцелел. К Адмиралтейству он еле-еле пробрался. Дума распушена — это факт...²⁰

И жутко-жутко стало.

Это не просто бунт, а РЕВОЛЮЦИЯ.

Вечером наша прислуга ушла за керосином. Долго простояла в очереди и вернулась без керосина, и очень испуганная. В очереди произошла драка, кто-то стал стрелять, и все бросились бежать. И она тоже. Пробегая по 16-ой линии, она наткнулась на громадную толпу. В конце линии стреляли. Был вечер. И вдруг мы услышали сухую трескотню. Холодная волна пробежала по спине: «Это пулемет... И где-то близко». И защемило сердце. Это были первые услышанные нами выстрелы. Что же происходит? И эта неизвестность томила боль-

* Как оказалось потом, это были войска и полиция, забаррикадировавшиеся в Главн[ом] Адмиралтействе. В то время, когда я выезжал из ворот, ближайших к Дворцовому мосту, в главные ворота с Гороховой входили войска. Еще каких-нибудь 1/4 часа и я не смог бы уже выйти из Адмиралтейства.

ше всего. Что там делается за воротами, что делается в городе, в России, на фронте? Ведь немцы так близко от Петрограда. Засыпали под редкие одиночные выстрелы, раздававшиеся то очень гулко, то едва слышно, словно кто хлопал бичом на дворе или откупоривал бутылки.

28.11.1917. Вторник.

Проснулись — и слышим стреляют. Оказалось, что «снимали» с крыши городского, запрятавшегося туда, который стрелял в толпу. Говорили об убитых этим городовым солдате и девочке, как раз против нас, у ворот.

По двору летели клочки обгорелой бумаги. Это, как оказалось потом, в течение всего утра жгли дела участка. Они были свалены в кучу за углом и жглись толпою. Ключья этой обгорелой бумаги и совсем обуглившейся покрыли черными пятнами весь двор. Когда я вышел, то прежде увидел кота, который дико гонялся за этими обуглившимися бумажками, разносимыми ветром.

Ворота на улицу были открыты. Так было приказано. У ворот стояла толпа любопытных. Слышно было, как совсем около нас шумела толпа и раздавались сухие выстрелы. Словно кто щелкал бичом. Я не решился выглянуть на улицу. Спровадил бабушку. Она была совершенно спокойна, я поспешил скорее домой. Какой-то мальчик кричал на дворе, что толпа направляется в квартиру № 7, в дом № 6 по Среднему, где спрятался какой-то околоточный или городской... У нас как раз квартира № 7, но дом № 63. А вдруг толпа ошибется? Мне не хотелось оставлять своих одних в такую минуту.

Стали продолжать пить прерванный утренний чай. Я снимал М. Хотел снять и всех других за столом, как в полуоткрытые ворота увидели автомобиль... Решили выбежать с М. на улицу. Толпы народа были на тротуарах и на самой улице. Шли с ружьями на плече, через плечо и прямо в руках — солдаты и штатские. Разъезжали автомобили — с вооруженными людьми и «скорая помощь». Мимо нас прокатил грузовик с чело-век 30-ю офицерами, солдатами и штатскими, вооруженными ружьями, револьверами и саблями. Офицеры что-то кричали проходившим солдатам. До нас долетело только: «расходитесь по полкам». Автомобиль остановился на углу. Его окружила толпа. Офицеры что-то говорили. Потом заколыхался красный флаг, и автомобиль двинулся дальше. Жуткое чувство охватило нас при этой

картине. Это были первые офицеры, которых мы видели, перешедшие на сторону народа.

Промчался другой автомобиль, шикарный, черный, закрытый. На передних сиденьях лежали два солдата с ружьями, взятыми на прицел. Из окна торчали ружья. На одном висела красная тряпка. Каждый автомобиль толпа встречала и провожала криками «Ура!»

Патрули двигались во все стороны. Солдаты, за малым исключением, старательно отдавали честь проходившим офицерам.

Прошел мальчик, кантонист, лет 12-ти, одетый в военную форму и папаху. На плече у него была винтовка с примкнутым штыком ²¹.

Из некоторых проезжавших автомобилей бросали летучки ²². Около нас сбросили одну. В одной из них говорилось, чтобы все поддерживали порядок и охраняли частное имущество, чтобы немедленно было восстановлено железнодорожное сообщение и проч [ее]. Эти листки подействовали на нас успокаивающе: значит, движение в чьих-то сильных руках.

Вдруг толпа бросилась влево, к 15 линии. Там что-то кричали. Оказалось, нашли околоточного. Толпа росла. Искали автомобиль, чтобы на нем увезти арестованного народом полицейского. Наконец, увезли. Толпа схлынула. Опять в разных местах образовались кучки. Беспрепятственно в разных направлениях шли солдаты и штатские с ружьями; некоторые с офицерскими саблями и шашками. Мимо нас проехал на красивой лошади, по видимому, судя по уздечке, принадлежавшей прежде конной полиции, какой-то штатский, прилично одетый с ружьем за спиной. Проходили группы солдат. Некоторые очень мирные, другие встревоженные и держа ружья наготове. Иногда раздавались одиночные выстрелы. На них никто не обращал внимания. Все так скоро привыкли. Улица жила. Двое маленьких мальчишек, одному лет семь, другому девять, обнявшись, шли по середине улицы и что-то пели... Ключья обгорелой бумаги, медленно падая на землю, покрывали снег черными заплатами. Светило весеннее солнце, а на душе было так жутко. Ловили малейшее сведение, но ничего толком не знали. Говорили только, что во главе движения — Родзянко, что войска на стороне народа.

Я, выйдя на двор, спросил попавшегося мне навстречу жильца одной из квартир нашего дома, рабочего, почему открыты ворота. Он мне резко ответил: «А кого теперь бояться? Теперь совсем безопасно. Вся власть

в руках народа». Я не посмел расспросить его, что это значит... Мы ничего не знали, и это незнание о совершающемся томило нас. Я даже не могу сказать, чтобы много слухов ходило. Все как-то скорее прислушивались, чем что-либо сообщали. Только и узнали из слухов, что образовано Временное правительство и во главе его Родзянко²³. Поражала нас и стройная организация всего движения... На улице было такое оживление, словно это был праздник Св[ятого] Христова В[оскресения]. Мы к вечеру опять вышли на улицу. Тут я был свидетелем одной тяжелой сцены. На углу 16-й линии стояла громадная толпа и волновалась; оказалось, что «судили» пойманного с оружием в руках городского. Толпа все росла и неистовствовала. Одни требовали, чтобы расстрелять его на месте, тут на углу Среднего и 16-й линии, т. е. в нескольких десятках шагов от нашего дома. Другие просили этого не делать, арестовать его. Искали автомобиль, который мог бы его забрать. Тянулись страшные минуты: расстреляют или нет?.. И сжималось болью сердце... Крики поднялись сильнее, толпа стала раздаваться, некоторые побежали... Значит, сейчас расстреляют... К счастью, в это время показался автомобиль.— «Сюда, сюда»...— закричала толпа. Автомобиль въехал в толпу. Опять толпа сгрудилась, потом расступилась. Автомобиль стал поворачивать обратно. Какой-то штатский, высунувшийся из автомобиля, размахивал револьвером и что-то кричал. Толпа кричала «Ура». Городового увезли. У многих отлегло от сердца. Почти неотвратимое было предотвращено... Еще больше поверилось в чью-то сильную волю, которая руководит движением.

В последний раз я вышел на двор около 9-ти часов вечера. Было совсем тихо; только редкие единичные выстрелы патрулей раздавались то здесь, то там. Я выглянул наружу на улицу. Тишина, проходят изредка лишь солдаты да вооруженные люди.

Я зашел к бабушке. Она уже спала. От прислуги узнал, что в квартиру ее сына на Среднем проспекте залетела шальная пуля и разбила стекла в раме, в той комнате, где лежит больной мальчик. В магазине у них все спокойно. Были солдаты. Купили 4 пуда колбасы и за все заплатили деньги. Ничего не хотели взять без денег. На Петроградской было гораздо хуже, чем у нас, на Среднем. Папа пешком шел на Удельную.

Заснули под редкие единичные выстрелы, на которые не обращали уж никакого внимания.

1. Ш. Среда.— По улицам развешен «Приказ», подписанный Родзянко. Приглашаются собраться в определенное место все офицеры Петроградского гарнизона и все офицеры, находящиеся в Петрограде. Значит, всем движением руководит Государственная Дума. Родзянко подписывается от имени военной комиссии Комитета Государственной Думы.

С проезжавших мимо нас автомобилей бросались летучки. Но достать мне их утром не удалось.

Встретил знакомую, учительницу музыки в 1-м Кадетском корпусе²⁴ С. И. Т. Она шла с уроков. Корпус примкнул к народу. Вчера был обезоружен долго не сдававшийся Морской Корпус²⁵. Сейчас, говорят, лица, стоящие за старый порядок, засели в Н[овой] Голландии²⁶, около Благовещенской площади. Туда собирают войска, присоединившиеся к народу, чтобы выбить засевших. Учительница настроена нервно, но бодро. Ей пришлось пережить тяжелые минуты. С крыши их дома кто-то стрелял. Она живет в 6 этаже. Крышу стали обстреливать. Несколько пуль попало ей в квартиру, разбили стекла, обломали потолок. Одна пуля пролетела над головой ее сына, так что он упал от испуга, но, к счастью, ранен не был. Пуля была разрывная... Учительница сбегала вниз. Вышла к толпе и рассказала, что происходит в их квартире.

Солдаты стрельбу тотчас же прекратили.

На каждом углу толпятся кучки народа. Какая-то баба с красным бантиком (сегодня большинство ходят с красными лентами и тряпочками) рассказывает другим, что у них на Донской улице всю ночь раздавались выстрелы. А стрелял это городской. Он же и дворник... Надо пойти и вытащить его. Агитация ее все-таки не шла дальше этого. Ее слушали как-то пассивно... Но зажечь эта искра могла большой пожар. Разгромили бы, конечно, квартиру этого дворника, и не сдобровать бы самому дворнику. А поди, правда ли, что он и городской в то же время, и стрелял всю ночь... Баба такая плюгавая, худая, с сиплым голосом, озлобленная.

Наша дворничиха «Тетя Паша» верит, что теперь все дешево будет. Хлеб, ждут, подешевеет до 3-х копеек, сахар, масло тоже... Муки, говорят, много нашли в участках. Тысячи пудов. Ругают полицейских.

Узнали из расклеенных газет, что Государю послана телеграмма. Приведен ее текст. В народе говорят, что это третья телеграмма. На первые две государь, будто бы, не ответил. Говорят, что будут ждать до 4-х часов.

Если к этому времени ответа не будет, то Государь будет считаться врагом народа.

В газете население призывается к спокойствию и поддержанию порядка. Образовывается милиция. Сообщается об уходе ряда лиц из бывшего правительства.

Движение на улице громадное. Падает хлопьями снег. Изредка проезжают вооруженные автомобили с красным флагом. Особенных слухов нет.

На углу болтается по ветру объявление на картоне: «53 Студенческий питательных пункт. 17 линия, дом № ». Ходят курсистски и собирают деньги на оборудование питательных пунктов. Появились плакаты от рабочих с девизом: «Пролетарии всех стран соединяйтесь». И жутью повеяло от них. Это крайние требования. Никакого компромисса, но резкостей нет. Ни одного выкрика вроде «долгой самодержавие и проч[ее]». Чувствуется какая-то сдержанность. Правда, на одном печатном на машинке плакате-прокламации говорится: «долгой Романовых»... «Довольно гнета» и т. п. Самое грустное это то, если произойдет раскол. Теперь так необходима строгая организация и железная дисциплина. Иначе все пропало. Нужно, чтобы не поднялись подонки общества, чтобы не почувствовали, что теперь «все можно».

Вечером пошли по 8-ой линии, позвонить по телефону к отцу на Удельную. Все время шли между солдатами. Около 8-й линии попался нам навстречу 180-й полк²⁷, возвращавшийся из Государственной Думы. Во главе шел оркестр. Мимо нас шли все солдаты толпою, куря и без всякой дисциплины. Оркестр молчал. Потом затрещали барабаны. На углу 8-ой и Среднего стояло несколько автомобилей около ресторана «Лондон»²⁸. Там, как оказалось, устроены Штаб и организуется милиция. Около входа стоит патруль. Входят и выходят люди, записывающиеся в милицию. Рабочий с ружьем просит любопытных расходиться и не мешать. На всех углах кучки народу. Горят редкие газовые фонари, но не темно. От только что нападавшего белого снега еще светлее.

Встретили у самой колбасной П. Я. Оказывается, папа ушел вчера пешком на Приморский вокзал. Покупка там еще ходила поезда. Сегодня о нем ничего не известно. Телефоны работают, но плохо. На Удельную оборвался как раз провод. Там все относительно спокойно. Была только перестрелка у роты самокатчиков, которая не хотела сдаваться, но и та скоро перешла на сторону народа.

На обратном пути у аптеки (угол 12-й линии) какой-то мальчик читал листок газеты. Несколько человек слушали. Он читал тихо и плохо. К тому же и снег, падая, хлопьями, покрывал печать. Я вызвался почитать погромче. Мне передали газету. Это были «Известия» 1 марта № 3. В них сообщалось о новом правительстве²⁹. Таковое составилось из комиссаров временного комитета Государственной Думы³⁰. На одном из первых мест сообщалось о «падении Адмиралтейства». 28-го там заперлось несколько рот Измайловского полка, конная артиллерия и часть правительства. К 4 часам того же дня солдаты сдались, министры куда-то попрятались. Протопопов арестован. Он явился в Государственную Думу и обратился к одному студенту: «Вы — студент? — Да.— Ведите меня к членам Исполнительного комитета.— Я бывший министр внутренних дел Протопопов». Протопопова по приказанию Керенского арестовали. В газете передается, что вид у Протопопова был жалкий, но он был бледен и пошатывался. Керенскому он заявил: «Ваше превосходительство, отдаю себя в Ваше распоряжение» и просил переговорить с ним наедине, чтобы передать что-то по секрету³¹. Если все это так было, то что же это за человек, г. Протопопов. Нет имени людям с такой подленькой, гаденькой натурой. Среди арестованных много бывших министров, между ними Добровольский³², засевший было в бест, но добровольно оттуда отдавшийся в руки Временного правительства. Интересен приказ Родзянко об аресте Добровольского.

«Представить автомобиль с конвоем для препровождения егермейстера Добровольского из здания Итальянского посольства в помещение Таврического дворца».

Подписал М. В. Родзянко

Арестованы не сдавшийся добровольно директор Морского корпуса Карцев, Щегловитов и многие другие³³. Из Ораниенбаума прибыли депутаты Ефремов и Титов, которым был представлен от Великого Князя Кирилла Владимировича автомобиль.

Великий Князь Кирилл Владимирович обращался с речью к толпе, когда члены Думы подъехали в автомобиле к его дворцу³⁵.

— Мы все русские люди. Мы все заодно. Нам всем надо заботиться о том, чтобы не было прежнего беспо-

рядка и кровопролития. Мы все желаем образования настоящего русского правительства.

В Царскосельский дворец вошли солдаты. Государыня приглашает для переговоров к себе Родзянко. Организовывается новая Власть. Во главе Ведомства путей сообщения стоит какой-то А. Бубликов³⁶.

Газета подписана «Комитет петроградских журналистов».

Типография т-ва А. С. Суворина Н. В. Эртелев пер. д. 13. Бумага, формат и печать «Вечернего Времени».

Снег падал хлопьями. Толпа все росла, слушая чтение. Вдруг раздался голос: «Господа, расходитесь, здесь читать неудобно». Я быстро скомкал газету. Перед нами был патруль. Студент с белой повязкой, солдат и матрос.— Вы совершенно правы,— сказал я.— Да, пожалуйста, можете прочесть на углу у фонаря, войти во двор, а то тут торговое помещение. Толпа мешает...» Все разошлись. Какая-то баба хотела взять у нас газету, но мы не дали. М. Ф. убрала ее в муфту, и мы ушли. Какой-то молодой человек зашагал за нами. Мы перешли на другую сторону, и он за нами. Скоро он отстал: присоединившись к кучке народа, читавшей по-видимому, такой же лист на углу, у уличного фонаря.

Проходя домой, вы видели кучку солдат у ворот противоположного дома. Один солдат звал других обследовать его квартиру, в которую ночью стреляли откуда-то. Заподозрили соседний пятиэтажный дом. Предлагали пойти обследовать его.

2.III. Четверг — На улице такое же оживление, но не чувствуется уже особого напряжения. К тому же не чувствуется сильной власти, которая бы всем руководила, как 28 и 1-го. Около нас громили целое утро винный погреб. Оттуда, говорят, стреляли. Сперва солдаты стали искать стрелявших, а потом бросили поиски и стали пить. Благоразумная часть солдат стала отнимать бутылки и бить их. Но многие успели уже напиться, другие набили бутылками свои карманы. Все утро толпились солдаты и народ около ворот этого злополучного дома и за углом, у разгромленного погреба. Видно было, как солдат на лошади с обнаженной шашкой отгонял солдат от ворот, суетился студент с белой повязкой на руке... Наконец, поставили патруль. Слышно было, как бьют бутылки...

Благоразумные солдаты в толпе говорили: «Не давайте пить. Если будут пить — пропадем. Пьяных-то легко взять. А если их возьмут — всем нам не миновать

виселицы. Спаси Бог, если пропьют дело. Не давать, ребята, пить».

Оказалось, что в первые дни было много роздано оружия зря. У многих хулиганов видели винтовки, револьверы. Были уже случаи безобразия и даже убийства. Некоторые полагают, что замысел полицейских — рассорить толпу между собою и привлечь хулиганов на свою сторону.

Известий никаких новых нет. Автомобилей почти совсем не проезжает. Видел лишь один или два. Один грузовик с двумя пулеметами. Какой-то рабочий дал мне вчерашнюю газетку «Известия Петроградского Совета Рабочих Депутатов» 1 марта 1917 г. № 2. Ничего в ней особенного. Все очень осторожно, не признают только компромисса со старой властью, но выпадов против Государя, династии нет. Нет и лозунгов о республике.

У ворот все время стоят любопытные. Разговорился с одним.— А как с Николаем-то?..— нерешительно спросил он меня. Я ответил, что сейчас нельзя много требовать, преступно, непозволительно. Он согласился и другие согласились. Интересно было наблюдать, с каким вниманием прислушивались другие к нашему разговору. Так сейчас легко влиять на толпу. Нервы у всех страшно устали. Притупились...

Мне почему-то очень грустно сегодня. Мне все кажется, что вдруг что-то ослабело, произошла какая-то заминка. Никто не знает, что делается, чего-то ждут.

«Нет, без власти никак нельзя,— говорил мне один разговаривавший с нами у ворот.— Скорее бы объявилось новое правительство и брало бы все в свои руки».

Дворник наш все горевал, что кругом нет никого старших: все одни солдаты. И некому распорядиться над ними. А ведь к хорошему не приведет это безвластие...

Чувствуется, что пути вожakov народа расходятся. Слишком «сознательные» рабочие многого хотят. Их лозунг — республика и диктатура пролетариата... Но никогда с такой иронией не звучали эти слова, как теперь, во время войны. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»...

М. Ф. ушла в город за билетами в Новгород, чтобы отвезти свою сестру В. А. Я не хотел, чтобы она рисковала и не пускал её, но она очень волнуется. Вчера поссорила со мной из-за того, что я её не отпускаю. Это было впервые за все время супружества, т. е. за все 8 месяцев... Потом мучилась из-за этого. Бедная, славная... Удивительный она человек. Редкостный. Я не встречал еще более честной и чуткой души, чем у нее.

Вот уже пять часоев, а ее и В. А. все нет.

Падает снег. На двор зашли какие-то солдаты. Пробираются, наверное, к сиделкам, живущим во дворе. В отворяющуюся калитку видно, как снуют по-прежнему в разные стороны прохожие...

И выходить не хочется. Вдруг почему-то стало так тоскливо на душе. Сумеют ли взять в свои руки, что вырвали из других. Умно и смело взять?!

А вдруг это — начало разрухи, гибель родины...

Так оно и есть. Пути военной комиссии Г[осударственной] Д[умы] и образовавшегося Совета Рабочих депутатов разошлись. В «Известиях Совета Рабочих Депутатов» сегодня прибавлено «Солдатских Депутатов»³⁷. В одном месте явно говорится о возникших трениях: Приказ № 1, 1 марта 1917 г., пункт 4: «Приказы военной комиссии Г. Д. следует исполнять за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям С[вета] Рабочих и Солдатских Депутатов»³⁸. А в другом месте говорится: «Большую тревогу вызывает поведение Временного Комитета Г[осударственной] Д[умы] по отношению к гарнизону Петрограда»³⁹. Требования рабочих заходят слишком далеко. Сегодня в газетке уже совсем другой тон, чем вчера: «Судьба Царя Николая II», «может ли остаться династия Романовых» и т. д.

Очевидно, пути разошлись. Многие уж толкуют, можно ли доверять Родзянко. Хотят республики...

Теперь ярко выясняются три течения: Конституционное, революционное и за старый порядок. Последнее сейчас слабее всего. Много надо таланту и энергии, чтобы победить гидру революции. Слишком разыгрались аппетиты. Говорят об отобрании земель, о полном равенстве, об отмене дисциплины в войсках... О верховенстве народа. Агитация в полном разгаре. Одно воззвание «К революционному студенчеству» подписано так:

Студенческие организации:

П.—Н. Института, Р. С. Д. Р. П., П. С. Р., Е. С. Д. Р. П. (Паалейцилк)⁴⁰.

Я так ничего и не понял. Другое воззвание (прокламация) начинается:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь»

«В борьбе обрешь ты право свое». Потом идет текст.

Подписано:

Петроградский Междурайонный Комитет Р. С.-Д. Р. П.
Партия Социалистов Революционеров.

Что может быть пошлее сейчас этих заезженных трафареток. Или:

«Да здравствует Великая Российская Революция».

И ни слова о враге, о немцах на Двине, у Двинска и Риги, в 20 переходах от столицы... И к этим людям перейдет судьба России. Да минует родину это испытание!

Сегодня после того, как ослабела чья-то спявающая все воля, были уже некоторые дикие выходы со стороны солдат по отношению к торговцам. Солдаты заставили продавать по 1 р. за фунт масло, когда оно себе стоит торговцам по 2 р. 20. Подчинялись. Продавали. И не сегодня-завтра те, кто приветствовал новый порядок, будут против него. Конечно, будет контрреволюция. Без этого не обойдется. И старая власть уцепится за всех недовольных новыми порядками. Было «постыдное рабство дома Романовых». Если будет победа за «сознательными рабочими» и «солдатами», будет «господство солдат и рабочих», еще более постыдное.

Спаси, Боже, родину.

Все упование на временный комитет ⁴¹. Если он сумеет крепко захватить власть — тогда не страшны эти демагоги, кричащие «пролетарии всех стран соединяйтесь», когда пролетарии немецкие и их союзники в 400 верстах от Петрограда, когда неприятелем отторгнуто 16 губерний с 36 миллионами народонаселения.

Ведь это хуже предательства.

Так бы и крикнул: Опомнитесь. Не продавайте родины. Продадите, вам же первым плохо будет. Немец не пощадит вас. Сплотитесь перед лицом врага. Докажите, что велика и могуча Россия, что она имеет неисчерпаемый запас не только физической, но и моральной силы...

В городе все спокойно. М. Ф. была на Николаевском вокзале; прошла, значит, весь Невский, Лиговку, Васильевский остров. Везде спокойно, гуляют, толпятся на углах. В некоторых местах происходят митинги. Неспоконнее всего ей показалось у нас на Среднем, в особенности угол 8-й линии, где помещается районный штаб.

Видела около Морской, у Английского магазина отбитый пулями в нескольких местах карниз. На Адмиралтействе развевается красный флаг, вывешена надпись, что Адмиралтейство охраняется Государственной Думой.

Стекла в Советском подъезде выбиты, у ворот стоит часовая.

— Настя, прислуга, ходила в колбасную к отцу и на обратном пути всю дорогу бежала. Бежала потому, что все бежали. Распространился слух, что едут по 8-й, по Среднему жандармы и стреляют во всех из пулемета. Поднялась тревога. Как оказалось потом, это была ошибочная тревога. Ехали, правда, конные солдаты, но из народной армии, и правда, разгоняли застрывших на разных углах и у магазинов. Наводили порядок.

— По словам отца образовано новое министерство. Милюков — министр иностранных дел; Керенский — юстиции, Гучков — военный, Чхеидзе — чуть ли не внутренних дел. Иначе нельзя было, говорит отец. Начинался окончательный раскол. Необходимо было найти способ объединиться, согласовать действия.

Это, кажется, удалось. Соц [иал] - демократы вошли в новое правительство⁴². Грустно только, что совсем мало известий от Временного Комитета — наши районы заполнили эти летучки социалистов-революционеров. Их, конечно, меньшинство, а создается впечатление, что их организация, что-то грандиозное.

О создании нового правительства сообщали у штаба на углу 8-ой. Толпа восторженно приветствовала криками «ура» каждое известие о назначении того или другого лица министром.

На Удельной все спокойно. Вчера там ввели карточки на хлеб⁴³. Все магазины открыты.

На Финляндском вокзале не совсем спокойно. Ждут вооруженного поезда из Белоострова, где заперся какой-то жандармский полковник с железнодорожными жандармами. На вокзале роты Преображенского полка с пулеметами (по сообщению отца).

На Николаевском вокзале совсем спокойно. Вокзал занят солдатами, которые поддерживают порядок (по сообщению М. Ф.).

По сведениям летучки — нигде сегодня кровавых столкновений не было. Государыня все время в истерике. У наследника корь и температура 39°. Государь по этим же сведениям задержан, где-то между Бологое и Дно. За ним произведено разрушение пути, чтобы он не мог возвратиться обратно, а на следующей станции, куда он должен прибыть, его ждут войска, перешедшие на сторону народа⁴⁴. Полагают, что Государя заставят отказать от престола...

Кронштадт на стороне восставших. Адмирал Вирен убит ⁴⁵.

Ничего не знаю о службе. Может быть, я уже не чиновник Морского министерства, не делопроизводитель исторического отдела Архива. Странно, я как-то меньше всего думал об этом. Ничего не знаю ни о начальнике, ни о сослуживцах.

М. Ф. уехала в Новгород проводить В. А. Ушли опять пешком на Николаевский вокзал. На лошади нельзя.

Был 9-й час вечера. С 11-й линии долетали звуки выстрелов. Говорили, что полицейским опять удалось забаррикадироваться в Морском Корпусе. Когда мы шли от 8-й, видели группу солдат, сзывающих других, чтобы зайти к корпусу с тыла.

Мы ходили с угла на угол с М. Ф., думая, взять одно из развешенных объявлений. Такова уже страсть коллекционера. Но это нам не удалось. Почти беспрестанно двигались патрули. Боялись, что заподозрят нас в срывании объявлений.

Рассказывают, что в городе, на Невском, толпы гуляющего народа. Все с красными бантами и ленточками. Приветствуют, поздравляют друг друга. На крышах домов вдоль всего Невского насажены на всякий случай моряки с пулеметами. Передают, что генерал Рузский прислал с фронта поздравительную телеграмму Временному правительству ⁴⁶. Одно время распространился слух, что Государь принял все условия. Он очень рад, что освободили его от прежнего правительства, что он был безволен. По другим сведениям ничего подобного не было, и Государь задержан в Бологое.

Текст телеграммы М. В. Родзянко, на все фронты нашей армии.

1. «Временный комитет членов Государственной Думы сообщает Вашему Высокопревосходительству, что, ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров, правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы.

*Председатель Государственной Думы
Михаил Родзянко* ^{46а}.

2. «Временный Комитет Членов Государственной Думы, взявши в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питать полную уверенность, что общее дело борьбы

против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено. Так же стойко и мужественно, как доселе, армия и флот должны продолжать дело защиты своей родины.

Временный комитет при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений.

Пусть и со своей стороны каждый офицер, солдат и матрос исполнит свой долг и твердо помнит, что дисциплина и порядок есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой правительственной власти.

*Председатель Г. Д.
Михаил Родзянко»*

Как новое правительство справится с солдатами? Из казарм они все ушли. У П. Я. третий день живет солдат из Московского полка, пришедший к нему с винтовкой, ранее служивший у П. Я. приказчиком. Солдаты требуют совершенно новой организации, выборного начальства, подчинения дисциплине только в строю, обращение к ним со стороны офицеров только на «Вы» и т. д.

Трудно теперь будет собрать всю эту вооруженную толпу и подчинить снова железной воинской дисциплине.

Говорят, что ходят с обысками по квартирам. Были у одних знакомых Левиных. Ищут оружие и забирают таковое. Хорошо, если это делает милиция, ну, а если этим воспользуется хулиганская шатня.

Все ждут от нового порядка какой-то сверхъестественной перемены и облегчения жизни.

Сегодня принесли в жертву толпе сливочников, завтра принесут овощников и хлебников. А дальше что будет? Еще хуже не было бы...

Мне сегодня не хотелось больше выходить на улицу, после того, как я пробыл там все утро. Устал. И сверлит мысль: выдержит ли с честью это испытание родина? Я верю в Россию...

Французское и Английское правительства признали и вступили в сношение с нашим Временным правительством. Этого надо было ожидать. Думаю, что английский посол не совсем безучастен в свершившемся⁴⁷.

— Старое правительство вело Россию к гибели, а новому предстоит наитруднейшая задача предотвратить эту гибель... Удержать уже падающую в пропасть каменную глыбу...

3.III. Пятница.

На Среднем и всех прилегающих линиях у домов вывешены красные флаги. Наверное, так во всем Петрограде. В большинстве от прежнего флага оторваны белые и синие полосы; висят и просто прибитые к дереву куски кумача.

Официально объявлено новое правительство П. Н. Миллюков — министр иностранных дел, А. И. Гучков — военный и морской министр, А. Ф. Керенский — юстиции, Председатель Совета Министров и Внутренних дел — князь Г. Е. Львов. Другие: Н. В. Некрасов (путей сообщения), А. И. Коновалов (торговли и промышленности), М. И. Терещенко (финансов), А. А. Мануйлов (народного просвещения), В. Н. Львов (Св. Синода), А. И. Шингарев (земледелия) ⁴⁸.

На углу плакат:

«Офицеры с солдатами и народом. Офицеры, находящиеся в Петрограде, идя об руку с народом и собравшись по предложению Исполнительного Комитета Государственной Думы, признавая, что для победоносного окончания войны необходима скорейшая организация порядка и дружной работы в тылу, единогласно постановили:

«Признать власть Исполнительного Комитета Государственной Думы в управлении государством российским впредь до созыва Учредительного собрания.

С подлинным верно:

Член временного комитета — Павел Миллюков

Член Государственной Думы — министр юстиции А. Керенский

Член Государственной Думы — М. А. Караулов
2 марта 1917 г. ⁴⁹

На улице совсем тихо; совсем нет вооруженных штатских. Меньше солдат. Ходят студенты-милиционеры с патрулем — вооруженными солдатами. У всех красные значки. У многих солдат кокарды обтянуты красным.

На углу спорили о чем-то. Я прислушался. — «Э, дидактию-то оставить хочется. Шалишь...» Горячился один в кондукторском пальто. — Не надо больше. — Вишь, опять за Романовых», — пролепетала какая-то баба...

«Нет, шалишь, конечно!» — оказывается разговаривавшие не спорили, а негодовали только против царствующего дома. Я не удержался: — «Господа, нельзя требовать сейчас слишком много. Большие требования толь-

ко разъединят всех. Ведь не забудьте, что в 20-ти переходах немец. Ведь, если он придет сюда, не помирует; в бараний рог свернет вас всех. Пошлет, как сейчас из Бельгии, посылает работать рабочих в Германию. Закабалит. И выйдет, что из-под Романовых да под Гогенцолерном. Не забывайте, что немец на шее».

Кондуктор как-то присмирел. Да солдат его выручил. «Чего тут говорить, никакой конец теперь не страшен. Никуда он с Двины не двинется. А вот они, сукины дети, нас предали». И ошетинился опять кондуктор, съежил-ся весь, окрысился... И пошел опять выплевывать свои отравленные злобой слова...

Другие слушали и молчали. Я отошел.

Простой народ, даже бабенки, и слушать не хотят об оставлении династии: — «Знаем мы, опять заберут волю. Для чего же кровь-то проливали тогда...»

Все ждут от нового порядка каких-то необыкновенных облегчений жизни. Горе тем, кто не даст теперь это-го толпе. Свергли одних, легко, не задумавшись, свергнут и других. А это и есть то, что называется АНАРХИЕЙ...

Появились редкие извозчики. Ломовики работают все время. Возят товар. Проехали желтые почтовые сани с красным флагом. Почта действует. Сегодня мы получили письмо. От 24-го из Новгорода, от 27 и 28 — из Петрограда и одну телеграмму, из Новгорода отправленную.

Изредка проезжают автомобили с красными флагами, но невооруженные.

Светило солнышко. Таяло на солнце. И так непривычно было видеть эти красные флаги на улице у каждого дома. Что это, республика?

О Государе нового ничего не известно.

По-видимому, дело идет к тому, что династии Романовых больше не бывать.

В листке «Известия Солдатских и Рабочих Депутатов» прямо говорится: «Николай Последний...»

Судя по последним известиям, вчерашний разлад не пошел дальше, трещина не разрослась. Керенский с согласия (*post factum*) * Сов. Раб. и Солд. Депутатов вошел в новое правительство. Чхеидзе призывает солдат к повиновению офицерам. В сегодняшнем №-ре «Известий Солдатских и Рабочих Депутатов» совсем другой тон. Много говорится о терпимости и примерении, хотя и с оговорками, но говорится, что демократия должна

* Задним числом (*лат.*).

поддержать новую власть. Подчеркивается, что окончательной победы еще нет. Нужны громадные усилия чтобы довести начатую борьбу до конца. По-видимому, есть такие причины, которые заставили понизить так зарвавшихся было фанатиков партийности и демагогии. Это и чувствуется сегодня. Все чего-то еще ждут. Ходят разные слухи, что в Петроград идут войска, оставшиеся верными старой власти. Распространившееся известие о том, что генерал Иванов ведет в Петроград целый корпус правительственных войск, оказалось выдумкой. Иванов в Петрограде и приехал он с поездом Георгиевских кавалеров, во главе их ⁵⁰.

Очень много зависит от Керенского. В его руках теперь все столпы старого режима. Он обещает строгий народный, но справедливый суд таким предателям, как Сухомлинов, как Штюрмер ⁵¹.

Пишут, что негодование солдат было столь велико, когда провозили в Таврический дворец арестованного Сухомлинова, что понадобилось много усилий, чтобы сдержать их, чтобы солдаты не разорвали его тут же.

С Сухомлинова были сорваны погоны и отданы преобразенцам.

Сегодня часть министров перевезли в крепость ⁵². Так как Щегловитов был приведен в Таврический дворец без пальто, то его отвезли в крепость в солдатской шинели.

Программа нового правительства:

1. Амнистия (полная, включая и террористам).
2. Свободы (с распространением на военнослужащих в пределах допускаемых военно-техническими условиями).
3. Отмена всех ограничений вероисповеданий и словных.
4. Немедленная подготовка к созыву Учредительного собрания, «которое установит форму правления и конституцию страны».
5. Вместо полиции — милиция.
6. Выборы в местное самоуправление по всеобщему избирательному праву.
7. Неразружение и невывод войсковых частей из Петрограда.
8. Предоставление солдатам вне строя всех прав гражданина.
9. Заверения, что военные обязательства не будут помехой для приведения всей этой программы в жизнь.

Подписано:

*Председатель Государственной Думы — М. Родзянко
Председатель Совета Министров — кн. Львов
Министры: Милюков, Некрасов, Мануйлов,
Коновалов, Терещенко, В. Львов, Шингарев,
Керенский...⁵³*

Около 5-ти часов ко мне пришел со службы сторож и принес удостоверение от имени нового правительства:

Управление
Петроградского
Градоначальника
Канцелярия
марта 3 дня 1917 г.
№ 1198

Временный Комитет
Государственной Думы

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявителю сего коллежскому секретарю Князеву разрешается беспрепятственное проживание в гор. Петрограде по 15 марта 1917 г. и беспрепятственный пропуск повсюду.

За помощника Градоначальника
Подполковник (*подпись неразборчива*)
и печать.

Сторож был очевидцем всего происшедшего в Адмиралтействе. В понедельник, как только что я уехал из Архива, т. е. около 6-ти часов, с Гороховой пришла к Адмиралтейству громадная толпа⁵⁴. Сторожиха даже думала, что мы не успели уехать. Скоро весь двор Адмиралтейства заняли несколько рот солдат, конная артиллерия, жандармы и полиция. На дворе Адмиралтейства собрались многие министры и градоначальник. Толпа и восставшие солдаты осаждали Адмиралтейство снаружи. Прошла беспокойная ночь. Осажденным было предложено сдать к известному часу. Если сдача не последует, то начнется стрельбы из тяжелых орудий по Адмиралтейству, из занятой восставшими войсками крепости, находящейся как раз почти напротив. Потекли томи-

тельнейшие часы, все это время происходила перестрелка. Все приготовились погибнуть под развалинами. С минуты на минуту ждали выстрелов. За каких-нибудь 20 минут до истечения срока решили сдаться. На двор ворвались вставшие солдаты и стали арестовывать находившихся там. Кто смог, тот убежал. Пристава и другие полицейские снимали с себя форменные пальто, умоляли дворников дать им штатское платье. Надевали всякую рухлядь. Некоторым, благодаря этому, удалось скрыться. Особенных столкновений при арестах не было: убили только 3-х лошадей. В Архив не входили: ничего из архивного имущества не пострадало...

При арестах солдаты мало стеснялись. Водили генералов, чуть ли не тыча им в зубы, или посмеивались. Теперь в Адмиралтействе идут собрания дворников, сторожей. Ищут прав, хотят одинаковых пайков и всех благ. Говорят о том, что у всех теперь будут одинаковые права...

Родзянко многие в толпе не доверяют.— Говорят: «Он и с Царем, он и с нами»...

Два солдата с ружьями, один с обнаженной шашкой, провели какого-то подростка. Говорят, что хулиганы шалят. Являясь с самовольным обыском и грабят. Забрались вчера передетые в форму солдат к члену Думы Велихову и обокрали квартиру⁵⁵.

Куда-то по направлению к Среднему — молодецкато, рядами прошли один за другим два взвода солдат с винтовками. За все эти дни — это я впервые вижу солдат в строю. Вели их тоже солдаты.

Сегодня, как-то отошел на второй план Родзянко. Словно он уступил кому-то свое место.

Толпе большей частью фамилии новых министров неизвестны. Многие не знают Председателя Совета Министров кн. Львова. Совсем неожиданны: Терещенко, Мануйлов. Толпа плохо разбирается в этих именах. Все верят только потому скорее, что тут же Керенский и Милюков.

Часов в пять, проходя к отцу, на углу 12-й [линии] был увлечен толпой. Прижался к водосточной трубке, чтобы не уронили. Где-то раздавались глухие выстрелы. Никто не мог понять, откуда стреляли. Смотрели по крышам. Выстрелы продолжались. Бегали от одного дома к другому. Скоро дело выяснилось. Оказалось, что стреляли с колокольни Благовещенской церкви, на углу 8-й и Малого проспекта. Все бросились туда. Когда я через некоторое время стоял в толпе, неподалеку от штаба милиции

(бывший ресторан «Лондон»), привели туда прилично одетую женщину. Это, оказалось, она стреляла, взбравшись на колокольню. Говорили, что она с ума сошла. У ней кого-то, отца или мужа, убили или арестовали и это на неё сильно повлияло. Толпа запрудила всю улицу. Все хотели видеть эту женщину. Мальчишки забрались на фонари; другие влезли на деревья около «Лондона». Когда я сидел у П. Я., провели под конвоем и священника, по-видимому, из Благовещенской церкви. Говорили, что захваченная женщина жена псаломщика или диакона... Потом стали передавать, что это был переодетый женщиной совсем юный мальчик. Толпа все время шарахалась из стороны в сторону и передавались слухи, один нелепее другого. Распространился слух, что Наследника больше нет в живых. Одни говорят — убит, по другим сведениям — умер естественной смертью. Об этом говорят солдаты и милиция. Все ждут с нетерпением № 8 «Известий». Другой слух, что Государь отрекся от престола в пользу народа. По другим сведениям — о Государе ничего не известно доподлинно; находится он сейчас в Пскове. Николай Николаевич послал ему умоляющую телеграмму примириться с совершившимся ради спасения родины⁵⁶.

На углах появились объявления от общественного градоначальника профессора Юревича с извещением населения об его избрании на эту должность и о принятых мерах для безопасности граждан и их имущества⁵⁷.

От студентов-электротехников висит призыв не разединяться в такую минуту из-за партийного фанатизма.

Всеми признается, что сделана еще только половина. Самое трудное впереди. У меня такое впечатление, что произошло какое-то замешательство среди руководителей движения. Выяснилась какая-то неожиданная опасность. В газетке с [оциалистов] р[еволюционеров] и с[оциал] д[емократов] говорится о присоединении других городов и Москвы, но как-то бледно. Сообщается о присоединении к Временному правительству генералов Брусилова и Рузского, но опять-таки как-то вскользь. Не собираются ли вокруг Государя оставшиеся ему верные войска? Не понизил бы спроста своего такого тона скоро Совет Солдатских и Рабочих Депутатов!

Интересно, что Совет Солдатских и Рабочих Депутатов везде как бы скрепляет распоряжения Временного Комитета Государственной Думы. Как бы две власти сейчас: Временный Комитет Государственной Думы и Совет Солдатских и Рабочих Депутатов...

Рассказывают, что в запасной батальон, стоящий неподалеку от нас, пришел их полковник и стал говорить солдатам, что напрасно они так поступили, что все равно их дело пропащее. Поднялся, говорят, страшный шум. На полковника набросились за эти слова. Некоторые предлагали расправиться с ним тут же на месте. Другие уговорили увести его в новое комендантское... но не довезли. Кто-то посмеялся над ним, что ли, или тронул его, а он не выдержал да пригрозил, что не надолго они взяли силу. С ним где-то тут, около 15-й линии и закончили солдаты... Долго там виден потом, говорят, был окровавленный снег на этом месте...

У подавляющего большинства красные значки. Сто-рож говорит, что и начальник с красной ленточкой. Я не надевал и не надену. Не надевала и М. Ф. Как-то про-тивно было бы это сделать. Стыдно...

За день набрал несколько газет, листов, плакатов. Отклеивая вечером один плакат, за которым охотился долгое время днем, озирался: а вдруг заподозрят, что я нарочно или из-за озорства срываю? Не разделаешь-ся потом.

Вечером, когда шел домой, было совсем спокойно, но оживленно по-прежнему. Шел по дороге. Навстречу мне попадались студенты-милиционеры с патрульными сол-датами. Проехало несколько подвод пустых и с товаром. Пролетели два-три санитарных автомобиля. На одном была надпись: «дезинфекционная камера» и развевался флаг с красным крестом. Трамвайные рельсы в некото-рых местах были расчищены. Снег сгребен в кучки или увезен. Может быть, и на самом деле пойдут завтра трамваи. Может быть, и наладится жизнь в столице и постепенно восстановится порядок.

4.III. Суббота.

Вот почему вчера были вывешены красные флаги: Государь отрекся от престола вместе с Наследником в пользу своего брата Михаила, а Михаил Александрович отрекся от престола в пользу народа.

Монархии в России больше не существует, есть лишь верховная власть народа.

Сегодня напечатан «Манифест об отречении от пре-стола Николая II». В нем между прочим говорится:

«...В эти решительные дни в жизни России, сочли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное едине-ние и сплочение всех сил народных для скорейшего дости-

жения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского...»

Манифест был дан в г. Пскове, 2 марта, 15 часов, 1917 г. Скреплен подписью Министра Императорского Двора ген.-ад. гр. Фредерикса⁵⁸. Телеграмму с текстом Манифеста передал командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал Непенин⁵⁹.

Сегодня усиленно говорят о смерти Наследника. Никаких достоверных сведений никто не имеет.

На улице вьюга. Метет. Все запорошило снегом. Везде сугробы. Народу мало. Изредка лишь собираются кучки и быстро расходятся. Только из уст в уста передают этот упорный слух о смерти Наследника...

Плохо спал сегодняшнюю ночь... Развинтились нервы. Проснулся около 4 часов и не смог спать. Безотчетный страх вдруг напал на меня. Еле-еле успокоился разгоряченный мозг. Не выходит у меня из головы эти картины последних дней... И беспокоит судьба Родины. Что это: начало возрождения ее или гибели?

Словно покойник в доме. Не можем свыкнуться с свершившимся. Какая-то пустота. Из страха и неизвестности за будущее родины — не можем ни ликовать, ни радоваться... Все выжидаем чего-то.

Настя, прислуга, никак не может понять, как же это мы будем жить без царя.— «Ну, старый отрекся, так нового выберут». — «Нет, совсем без царя»... Так и не смогла она ничего понять, совсем запуталась.

Вернулась М. Ф. из Новгорода. Там относительно спокойно. После всего случившегося в Петрограде, когда еще никто ничего не знал, в Новгороде, Губернатор [Иславин] распорядился уничтожить запасы водки и передал власть городскому самоуправлению. К сожалению, с исполнением уничтожить запасы вина замешкались, и многие перепились. Водка текла по канавам, а из канав ее черпали и прямо лакали солдаты и просто-народе. Другие отгоняли. В конце-концов удалось оторвать от канавы всех пьяниц и поставить караул. Конечно, и там были костры из дел Канцелярии губернатора. Разгромлено полицейское управление. Так как в городе не было политических, выпустили уголовных преступников. В городе организуется милиция. Но особен-

ного оживления не заметно. На улицах тоже треплются куски красной материи на старых древках. У всех красные бантики, лоскутки, петлицы.

Идет пьяненький, спотыкается, — да и правда скользко. — «Что, скользко? — говорит ему М. Ф. — «Скользко... Но вот новое правительство заставит песочком посыпать!» Действительно... От нового правительства ждут чего-то чудесного! Это повсеместное явление. Все бабенки и многие, многие в России и у нас в Петрограде думают, что теперь молочные реки в кисельных берегах потекут.

На железной дороге тихо; несмотря на метели, опоздания небольшие.

На вокзалах дежурства солдат. На Николаевском вокзале в буфете устроена караулка. Все входы и выходы охраняют солдаты. Когда утром М. Ф. шла с вокзала по Невскому, было тихо и спокойно. Разбушевавшаяся метель всех загнала по домам. М. Ф. зашла на службу. Никакого присутствия сегодня нет. На Адмиралтействе развеваются красный флаг, внутри, в типографии, еще другой. Часы под Адмиралтейским шпилем испорчены.

Проходя по Дворцовому проезду на Дворцовый мост, видела, как зашивают в красную материя царские вензеля на решетке у Зимнего дворца.

5 марта 1917 г. Воскресенье.

Совсем спокойно. Улица приняла обычный вид.

В некоторых домах организуется домовая охрана и от каждого дома выбираются уполномоченные по продовольствию. К 5-ти часам у нас во дворе было назначено собрание. Первое собрание самодеятельных граждан Российского государства, на котором я присутствовал. Сперва все жались. Чувствовали себя не совсем ловко и привычно. Выбрали председателем одного из квартирантов — рабочего Розе (по-видимому, эстонца). Он сказал подобающую речь. Теперь настали другие времена. Всякий должен заботиться о себе сам. Никто не должен отказываться от исполнения своего долга. Поблагодарил за доверие. При выборах присутствовал дворник. Он плохо разбирался во всем происходящем. Как-то ступался.

Так были осуществлены нами впервые завоеванные права самоопределения и самодеятельности.

Я иначе и не понимаю всего произошедшего, как свободного самоопределения и самостоятельности народа.

Сегодня вышли газеты. Не все пришлось достать. Купили только «Петроградский листок», «Русскую волю», «Биржевые ведомости».

«Русская воля» прямо и решительно высказалась за республику. П. Л. и Б. В. не совсем ясно выявляют свою политическую программу. Я так и не понял: будут ли они отстаивать парламентскую монархию или республику.

М. Ф. писала сегодня письмо к своим в Новгород обо всем свободно и ничего не маскируя... Рассказывала, что делается в Петрограде. И целый день не могла успокоиться, как же это можно было прежде жить, таясь, скрываясь, рабски пресмыкаясь. Она только в тот момент, когда написала это письмо, ясно поняла «осязательно» все случившееся.

В газете, между прочими заметками: «Ликвидация убийства Распутина», «В Совете Рабочих Депутатов», есть и такая: «Николай Романов. По полученным сведениям отрекшийся от престола Николай Романов проехал в Ливадию»...

Попалась на глаза подпись:

«Член Государственной Думы, министр юстиции, гражданин Керенский»...

Как все непривычно еще это...

6.III. Понедельник.

Словно сон все случившееся. Пришли на службу, глядим друг другу в глаза и не верим. Там, где висел портрет Государя — пустое место. Начальник заблаговременно приказал снять портрет. У всех какой-то немного сущенный вид, словно выжидают, присматриваются друг к другу. Начальник очень растерян. Пережитое им за это время сильно отразилось на нем. Особенно огорчили его тяжелые события во флоте. В Гельсингфорсе революция прошла очень тяжело. Флот разделился. Часть не захотела признать Главнокомандующего Непенина и выбрала Максимова⁶⁰. Другая осталась верна Непенину. Вскоре верные части флота восстановили Непенина, но в субботу произошло новое замешательство, и Непенин был убит. Об этом величайшем несчастье для русского флота пока не объявлено. Слишком вознаграждаема сейчас эта утрата для Родины... Как раз наоборот все прошло в Ревеле — поразительно торжественно и спо-

койно. «Всецело под Андреевским флагом», — как выразился Н. К. Там особенно популярен Вердеревский⁶¹, начальник дивизии подводного флота, и он, вероятно, будет теперь во главе всего флота. События настолько тревожны, что будь другое время года и не сковывай большую часть Финского залива лед, неизвестно, чем бы кончилось это замешательство. Можно сказать, что некоторое время Русского флота вовсе не существовало. Во время бунта погибло много офицеров. Как ни убеждали матросов депутаты Родичев и Скобелев, убеждения оказывали на них мало действия...⁶².

В Кронштадте революционные дни прошли тоже тяжело. Убито и ранено много офицеров и несколько адмиралов. Что делается в Севастополе — неизвестно. Туда уехали по поручению Г. Д. депутаты Маклаков и Туляков⁶³. По-видимому, там тоже неблагоприятно. Н. К. ничего не стал рассказывать о Черноморском флоте.

М. Ф. Григорович совершенно подавлен⁶⁴. Он осунулся и постарел. Все происшедшее очень тяжело повлияло на него. Большую часть времени в эти дни и ночи он пережил в Генеральном штабе и ночевал там на диване. Пост министра он окончательно отказался принять...

В министерстве идут выборы представителей учреждений. Все организуются. У нас тоже были выборы. Как-то странно было видеть, в стенах канцелярии выборы уполномоченных, разговоры о республиках, о парламентской монархии. Выборы происходили от чиновников и от вольнонаемных. Мы выбрали чиновника Ш., вольнонаемные — сторожа Бабкина. Занятия шли неправильно, к тому же холод был волчий, целую неделю не топили.

Архив, слава Богу, весь цел. Все служащие оказались в сборе. Позднее всех пришел Ал. Ив. Жданов, у него был какой-то жалкий вид. Он пришел в штатском. Постарел, весь как-то съежился. Был смущен и робко смотрел на всех. Происшедшее подавило, уничтожило его. Он был всегда крайний реакционер. Не по убеждению больше, а потому, что был недоросль из потомственных дворян и больше всего держался за эти крохи былого превосходства перед другими. У нас он занимает скромную должность Коллежского регистратора. Самый настоящий гоголевский тип чиновника, человека 20-го числа. Ничем-то особенно он не интересовался никогда; всегда был вял, ленив. Одно нужно ему поставить в плюс — никогда не кляузничал и был отличным това-

рищем. Когда он вошел и стал здороваться со всеми, на него было жалко глядеть. Ему как раз надо было подписаться на листе, где нами уже были даны подписи при выборах депутата от Архива. Он долго глядел на лист. Боязливо озирался по сторонам. Прочел приказ Н-ка, еще раз взглянул на лист и только тогда дрожащей рукой вывел: Жданов. Позже он рассказывал разные ужасы. По его словам, в Кронштадте резали и надругались над трупами. Сам он там не был, все слышал от брата, а брату говорила сторожиха Кронштадтского Архива, которой рассказывала ее сестра, что видела дочка последней... И Жданов верит тому, что эти ужасы были... Солдаты будто бы перерезали офицеров на куски и под музыку плясали на этих кусках трупов... И все в подобном стиле... Бедный Жданов. Его разгоряченное воображение и невообразимый испуг создают нечто чудовищное. Не мудрено, если подобные ему сходят с ума теперь. (Говорят, что арестованный Карцов, директор Морского Корпуса сошел с ума, и напоролся на штык). Когда мы спрашивали Жданова: «Ну, что в Петергофе?». Он только и мог ответить, сделав страшные глаза: «Грабят». Ужас овладел им и лишил (способности) спокойно и просто смотреть на вещи. Случившееся выбило его из колеи. Помню, что в прошлом он еще говорил о забастовщиках: «Схватить да повесить тут же на фонаре некоторых на страх другим. Тогда не полезут»... И вдруг... Он, в Архиве Морского министерства, в канцелярии не нашел на обычном месте около часов, за столом делопроизводителя портрета Государя Императора... Ибо нет больше такового...

Я не остановился бы сейчас столько на Ал. Ив. Жданове, если бы что переживает он, не переживалось очень многими. Сейчас они притаились, притихли, пригнулись... Но они подымут, когда можно будет, голову... Хотя такие, как А. И., вряд ли — не хватит ни силы, ни ума... Слишком ленивые. Больше всего они ценили свой собственный покой. Устроятся и теперь. Привыкнут. Это все «мертвые души».

Гучков издал по Морскому Министерству первый приказ. Отменяются титулования: вместо «нижний чин» введено «воинский чин»; с воинскими чинами офицерам обращаться на «Вы» и т. д.⁶⁵

Выбранный вольнонаемными сторож Бабкин почувствовал вдруг себя выросшим и морально, и политически — он такой же человек, как и все, и гражданин Государства Российского... Он говорил кому-то потом:

«Если тебе дали гражданство, так уж будь настоящий гражданин...»

Теперь всем жить будет можно...

Михаил Николаевич рассказывал много «забавных» эпизодов. Между прочим шли, говорит, по Невскому вместе с начальником. Им попадаетея навстречу какой-то незнакомый, подойдя почти в упор к начальнику, говорит возбужденно: «Вы слышали, Вы читали «Николай Второй отрекся от престола»... Начальник взволнованно что-то заговорил ему в ответ, что лично он, Н. К. — всегда был на стороне добивающихся прав, что еще в 1905 году сочувствовал борцам за свободу... В это время проезжал автомобиль, разбрасывая летучки. М. Н. бросился, схватил одну из брошенных летучек, поскользнулся и потом растянулся на дороге... Летучки на этот раз так и не достал. Прочитали об отречении уже спустя некоторое время.

В городе полный порядок; только трамваи еще не ходят и поэтому большое оживление на улицах — всюду идут пешеходы.

Над Зимним дворцом развевается вместо Императорского Штандарта — Красное знамя.

У нас в Архиве тоже преобладает, кажется, течение в пользу республики. Нас, конституционалистов, немного. Я опять говорил об ответственности нашей перед своей совестью и Родиной в этот трудный момент. Ведь не надо забывать, что судьбы Родины сейчас в наших руках...

Из Синода, из зала заседаний вынесли царское кресло, символ цезарепапизма⁶⁶. Его сдвинули с места докладчик и митрополит Владимир, потом, при молчании иерархов кресло было вынесено вон. Митрополиты Питирим и Макарий отправлены на покой. Митрополит Владимир произнес речь, в которой вполне признал образующийся порядок⁶⁷.

Программа Львова очень кратка: полная свобода церкви. Чтобы ни церковь не вмешивалась в дела государства, ни государство не влияло на церковь. Священникам будет запрещено принимать всякое участие в политической жизни страны⁶⁸.

Государь, оказывается, в самом начале беспорядков приехал в Царское село и хотел взять с собой Наследника, но не мог этого сделать, так как Наследник только что серьезно заболел корью, и Государь должен был уехать один. Когда беспорядки приняли угрожающий характер, и войска стали переходить на сторону народа, Государь дал неограниченные полномочия для подавле-

ния беспорядков ген. Иванову, который и двинулся к Петрограду, с поездом Георгиевских кавалеров...

Интересный штрих.

На историческом заседании, на котором было решено заставить Николая II отречься от престола, которое требовалось силою вещей, произошел такой диалог между одним из участников заседания и Гучковым:

— Но, что, если он (Государь) откажется это сделать?

Тогда Гучков на это твердо и решительно сказал:

— Волна народного гнева не должна останавливаться на «пути». Мы пойдем до конца.

(«Биржевые Новости». 6.3.1917 г.)

У нас, собственно, сейчас два правительства: Совет Рабочих Депутатов и Совет Министров... Все очень боятся этого двоевластия и не без основания.

Поразительное впечатление производит город: ни одного городского.— «Вас не поражает это?» — говорю извозчику, который вез меня со службы.— «Да как же, барин»,— ничего в толк не возьму, словно сон... И участка нету...»

И впрямь — русская жизнь и без городского! Да это сон.

И всего только полторы недели тому назад моя сестра Валя была свидетельницей такого случая. В пятницу она ехала на службу. Через Литейный мост сперва не пускали, и на трамвае, и пешком; потом пустили. В начале моста вагон был остановлен. Вошли помощник пристава и несколько городских. Грубо заявил полицейский: «Рабочие, выходите!» Никто не тронулся с места. Тогда помощник подошел к одному из пассажиров: «Оставьте вагон»...— «На каком основании?» — «Оставьте вагон, Вы — рабочий». — «Да что вы, я — чиновник!» И он вынул удостоверение. Пришлось оставить этого пассажира. Такая же сцена произошла и с другим пассажиром, тоже неважно одетым и тоже оказавшимся чиновником... Полицейским пришлось оставить вагон, ничего не добившись...

Кончились эти окрики, эти сыски... Да, неужели правда, что этого нет, и никто не будет издеваться надо мною, показывать свою власть!..

Ну, разве не похоже на сон все свершившееся. Я — гражданин. Свободный гражданин Российского государства...

И М. Ф., наконец, поняла совершившееся... И не мо-

жет представить, как это мы могли спокойно жить раньше. Нет-нет, да и запоет мотив Мерсельезы.

И многие прозрели и не хотят прошлого. Страшно и мрачно прошлое. Застенок и рабство — прошлое... Теперь другая жизнь — народ сам устроит свою жизнь.

Мы выросли. И мешок, в который мы были зашиты, распался сам собой. Вот так я понимаю случившееся.

К сожалению, были такие тяжелые эксцессы: в Морском корпусе, как рассказывала В. Н., живущая там, заперлись четыре гардемарина и стреляли. Когда их взяли и повели, то один служитель подошел к одному гардемарину и сказал: «Я прежде тебе сапоги чистил, а теперь...» И ударил его кулаком по лицу так, что кровь брызнула.

7 марта. Вторник.

Выбранный вольнонаемными депутат, сторож Бабкин сегодня пришел и заявил: «Так значит, если меня выбрали депутатом, то нельзя ли произвести в писцы... Так он понял оказанное ему доверие. До сих пор он был сторожем и истопником. Чуть знает грамоту.

Оказалось, что Кронштадтские события на самом деле развернулись в ужасающую трагедию. По словам начальника, очень много жертв, и до сих пор не восстановлено спокойствие. Народ еще во власти бунтовщиков. Кровь опьянила их, и все, что произошло в Кронштадте, можно назвать массовым безумием, бешенством крови. Бунтовщики дошли до иступления. Они не только резали на куски и жгли на кострах офицеров, но и просто разрывали живых на части, а потом топтали и жгли... Адмирала Вирена разрубили на куски и сожгли. Адмирала Бутакова⁶⁹, корректного, мягкого старика, расстреляли на глазах семьи — жены и детей... Больше 100 офицеров были убиты таким образом⁷⁰. Никто ничего не мог поделать с этой частью кронштадтского гарнизона... Ни сами солдаты, ни рабочие депутаты, ни приехавшие сюда специально члены Государственной Думы... Сами солдаты стараются усмирить сейчас разбушевавшихся, и, кажется, решили в крайнем случае, т. е. опьяненные кровью не сдаются, — истребить их. Орудия с фортов давно были бы повернуты для разгрома казарм бунтовщиков, если бы не боялись больших ненужных разрушений. И сейчас еще происходит перестрелка между караулом, охраняющим арестованных офицеров.

Непримиримые требуют их выдачи для жестокой расправы.

По мнению начальника эти печальные события в Кронштадте разразились потому, что там было много штрафованных и других матросов, которых никто не хотел брать на суда, как негодный элемент. Словом, отбросы флота. Между ними и офицерами были чересчур натянутые отношения и, когда «укротители зверей» остановились в некотором замешательстве в начале движения, звери бросились на них и растерзали. Кровь опьянила их. Они осатанели.

Всего тяжелее дни революции прошли во флоте. Недаром Григорович совершенно надломлен.

Это факт, что некоторое время боевая готовность Балтийского флота равнялась нулю. Спас лед и неожиданность развернувшихся событий. Теперь, за исключением Кронштадта, тихо и в Гельсингфорсе, и в Ревеле. В последнем, по словам н[ачальни]ка, совсем не было никаких эксцессов.

Сегодня пошли трамваи. На некоторых красные плакаты: «Да здравствует демократическая республика и Учредительное собрание. Да здравствует 8-часовой рабочий день. Земля и воля».

Вагоновожатые, кондукторы и кондукторши очень вежливы, или это мне так показалось... В некоторых трамваях ездят милиционеры для наблюдения за порядком. В нашем ехал студент-политехник с саблей.

Узнали, что 10-го будут похороны жертв революции. Местом погребения избрана Дворцовая площадь. С большим несочувствием встретили мы эту мысль, что же, должна, значит, быть изуродована замечательная историческая площадь.

Похороны решено устроить особенно торжественные и гражданские⁷¹.

Город принял совершенно обычный вид... Только красные флаги. Они словно сделались темнее или грязнее за эти несколько дней висения... Словно кровь запеклась.

Начальник все суетится. Похудел. Представляет нам полную свободу устройства наших внутренних распоряжений в Архиве и отношений.

Сторожи и сторожихе, оставшимся на своем посту в тяжелые дни революции и сберегшим Архив, прочли приказ начальника с благодарностью. Им обещано денежное пособие.

Понемногу привыкаем к новому строю. Так непривычно все, что пишут в газетах и говорят в обществе... На всех произвело большое впечатление сообщение приехавшего из ссылки Великого Князя Николая Михайло-

вича о последних месяцах старого режима. И ужас пробегает по коже... Пропасть сама подвигалась к несчастному Николаю II-му... Какие люди окружали его!.. И сам он с преступной безвольностью взирал на все окружающее и шел к катастрофе... Она разразилась.

8.III. Среда.

Все служащие уходили утром в Манеж на собрание низших служащих. Ничего не порешили. С собрания прошли по двору с красным флагом. Пели похоронный марш. Текст его был роздан всем участникам собрания. Когда проходили мимо окон Архива, остановились у ворот. Старики, юноши, барышни (по-видимому, наборщицы). Новые русские граждане...

Был профессор одного из американских университетов⁷². Он был в России в начале войны и теперь снова приехал. Случай сделал его свидетелем русской революции. Интересны, наверное, его впечатления от нашей родины. Он видел ее просыпавшейся и теперь проснувшейся. Присматривается ко всему, прислушивается. Позвал его к нам. Придет в понедельник.

Н. К. рассказывал интересный факт образования Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Сперва образовали только Совет рабочих депутатов, и он, между прочим, настаивал на окончании войны теперь же. Против этого восстали солдатские депутаты и, чтобы уладить возникшее разногласие, были выбраны в Совет и солдатские депутаты.

Как выясняется, сами солдаты против выборного начала в армии в большом масштабе. Они требуют только выборного начальника, который имеет с ними непосредственные отношения, и, в особенности, если отношения касаются хозяйственных вопросов.

Начальник настроен сегодня оптимистически. Если бы не печальные события, он сиял бы, как сиял в первые дни, в первые часы победы революции.

После службы были на заседании чиновников Министерства в библиотеке. Выбирали делегатов от учреждений в зале армии и флота. Собрались немногие. Было скучно. Выбирали делегатов, сами не зная, собственно, для каких целей их выбирают. Было только так странно слышать из уст Статского советника, «Товарищи» и т. д., «завоеванная свобода» и прочее. Вообще многое теперь похоже на сон.

На сегодняшнем собрании в Манеже было сделано

нелепейшее предложение вырубить Александровский сад для того, чтобы здесь собирались на митинги... Где-то уже это предложение было принято...

С похоронами жертв революции было отложено. На митинге говорили, что погребение на Дворцовой площади отложено потому, что боятся, нет ли там фугасов. Предварительно будут произведены саперные работы для обследования площади. Также говорили, что «Учредительное собрание» вряд ли соберется в Зимнем дворце. Боятся, что нет ли там каких-либо приспособлений, при помощи которых во всякую минуту здание и все находящееся там могут быть подняты на воздух...

Смотрел, проходя мимо Зимнего дворца, на развевающиеся красное знамя вместо штандарта и корону, задрапированную в красное... Сон... Сон...

Интересная мелочь. Так нам вдолбили за эти два с половиной года, что нельзя с аппаратом выходить на улицу и делать снимки, что ни 28, ни 29 февраля, ни позже, несмотря на то, что я имел все время аппарат с собою, ничего не снял на улице. В голову не пришло. Только сегодня вспомнил.

Вспоминаем пережитое. Мы не поняли событий сразу. 24—26-го думали об уличных беспорядках по случаю недостатка хлеба и забастовки, 27-го узнали, что беспорядки приняли очень серьезный характер. 28-го весь день не понимали хорошо, что случилось. Смотрели на толпы вооруженных людей и солдат, на вооруженные автомобили... И ничего, собственно, не знали, что случилось. Знали только, что бунт. Военный бунт.

Ехали мимо нас и останавливались на углу, говоря что-то толпе... Хорошо помню и тот момент, когда другой автомобиль, очень шикарный, полузакрытый, остановился около наших ворот, и шофер попросил ведро воды для своей машины. В автомобиле было несколько вооруженных винтовками рабочих и солдат. У одного солдата, стоявшего сзади с винтовкой на прицел, вся грудь была увешана Георгиевскими медалями и крестами...

И не понимали мы, что случилось. Не верилось в то, что старая власть пала. Казалось невероятным. Да и не было между нами революционеров, напротив, и В. А., и М. Ф. горой за Государя. Для нас все происходившее скорее было бунтом, чем подвигом революции. Помню только, что мы не радовались. Нечему было радоваться. Мы не знали, организованно ли все это движение, исходят откуда-нибудь все распоряжения или оно стихийно...

И боялись анархии, разрухи... А вдруг ничего не объединяет действия всех этих вооруженных солдат и рабочих?.. Только на следующий день, 1 марта, мы осознали, что во главе всего движения стоит Государственная Дума и всем руководит Родзянко... Тогда мы успокоились.

9. III. Четверг.

Тяжелое впечатление произвело на всех постановление Совета Рабочих и Солдатских Депутатов запретить все правые газеты и закрыть «Новое Время». Что же тогда изменилось. Давило царское правительство, теперь будет давить рабочая диктатура?

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов — сила. Без него Временное правительство шагу ступить не может. Получается какое-то двоевластие. В Совете сейчас до 1500 депутатов и воля их велика. Это тяжело отзывается на укреплении власти и восстановлении дисциплины.

Все газеты высказались по переживаемому моменту. Большинство за республику. Я делю все газеты на следующие разряды: трезвые («Речь», «Русская Воля», «Русские Ведомости», «Биржевые ведомости»), растерявшиеся («Новое время»), зарвавшиеся («Правда») и грязные («Маленькая газета»). Последняя — какая-то клоака. Фельетон о Николае Романове и мамке Ксении — невыносимая для безглагового человека грязь, позор. Язык один чего стоит!.. Боже, спаси «свободную печать» от этого. Много у нас подводных камней. С одной стороны — запрещения и кары, с другой разнузданность.

В Архиве проводились выборы. Выбрали Сергея Михайловича Щеглова. Вольнонаемные выбрали Садовского. Почти все время ничего не делали. Неужели так и во всех других учреждениях?

Придя со службы, мы с М. Ф. до 2-х часов ночи читали газеты, с 6 до 2 часов ночи, т. е. около 8 часов.

М. Ф. не может спокойно видеть «Н. В.» Особенно возмущает ее то, что она так верила этой газете. И вдруг там теперь пишут совсем обратное тому, что писали две недели назад. Особенно тяжелое впечатление произвела на нее сегодняшняя статья Поселянина с похвалой студентам. «Н. В.» хвалит студентов!..⁷³

М. Ф. вообще не может простить себе, как она это могла так долго обманываться, стоя за старый порядок и веря таким газетам, как «Н. В.».

«Теперь я только поняла, что такое радость свобо-

ды,— говорит она,— и нет, свободу эту я не отдам назад без решительной борьбы... И почему это я раньше не презрела...»

Интересно, что в дни революции городских иначе не называли, как «фараонами», а полицейских вообще «шляузами».

10.III.Пятница.

Был с делегацией от Архива у бывшего Морского министра. Ходили — начальник Михаил Николаевич Варфоломеев и Сергей Михайлович Щеголев. Министр принял нас в громадном зале, выйдя к нам из внутренних комнат с двумя собачками. Начальник обратился к нему с речью. Голос его дрожал и срывался, говорил очень тихо. Я думал, что начальник не сможет кончить речи и разрыдается. Он сказал, как министр много сделал для Архива, какие ценные приобретения сделаны Архивом за это время и как расширился Архив. Министр ответил, что все свои силы отдавал на служение родному флоту и с грустью взирает на то, что приходится теперь прервать налаженную работу. Сказав это, он пожал всем нам руки и быстро ушел. Внешне министр был спокоен, он с некоторым, едва заметным волнением слушал, что говорил ему начальник, и сразу, как только тот немного замолк, начал свой ответ. Он говорил твердо и ровно, по-видимому, уже трафаретный для него ответ. Собачки все время кружились вокруг нас и одна несколько раз лизнула мне руку.

Михаил Николаевич был так растроган, что не смог удержать слез и чуть не разрыдался. Мы пошли через пустой громадный зал к выходу. На самом видном месте зияла пустотой громадная золоченая рама. Тут был во весь рост портрет Государя. Теперь он вынесен. И как-то не верилось этому. Я хотел рассмотреть картины на стенах с морскими сюжетами, но не успел. Все уже вышли на лестницу и спускались вниз.

С выборными от вольнонаемных в Архиве не ладится. Выбранный сторож и истопник Бабкин возгордился и запросился в писцы; выбранный прочими вольнонаемными писец Садовский захотел, чтобы он был сравнен с чиновниками. Провозглашенный им и ему подобными лозунг, что кто больше служит, тот больше получает — не знаю, что из этого выйдет. По их требованиям выходит, что все вольнонаемные должны получать одинаковые жалованья. Выходит, что и писец, и машинистка должны получать одинаковый оклад с чертежником,

переводчицей и проч., т. е. не получивший никакого образования и окончивший хотя бы высшее учебное заведение — получают независимо от исполняемой им работы одинаково...

Начались недоразумения. Опять почти весь день в Архиве ничего не делали.

Страшно за фронт. Тяжелые вести идут оттуда. Нет дисциплины. А без дисциплины — войска — стадо, толпа... Немцы, по всем данным, готовят удар на Двинском направлении.

Боже, спаси Родину.

11.III. Суббота.

Когда вспоминаешь прошедшее, видишь, что не верили ни 27, ни 28 в успешный, решающий участь монархии, исход событий. Все думали — бунт, не знали, что все в руках Государственной Думы, и она руководит всем движением. Боялись анархии. И так жутко было, что бунт военный. Со страхом смотрели на вооруженных солдат и рабочих. Не знали, что с прежнею властью в те великие дни 27 и 28-го все уже было покончено. Не верилось, что старая власть так скоро может рухнуть вместе с династией... Мы не знали, что там все сгнило... И как жутко было смотреть на солдата, увешанного Георгиевскими крестами, с винтовкой в руках на вооруженном автомобиле с красным флагом. Этот автомобиль с вооруженными рабочими и этим солдатом остановился у наших ворот, набирая воды. Я никогда не забуду той тревоги, наполнявшей мое сердце. А как же присяга, а как же Государь... Ведь это — бунт. И острой болью сжималось сердце за будущее...

Теперь все вышло как нельзя лучше, но дисциплины до сих пор не восстановить, и Родине грозят неисчерпаемые бедствия. Старые формы рушились, новых нет...

Дисциплину расшатали в первые дни революции. Особенно много сделал для этого приказ № 1. Последствия его очень печальны. Теперь особенно старается в этом направлении крайних требований и расшатывании дисциплины большевистская «Правда».

И что же сегодня оказалось. В списках тайных агентов Охранного отделения, найденных при разгроме охранки, значится и нынешний редактор-издатель «Правды» Черномазов⁷⁴.

Неужели тут исполнялся дьявольский план разбить

единство и внести заразу бунта в ряды завоевавших свободу...

Ал. Ив. Жданов, мой сослуживец, немного успокоившийся, узнав от меня, что теперь не будет сословий и чинов, снова загрустил...

Этого он никак не может перенести спокойно. Он — недоросль из дворян и коллежский регистратор. И дороже всего было ему, очень небогатому, почти бедному, его дворянское происхождение. Ал. Ив. стал даже волноваться и до того договорился, что по его мнению величайшей ошибкой было освобождение крестьян...

14. III — Понедельник.

Из Кронштадта приехал делопроизводитель Портowego архива для доклада начальнику. Рисует все в мрачных красках. Но, как можно было понять из всех его рассказов, порядок в Кронштадте все-таки налаживается. В крепость и из крепости впускают и выпускают только по особому удостоверению, выданному от «Временного Комитета Народного Движения города Кронштадта»⁷⁵. Для внутреннего передвижения по городу нужно тоже удостоверение. Я видел и то, и другое. Обычные удостоверения с печатями. На одном печать революционная: посередине флэг, по бокам — надпись: «Народное движение г. Кронштадта» и немного выше, над флагом: «свобода». Другая — обыкновенная: коменданта г. Кронштадта.

Если верить приехавшему, то в городе продолжается царство солдатчины. Они ничему не хотят подчиняться. Считают себя Социалистической республикой и грозят всем расправой. Офицеры, в количестве 300 человек до сих пор арестованы: некоторых из них заставляют исполнять черные работы — грузить уголь и проч. Сейчас матросы ходят по городу и ищут себе квартир. Таковых им требуется до 50-ти. Все свободные помещения занимают. Портовому архиву грозит опасность, если не быть уничтоженному совсем, то сваленному куда-нибудь в кучу. «На что нам ваш Архив», — говорят матросы. Кроме матросской власти, никакой сейчас другой в Кронштадте нет. Рабочие, большей частью, встали на работу, потребовав 100% прибавки. Делопроизводитель кронштадтского Архива возвращаться обратно в Кронштадт ни за что не хочет. Архив сейчас, собственно, на воле Божьей... «Обратно не поеду: каждую минуту жди, что убьют или оскорбят. Нам, говорят матросы, чиновников

не надо. Вон их». Делопроизводитель ходил последние дни по Кронштадту и выехал оттуда в очень поношенном статском пальто и такой же шапке. В первые дни он пробирался по улицам там в рабочей блузе и еще более поношенном пальто.

Начальник организует собрание по архивному делу для обсуждения ряда вопросов, в связи с переживаемым моментом.

15. III. Вторник.

По улицам Петрограда двигаются полки с плакатами «Война до конца», «Все для победы» и «Готовьте снаряды»⁷⁶.

Слава Богу, пропаганда большевистской «Правды» делается все меньше и недействительнее. Сегодня газетчица, продавая «Правду», сказала: «Да ее скоро закроют. Больно за немцев стоит». И в низах поняли зло этой газеты.

В Россию, говорят, идут французские социалисты. Короленко обращается к народу с призывом довести войну до конца^{76а}. Со всех сторон раздаются эти призывы. Дело не в Царьграде, а в Петрограде. Все принимают, что торжество Вильгельма — гибель завоеванной свободы. Вчера произошло соглашение между офицерами и солдатами. Принят проект «Декларации прав солдата»⁷⁷.

Верится, что врагу не удастся теперь разгромить нас и погубить Родину.

Гадкую работу делают некоторые люди, противники нового порядка. Они дискредитируют новых людей и распространяют самые крайние требования.

А. И. Рассказывает следующий факт. Он на вокзале в Новгороде стоял в очереди, дожидаясь взять в кассе заранее по знакомству приготовленные там для него плацкарты. За очередь и порядком наблюдал милиционер-гимназист. Когда он получил билеты, встретил знакомого, оказалось, что тот тоже получил плацкарту. «Как же вам удалось достать ее?» — «Да очень просто, — отвечал тот. — Разве что-нибудь изменилось... Дал милиционеру, и получил плацкарту... Если хотите, изменилось только то, что раньше можно было дать полтинник, рубль полицейскому, ну, а теперь меньше пятерки ничего не дашь...» А. И. был ошеломлен. И только потом, разбираясь во всем этом понял, что тут не было правды, а была дикая злоба и бессилие мести... Ведь он посеял

недоверие, больше — ошеломил на время, ввел в замешательство.

А вот другой случай. На заседаниях вольнонаемных предлагались пункты резолюции других учреждений, где были и 100% прибавки, и 10% ежегодной прибавки, и наградные в тройном размере оклада жалованья и т. д., словом, крайности, во многом дикие... (А. И. Жданов) злобно встретивший все совершившееся и оскорбленный за свое погибающее дворянство и исчезающие чины, подуськивал наиболее несговорчивых: «Конечно, надо требовать. Требуйте все. Должны сделать... Он сделал свое злое дело...

16. III. Четверг.

Вдруг какая-то тяжесть легла всем на сердце. Слишком тяжелое время мы переживаем. Враг в 20 переходах от столицы, и, конечно, не дремлет. В наших социалистических кругах — самая беспочвенная демагогия и доктринерство. «Правда» — без колебания требует прекращения войны сейчас же. Совет Рабочих Депутатов требует прекращения войны при первой возможности, а куда нет этой возможности. Родина — накануне величайших решений. Многие, не скрывая опасности создавшегося положения, все-таки верят, что мы выйдем из этого испытания с честью. Родзянко и правительство чуть не ежедневно обращаются с воззваниями к народу и армии... И везде чувствуется этот страх перед неизвестностью. Никто не ликует. Замечают, что нет совсем радостных лиц кругом. Или злые, или растерянные... А может, быть, это случайное впечатление. Многих удручает неясность создавшегося положения — у нас три правительства...

Временный комитет, Временное правительство и Совет Рабочих и Солдатских депутатов. Последний имеет громадное влияние на дела государства, и никто не знает даже, из кого он состоит. Неизвестно, что будет на фронте, с Петроградом. Многие говорят, о неизбежной эвакуации. Не надеются, что можно будет сдержать отчаянный и последний напор немцев... Дисциплина нашей армии до сих пор еще не восстановилась вполне. И что ждет в будущем Россию. Во всем своем ужасе встают вопросы социальные и особенно вопрос о земле. Уж где-то сожгли вместе с усадьбой помещика — земского начальника и вырубил лес...

И гнетет порою, гнетет... Страшно становится: спра-

вится ли Родина с поставленными перед нею задачами или зашатается и погибнет. Разделится, ослабеет и ничего не останется от ее величия...

Так думают многие. Но есть и другие. Эти верят в великую будущность Родины. Их ничто не пугает. Это — революционеры. Большинство из них, правда, верят не в Родину, а в человечество вообще и готовы поступиться родиной ради своей отвлеченной идеи. У многих из них совсем не развито чувство родины. Я не хочу упрекать их, но мне кажется, что это происходит от недостаточности понимания момента, от полинической близорукости... Ради журавля в небе они выпускают синицу из рук. Ну, разве не доктринерство призывать сейчас к братанию с врагом! Больше, разве не глупость провозглашать под свист немецких пуль и удушающий газ их отравленных снарядов эту формулу: «Пролетарии всех стран соединяйтесь». Может быть, они прозреют. Но не поздно ли только тогда будет?

И есть третья категория: им все не так, все худо, они все критикуют только еще хуже: предъявляют крайние требования, тихо, но методично вселяют подозрения, недоверие ко всему. Это кроты. Их много. Они ископали всю землю. Если они сейчас не заявляют своего протеста (наоборот, многие сделали республиканцами), то только до поры до времени. Случись завтра реставрация — и они, сегодняшние республиканцы, — опять будут на своем месте — царскими холопами. Между этой третьей группой невольно ставших республиканцами есть разновидность — «обыватели». Это самый несносный элемент. Им все не так. И, если в трамвае наступят на мозоль, то, конечно, и в этом, если не повинен новый строй, то они не преминут сказать, что чем же он лучше старого. Этих сычей «обывателей» — много, очень много. Они страшны своей тупой серой массой.

Слава Богу. Отраднейший факт. По улицам Петрограда двигаются полки с музыкой и плакатами: «Война до победного конца», «Солдаты, в окопы, рабочие — к станкам», «Умрем за Родину», «Или победим, или умрем». Несказанно это порадовало всех, кто не потерял чувство Родины. Повеселели лица. Родина не в такой опасности, как казалось. Дело обороны налаживается. Может быть, теперь, когда народная армия свободного русского народа встретится с рабами варварской дисциплины немцами, разобьется вдребезги немецкая дисциплина и спесь...

Нам ничего не надо немецкого. Уйдите в свои гра-

ницы. Свергните свое деспотическое правительство. И русский свободный народ будет брататься тогда с свободным немецким народом. Но это утопия. Немцы этого не сделают, и тогда надо прежде всего прогнать их.

17. III. Пятница.

На площадке трамвая беседовали два солдата:

— Строже стало в казармах. Курить не позволяют. Опаздывать нельзя...

— А кто же запретил?

— Да сами же солдаты. Вишь ты — прежде опоздал, и от одного офицера скрываешься, а теперь — у всех на виду — нехорошо, говорят товарищ. Да что это — беглые возвращаются... С 1915 г. бывшие в бегах приходят и говорят: «Так и так, дескать, пришли. Служить всегда были готовы, но с прежним режимом не были согласны, потому и скрывались...

Володя Полубинский, недавно только окончивший Военную школу и выпущенный в офицеры, рассказывал, как ему пришлось с солдатами отстаивать Гвардейское Экономическое Общество ⁷⁸ 27 февраля. Он стоял с 20-ю солдатами у здания. С Невского ожидали толпу. Вскоре таковая показалась. Володя сделал одно предупредительное, другое и приказал стрелять. Солдаты не выстрелили. Он приказал во второй раз. Солдаты опять не стали стрелять. Он приказал стрелять в третий раз. Солдаты дали неровный залп. Почти все вверх и наотрез отказались стрелять. Разбежавшаяся было толпа опять начала собираться. Что было делать. Он бросился к телефону переговорить со своим командиром. Тот, поняв, что делать больше нечего, предложил Володе спрятать оружие и уходить. Володя так и поступил. После того толпа подошла к Гвардейскому Обществу, разгромила оружейный склад, а потом начала громить и другие отделения.

А. И. рассказывал другой случай. Сын его хороших знакомых, молодой офицер, был при таких же условиях и погиб. Он приказывал стрелять своим солдатам. Те отказывались. Тогда он сам один стал стрелять. Его примеру последовали некоторые, но сейчас же перестали. Толпа воспользовалась этим, и в начавшейся свалке офицер был ранен и захвачен толпой. Солдаты отбили его и отправили в перевязочный пункт. Рана оказалась смертельной, и он умер в страшных мучениях.

Незабываемые дни... Все мы так близко видели смертельную опасность. И совсем не было трусости. Убьют, ну, так что же.

18. III. Суббота.

Смертная казнь отменена ⁷⁹. Это благородно. Ну, как не верить в русский народ...

Начальником было устроено заседание архивных деятелей. Организовался «Союз Российских Архивных деятелей» ⁸⁰. Принято было несколько практических мер для спасения исчезающих архивов, поручено комиссии выработать устав Союза. Слеующее собрание будет в Сенатском архиве 26 марта, в понедельник. Председательствовал Лаппо-Данилевский ⁸¹. Собрание посетили: кн. Голицын (из Государственного архива), Блинов (из Сенатского архива), Срезневский (из Академии наук), Розанов (из архива М-ва Двора), Дружинин, Мурзанов, Николаев, Барсуков, Князьков и другие. Собрание затянулось до 11 часов вечера.

Между прочим, говорили о возможности эвакуации Петрограда. Блинов предлагал каждому архиву выяснить самый ценный материал, который составил бы фонд Архива. О спасении всего и говорить нечего, спасти бы только самое ценное.

Розанов предлагал ничего не уничтожать сейчас до более спокойного времени. Очень трудно установить сейчас, что нужно и что ненужно.

Лаппо-Данилевский говорил о централизации, если не фондов, всех архивов, то организации их и устройстве центрального депо карточек.

Польша — самостоятельное государство. Литва — тоже. Финляндия — почти самостоятельное; Грузия требует самостоятельности, Малороссия тоже... Что же остается: Московское г-во. И заняло сердце. Разошлись грустными. Особенно загрустила В. А.

Одна черта у Государя, подтвержденная всеми — равнодушные, доходящее до полной апатии. Другая — на Государя действовал тот, кто говорил с ним последний или чаще всего говорил.

Командир Гвардейского экипажа кап. I ранга в Екатерининском зале Государственной Думы 18 марта между прочим сказал: «Было время, когда офицеры-моряки подали руку матросам и повели их на Сенатскую площадь, теперь, через 100 лет, случилось так, что первыми вышли матросы и подали руку офицерам...» ⁸²

В Германии, когда узнали об отречении царя, «Vorwärts» * огромными буквами объявила: Russland ohne Zar ** и писала, что свергнут «самый деспотический и

* Вперед (нем.).

** Россия без царя (нем.).

самый кровавый из всех властителей, которых знала история за последние 100 лет».

Другие газеты растерялись. Они ожидали длительной революции и анархии, а тут почти без крови, в два-три дня рухнул весь старый строй и династия.

19. III. Воскресенье.

Меншиков за республику! ⁸³ Как быстро. Прочел его резкий выпад против монархии, с цитатами из книги «Бытия» и стало грустно. За 15 лет он кому только не служил. Был раб и остался им. Вернись завтра монархия, и он также «талантливо» будет громить республику...

Думаю, как было бы красиво, если бы с гибелью монархии прекратилось и «Новое Время». Умер старый режим и вечный прислужник его во всех фазисах — «Новое Время». Многое тогда бы простилось «Новому Времени»... Очень многое. А теперь только противно делается, когда видишь, как вывертываются и льстят новой силе вчерашние апологеты старой власти.

Столько раздражения кругом. Малейший повод ведет иногда к глубочайшему пессимизму. Ничего не изменилось... — Да что вы хотите, чтобы в один день все изменилось. Чтобы вчерашние рабы стали свободными сразу и оставили свои рабьи привычки. Это дело небыстрое. Следующее поколение, а может быть, и еще позднейшее, снимут плоды. Нам приходится жить, когда только начинается свободная жизнь, Старый уклад жизни долго еще будет сказываться. Гноение и зараза охранки и всякой сволочи, которая окружала трон и управляла государством, не сразу исчезнет. Слишком велика мерзость и грязь их деяний... Пройдет. Французская доблесть, оказанная в нынешнем году, родилась не сразу.

Старая Франция, погибшая окончательно в 1870 году, долго еще разлагалась потом... И мы знаем такие судороги погибавшего, постепенно поколения, доведшего Францию до Седана ⁸⁴ и позора Парижского мира ⁸⁵, как Панама ⁸⁶, Дрейфусиада ⁸⁷... Мы знали Францию только с этой стороны, и не заметили, что выросла за ними другая Франция, та самая, которая удивила весь мир своей стойкостью, отражая врагов на берегах Марны ⁸⁸ и Вердена... ⁸⁹ Я верю в светлое будущее и России. Пусть сейчас действуют «отрыжки» охранки, как запрещение правых газет, засилие крайних левых вместо крайних правых, но иначе, ведь и быть не может... Свободные граждане создадут истинно свободных.

20. III. Понедельник.

Весь день вчера, в воскресенье, ходили манифестации к Государственной Думе. Газеты пишут, что манифестации в этот день достигли своего апогея. Лучшего ответа на новые германские предложения о мире русский народ не мог дать.— Война до победного конца. Вот лозунг всех вчерашних манифестаций, не исключая и грандиозной женской.

Да, было так плохо, что мы шли к неизбежной гибели. Если мы погибнем теперь, после революции, то мы все равно погибли бы. Все шло к пропасти. Потому и случилась революция. Может быть, она спасет родину. Это — отчаянный шаг. Последние усилия погибающего. Может быть, мы и не погибнем теперь... «Безумству храбрых поем мы песню».

Устали многие за эти дни. Изнервничались. Особенно те, которые органически чувствуют отвращение к новым началам. «Как же жить-то будем?» «Солдат и мастеровой распоряжаются нами...» И такие испуганные, усталые глаза, неуверенные слова: «Нет, я абсолютно не способна быть республиканкой», — говорила мне В. А. Ей очень трудно примириться со многим. Весь уклад жизни меняется. И сколько сейчас таких растерянных, затанцевавших людей.

21. III. Вторник.

Надо запомнить. Авторами злополучного приказа № 1 были Н. Д. Соколов⁹⁰ и Ю. М. Нахамкис⁹¹, вожди Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Большой грех лежит на их совести.

Кто — в Совете Депутатов? Это общий вопрос. Сравнительно недавно узнали, что во главе его Чхеидзе... Ничего не знаем больше. Кажется, сам Совет понял это и реорганизуется. Много говорят о нем кругом и общий голос в моем кругу: «Скоро ли мы избавимся от этой деспотии наизнанку...» Самое ужасное — не известно, в чьих руках находятся судьбы Родины. Рассказывают, что только на днях Советом принята резолюция предложить Временному правительству заявить, что никаких аннексий, никакой контрибуции русский народ не желает и борется только до тех пор, пока немцы на русской земле... Ни слова о восстановлении поработенных Бельгии и Сербии, ни слова о Польше...

Разные мнения раздаются о роли Совета... Радикальная «Русская Воля» сочувственно перепечатывает заметку из «Дня» с апологией Совета: «Его заслуги». Ошибки

были и значительные, но велики и заслуги... «Главное, основное — это то, что лишь благодаря деятельности Совета избегла страна кошмара 1905—1906 гг., избегла убийственного явления и распыления революции» в отдельных эксцессах. Революционную страсть Совет обратил в революционный разум, инстинкт разрушения превратился в стремление к созданию. И об этом нужно помнить, кто с обывательскими мерками, ворча, и брюзжа, подходит к деятельности Совета» (Русская Воля).

Правда, роль его в организации той стихии, которая поднялась в первые революционные дни, неизмерима, но теперь, когда жизнь входит в нормальную колею, не слишком ли превышает свою власть, злоупотребляет ею?

Совет Депутатов так легко может выделиться в самую гнусную форму правления — охлократию⁹². Грустно, что в приемах и действиях Совета так много от прежнего режима. Труп заражает.

Хочется верить, что все мы скоро узнаем, в чьих руках судьбы Родины, и можно ли доверить этим людям...

22.III. Среда.

Кликушество Амфитеатрова⁹³ начинает претить. Чего он только не выплевывает из своего злого рта. Мстит. Низвергает. Неистровствует. В конце-концов делается противно: неужели ему больше нечего сказать в эти великие дни, как только смаковать распутинские гадости и ругаться. Сегодня он, говоря о памятнике Александру III на Знаменской площади, приводит трехстишие:

«Стоит комод,
На комод бегемот,
На бегемоте обормот...»

Требует уборки памятника Николаю I с Исаакиевской площади и все время ругается... И как ругается...

Невольно почему-то сопоставляешь эти два имени — Амфитеатрова и Меншикова. Один стоит другого. Недаром когда-то Суворинская газета объединила их. Еще есть третий, Алексей Суворин⁹⁴. Какой-то поразительный моральный нигилизм у них.

На улице — поток. Вчерашняя пурга превратила город в болото. Как-то пойдут завтра? Возвращаясь со службы, встретил несколько процессий, несших, по-видимому, на сборные пункты венки и знамена. 180-й Запасный пехотный полк пронес с музыкой красный бархатный стяг с надписью... «Смертью своею давшим жизнь свободе».

23.III. Четверг.

Сегодня день похорон жертв революции. Занятий нигде нет. Трамваи тоже не ходят. Мы никуда не выходили из дому. По слухам, все прошло очень стройно. День ласковый, весенний...

Интересно, мы так и не знаем, кого хоронят. Число жертв точно тоже неизвестно. Говорят разно: от нескольких сотен до нескольких тысяч⁹⁵.

Конечно, похороны, эти не больше, чем символ. Для меня они как-то совсем не стоят в фокусе. Необходимый ритуал... Жертвы революции — там, на фронте, и не двести гробов их, а сотни тысяч, миллионы... И не круг на Марсовом поле заняли бы эти могилы, а ров 3 аршина ширины и не меньше 600—700 верст в длину, т. е. дальше, чем от Петрограда до Москвы. И в этом рву лежали бы плечом к плечу, один подле другого без разрыва — неисчислимые жертвы завоеванной, наконец, русским народом свободы... Быть может, ни одному народу не давалась так тяжело свобода... Дорогою ценою купил ее русский народ.

В порядке революционного законодательства каждый день издаются новые формы Государственного и общественного бытия. Уничтожается смертная казнь, отменяются телесные наказания, вероисповедные, национальные, сословные и прочие ограничения, объявлена амнистия, восстанавливается полная конституция Финляндии⁹⁶, объявляется независимость Польши... Революция, только мирная, бескровная — в полном разгаре. Ведь это все — революционные акты. Правительство никого не спрашивает, ни с кем не советуется... Оно действует именем поставившего его революционного народа...

Старое правительство тоже становилось иногда на этот революционный путь и проводило свои реакционные мероприятия в порядке статьи 87-й...⁹⁷ Формы-то и тут остались старые. Так переплетается все в жизни...

23.III. Д. Мережковский призывает правительство высказаться о войне⁹⁸. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, говорит он, высказался. Теперь очередь за правительством. В обращении ко всему миру Совета Депутатов было много идеализма, но были и печальные недомолвки⁹⁹.

Ни слова не было сказано о Польше, Бельгии, Румынии, Армении. Говорилось о себе. Но «нельзя говорить о братстве, защищая только себя, но можно, защищая себя и других». И еще была одна опасность в этом воз-

звании — не от всего народа русского там говорилось, а только от того «класса», представителем которого является Совет Рабочих Депутатов. Этого не должно быть. Разъединения не должно быть, особенно в вопросах о войне и вообще, говорит Мережковский, разделение русской великой революции на «пролетарскую» и «буржуазную» недопустимо. «Русский интеллигент может смело смотреть в глаза русскому солдату и рабочему. Он без них ничего не сделал бы; но и они без него ничего не сделали бы... «Интеллигенция — воплощение народного разума».

Временное правительство и Совет депутатов — сердце и разум народа. «Да не будет же сердце наше безумным и разум наш бессердечным. Пусть соединится глупое сердце революционной России с ее высоким разумом — Совет с правительством, именно здесь, во все решающем вопросе о войне и мире...»

Нельзя медлить. Правительство должно сказать свое слово:

«Да скажут не разное, а вместе Совет с правительством свое слово о войне и мире. Пусть единое слово скажет единая революция».

23.V. Вторник.

Мы погибаем. Только слепцы или негодяи не видят этого. И могли ли на самом деле вчерашние рабы стать вдруг истинно свободными гражданами. Рабы остались рабами. Без господина перессорились и погибли.

Удивительно, я теперь спокоен. Переболел, перемучился. Ничего не писал почти полтора месяца, с тех знаменитых апрельских дней¹⁰⁰. Тяжело было, невыносимо порою. Теперь примирился с мыслью, что выхода нет — гибнем. Прямо в глаза скажу этому страшному будущему. О себе не думаю. Что я, если гибнет Родина, гибнет Россия.

До сих пор на улицах висят красные флаги. Истрепались, сделались какими-то грязнобурыми... Как и вся наша революция. А хорошо начали. Неверующие даже верить начали. И вдруг...

Недоумеваешь иногда — предательство это или глупость узкой партийности. И все больше склоняешься к мысли — предательство мерзкое, гнусное... Проклянут нас потомки. «Продали, продали, скажут Родину...»

Ведь это факт, что некоторые полки на фронте заключили сепаратный мир с немцами. Керенский дважды

говорил об этом. Этого не вычеркнешь из истории. Какие это полки, кто там солдаты? Их надо было бы знать России, чтобы было бы кого помянуть на могиле России, на голгофе ее...

Алексеев ушел в отставку, Брусилов назначен на место его¹⁰¹.

Кронштадт остается до сих пор отдельной республикой.

Газеты переполнены сегодня сообщениями о грабежах и убийствах за эти дни.

Ленин на крестьянском съезде призывает к немедленному разделу, не дожидаясь Учредительного собрания, помещичьих земель¹⁰².

Многие фабрики и заводы уже забастовали. Предстоит грандиозная забастовка.

Керенскому пришлось давать объяснения в Совете солдатских и рабочих депутатов по поводу своих действий на фронте. Ему поставили в вину подготовку наступления и воодушевление армии...

На Гутуевском острове произошел страшный взрыв...

В Петрограде в Троицу стебелек ландыша продавали по рублю и дороже... И давали. Теперь деньги шальные. Деньги потеряли всякую ценность.

У нас, в Архиве, матросы работают по перевозке дел и получают по 6 рублей (за каких-нибудь 5—6 часов работы. Это на всем готовом. И еще недовольны).

В связи с поднятием цен, рабочими поднимаются цены и на все предметы. И выходит так, что деньги дешевеют с каждым днем. Эта формула вернее чем «жизнь дорожает».

Я смотрю на рубль сейчас, как смотрел на 30 коп. Да это и на самом деле так.

Самое неприятное то, что питаться трудно. Очень мало продуктов. Вероятно, что будет еще хуже. Мы к этому готовы.

Я и М. Ф. не унываем, мы готовы ко всему.

Принесли февральский (это в конце мая-то!) № «Бюллетеня литературы и жизни»... Думал, что и совсем не принесут.

Сейчас один лист набора стоит что-то около тысячи рублей.

Надеялись на культурно-просветительское начало, которое принесет с собой революция. Но случилось так, что книга стала еще недоступнее...

13.VII.— Снова почти полтора месяца ничего не пи-

сал... Да, погибаем. Только чудо может спасти нас. Ничто больше. Стыдно жить в такое время, больно, страшно... И я все чаще вспоминаю стихи Микель Анджело, вложенные им в уста одной своей статуи-Символе ночи на памятнике Медичи:

Мне сладок сон и слаще камнем быть
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядеть — одно спасенье...
Умолкни, чтоб меня не разбудить.

Позор. «Что стало с русским народом?», — спрашивал меня сегодня профессор-американец. Я не знаю, что мне отвечать. Фронт прорван в нескольких местах. Целые полки, целые дивизии бегут, растянувшись на сотни верст «Без всякого стыда», как сказано в одном официальном сообщении. Тарнополь, который занимал Петроградский Гвардейский корпус за исключением Петровской бригады (то есть Преображенского и Семеновского полков), был оставлен самовольно без всякого сопротивления... И ужасом веет от того дикого свирепого разгула солдат в городе перед выходом. Все ужасы меркнут перед тем, что там делалось... Грабили, убивали, насиловали женщин... Баталион юнкеров, до последней возможности сдерживал вольную разнузданную орду распропагандированных солдат, но тщетно... И бегут... Бог знает, чем кончится эта катастрофа ¹⁰³.

Восстановлена смертная казнь ¹⁰⁴. Что же оставалось делать. Ее потребовали Корнилов и Савинков... Два этапа... «Смертная казнь отменяется навсегда» — первые числа марта. Ликующие, победные звуки, светлая заря русской революции и «Смертная казнь применяется» — первые числа июля... Проклятого июля 1917 года. Под тем и другим актом одна и та же подпись — Керенский... «Так проходит слава мира сего»...

Пережитое только что — гнусно и позорно. 3—6 июля самые черные дни русской истории. Это какое-то массовое помешательство, безумие. Слепой фанатизм смешался с подлым предательством и самыми бурными инстинктами человеческой природы. Если бы я даже разделял большевистские идеи, то, увидев, что они делают сейчас в нашем народе, какие низкие подлые черты трусости, эгоизма, корысти пробуждают в нем, отказался бы, первый бы стал протестовать против этого. Армия разложена, превращена в дикую орду. Неужели это программа честных идей. Солдаты бесчинствуют, охулиганились, над ними нет никакой управы, а им потакают и потакают.

Что может быть ужаснее вооруженной толпы на улицах Петрограда, Нижнего Новгорода, Ораниенбаума.

Сотни убитых, тысячи раненых.

Создался новый «русско-русский» фронт... Кому это надо? Немцам, только этого они и добивались.

Порою мне бывает страшно теперь. Я верил в русский народ. Я теряю эту веру... Россия расчленяется. Исполняются самые фантастические планы немцев. Мы гибнем... И быть свидетелем этой гибели Родины!

Во вторник, 4 июля я попал на службу на ломовой подводке. Когда я проезжал по Николаевской набережной, к пристаням подходили пароходы с кронштадтцами.

Вдоль набережной стояли ряды рабочих со знаменами. На одном прочел: «Трубочный завод». Подъезжавших приветствовали криками «ура»... По трапам сходили вооруженные матросы и солдаты. У Николаевского моста стоял хор музыкантов и суетились какие-то матросы и, по-видимому, прапорщики, в белых кителях. Сердце заныло. Слепой или предатель только могли спокойно смотреть на это прибытие вооруженных людей в столицу с явными намерениями. Впереди меня уже летела стоустая молва... «Кронштадтцы приехали»... И кронштадтцы себя показали.

Что пережила сестра Валя на Литейном проспекте в те дни! Она 3-го была в городе и принуждена была остаться тут, так как на Финляндской железной дороге в тот вечер было беспорядочное движение. 4-го она намеревалась поехать домой. Трамваи не ходили. Она пошла пешком. Ее провожал Владимир П [олубницкий], офицер. Не доходя Захарьевской улицы, они поровнялись с вооруженной демонстрацией, но не остановились. В это время кто-то закричал: «Казачи». Все бросились в разные стороны. Демонстранты устремились к арсеналу, спрятались в окнах за пушками, засели в подворотнях, и началась стрельба. Все, кто не успел убежать, бросились наземь. Пули так и свистели кругом. Валя держала только руками голову, думая, что спасет себя этим... Скакали лошади без всадников, того и гляди, что растопчут... К ружейной перестрелке прибавилась трескотня пулеметов... Стекла так и сыпались... Валя не думала уже остаться живой. Вдруг на минуту стрельба прекратилась. «Вы как хотите, а я побегу в церковь», — крикнула Валя. Схватив шляпу в руки, со всех ног кинулась в Сергиевский собор¹⁰⁵. Лежала же она почти у самой Захарьевской, у красного казенного дома. Он весь был

изрешечен пулями, как она видела потом... В церкви стоял вопль. Там была служба, и выстрелы прервали ее. Все столпились к алтарю и испуганно молились вслух. Многие рыдали. Перестрелка на улице возобновилась с ужасающей силой. Вопли доносились с улицы. Стали приносить раненых. Никак не могли под перекрестным огнем достать казака, валявшегося на рельсах. У него было прострелено горло, и он от страшной боли катался в судорогах на земле... Какая-то дама отчаянно рыдала, ее никак не могли привести в чувство. В церковь все приносили новых раненых...

Кому это было надо?.. Во имя чего эти жертвы?.. Вот что ужасом сковывает и мысль и волю. В февральские дни было ясно для всех, во имя чего приносятся жертвы. Тут во имя чего? Самое темное предательство и потаенная злость, граничащие с безумным докритерством и фанатизмом крайних вожаков — все это сплелось в один клубок. Несмыслимые черные дни. Будь они прокляты...

Что же сделано с теми, кто вызвал это. Покуда ничего... И говорить дальше об этом не хочется. Гниль. Зараза...

Правительство и Совет опять не могли отмежеваться от своих сомнительных товарищей слева. Казалось, больше не нужно доказательств: они все равно преступники, если даже не предатели, не немецкие шпионы, они довели народ до крайней степени падения моральной силы и здравого разума, они разложили совесть его, они пролили братскую кровь, создав весь ужас гражданской войны...

Нет, побоялись отмежеваться совсем, заклеить убийц и предателей. Что же, этот камень утопит правительство и революцию. Сами себе готовят гибель.

И так характерно то, что такие люди, как один б[ывший] морской офицер старинной дворянской, морской преимущественно, фамилии, владелец нескольких имений и каменных домов в Петрограде, конечно, убежденнейший монархист, вышедший в отставку из-за несогласия переименования судов с именами Государей в «Товарища» и «Волынцев» и т. д., так вот он, страшно недовольный начавшимися было 18 июня нашими днями возрождения и спасения народной чести и добытой свободы¹⁰⁶ — теперь радуется всему случившемуся... «Все идет как нельзя лучше», — заявляет он. — «Они должны привести себя *«ad Absurdum»* *. Тогда у нас будет снова монарх.»...

* До абсурда (*лат.*).

У него, у этого аристократа с чисто русской родовой фамилией, такие же узкоклассовые интересы, как у самого распропагандированного большевика. Потому их дороги и сошлись, противоположности сходятся.

Простится мне грубое слово. Я не могу без содрогания смотреть иногда на лица разнузданной сволочи в лице солдат Петроградского гарнизона и многих рабочих. Oxlos *. И представляется какая-то грязно-грязно желтая загаженная, с обвалившейся штукатуркой стена, в которую мы уперлись.

Кто ввел в бездну Россию? Случайные для нас люди. Международные фанатики или предатели, не русские совсем... Как мог допустить это русский народ...

Розенфельд, Бронштейн, Нахамкис, Блейхман... И все они поприкрылись русскими именами Каменевым, Троцким, Стекловым... Люди с псевдонимами вместо фамилий взяли было судьбу России в свои руки!.. Как это могло случиться. Как могло случиться и то, что сотни русских граждан похоронены без всякого обряда, и даже креста на их могиле не было поставлено... Ведь это сон, дурной, страшный... И с какой болезненной улыбкой вспоминаешь мечты лучших людей — о мессианстве русского народа...

Глупее всего быть пророком. Но если есть у истории хоть один закон, то это один незыблемый общий, может быть, даже психологический или даже физический скорее — закон реакции и прогресса. И какой же взрыв национального и религиозного чувства должен пробудиться по этому закону у тех, для кого как бы не существует сейчас ни Родины, ни религии, ничего, кроме кармана. Кроме грубо материалистических соображений. Революция загнила, потому что обратилась к тому же греху старой власти — классовой вражды. Переменились только условия, сущность осталась та же. Прежде всего все можно было и все было к услугам богатых и знатных людей, теперь эта привилегия перешла к низам. Если пойдет все по той же наклонной плоскости морального бесстыдства, им не миновать той участи, которую претерпели их антиподы в феврале. Без реакции и всех ее ужасов нам, кажется, не обойтись.

Мне, такому убежденному противнику всякого насилия, приходится принимать войну, смертную казнь, даже защищать их.

И сколько таких людей сейчас. Ибо нет иного выхода.

* Толпа (*ново-греческий*)

Сложить оружие, как предлагали большевики? Это тогда, когда в Германии почти осуществлена их мечта — обезвредить русских, отодвинуть их на восток, занять как форпост Польшу, Литву, Курляндию, заперев русских с Черного моря и Балтийского моря... Когда немецкие ученые называют нас, русских, «навозом для великой германской культуры». Когда отнюдь не говорят об интернационале, международном братстве и т. д. Они хотят задавить нас, а мы дать это сделать. Но ведь это хуже войны, казней, хуже всего — это стать чьим-то рабом, быть чьим-то навозом... И вот только ноги могли удерживать меня здесь. Был бы иначе на фронте. Там место сейчас всем, у кого есть капля сознания долга. Сейчас борются две идеи, два принципа, и от того, кто победит — германский император или идеалы демократии (только не охлоса, не пролетариата) зависит все будущее устройство человечества на многие десятки, и, может быть, сотни лет. Тут моя национальная идея окрыляется, делается могучей в предвидении сверхнациональной идеи, идеи всего человечества... Но нельзя говорить об этой идее, когда над Вами занесен нож, когда кто-то замышляет как раз противоположное — порабощение других национальностей... Нельзя из слепого доктринерства сейчас протестовать против смертной казни на фронте, когда бесчинства вооруженной толпы превзошли все самые смелые вымыслы... Кто станет в клетке с разъяренными зверьми прибегать к убеждениям и воззваниям. А разве млыновцы, открывшие фронт, не звери. Вечные проклятия им, из-за них пролилось сейчас столько лишней крови на фронте. Разве не звери, избившие Соколова, и как же жестока судьба его-то. Избит как раз автор знаменитого приказа № 1. Он пожал только то, что сам посеял. Слава Богу, остался жив, но, если бы солдаты исполнили свою угрозу повесить, расстрелять, протащить сквозь колючую проволоку — это только еще подчеркнуло бы, что значат такие ошибки, как приказ № 1.

Замечательно то, что среди социалистов, кроме Керенского, не оказалось ни одного государственного человека. Все доктринеры, доктринеры и только. Иногда становилось ужасно скучно читать стенограммы заседаний Советов. Какая-то университетская сходка, а не учреждение, в руках которого судьба всего народа. Партийные ссоры и нескончаемая полемика душили меня своей нудностью. Даже плехановские статьи часто грешили этим. Верно заметил кто-то, что социалисты-эми-

гранты принесли с собой всю удушающую атмосферу эмигрантской жизни и поразительную отчужденность от реальных действий. Привыкши к партийным спорам и дразгам во время вынужденной бездеятельности, они не могли от этого отвыкнуть и тогда, когда революция поставила их вершителями судеб не только России: но, может быть, и демократии всего мира...

Какой ужас будет, если Россию раздавит Германия,— говорил мне сегодня профессор-американец. Это будет величайшей мировой катастрофой и, может быть, неисправимой для идей демократии всего мира...

Профессор очень обеспокоен тем, как бы не достался наш урожай немцам.

14.VII. Пятница.

Как люди старого порядка шли с какой-то неодолимой фатальностью к гибели, так шли и люди нового порядка к той же гибели. Весь май, весь июнь мы были бессильными свидетелями того ужаса — неизбежного приближения гибели. И ничего не могли поделать...

Удастся ли теперь что-либо сделать Керенскому в Москве. Им созывается Особое совещание, своего рода малое Учредительное собрание, из представителей от всех классов и общественных организаций, а также от рабочих и торгово-промышленных кругов¹⁰⁷.

15.VII. Суббота.

Неужели это правда? Ленин, по сведениям вечерней газеты уже в Германии. Неужели ж на самом деле немецкий агент, предатель? И этот человек мог заявить претензию на власть, держать судьбы России в своих руках. Я все думал, что он только экспериментатор своих теорий. Случай дал ему возможность испробовать их, и он воспользовался этим, мне казалось, что у него есть все-таки своя идея. Правда, страшная, отчаянно опасная для России, но идея... Оказалось, что и идеи не было. Неужели он не только опаснейший экспериментатор без всякого чувства Родины, чести и достоинства русского народа, национальных его особенностей и характера, но еще и сознательный губитель России и русского народа, немецкий наемник...

Я плачу... я не могу сдерживать своих слез. Почему? Конечно, не от горя. Я почти никогда не плачу от горя... А от волнения, умиления. Такой какой-нибудь посту-

пок — на редкость чистый и благородный, светлая искра души человеческой, и я чувствую, как слезы неудержимо заволакивают мои глаза. Я плачу сейчас об убитых и раненых девушках и женщинах из первого женского батальона смерти¹⁰⁸. Они мужественно бросились в атаку у какого-то Спасского леса. Кругом их шло отступление. Полки и дивизии бросили свои места и уходили. Они бросились вперед... Они не ушли. Это — легенда, это бессмертнейшая поэма. Среди мерзости и грязи, которая затопила нас, это проблеск, это оздоровление, это красота, это творчество... И я плачу хорошими слезами, читая их имена.

16.VII. Суббота.

Керенский умеет и говорить. Многие его выражения метки и колки. Все повторяют его слова о «взбунтовавшихся рабах». Когда-то Столыпин так же умел кстати сказать крылатое словечко. Кстати, тогда спасал Россию от гангрены морального разложения Столыпин, теперь — Керенский. Две диаметрально противоположности, один полюс и другой полюс, но средства они оба избрали одинаковые — смертную казнь...

Не удивительно ли это — все самые важнейшие стратегические пункты в руках большевиков — Кронштадт, Гельсингфорс, Ревель. Тут какая-то система. Кому были нужны эти военнoстратегические пункты. Германскому Генеральному штабу. И агенты штаба работали. Они добились было своего, но в самую последнюю минуту — сорвалось. Народ русский еще не совсем поглупел и оподлился...

21.VII.— Снова «кризис» власти... Собственно, сейчас Россия никем не управляется. Полное смутное время... Через триста лет — второе. И опять «шатается» государство. Погибнет на этот раз или возродится.

Оставляем Галицию, оставим, вероятно, Буковину... И того гляди, оставим Двину. Никакого расчета сделать нельзя. Ничего сейчас учесть, предвидеть нельзя.

Может быть, это из области анекдотов, но профессор Приселков¹⁰⁹ уверяет, что в Перми в число солдатских и рабочих депутатов были выбраны и пленные немцы и австрийцы.

Американец, профессор Г [олдер] говорит: «что будет делать при известных обстоятельствах француз — я знаю, немец, англичанин — тоже... Но что будет делать русский человек — совершенно нельзя заранее предусмотреть...

И, правда, кто бы мог сказать, что те самые полки, которые почти голыми руками в 1915 г. отбивались от наседавших на них немцев, теперь, отлично вооруженные, с полными запасами и большими резервами, будут отступать без боя перед слабейшим противником, побросают ружья и побегут.

Никто этого учесть не мог... И теперь тоже. Пусть тлетворные большевистские лозунги растлили армию, но большевики в ней не господа положения — они те самые, которые вызвали духов, но справиться с ними не могут... Потому и страшна вооруженная масса, распространяемая, растленная — что она не организованная сила, а стихия.

30.VII.— Зреет страшная реакция. Люди исстрадались, измучились от того, что творится кругом. Возбуждены самые гадкие человеческие инстинкты и противно смотреть на человека. Наглость, бесстыдство, зверство, подлость на каждом шагу. Противно и стыдно смотреть на праздню шатающихся солдат и рабочих.

1.VIII. Опять бренчит эта несносная балалайка. У сиделок (в квартире № 4 нашего дома) * опять солдаты. Хихиканье, взвизги, топот ног по лестнице, возня... Сколько пройдет туда солдат за день. Когда дворник не пускал их как-то вечером, пригрозили, что убьют... Их воля. И во что они обратили эту волю.

7.VIII. Да простит мне Бог... Я никогда еще, кажется, так не презирал людей, как сейчас... Я не могу побороть чувства отвращения к ним... И простится мне, что горькое слово о них — звери!

Волосы дыбом встают от всей той мерзости, которая творится кругом. Народ показал себя... Какой ужас мы переживаем. Вдуматься — с ума сойдешь, замкнешься в самом себе, проклиная и презирая, засохнешь...

Читаю статью Савинковой «То, что было» и еле сдерживаю слезы. Господи, какую трагедию мы переживаем.

Страшные годы выпали на нашу долю. Быть может, страшнее их не было во всемирной истории.

15.VIII. Вторник.— Читая речь Корнилова на Московском государственном совещании, мы заплакали... Тяжелая, давящая боль сдавила сердце. Родина, народ русский... Где ты? Что с тобой? Неужели эти слова о тебе? И как я понимаю тех, кто кричал там не вставшим с места при приветствии Главнокомандующего: «Пре-

* Г. А. Князев проживал по адресу: Средний пр. В. О., д. 63, к.з. 7.

датели, труссы, гады!..» Не встало несколько солдат и прапорщиков.

Другой генерал, Каледин, говорил от 13 казачьих войск. Решительно, резко, определенно. Чувствовалось, что громадная сила за ним. Может быть, единственная сила, которая спасет Россию¹¹⁰.

Кто-то удачно сравнил речь Керенского с речью Столыпина во 2-й Государственной Думе — «Не запугаете». Только тот говорил это спокойно, потому что с ним была физическая сила, Керенский же кричал «Не допущу, не допущу...», потому что силы этой у него на самом деле недостаточно.

Верно замечено о речи Чхеидзе: он спорил обо всем, кроме единственного — для чего и созвано само то совещание — о спасении Родины.

«Большевизм — шкуруизм». Так окрестили на фронте это движение. Прежде всего своя собственная шкура, шкурный вопрос, предательство, трусость, — вот что стало синонимом большевизма.

И как недалековидны были те, кто в течение стольких месяцев давали распространяться этой гнойной заразе в армии.

17.VIII. Четверг.

Утренняя газета приходит «аккуратно» вечером! Как раз к тому времени, когда я возвращаюсь со службы.

— На углу висит плакат: «За землю и волю». Голосуйте за № 3. Довольно удачный психологически плакат. Но какая демагогия, беззастенчивое передергивание фактов и травля буржуев... И текст белым по синему: как надо остерегаться ловушек, расставленных кадетами. Направо подпись: «О волке в овечьей шкуре»... И опять то же... Мне так стыдно стало за такую беззастенчивость и партийную грызню. Все приемы пущены в ход... Девиз «Цель оправдывает средства» господствует как никогда... Читают с жадностью. Утром стояла толпа, сейчас тоже стоит... Психологически все верно рассчитано. Нарисованный в середине дюжий мужик с знаменем: «За землю и волю» сыграет свою роль... Ну, а потом что будет? Ведь по выданным векселям нужно будет платить...

Почему-то ни с того ни с сего начинаю думать о том, как Керенский, схватившись за руки с другими пел «Интернационал». Как-то глупо было это. Вспоминаю не-

вольно, пораженный его волей и выдержкой и мудростью на Московском совещании. Из него выковывается на самом деле какая-то большая сильная личность.

Газеты сообщают много интересных эпизодов из Московского совещания. Занимательная характеристика речей в «Н[овом] Врем[ени]» Пиленко.

20.VIII. Воскресенье.— Вот он символ нашей революции — флаги. Теперь они совсем выцвели. Висят какие-то серо-бурые тряпки... И все висят еще.

Подавал свой голос, впервые осуществляя свое право¹¹. Вместе со мною подавала свой голос какая-то баба, маляр. Грязь на лестнице была невероятная. Надо было подниматься в 5-й этаж. Очередь тянулась далеко по проспекту и по всем 10 маршам лестницы. Все терпеливо стояли.

21.VIII. Понедельник. Вот еще один страшный удар — Рига отдана. Перейдена Двина. Враг на подступах к столице... Всюду кучи народа на углах. Возбужденные, расстроенные лица. Вечерни[е] рвутся с бою*. У Николаевского моста — у газетчика очередь. Стоят мужчины, женщины, соскакивает с козел извозчик.

Не хочется глядеть на солдат. Противно, зачем на них эта форма защитников отечества.

24.VIII. Большевизм и «шкуризм» это сейчас синонимы.

Очень характерно с социологической точки зрения это преломление в массах идейного течения крайнего крыла социализма-большевизма — в шкуризм.

Очень подавленное настроение. Еще и еще отступили. Готовимся к эвакуации, завязываемся. Так обидно и стыдно.

Не надо этого забывать, что многие, особенно из солдат, обрадовались падению Риги — «Войне теперь скоро конец». В Луге на вокзале, говорит мама, солдаты даже перепились на радости. Что же еще нас может удивить или поразить.

И наряду — бесчисленное количество героических подвигов, благородства. Сколько погибло в последних боях офицеров и женщин-воинов... Сколько отчаянного мужества оказали те, кто не дрогнули и не побежали.

Осень началась. Дождь целый день. Смотрим на покрытое тучами небо и говорим, вот оно наше спасение — распутица.

А крайние левые! Они хотят опять воспользоваться

* Так в тексте документа.

моментом и поднимают голову. Кажется более бездарного, чем все эти Советы солдатских и рабочих депутатов, и придумать нельзя было.

26.VIII. Боже, как больно сжимается сердце. Невыносимо грустно. «Банкротство великого народа».

Думалось, что падение Риги образумит. Нет. Безумцев уже ничто убедить не может. Что им доводы разума! Куда бы уехать, уйти... Нет, кажется больше сил смотреть на все происходящее.

Сегодня в какой-то газетке М. Ф. вычитала двустихие: им заканчивается стихотворение, где говорится о том, что все сейчас продается:

Эх, отрежьте на семь гривен
Мне отчизны фунта два...

27.VIII.— А так хорошо началось... Полгода... И глаза не смотрели бы...

Вчера произошел такой случай в трамвае (см. «Речь»). Сидели полковник и рядом солдат. Пospорили о том, кто виноват в последней катастрофе. Солдат стал кричать, что не надо никому верить, кроме комиссаров... Солдаты, дескать, на самом деле дрались, как львы, а вот офицеры прятались. Полковник не выдержал. С ним произошла истерика. Он стал кричать, сорвал с себя погоны, бил себя в грудь. «Я не могу, не могу больше жить среди предателей. Все равно куда — в Японию, Англию, Америку, но не тут». Истерика заразила других. Какая-то дама, у которой, как оказалось, муж — офицер на войне, бросилась к полковнику и повалилась около него. Какой-то солдат встал на колени перед полковником и стал просить его успокоиться, ибо не все еще солдаты предатели.

Вся эта сцена произвела крайне тяжелое настроение. Полковника увели.

Вдуматься... Сойдешь с ума. Нельзя представить себе целиком всего того ужаса, который творится в Европе и особенно у нас.

28.VIII.— Корнилов с войсками идет брать Петроград. Сношение с Временным Правительством прервалось.

Объявлено военное положение.

Путь между Лугой и Петроградом разобран.

Еще одно испытание.

29.VIII. Так целый день и не знали: Корнилов или Керенский.

30.VIII. Керенский победил. Обошлось без кровопро-

литий. В корниловских войсках брожение и смятение. Что сделает Корнилов?

Верховным главнокомандующим назначен Керенский. Начальником Штаба — Алексеев.

Корнилову предложено сдаться.

Произведено много арестов. Между прочим арестован А. И. Гучков¹¹². Травят кадетов. «Новое Время» закрыто. Редакторы арестованы.

С виновниками будет поступлено по всем строгостям закона. Корнилов, вероятно, будет расстрелян...

Нервы совсем, видно, притупились. Спокойно ждем разрешения кризиса. Даже с любопытством «чья-то возьмет?». Если победит Керенский, то большевики, которые его теперь поддерживают — особенно поднимут голову; если победит Корнилов, то конечно, к нему привяжется все реакционное мракобесье... И так и так плохо. Смотрю сверху. Как будто зритель. Уж ни на что не надеюсь, ничего не жду. Будь, что будет! И если завтра большевики со своей стороны захотят помериться силами, я буду также спокоен следить за борьбой...

— Чем, в сущности, разнится «мятеж» большевиков от «мятежа» Корнилова. Сущность одна, только цели разные. У одних партийный фанатизм и анархия, у других — величайшее страдание за Родину и жажда порядка. Вот разные цели и вот единые средства — насилие, борьба на смерть... «Победителей не судят».

29.IX. Как огрубели, обнаглели и омерзавились люди...

«От моря до океана, от финских хладных скал до Трапезунда, не смолкая ни на мгновение, однотонно, звучит праздничная никчемная болтовня. Гуторит Русь. Без конца в ширину и без меры протянулся этот поток шелудивых, нудных слов, освещаемых тусклым светом бездарности.

Ни одной новой яркой мысли. Ни одного выражения, из которого впоследствии можно было бы сделать, хоть бы нескучную цитату».

Уже и через головы большевиков в некоторых местах перекатываются волны... И большевики недостаточно крайние. Ширится самая страшная анархия, война всех против всех... А потом может быть и не Наполеон, а опереточный Энвер-Паша¹¹³.

5.X. Непосредственная угроза Петрограду: германский флот окончательно занял остров Эзель и вошел в Рижский залив. Погиб наш линейный корабль «Слава»... До 65 неприятельских вымпелов насчитывают наши

дозоры. Ревель эвакуируют. Возможно его оставление. В случае поражения нашего флота, путь в Петроград будет открыт...¹¹⁴

Временное правительство переезжает в Москву. Кажется придется и нам уезжать¹¹⁵. Куда.

Бог весть.

Спокойно взираю на грядущее.

Такова уже наша тяжелая доля.

Внутри России — анархия, в Петрограде убийства, грабежи. За одну сегодняшнюю ночь 77 разгромов. На днях в Лесном вырезана целая семья. Заподозрены милиционеры. Толпа неистовствует третий день, требуя выдачи заподозренных милиционеров. Сейчас, по истине, милиционеры сплошной ужас петроградцев. Никакой ни откуда защиты. На днях группа солдат с своими «знакомыми» сняли с встретившейся им девушки на Лиговке понравившиеся им сапожки и отпустили на смерть перепуганную девушку в одних чулках. Стояла мокрая, гнилая погода... заступиться было некому. Хулиганство на каждому шагу и нет не над кем никакой управы.

Я иногда не могу спокойно смотреть на некоторые лица. Я чувствую, как какое-то презрение поднимается во мне, что я ненавижу людей.

Боже прости меня...

Но я не могу забыть тех ужасов, что были на Абовском мосту в Выборге, на «Петропавловске»¹¹⁶, в Тарнополе...

А когда прохожу мимо афиш «Товарищ (крупными буквами) Луначарский»... или «Товарищ Каменев» прочтет лекции, мне делается физически больно, словно кто меня вытянул по душе грязным бичом... Стыдно и больно. До чего дошла ложь и демагогия этих людей. Какая-то страшная зараза разнесена ими и усыплено все и ум («Разум Народа») и совесть. Мы все потеряли и даже честь...

Тяжело жить в такое время... Законы Истории... «Болельщики народа»... «Революция»... «Все это переживали»... Все это так, но то в истории, а это наша жизнь.

И, ведь, никому другому, а нам выпало пережить это.

7.X. Про Керенского распускают самые дикие слухи. И еврей-то перекрещенный он, и пьянствует в Зимнем Дворце, валяясь на кровати Александра III (хотя Александр III и не жил в этом дворце), и развелся со своей женой, женился на артистке Тиме, и свадьба их была в дворцовой церкви, причем над ними держали те самые венцы, которые употреблялись при царском венчании...

И эти дикости повторяют всюду и даже интеллигенты. Сегодня я слышал еще эти мерзости еще от людей очень правого оттенка, а на улице, от заведомого большевика-рабочего слышал такую оброненную им фразу: «Это только жиду Керенскому подстать так трусить».

Умер на фронте Леля Полубинский. В 20 лет превалась его жизнь. Он был хрупкого здоровья. Организм его не выдержал и нет его. Он по своей воле уехал на фронт. Рвался туда. Тяжело ему было тут, особенно в те проклятые июльские дни.

Александра Николаевна, мать его, страшно убита. Тяжело глядеть на нее. Страшно.

Ездил к ним вечером... По-прежнему неуютно, холодно. Из темных углов глядит жуть.

Как всегда у них скребутся мыши... И много безысходного горя. Горе неотступно преследует их.

Видел Бориса. Он привез тело Лели. Они были в одном полку.

Тяжело было слушать о том, как они отступали от Тарнополя. И до сих пор не прекращается грабеж и пьянство.

Пьют много. Все пьют. В победу не верят. «Мир надо заключить». Вот последний вывод.

Замечательно, что в отдельности все эти солдаты замечательно хорошие люди с чуткой прекрасной душой, в толпе — звери или бараны. Не узнать их. С массой можно сделать все, что угодно. И меньше всего можно будет удивляться тому, если не большевисткая, а черносотенная пропаганда завладеет их душами. Сейчас ими владеет мечта о немедленном мире, о разделе земли. Можно ли тут думать о войне... Мир, мир во что бы то ни стало. Большевики им его обещают.

Мрачные картины рисовал Борис. Проходит через деревню. Вдруг из одного дома выбегают с гиканьем дети, женщины, через некоторое время показывается кавказец. Под мышками пуховые подушки, свертки. За него цепляется женщина, умоляя отдать ей взятое. Кавказец слегка отмахивается от нее кинжалом, не желая приколоть несчастную разом.

В другой раз, в пути, когда они шли усталые, обозленные их всех рассмешила нелепая фигура чеченца, который злобно держал в одной руке, как какой-то трофей, дохлую курицу, они не выдержали и расхохотались. Чеченец сверкнул глазами и зловеще-тихо ломаным русским языком сказал: «Чего смеетесь... Расея погибла». Ужас, — говорит Борис, — пробежал по нашим жилам от

этих слов. И, правда, они уже больше во всю дорогу не смеялись.

Так характерен рассказанный им случай о солдате, который отрезал у живой, дико визжащей, пойманной им свиньи ногу. На окрик и брань, что он делает, солдат спохватился и стал извиняться: «Виноват, забыл зарезать».

Хулиганство заходит часто за пределы всякого пылкого воображения. Чтобы хоть как-нибудь воздействовать в это время на солдат, нужно самому сделаться на время хулиганом. Тогда только и можно иметь среди них какой-нибудь авторитет.

Игра в карты и пьянство — по всему фронту, особенно в ближайшем тылу. Ставки невероятные. Вернуть их к строгой дисциплине, всю эту распущенную массу нет возможности. За зиму еще хуже будет. Боеспособность этой армии, вернее, бывшей армии, теперь хулиганствующей банды, восстановить невозможно. Возможно создать только новую армию на новых началах. А эта погибла.

Давно не был вечером на улице. Темно. На всей Фурштадтской два фонаря. На углу Воскресенского проспекта газовый фонарь с фиолетовыми стеклами. На Невском и Коногардейском бульваре электрические фонари с колпаками. Прохожих мало. Еще меньше экипажей. Когда я стоял поджидая трамвая на Воскресенском, откуда-то доносилась духовая полковая музыка. То усиливалась, то замирала. Моросил дождь, Все было покрыто липкой грязью... На углу мигал под порывами мокрого ветра фиолетовый фонарь... Тоскливо было. Особенно когда долетали звуки музыки. Играли какой-то танец. Наверное, где-нибудь был «демократический бал». Теперь это так много. Танцуют и веселятся до утра как никогда.

Первое заседание Совета Российской Республики (Предпарламента) произвело на меня благоприятное впечатление ¹¹⁷. Речи Авксентьева ¹¹⁸ и Керенского мне показались не только словами... В них звучала, наконец, настоящая сила. Может быть, это и иллюзия, и кроме искусной декламации — ничего не было. Так хотелось бы поверить в возможность нашего оздоровления.

В Венсене казнена танцовщица Матта Хари ^{118a}. Она была уличена в шпионстве. Было время, когда весь Париж сбегался поглядеть на ее знаменитый танец живота. Она выступала в европейских центрах. Ее другой танец Черта или Мефистофеля производил не меньше фурора. Она была красива, гибка и обольстительна. Не отли-

чаясь распушенностью, она брала от жизни все. И многое ей удавалось. Раз на сцене она выступила с черным брильянтом на груди, сведшим с ума всех парижан... Хари знали многие и по ее эксцентричности. Она иногда появлялась на парижских бульварах в обществе котят и обезьян. С начала войны она стала вести уже совсем бесшабашную жизнь. Вращалась все время в обществе офицеров. На нее обратили внимание. Стали следить за нею. Оказалось, что она передавала военные секреты в Германию. Ее арестовали, и, когда выяснились все обстоятельства ее подлого предательства, расстреляли ее в Венсене.

Не жизнь, а какой-то бульварный роман. В то же время страшный роман, трагедия на фоне моря крови, пылающих городов, грохота пушек, и душераздирающих стонов погибающих... Она не дорожила ничем, лишь бы брать от жизни все. И получила свое... Труп ее молодого тела, говорят прекрасного тела, обезображенный кровавыми пятнами лежит засыпанный в венсенском рву. Она расплатилась. А другие...

Я не могу спокойно вспомнить о том, что творится сейчас в мире. И в такую минуту я понимаю, что можно крикнуть «Мир, мир, во что бы то ни стало...».

Вдуматься побольше — с ума сойдешь. Нас затопили кровью. Ужас...

В то время, когда наша рижская флотилия боролась в смертельной схватке с впятеро превосходящей ее германской эскадрой, члены комитетов Балтийского флота заседали в Гельсингфорсе и выносили самые большевистские и нелепые резолюции о предоставлении комитетам участия в оперативных делах, о выборности командного состава и передачи им ключа от шифра...

Это в то самое время, когда «Слава» и «Гром» шли ко дну.

26.X. Опять кровь...

Вчера, ночью штурмовался большевиками Зимний дворец. Крейсер «Аврора» и миноносцы обстреливали его со стороны Невы; солдаты и красногвардейцы осаждали его со стороны Главного Штаба.

Об участии Правительства ничего не известно. На все предложения сдаться оно ответило отказом. Пробравшимися по крыше во дворец матросами была сброшена бомба. Она разорвалась в комнате, неподалеку от того места, где заседали министры.

Пятый час вечера. Ничего не знаем. Судя по утренним газетам, Керенский успел уехать на фронт.

Зимний Дворец охраняется юнкерами и женским батальоном.

В чьих руках теперь власть?

Стало известно, что правительство вчера ночью арестовано и находится сейчас в Петропавловской крепости.

Тяжесть страшная на душе. Не жизнь, а кошмар какой-то.

Третьего дня не попал домой. Были разведены мосты и ночевал на службе.

30.X. Суббота.— Кровь и ужасы. Гибнут сейчас юнкера, которых осаждают, убивают, берут в плен и издеваются ¹¹⁹.

На Неве целая эскадра военных судов: «Аврора», «Олег», «Ястреб» и еще 5—6 миноносцев.

Войска Керенского в Петроград еще не вошли. Стоят в Гатчине.

Никаких сведений, кроме большевистских нет. Город полон самыми зловещими слухами.

Тяжесть на душе... И сколько лжи кругом сейчас и лицемерия.

5.XI. Были моменты, когда казалось, что сходишь с ума. Нельзя представить себе того, что происходило в эти дни. Сухая хроника событий одна уже заставит содрогаться от ужаса.

Будь проклята революция, как проклята война. Хуже войны революции. Что произошло? Хамы восторжествовали. Хамы пришли.

Мечты, народ, служение народу... Господи, как трагична судьба истинных народолюбцев — Плеханова, Керенского, тех юношей, которые были растерзаны солдатами в юнкерских училищах. Ведь, в большей своей части это все студенты и народники...

А что сделано с памятниками старины и искусства. Зимний дворец разграблен ¹²⁰. Кремль пострадал. Василий Блаженный выгорел. Ходят самые зловещие слухи о том, что разрушен Успенский Собор, что погибли эрмитажные ценности, свезенные из Петрограда в Москву... ¹²¹

Недаром «взвыл» даже сам «народный комиссар» по народному просвещению товарищ Луначарский.

Когда был разрушен Реймский собор, весь мир вздрогнул ¹²², и мы русские испытали первый ужас грядущих мерзостей и запустения. Никому и в голову не приходило, что такая же участь постигнет и Московские святыни. И от кого? От своих же...

Свои... Они сделали, пожалуй, во сто крат больше

зла Родине, чем враги немцы... И что случилось с народом русским. Он, словно угорелый. Кровь и злодейство кругом.

Пусть хроника пишут другие, я запишу, что слишком больно отозвалось в моем сердце за эти дни.

Надругательства над юнкерами дошли до изуверства. Люди, ходившие по больницам и видевшие растерзанных юношей, передают с ужасом свои впечатления.

Мой сослуживец Третьяков, между прочим, видел такую картину. У юноши, проткнутого в нескольких местах штыками был вырезан член и вложен в руку. По-видимому, это было сделано еще при жизни несчастного, т. к. руки его с членом не удавалось разжать. Десятки других в самых невероятных позах, исколотые, простреленные, изуродованные лежат по всем больницам.

Петр Костыков, наш архивный сторож бегал смотреть на Мойку на извлеченного из воды убитого, изуродованного кн. Туманова... Над телом тоже надругались...

Весь город в ужасе повторяет о тех насилиях, которым подверглись участницы женского батальона. Подвергая всем ужасам садизма, пьяные негодяи изнасиловали почти всех ударниц, арестованных в Зимнем дворце¹²³.

До сих пор никто ничего не знает о судьбе этих мучениц, потому что к ним никто не допускается.

В Царском селе произошли невероятные зверства. Матросы расстреляли даже священника... Несколько раз приходили к Плеханову¹²⁴. Несмотря на то, что он болен, делали у него обыски, допрашивали, обращались грубо и угрожали расправой. Так поступили с тем, кто сорок лет служил народу...

Не перечеть всех жертв. Не народ — а злодеи. И я вполне понимаю сослуживца Третьякова, который переживши все это сказал: «Так стоило ли столь самоотверженно служить народу. Ни один ли вывод отсюда — замкнуться в себя, жить своей индивидуальной жизнью». А он всегда был ярый народник и социалист; все время читал до событий «Новую Жизнь».

А чего добивались, чего добились? За три недели до Учредительного Собрания устроили гражданскую войну. В Москве и под Петроградом произошли кровопролитные бои. Убиты тысячи. Во имя чего...

Так нужно было фанатикам безумной теории и Немецкому Генеральному штабу. И они добились своего. Для одних это — эксперимент всемирной социальной революции, для других — самый удобный способ войны

(стоит только вспомнить книги германских военных ученых о том, как надо ослаблять противника изнутри гражданскими смутами).

Народ пошел за ними, поверил обещаниям. По темноте своей. Ведь рай сулят. И мир, и землю, и хлеб, и власть...

Да, бесстыдство «вождей» перешло все границы. Такой лжи и лицемерия мир, пожалуй, еще не видел.

Один пример:

Объявление: «Введенная Керенским смертная казнь на фронте отменяется». И в то же время издается приказ, в котором говорится, что грабители, погромщики и контрреволюционеры расстреливаются на месте без всякого суда... (Из приказа № 1 Муравьева) ¹²⁵.

Не надо больше примеров.

Эта ложь и лицемерие раздражает до потери самообладания. Берешь «Правду» или «Известия» из новой редакции роняешь газету, не выдерживаешь... Лишь в исторической перспективе можно будет читать все, что писалось в эти дни.

Я никак не могу забыть одной заметки в «Известиях» об облагораживающем значении «народных движений», как раз после того, как был разграблен пьяными бандами Зимний дворец, сброшены в Мойку 11 юнкеров и проч. и проч. «Количество уголовных преступлений в эти дни значительно уменьшилось» — говорилось в этой заметке. Словно, кто грязными руками хватается за душу, как вспомнишь о такой лжи и лицемерии.

Как это случилось, что весь немецкий план удался. Они разложили Россию. Помню одну перепечатанную во всех журналах карту будущего устройства Европы по Германскому плану. Это казалось плодом дикой фантазии шовинистической. И это действительность. Единой России нет.

Все это время мы были очень плохо осведомлены. «Диктатура пролетариата» лишила нас сразу и свободы печати и неприкосновенности личности, и жилища, и самого главного — хоть какой-нибудь правды.

Один страшный удар, по слухам еще окончательно не получивший подтверждения, получили союзники на фронте. Италия потеряла Венецию и 100 тысяч военнопленных.

До сих пор не знаем, правда это или нет. Слишком был бы этот удар тяжел.

Всеми большевистскими войсками в Петрограде командует полковник Муравьев, бывший полицейский при-

став г. Москвы и, с месяц еще тому назад организатор ударных батальонов на фронте и ярый противник большевиков и их пропаганды.

Что это за личность.

Его приказ № 1 (тоже «первый»), расстрел на месте без суда, кажется циничнее всех подобных приказов и старого и нового времени. Присматриваясь к этой новой личности и всей его деятельности, испытываешь инстинктивное отвращение, как при виде чьих-то нечистот.

Устали все. Кажется нет больше сил работать... И ужас лег на душу. Ужас давит...

10.XI. Пятница. Дикий, нелепый сон... Проснуться бы. «Верховный Главнокомандующий — прапорщик Крыленко»¹²⁶... «Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тот час уполномоченных для формального вступления в переговоры с неприятелем»...

Не может быть, чтобы это было наяву. Прапорщик Крыленко — товарищ Абрам — вершитель всей народной воли... И все это за две недели до Учредительного Соборания, до выражения подлинной народной воли...

Где ты, русский народ? Что с тобой? Не слезами, а кровью плачут глаза у тех, кто верил в тебя, жил для тебя.

Россия обречена на существование, подобное Китаю, Персии. Униженная, оскорбленная, предательская — она будет влачить жалкое и подлое существование.

А что мы могли поделать, чтобы не допустить случившегося. Мы ничего не можем поделать. Историку надлежит запомнить это. Мы, интеллигенция, ничего не могли поделать. Мы, интеллигенция... Какой позор лег на интеллигенцию в эти страшные дни. Интеллигенция струсила. Ее, словно, и нет и не существовало никогда.

25.XI. Вот мы и в пропасти.

Война с врагами прекращена. Зато объявлена беспощадная война против своих братьев.

«...мы предлагаем вам, товарищ Верховный Главнокомандующий, немедленно двинуть по направлению к Москве, Ростову на Дону и Оренбургу такие силы, которые, не колебля линии нашего фронта, были бы достаточно могущественны, чтобы в кратчайший срок стереть с лица земли контр-революционный мятеж казачьих генералов и кадетской: буржуазии»¹²⁷.

Такое приказание по прямому проводу передал вчера Лев Троцкий прапорщику Крыленко.

И нет слов... И смотришь окаменевший от ужаса на

то, что будет. И нет сил... Тут ужас стихии. Что можно сделать тут отдельному человеку.

26.XI. Еще раз разграбили Зимний Дворец. На этот раз погребя. Разгром начала сама приставленная к погребу стража. Пьяный разгул продолжался всю ночь. Неистовства пьяных сопровождалась беспорядочной стрельбой. Толпы пьяных разбрелись по городу и начали грабить. На Дворцовой площади и вокруг Зимнего дворца лежали груды пьяных тел. Шальными пулями на Троицкой площади были ранены несколько прохожих и один убит ¹²⁸.

27.XI. По городу ходят много нелепых слухов. Никаких газет, кроме большевистских нет ¹²⁹. Не выходит даже «Новая жизнь».

Передавали упорный слух, что убит Бронштейн-Троцкий. К нему будто бы явилась депутация от евреев с требованиями отказаться от принятого курса, который губит Россию, революцию и евреев, которым не простит очнувшийся русский народ, что во главе губителей его стоит еврей. Троцкий приказал было арестовать эту депутацию, но в это время был убит одним из членов депутации.

Завтра Учредительное Собрание — величайшее событие праздник земли русской. Но не весело на сердце. И не чувствуется праздника ¹³⁰.

Все спрашивают, что-то будет завтра.

Занятий в Москве завтра не будет.

Я абсолютно не различаю черносотенцев и большевиков. Приемы, тон, все, все — тождественно. Столько же было хамства и грязи, если при Николае Романове взяли бы окончательный верх Дубровин и Марков-Валяй ¹³¹.

9.XII. Я еще впервые услышав в 1905 г., что в программе с.-д. выставлена, как окончательная цель — «диктатура пролетариата», недоумевал, как же это вдруг опять, в конечном итоге то же самодержавие. Я никогда уже не мог пойти под знаменем с.-д. Теперь случилось наяву, что когда то мерещилось, как бред. И ужас обуял всеми. Даже теми, кто шел ко всему, что происходит.

Вот уже две недели, как солдаты и хулиганы громят винные погреба. Во всем городе ежедневно с утра до вечера и ночью слышится то там то тут стрельба. Подсчитывают, до 250 убитых и раненых при разгромах и опившихся до смерти.

Заключается похабный мир...

Суды уничтожены. Законы отменены. Офицеры лише-

ны всех преимуществ и лишены пенсии. Армия разрушена вконец. Учредительное Собрание, как бельмо на глазу для большевиков и чего только они не придумают, чтобы подчинить его своему влиянию или совсем не созвать. Гражданская война на Дону и с Украиной в полном разгаре. Украинская республика совсем отделилась от Великороссии с возглавляющими ее тиранами¹³². Троицкий говорил о гильотине, и его слова о «укорачивании человека на одну голову» сделались крылатыми. Гнилые подвалы Смольного полны узниками. Прибывают все новые. Уже размещать негде. В Москве введена предварительная цензура и опять замолчала печать. Сегодня судят графиню Панину как «врага народа» и опять замолчала печать¹³³.

Всего не перечислишь. Действительность превзошла всякую фантазию.

Да, это про наше время сказано:

«Бывали хуже времена,
Но не было подлей»

Мир не видел еще такого лицемерия и подлости. Какое-то наваждение дьявольское, «чертов водевиль».

И как дико кто-то хохочет, показывая пальцем на русский народ — «народ Богоносец»... «Христоролюбивое воинство».

Отвлечемся на минуту. Забудем, что мы участники всех ужасов, творящихся кругом. Взглянем издали, как зрители, как «историки»...

Вот голая схема:

1. Самодержавие (Диктатура) богатого «буржуазного» класса. Это прошлое. То, что было до 27 февраля и что называется царским режимом. Господство очень небольшого, но страшно сильного класса помещиков, капиталистов, банкиров, заводчиков и т. д.

2. Переходное время. 27 февраля — 25 октября. Искания надклассовой внепартийной власти. Желание примирить две крайности в создании такой силы, которая была бы над теми и другими. И ярким выразителем этого времени и чаяний является Керенский. Он со всеми достоинствами и недостатками, со своим безволием и нежеланием замараться в насилие, в невозможности склониться на одну сторону, лучше всего представлял, олицетворяя это переходное время. Это желание создать надклассовую, внепартийную власть, кончилось крахом. И Керенский погиб под обломками своих «несбыточных желаний».

3. Вся власть перешла опять к одному классу. На этот раз к низам «пролетариату». «Пролетариат» сделался самодержцем или, вернее, явились десятки, сотни самодержцев — вожаков толпы, темной толпы. Воскресло то же самодержавие, но менее культурное и более жестокое. У того самодержавия было историческое прошлое, известные заслуги, у нового Самодержавия — ничего. И потому террор стал главным орудием новой власти. Давили одни, теперь давят другие. Мстят, надругиваются, позорят и все под личиной «блага народа»... Случилось самое худшее. К власти попали [те] кто народное благо заменили выгодами класса.

КОММЕНТАРИИ

¹ Сообщение из Харькова опубликовано в газете «Речь» 30 января 1915 г.

² 27 января 1915 г. начала работу очередная, 3-я сессия IV Государственной думы, созванная для принятия бюджета. Она продолжалась три дня. На волне патриотического подъема бюджет был принят практически без обсуждения. Группа трудовиков от голосования воздержалась, социал-демократы высказались против. Речи А. Ф. Керенского и Н. С. Чхеидзе не были допущены к публикации по распоряжению председателя Думы М. В. Родзянко.

³ 25 января (7 февраля) 1915 г. германские войска перешли в наступление из Восточной Пруссии против 10-й русской армии с целью ее окружения и уничтожения. Однако этот план потерпел неудачу. Главные силы 10-й русской армии отошли к Неману, за реку Бобр.

⁴ «Чемоданы» — так в просторечии назывались германские снаряды.

⁵ В окружение в Августовских лесах попал при отступлении 20-й корпус (командир ген. П. И. Булгаков) 10-й русской армии. Пять дней войска вели бои, пытаясь выйти из окружения. При этом они проявили упорство и мужество. Двум полкам (113-му и 114-му) удалось прорваться к Гродно. Главные силы корпуса, расстреляв к 8 (21) февраля весь боезапас патронов и снарядов, испортив артиллерию, пытались штыками проложить дорогу, но это им не удалось, и к утру 9 (22) февраля корпус прекратил свое существование. 8 (21) февраля части 10-й армии перешли в наступление, чтобы оказать помощь окруженным, но было уже поздно. Упорное сопротивление 20-го корпуса в Августовских лесах сорвало замыслы германского командования по разгрому 10-й армии.

⁶ 17 февраля (2 марта) 1-я, 12-я и 10-я русские армии перешли в общее наступление. Противник оказал упорное сопротивление. Бои приняли затяжной характер. Немцы закрепились на заранее подготовленных позициях. Попытки русских прорвать оборону не дали ре-

зультата. По мнению Ставки Верховного главнокомандующего дальнейшее наступление не давало каких-либо существенных выгод русским войскам. В силу этого, командующий Северо-Западным фронтом ген. Н. В. Рузский 4 (17) марта дал войскам директиву перейти к обороне.

⁷ В январе-феврале 1916 г. австро-венгерская армия оккупировала Черногорию. Король Николай покинул страну.

⁸ Осенью 1915 г. Центральные державы перенесли свои военные усилия на Балканы с целью разгромить Сербию и установить прямую связь с Турцией. Этому способствовало вступление в войну на их стороне Болгарии. 6 ноября австро-германские войска (14 дивизий) начали боевые действия против Сербии, спустя восемь дней к ним присоединилась болгарская армия (6 дивизий). Общее руководство осуществлял немецкий ген. А. Макензен. Сербская армия насчитывала 12 дивизий. (250 тыс. человек). В результате кровопролитых боев сербам пришлось отступить в Албанию. В боях они потеряли 55 тыс. солдат и офицеров. 150 тыс. человек вышли к Адриатическому побережью в районе г. Дуррес, откуда в начале января 1916 г. эвакуированы союзниками на остров Корфу и в Бизерту.

⁹ Германское стратегическое наступление под Верденом во Франции продолжалось с 21 февраля по 2 сентября 1916 г. Несмотря на временные успехи германских войск, достичь поставленных целей не удалось. Последовавшее контрнаступление французских войск 21 октября — 18 декабря 1916 г. позволило восстановить линию фронта существовавшую на 25 февраля 1916 г. В этом сражении Германия потеряла 600 тыс., а Франция — 358 тыс. человек.

¹⁰ Франц Иосиф I (18. VIII. 1830 — 21. XI. 1916) — император Австрии и король Венгрии из династии Габсбургов.

¹¹ *Фердинанд I Кобургский* (14. II. 1861 — 9. IX. 1949) — с 1887 г. князь, в 1908—1918 гг. — царь Болгарии. Основатель династии Кобургов. Сын принца Августа Саксен-Кобург-Готского. Странник Германии, вовлек Болгарию в 1-ю мировую войну. Военное поражение и Владийское восстание вынудили отречься от престола и бежать в Германию.

¹² Кавказская армия России провела в 1916 г. Эрзурумскую, Трапезундскую, Эрзиндженскую и Огнотскую операции. В результате было нанесено поражение 2-й и 3-й турецким армиям. Взяты крепость Эрзурум, порт на Черном море Трапезунд и г. Эрзинджан. Закавказье было надежно прикрыто от вторжения турок.

¹³ *М. Ф. — Мария Федоровна Ермолина* (1890 — 1989) — дочь крестьянина Вологодской губернии, окончила историко-филологический факультет Казанского университета. С 1916 г. — жена Г. А. Князева.

¹⁴ В Петроградском гарнизоне дислоцировались 1-й, 4-й, 14-й Донские казацкие полки (3200 человек), а также 9-й запасной кавалерийский полк (4700 человек).

Всего кавалерийские части гарнизона насчитывали 8700 человек.

¹⁵ По-видимому, здесь имеется ввиду Императорский женский педагогический институт (Малая Посадская, д. 26).

¹⁶ Кондитерская Крюзи находилась на Каменоостровском пр., д. 13.

¹⁷ *Риттих Александр Александрович* (р. 1868), с 1905—1912 гг.— директор департамента государственных земельных имуществ и управляющий делами комитета по землеустроительным делам. В 1912—1916 гг.— товарищ главноуправляющего землеустройства и земледелия. С 1916 г.— сенатор. 16 ноября 1916 г. назначен управляющим министерством земледелия, а с 12 января 1917 г.— министр земледелия. Эмигрант.

¹⁸ *Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924), действительный статский советник, в звании камергера, крупный землевладелец Екатеринославской губернии. Окончил Пажеский корпус. С 1874—1882 гг.— корнет в лейб-гвардии кавалергардского полка. В 1900 г. избирается председателем Екатеринославской губернской земской управы. С 1907 г. член Государственной думы. Председатель бюро думской фракции октябристов и земледельческой комиссии. С 22 марта 1911 г. председатель III Государственной думы и с 15 ноября 1912 г. по 27 февраля 1917 г.— IV Думы. 7 марта 1917 г. назначен почетным комиссаром главного управления Красного Креста. После Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде находился при Добровольческой армии, затем в эмиграции.

¹⁹ Совещание по продовольствию состоялось вечером 25 февраля 1917 г. и постановило передать дело продовольствия органам городского самоуправления.

²⁰ Указом Николая II 25 февраля 1917 г. занятия Государственной думы были прерваны. Больше она официально не собиралась. 27 февраля (12 марта) создан Временный комитет Государственной думы. В последующем деятельность Государственной думы проходила в виде частных совещаний. 6 (19) октября 1917 г. Временное правительство постановило распустить Государственную думу ввиду начала выборов в Учредительное собрание. Декретом СНК от 18 (31) декабря 1917 г. упразднены канцелярии Государственной думы и Временного комитета.

²¹ Кантонист. В Пруссии, в XVIII веке для укомплектования каждого полка существовали особые полковые округа или кантоны, и поступающие на службу из этих округов именовались кантонистами. В России наименование кантонист впервые появилось в 1805 году и сохранялось до 1856 года. Кантонистами назывались все малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, которые образовали как бы особое сословие и состояние лиц, принадлежащих со дня рождения к воинскому ведомству и, в силу своего происхождения, обязанных военною службой.

²² Летучка — в данном случае листок с кратким сообщением о чем-нибудь.

²³ Временное правительство первого состава было сформировано 2 (15) марта 1917 г. Премьер-министр — кн. Г. Е. Львов.

²⁴ 1-й кадетский корпус в Петрограде находился на Кадетской, ныне Съездовская линия.

²⁵ В настоящее время здесь размещается военно-морское училище им. М. В. Фрунзе.

²⁶ «Новая Голландия» — одна из мощных радиотелеграфных станций Петрограда. Располагалась в Адмиралтейском районе на о. Новая Голландия. Находилась в ведении Морского генштаба и осуществляла связь с базами и судами Балтфлота и перехват сообщений германских радиостанций.

²⁷ 180-й полк квартировал на Васильевском острове, насчитывал 15469 солдат, из них 60% солдатского состава приходилось на рабочих и ремесленников и 34% составляли хлебопашцы, скотоводы и рыбаковы.

²⁸ Ресторан «Лондон», В. О., 8-я линия, д. 45.

²⁹ Сообщение о создании Временного правительства и его составе и программе появилось в газете «Известия» 3 марта 1917 г. в № 4.

³⁰ Временный комитет Государственной думы образовался 27 февраля (12 марта) 1917 г. в составе: М. В. Родзянко, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгин, П. Н. Милуков, М. А. Караулов, А. И. Коновалов, И. И. Дмитрюков, В. А. Ржевский, С. И. Шидловский, Н. В. Некрасов, В. Н. Львов, полк. Б. Энгельгардт. Комитет стал назначать в важнейшие государственные учреждения своих комиссаров: Министерство внутренних дел — граф Д. И. Капнист, А. М. Масленников, И. Н. Ефремов, М. И. Арефьев; почта — А. А. Барышников, К. К. Черносвитов; телеграф — П. П. Гронский, М. Д. Калугин; военное и морское мин-во — Н. В. Савич, А. Н. Саватеев; Петроградское градоначальство — П. В. Герасимов, В. Н. Пепеляев; Мин-во земледелия — Н. К. Волков, И. П. Демидов, кн. Васильчиков, гр. Капнист 1-й; Мин-во юстиции — В. А. Маклаков, М. С. Аджемов, В. П. Баскаков; Мин-во торговли и промышленности — С. Н. Родзянко, Н. А. Ростовцев; Мин-во финансов — В. А. Виноградов, И. В. Титов; Сенат — И. В. Годнев. («Биржевые Ведомости» 5 марта 1917 г.). Временное правительство было образовано Временным комитетом с участием исполкома Петроградского Совета 2 (15) марта 1917 г.

³¹ *Протопопов Александр Дмитриевич* (1866—1918), действительный статский советник, член III и IV Государственной Думы. В декабре 1916 г. назначен министром внутренних дел и главноначальником отдельного корпуса жандармов. Расстрелян во время красного террора. О его аресте сообщалось в «Известиях» 1 марта 1917 г. В нем слова Протопопова переданы так: «Вы студент? — Да.— Проводите меня в Государственную думу».

³² *Добровольский Николай Александрович* (1854—1918), министр юстиции с 20 декабря 1916 по 27 февраля 1917 г. Расстрелян во время красного террора.

Карцев Виктор Андреевич (31. I. 1868—20. 5. 1936), вице-адмирал (6. 12. 1916). Окончил Морской корпус в 1889 г. Отличился во время Русско-Японской войны 1904—1905 гг. Директор Морского корпуса 1914—1917 гг. Одновременно начальник Николаевской морской академии. Арестован во время Февральской революции, уволен в отставку 15 апреля 1917 г. В советское время служил в Гидрометеоинституте. В 1930 г. арестован без предъявления обвинения и 27 декабря выслан в Архангельск, где и умер.

³³ *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861—1918) — министр юстиции с 24 апреля 1906 г. по 6 июля 1915 г. В 1917 г. председатель Государственного совета. Расстрелян во время красного террора.

³⁴ 27 февраля (12 марта) около 6 часов вечера восстал Первый пулеметный запасной полк (19,5 тыс. солдат), около 1,5 тысяч пулеметов, 5 тыс. винтовок). Около 1 часа большинство солдат в пешем строю выступили на Петроград. В Петергофе, Мартышкине и Стрельне к ним присоединились 2-й пулеметный полк и другие воинские части. 28 февраля (13 марта) колонна с численностью около 60 тысяч человек с пулеметами, бронемашинами, артиллерией прибыла в Петроград, что способствовало закреплению победы революции.

³⁵ *Кирилл Владимирович* (1876—1938), внук императора Александра II, двоюродный брат Николая II, контр-адмирал свиты Е И В. С 1915 по март 1917 г. — командир гвардейского флотского экипажа. Его дворец находился на ул. Глинки, д. 13. Подробнее см. «Русское прошлое», 1990, № 1, с. 70.

³⁶ *Бубликов Александр Александрович* (1875—1941), коллежский ассесор, инженер путей сообщения, член IV Государственной Думы от Пермской губернии (прогрессист), дворянин, окончил институт инженеров путей сообщения. 7 марта 1917 г. вместе с членами Государственной Думы В. М. Вершининым, С. Ф. Грибуниным и С. А. Калининным выехал экстренным поездом в Могилев, в Ставку. Утром 9 марта доставил Николая II в Царское село. Комиссар думской комиссии по ж/д. транспорту. Эмигрант.

³⁷ Это добавление в названии «Известий» появилось, начиная с № 3 от 2 марта 1917 г.

³⁸ Поздно вечером 1 марта 1917 г. был выработан приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а 2 марта он был опубликован в «Известиях». В семи пунктах приказа закреплялись основные требования солдат, исключавшие возврат к старому. Приказ требовал «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов», которые наделялись широкими полномочиями. Они могли распоряжаться политическими выступлениями воинской части, контролировать оружие, разрешать конфликты, возникающие между солдатами и офицерами. Воинская дисциплина должна была соблюдаться только в строю при отправлении служебных обязанностей. В остальное время все пользовались одинаковыми правами. Запрещалось грубое обращение с солдатами и, в частнос-

ти, обращение на «ты». Оценивая политическое значение приказа для революции, один из деятелей Петроградского Совета Иосиф Голденберг говорил: «Приказ № 1 не был ошибкой, это бла необходимость. Это не есть редакция Соколова, это есть выражение единой воли Совета рабочих и солдатских депутатов. В тот день, когда мы создали революцию, мы поняли, что если мы не разрушим прежнюю армию — то она в свою очередь раздавит революцию. Нам надо было выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы выбрали последнюю и применили, смею сказать, гениальным образом необходимые средства» (М. В. Родзянко. Крушение империи. Нью-Йорк, 1986. С. 326—327).

³⁹ Цитата из передовой статьи «Из Советов рабочих и солдатских депутатов» — «Известия», 2 марта 1917 г., № 3.

⁴⁰ Речь идет о «Поалей — Цион» («Рабочие Сиона») — еврейской с.-д. рабочей партии, пытавшейся соединить сионизм с марксизмом.

⁴¹ Имеется ввиду Временный комитет Государственной думы.

⁴² В первый состав Временного правительства социал-демократы не входили.

⁴³ На хлебные карточки с 1 марта 1917 г. выдавалось полтора фунта хлеба (ржаного) в день. В дальнейшем нормы изменялись.

⁴⁴ Информация из статьи «Судьба царя Николая II», напечатанной в «Известиях» 2 марта 1917 года, № 3.

⁴⁵ *Вирен Роберт Николаевич* (1856—1917), адмирал. Окончил Морской корпус в 1878 году, Николаевскую морскую академию в 1899. Во время Русско-Японской войны 1904—1905 гг. командовал отдельным отрядом броненосцев и крейсеров в Порт-Артуре. Находился в японском плену. В 1905 г. вернулся на службу. Назначен главным командиром Кронштадтского порта, с 1909 года военный губернатор Кронштадта. Убит матросами в Кронштадте.

⁴⁶ *Русский Николай Владимирович* (1854—1918), генерал-адъютант, генерал от инфантерии по генеральному штабу, член Государственного и военного советов, дворянин. Окончил Константиновское училище и Николаевскую академию генерального штаба. С 1. 8. 1916 — 25. 4. 1917 гг. — Главком армий Северного фронта. В 1918 г. взят красными заложником и казнен (зарублен) в Пятигорске по приговору ревтройки.

^{46а} В тексте воспроизведена телеграмма председателя Государственной Думы М. В. Родзянко главнокомандующему Северного фронта ген. Русскому.

⁴⁷ *Бьюкэнн Джордж* (1854—1924), чрезвычайный и полномочный посол Великобритании в России 1910—1918 гг.

⁴⁸ Автором в числе министров не упомянут государственный контролер И. В. Годнев и министр по делам Финляндии Ф. И. Родичев. В. Н. Львов занимал должность обер-прокурора Синода.

⁴⁹ Опубликовано: «Известия», 2 марта 1917 г.

⁵⁰ Здесь автор излагает содержание статьи «Ложные слухи», опубликованной в «Известиях», 3 марта, 1917 г., № 4.

Иванов Николай Иудович (1851—1919), генерал-адъютант, член Государственного совета. В Первую мировую войну командующий армиями Юго-Западного фронта. 15 марта 1916 года отстранен от командования и переведет в резерв Ставки 27 февраля 1917 г. между 9 и 10 часами вечера Николай II назначил Иванова главнокомандующим Петроградским В. О. с чрезвычайными полномочиями. 28 февраля Иванов во главе батальона георгиевских кавалеров (около 800 человек) отбыл из Могилева и около 9 часов вечера 1 марта прибыл в Царское Село. После беседы с императрицей он отвел батальон в Вырицу. Революционные события в Петрограде сломали расчеты на успех карательной экспедиции.

⁵¹ *Сухомлинов Владимир Александрович* (1848—1926), с 1909 по 1915 гг.— военный министр, с 1911 г.— член Государственного Совета, с 1912 — генерал-адъютант. В 1915 г. уволен с должности министра. Против Сухомлинова было возбуждено уголовное преследование по обвинению в преступном бездействии, превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и государственной измене. В 1917 г. его предали суду. Он был признан виновным и приговорен к лишению всех прав и состояний, и к пожизненной каторге. 1 мая 1918 г. освобожден, как достигший 70 лет. Эмигрант.

Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917), дворянин, окончил Петербургский университет. С 20 января по 10 ноября 1916 г.— председатель Совета министров и одновременно, с 3 марта по 7 июля 1916 г.— министр внутренних дел и главноначальник отдельного корпуса жандармов, с 7 июля по 10 ноября 1916 г.— министр иностранных дел.

⁵² 2-го марта 1917 г. в Петропавловскую крепость из Таврического дворца были переведены: В. А. Сухомлинов, Н. Г. Курлов, И. Г. Щегловитов, А. Д. Протопопов, кн. Н. Д. Голицин, И. Л. Горемыкин, С. С. Хабалов, М. А. Беляев, Н. А. Маклаков, А. А. Макаров.

⁵³ Правительственная программа, которую автор излагает своими словами. Полный текст опубликован в «Известиях», 3 марта 1917, № 4.

⁵⁴ Здесь описываются события происшедшие 27 февраля 1917 г.

⁵⁵ *Велихов Лев Александрович* (р. 1875), член Государственной Думы IV созыва по Санкт-Петербургскому округу, гласный Санкт-Петербургской Городской Думы. Окончил Санкт-Петербургский университет, юридический факультет. Редактор и издатель журнала «Городское дело». Домовладелец.

⁵⁶ *Николай Николаевич* послал телеграмму 2 марта в 12 часов 47 минут из Тифлиса («Известия», 3 марта 1917 г.).

⁵⁷ Общественным градоначальником был назначен профессор Военно-медицинской академии Юревич Вадим Александрович.

⁵⁸ *Фредерикс Владимир Борисович* (1838—1927), с 1897 по 1917 гг.— министр императорского двора. В 1913 г. возведен в графское достоинство. 2 марта 1917 г. в качестве министра двора скрепил отречение Николая II от престола.

⁵⁹ *Непенин Адриан Иванович* (1871—1917), вице-адмирал, дворянин. С 1915 по 1917 гг.— командующий Балтийским флотом. Убит матросами 4 марта 1917 г. с последующим издевательством над трупом.

⁶⁰ *Максимов Андрей Семенович* (р. 1866). Окончил морское училище и минные классы, начальник 2-й бригады линейных кораблей эскадры Балтийского моря. С 1913 г.— контр-адмирал, с 1916 г.— вице-адмирал. После смерти адмирала А. И. Непенина выбран командующим Балтийским флотом. В ноябре 1917 г.— заведующий морскими заводами. В 1921—22 гг. в резерве, в 1923 г.— инспектор инспекции при РВСР. В 1924 — командир посыльного судна «Воровский».

⁶¹ *Вердеревский Дмитрий Николаевич* (1873 — 1946), окончил Морской корпус в 1893 г., с 1916 г.— контр-адмирал. С 3 апреля по 30 августа 1917 г.— командующий Балтийским флотом. С 30 августа по 25 октября 1917 г.— морской министр. После Октябрьской революции эмигрировал.

⁶² В Гельсингфорс ездила делегация: члены Совета М. И. Скобелев (1885—1939) — меньшевик, министр труда в правительстве А. Керенского. Эмигрант. После уговоров Красина вернулся в Россию. С 1922 г. в РКП(б). Работал в Наркомате Внешней торговли, в концессионном комитете. В 1936—1937 гг. работал в Радиокomitee. Погиб в заключении; солдат Кудряцев, а также два матроса — Хомяков и Масковский; Ф. И. Родичев (1856—1933) кадет, министр по делам Финляндии. Комиссия привезла указ Временного правительства о назначении А. С. Максимова командующим Балтийским флотом («Известия», 8 марта 1917 г.).

⁶³ *Маклаков В. А.* (1870—1957), присяжный поверенный, член II, III, IV Государственной Думы, дворянин. Окончил Московский университет. С 1916 года член кадетской партии, входил в ЦК. С 28 февраля по 2 марта 1917 г.— комиссар в министерстве юстиции. С 22 апреля 1917 года — член юридического совета при Временном правительстве, назначен послом в Париж.

Туляков Иван Никитич (р. 1874) — рабочий, член IV Государственной Думы от Области Войска Донского, социал-демократ.

⁶⁴ *Григорович Иван Константинович* (1853—1930), генерал-адъютант, адмирал. Член Государственного Совета, последний морской министр. Участвовал в войне с Японией в 1904—1905 гг., командир Порт-Артура. В 1905 г. начальник штаба Черноморского флота и портов Черного моря. В 1906 г. командир порта «Императора Александра III» в Либаве. В 1908 г. исполняющий дела главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора г. Кронштадта. С 1909 г.— товарищ морского министра. С 1911 г.— морской министр.

После свержения царизма арестован не был, оставался в Главном Адмиралтействе сотрудничал с Временным правительством. При Советской власти служил в Морской исторической комиссии. В 1923 г. выехал во Францию.

⁶⁵ Приказ по военному ведомству издан 5 марта — «Известия» 8 марта, 1917 г., № 9. Вместо «нижний чин» — «солдат», к офицерам следовало обращаться — «господин» и на «Вы», как на службе, так и вне ее. Разрешалось курение на улицах и в общих местах, посещение клубов, собраний, езда в трамвае, участие в различных союзах и политических движениях.

⁶⁶ Цезарепапизм — термин означающий форму правления в Византийском государстве, при которой цезарь фактически является одновременно и главой церкви — папой.

⁶⁷ *Владимир (Богоявленский Василий)*, митрополит Киевский и Галицкий (I. I. 1848 — 24. I. 1918). Окончил Киевскую духовную академию (1874). В 1898 г. возведен в сан Митрополита Московского и Коломенского, в 1912 г. — митрополит СПб и Ладожский, в 1915 г. переведен в Киев. В 1918 г. убит около Киево-Печерской Лавры, где и погребен; *Макарий* — митрополит Московский и Коломенский; *Пигирим (Павел Окнов)* (1858—1921), митрополит Петроградский и Ладожский и архиепископ Свято-Троицкой Александро-Невского Лавры (1915), ставленник Г. Распутина. 28 февраля 1917 г. арестован под давлением духовенства и сложил сан. Отпущен на покой в Лавру. Все трое — члены Синода.

⁶⁸ *Львов Владимир Николаевич* (р. 1872), член III и IV Государственной Думы. В 1917 г. — член Временного комитета Государственной Думы. Со 2 марта по 24 июля 1917 г. — обер-прокурор святейшего Синода во Временном правительстве. Сообщение о выступлении Львова приводится по газете «Биржевые ведомости» от 5 марта 1917 г. В статье «Заседание Святого Синода» говорится, что кресло вынесено после речи Львова.

⁶⁹ *Бутаков Александр Григорьевич* (1861—1917), начальник штаба Кронштадтского порта с 1913 года, контр-адмирал. Убит матросами.

⁷⁰ В Кронштадте было убито несколько десятков офицеров, многие арестованы («Известия», 17 марта, 1917 г.).

⁷¹ Похороны жертв революции намечались на 10 марта, но затем ввиду сложности дела переносились на 17 марта и состоялись, 23 марта (5 апреля) на Марсовом поле. В четырех братских могилах похоронено 180 человек, павших в вооруженной борьбе во время Февральской революции. Эта цифра не учитывает погибших, которых хоронили родственники. В 1917 — 1919 гг. в центре поля сооружен памятник борцам революции (архитектор Л. В. Руднев, автор надписей на надгробиях А. В. Луначарский).

⁷² Речь идет о профессоре Фрэнке Альфреде Голдере (1877—1929). Он родился в Одессе, а в 1880 г. переехал с родителями в США. Получил образование

в Америке и Европе. Профессор ряда американских университетов, историк, автор исследований по русско-американским отношениям. Неоднократно работал в архивах Петрограда и Москвы (1914—1915, 1917). В 1921—1923 гг. находился в Советской России в составе Американской организации помощи (АРА). После возвращения в США директор библиотеки Гуверовского института Стэнфордского университета. Занимался систематизацией привезенных из России материалов по истории революции.

⁷³ Поселянин — псевдоним Евгения Николаевича Погожева (р. 1870), журналист ряда Петербургских газет, в том числе и «Нового времени».

⁷⁴ Черномазов Мирон Ефимович (Меер Хаимов) (1882—1917), партийная кличка Фирин, Норин, Лютиков, Фналков, «Свой», «Мирон». Секретарь больничной кассы завода Лесснер в Петербурге, член РСДРП(б). С мая 1913 г. по февраль 1914 г. — секретарь газеты «Правда» (по другим источникам — ночной выпускающий), член русского бюро ЦК. По подозрению в провокаторстве освобожден от редактирования. Затем руководил страховым движением. Имел столкновения с руководством большевистского легального журнала «Вопросы страхования». После ареста руководителей страховиков в июле 1916 г., ЦК партии возложил ответственность за это на Черномазова. 11 марта 1917 г. «Биржевые ведомости» опубликовали список провокаторов Петербургского охранного отделения, среди которых фигурировал Черномазов. 20 марта он был арестован, 27 августа 1917 г. отравился или был отравлен в тюрьме «Кресты» в Петрограде. (См. так же Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. С. 79—80; «Известия», 14 марта 1917).

⁷⁵ 1-го марта 1917 г. в Кронштадте стихийно возник «Комитет движения», параллельно создавался объединенный комитет морских частей и кроме того Совет рабочих депутатов Кронштадтского порта и Совет военных депутатов. Он объединился с Советом рабочих депутатов, создав единый Исполком. «Комитет движения» был распущен. («Известия», 1917, 17 марта).

⁷⁶ 15 марта в Государственную Думу прибыл запасной батальон лейб-гвардии Семеновского полка во главе с командиром полковником Назимовым, на знаменах имелись надписи: «Сохранение свободы в победе над Вильгельмом», «Солдаты — в окопы, рабочие — к станкам», «Война до победного конца», «Да здравствует свобода и воля», «Да здравствует свободная Россия» («Известия», 17 марта 1917 г.).

^{76a} 14 марта 1917 г. «Известия» опубликовали призыв В. Г. Короленко направленный на защиту Родины от немцев. Писатель считал, что победа германцев приведет к реставрации Романовых и выступал против партийных раздоров.

⁷⁷ По постановлению общего собрания Совета солдатских депутатов от 9 марта 1917 г. принят проект «Общие права солдата» («Известия», 15 марта 1917).

⁷⁸ Гвардейское экономическое общество. Главное здание общества помещалось на Большой Конюшенной, д. 21. В нем находилось правление общества и магазины различных офицерских вещей и принадлежностей.

⁷⁹ 12 марта 1917 г. было опубликовано постановление Временного правительства о повсеместной отмене смертной казни. 12 июля 1917 г. смертная казнь восстанавливается на фронте за убийство, разбой, измену, побег к неприятелю, сдачу в плен, уход с поля боя и другие воинские преступления.

⁸⁰ Начальником архива Морского министерства являлся капитан 2-го ранга Александр Иванович Лебедев. По предложению представителей ряда архивов Петрограда было принято решение о создании Союза российских архивных деятелей. Председателем союза стал академик А. С. Лаппо-Данилевский, секретарем — начальник архива Морского министерства А. И. Лебедев. В состав совета вошли Б. Л. Модзалевский, А. С. Николаев и др. Своей задачей союз ставил правильную постановку архивного дела в стране, сохранность документов, издание трудов по архивоведению, защиту профессиональных интересов архивистов, подготовку методических указаний по основным аспектам архивной работы, создание архивоведческих кафедр в вузах. В июне 1917 г. Министерство народного просвещения утвердило устав Союза. Мысль Лаппо-Данилевского о создании «справочного депо», в котором можно было получить информацию обо всех отечественных архивных фондах не реализована и до сегодняшнего дня. По предложению Лаппо-Данилевского началась подготовка справочника по петроградским архивам. Деятельность Союза протекала, главным образом, в Петрограде. Отделения имелись и в других городах — Москве, Киеве, Харькове, Одессе и др. Осенью 1917 Союз подготовил к эвакуации важнейшие петроградские архивы.

⁸¹ *Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич* (1863—1919), русский историк, академик (с 1899), профессор Петербургского университета. Автор фундаментальных трудов в области источниковедения, археографии и методологии истории.

⁸² *Лямин Михаил Михайлович* (р. 1880), командир императорской яхты «Полярная Звезда» с 1916 г., капитан I ранга. Выбран командиром I гвардейского экипажа, «как порядочный человек вообще и знающий дело офицер». В марте 1917 года переизбран на эту должность. Служил на флоте при Советской власти. С октября 1918 г. командир госпитального судна «Трансбалт», с 1920 года командир линкора «Чесма», с 1922 г. начальник морских сил Северного моря.

⁸³ *Меньшиков Михаил Осипович* (1859—1919), публицист, сотрудник газеты «Новое время». В 1919 г. расстрелян за контрреволюционную деятельность.

⁸⁴ Седан — крепость во Франции. Во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг., в сентябре 1870 г. в районе Седана была разгромлена и пленена немца-

ми французская армия во главе с императором Наполеоном III.

⁸⁵ «...позора Парижского мира». Франко-прусская война закончилась подписанием Франкфуртского мира 10 мая 1871 г. По-видимому, под Парижским миром Князев имеет ввиду прелиминарный мирный договор между Францией и Пруссией, подписанный 26 февраля 1871 г. в Версале, по которому Франция лишилась части Лотарингии и всего Эльзаса.

⁸⁶ «Панама» — одна из крупнейших афер, происшедшая в результате коррупции и злоупотреблений во Всеобщей компании межookeанского канала, созданной во Франции для организации работ по прорытию Панамского канала. Акции компании приобрело более 800 тысяч человек. К 1888 г. одна треть работ была выполнена, а истрчено в два раза больше, чем предполагалось. Пришлось приостановить работы и платёжи. Крах компании привел к многочисленным банкротствам. В финансовом скандале оказались замешанными министры, депутаты парламента, редакторы крупных газет.

⁸⁷ Имеется ввиду дело офицера французского Генерального штаба, еврея Альфреда Дрейфуса ложно обвиненного в шпионаже в пользу Германии. В декабре 1894 г. он был приговорен к пожизненному заключению. Дело Дрейфуса стало предметом ожесточенной политической борьбы. В 1899 г. президент Франции помиловал Дрейфуса, полная реабилитация наступила в 1906 г.

⁸⁸ Здесь речь идет о сражении на реке Марна во время Первой мировой войны между англо-французскими и германскими войсками в сентябре 1914 г., в котором верх взяли англо-французские войска, что привело к провалу немецкого плана, рассчитанного на быстрый разгром противника на Западном фронте.

⁸⁹ См. сноску 9.

⁹⁰ *Соколов Николай Дмитриевич* (1870—1928), присяжный поверенный, меньшевик, член Исполкома Петроградского Совета, председатель комиссии по выработке приказа № 1.

⁹¹ *Нахамкис (Нехамкис) Овший (Овсей, Евгений, Юрий, Овша) Моисеев* («Невзоров», «Стеклов»), вторая фамилия Стеклов (1873—1941), родился в Одессе. В революционном социал-демократическом движении с 1893 г. Неоднократно был в ссылке и эмигрант. Осенью 1914 г. вернулся в Россию из Германии. Окончил Петербургский университет в 1916 г., записался в помощники присяжных поверенных в Петрограде, юридической практикой заняться не успел из-за начавшейся Февральской революции. Избран членом Исполкома Петроградского Совета и редактором газеты «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Составил воззвание «К народам всего мира».

⁹² Охлократия — власть толпы. У древнегреческих писателей форма государственного устройства, которая возникает по мере вырождения демократии.

⁹³ *Амфитеатров Александр Валентинович* (1862—1938), русский писатель. Окончил юридический факультет Московского университета в 1885 г. Автор романов, повестей, рассказов, очерков, фельетонов. Эмигрировал в 1920 г.

⁹⁴ *Суворин Алексей Сергеевич* (1834—1912) — русский публицист, литератор, издатель. С 26 февраля 1876 г. Суворин становится издателем газеты «Новое время». В 1895 г. открыл свой театр, так называемый «Театр Суворина». Создал издательство, занимался книжной торговлей. Публикация в 1923 г. его дневника позволяет глубже проникнуть в его внутренний мир и определить его позицию.

⁹⁵ См., сноску 71.

⁹⁶ 7 (20) марта 1917 г. Временное правительство восстановило автономию Финляндии, но выступало против ее полной самостоятельности. 17 (30) марта Временное правительство опубликовало декларацию о своем согласии на создание в будущем «независимой» Польши с включением германских и австро-венгерских польских земель, при условии, что она будет находиться в «свободном военном союзе» с Россией.

⁹⁷ Статья 87 Основных законов Российской империи. На ее основе 14 августа 1906 г. в чрезвычайном порядке был принят закон о военнополевых судах, по которому строевые офицеры заседавшие в судах решали дела о бунтовщиках по законам военного времени, а приговор исполнялся в 24 часа. Согласно закону указы, принятые по 87 статье, должны были вноситься в Думу не позднее двух месяцев после ее созыва.

⁹⁸ Статья Д. Мережковского опубликована в газете «День» 23 марта 1917 г.

⁹⁹ Обращение Петроградского Совета «К народам мира», опубликовано в «Известиях» 15 марта 1917 г. В нем Совет призывал пролетариев всех стран противодействовать политике господствующих классов. Обращаясь к германским рабочим, Совет предлагал им сбросить иго полусамодержавного строя и прекратить войну.

¹⁰⁰ Речь идет об Апрельской демонстрации 20—21 апреля (3—4 мая) 1917 г. против внешней политики Временного правительства. Из правительства вынуждены были уйти министр иностранных дел П. Н. Миллюков и военный министр А. И. Гучков. В правительство вошли министры-социалисты В. М. Чернов, П. Н. Перверзев, И. Г. Церетели, М. И. Скобелев.

¹⁰¹ *Алексеев Михаил Васильевич* (1857—1918), генерал от инфантерии был главнокомандующим русской армией с марта до мая 1917.

Брусиллов Алексей Алексеевич (1853—1926), генерал от кавалерии главнокомандующий русской армией с 22 мая по 19 июля 1917 г.

¹⁰² Первый Всероссийский съезд крестьянских депутатов состоялся 4 мая—28 мая 1917 г. в Петрограде. 22 мая В. И. Ленин выступил на съезде с речью, в

которой предложил объявить землю всенародной собственностью и приступить к организованной и бесплатной передаче помещичьей земли крестьянам, не дожидаясь созыва Учредительного собрания.

¹⁰³ Тарнопольский прорыв. Германское командование, зная о подготовке русского наступления, которое велось открыто, подготовило контрудар. К участку прорыва было стянуто 11 дивизий с Западного фронта и 5 с различных участков Восточного. Основную задачу выполнял отряд генерала Винклера, который должен был прорвать фронт русской армии и развить успех на Тарнополь. 6 (19) июля четыре германские дивизии атаковали русские позиции и прорвали фронт. 8 (21) июля новым командующим фронтом был назначен генерал Корнилов. 12 (25) июля был принят закон о смертной казни на фронте, но с принятием решительных мер правительство и Ставка запоздали. 12 (25) июля германцы заняли Тарнополь, это привело к полной деморализации Юго-Западного фронта. Войска, не оказывая сопротивления, стали сниматься и уходить. В ночь на 21 июля (3 августа) были оставлены Черновцы. После этого на Юго-Западном фронте наступило затишье. За полмесяца русские войска потеряли почти всю Галицию. Потери Юго-Западного фронта убитыми, ранеными и пленными составили 1968 офицеров и 56 361 солдат.

¹⁰⁴ См., сноску 79.

¹⁰⁵ Сергиевский всей артиллерии собор. Числился по военному ведомству, находился на углу Литейного пр. и Сергиевской (Чайковского) ул. В 30-х годах собор частично разобран и перестроен в административное здание.

¹⁰⁶ Летнее наступление войск Юго-Западного фронта началось 18 июня (1 июля) атакой пехоты 11-й и 7-й армий. Первые два дня принесли некоторые тактические успехи, но затем наступление остановилось. Войска стали обсуждать приказы и митинговать. Значительный успех выпал на долю 8-й армии генерала Корнилова: 23 июня, ее войска прорвали оборону противника южнее и севернее города Станислава. 27 июня (8 июля) был занят Галич, а 28 июня — Калуш. Попытка Ставки и штаба Юго-Западного фронта усилить 8-ю армию за счет резерва не удалась, так как войска отказывались выходить на позиции.

¹⁰⁷ Речь идет о начавшемся Государственном совещании, состоявшемся в Москве 12—15 (25—28) августа 1917 г. под председательством А. Ф. Керенского.

¹⁰⁸ Женские батальоны начали формироваться, первоначально стихийно, после Февральской революции, патриотическими женскими организациями и отдельными лицами. В мае 1917 г. Организационный комитет женских маршевых отрядов, находящихся в Петрограде, обратился с воззванием к женщинам России. Первый женский батальон был сформирован в Петрограде М. Л. Бочкаревой, младшим унтер-офицером 28-го Полоцкого пехотного полка (разведчица, награждена

георгиевским крестом и тремя медалями, с июня — прапорщик). Назначена командиром женского батальона смерти (около 200 человек), который участвовал в боях на Западном фронте в июне 1917 г. и находился там до октября.

¹⁰⁹ *Приселков Михаил Дмитриевич* (1881—1941), русский историк, источниковед, исследователь летописания. Окончил Петербургский университет в 1903 г., в 1904 г. стал приват-доцентом, а в 1918 г. профессором этого университета.

¹¹⁰ На утреннем заседании Государственного Совещания 14 августа выступили генералы Л. Г. Корнилов и А. М. Каледин. В стенограмме эти выкрики переданы по-другому: «Хамы», «Встаньте!». Основная мысль речи Корнилова — превращение страны в единый военный лагерь для осуществления победы над Германией. Эта же мысль развивалась и в выступлении Каледина. В ней генерал потребовал упразднения Советов и комитетов. Эти речи опубликованы: Государственное совещание. М.-Л., 1930. С. 62—66; 73—76.

¹¹¹ 20 августа (2 сентября) проходили выборы в Петроградскую городскую думу.

¹¹² В районе 12-й армии Северного фронта по распоряжению комиссара армии Дюбуа и армейского комитета были задержаны А. И. Гучков и сотрудники газеты «Новое время» Егоров и Филатов, остановившиеся у генерала Балтийского. Под конвоем Гучкова и его спутников доставили в Псков в распоряжение комиссара фронта Савицкого. 1 сентября в газете «Известия» был опубликован приказ А. Ф. Керенского об их освобождении.

¹¹³ *Энвер Паша* (1881—1922), турецкий военный и политический деятель. Во время Первой мировой войны занимал должность заместителя главнокомандующего (формально главнокомандующим числился султан). Один из виновников массового истребления армян. По приказу Энвер Паши в нарушение Брестского мирного договора турецкие войска в сентябре 1918 г. заняли Баку. После поражения Турции и заключения Мудросского перемирия бежал в Германию, затем некоторое время находился в Советской России. Хотел проникнуть в Анатолию, чтобы возглавить борьбу против Ататюрка, но потерпел неудачу. В 1921 г. включился в басмаческий мятеж в Средней Азии, убит в бою с частями Красной Армии.

¹¹⁴ 29 сентября — 6 октября германский флот принял операцию по захвату Моонзундских островов с целью уничтожения русских морских сил Рижского залива. 3 октября германские войска овладели островом Эзель, 5 октября островом Моон и 6 октября — островом Даго. Германская эскадра вошла в Рижский залив, но прорваться в Моонзундский пролив не смогла. Германское командование отказалось от продолжения операции и 7 октября вывело корабли из Рижского залива. В этой операции германский флот потерял 12 эсминцев и миноносцев, 3 тральщика, поврежденными оказались 3 линкора, 13 эсминцев и ми-

ноносцев. Русский флот — I линкор «Слава», I эсминец «Гром», повреждены I линкор, I крейсер, 3 эсминца, 2 канонерские лодки.

¹¹⁵ Предпарламент, созданный 7 октября 1917 одобрил планы Временного правительства об эвакуации Петрограда.

¹¹⁶ По решению армейского комитета и Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов были арестованы командир 8 корпуса и ряд офицеров, уличенные в контрреволюционной деятельности. Арестованных направили на гауптвахту. После отъезда представителей комитетов толпа солдат ворвалась в помещение гауптвахты, вывела арестованных и сбросила их с Абосского моста в воду. Погибли генерал Орановский и Дунин, адъютант Куксин и начальник саперной команды.

По распоряжению Керенского в период корниловщины армейские и флотские организации должны были взять подписку от всех офицеров в верности Временному правительству и отказе выполнять распоряжения Корнилова. 30 августа 1917 г. офицеры линкора «Петропавловск» лейтенант Тизенко, мичманы Кандыба, Кондратьев и Михайлов, отказались дать подписку и подали записку, где высказали свое мнение: «Почка внешний враг угрожает с моря России, представляющей единое целое, активного участия в политической жизни принимать не будем. Повинуемся же командующему флотом и только его оперативным приказаниям». Вызванные в судовой комитет они подтвердили свое невмешательство в политику. И ответили отказом стрелять по Петрограду, если его возьмут корниловские войска. Команда постановила расстрелять этих офицеров как отъявленных контрреволюционеров. Под конвоем они были доставлены на берег и расстреляны 31 августа 1917 г. Центробалт вынес команде порицание за самосуд. Керенским была выслана следственная комиссия под председательством Н. Д. Сколова с требованием выдать убийц. Команда «Петропавловска», поддержанная командой «Республики» отказалась это сделать. Центробалт после долгих дискуссий также отказался выполнить требование правительства. (Дыбенко П. Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 1928. С. 126—128).

¹¹⁷ Предпарламент — (официальное название — Временный совет Российской республики, совещательный орган при Временном правительстве). Заседания Предпарламента открылись 7 октября 1917 г. в Марининском дворце. Председателем избран эсер Н. Д. Авксентьев. 25 октября (7 ноября) большевики заняли Марининский дворец и распустили Предпарламент.

¹¹⁸ *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878—1943), член ЦК партии эсеров, председатель исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел во Временном правительстве второго состава, председатель Предпарламента. В 1918 председатель Уфимской директории. После переворота адмирала А. В. Колчака в Омске уехал за границу.

^{118a} *Мата Хари (Маргарета Гертруда Зелле)* (1876—1917), жена офицера голландской колониальной армии. В 1908 г. в Париже начала выступать в качестве исполнительницы яванских и индийских танцев. В 1917 г. обвинена в шпионаже в пользу Германии и расстреляна.

¹¹⁹ Юнкерский мятеж — выступление юнкеров военных училищ. Предполагалось начать выступление 30 октября одновременно с подходом войск генерала П. Н. Краснова к Петрограду. Число убитых и раненных с обеих сторон достигло 200 человек.

¹²⁰ Грабежи в Зимнем дворце начались с момента его захвата и продолжались до полудня 27 октября 1917 г. По донесению смотрителя комнатного имущества Н. Н. Дементьева «...почти во всех комнатах Зимнего дворца (за весьма редким исключением) произведен грабёж различного рода имущества комнатной обстановки, а также много поломок из мебели и, причем, как из простого озорства, так и от оружейных снарядов, пулеметных и винтовочных выстрелов... Во всех помещениях дворца, за редким исключением, похищены с окон и дверей шторы, занавески и драпировки». (Аспидов А. Зимний после штурма // Ленинградская панорама.— 1991.— № 1. С. 29—30).

¹²¹ По свидетельству «Известий Московского ВРК»: «Кремль, в целом, как исторический памятник, сохранился. Ни одно здание, имеющие археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью. (Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Документы и материалы.— М., 1957. С. 444—445).

¹²² Знаменитый собор Нотр-Дам в Реймсе (XIII в.) тяжело пострадал от обстрела германской артиллерии в Первую мировую войну.

¹²³ Первый Петроградский женский батальон начал формироваться в июне в Инженерном замке. 5 августа переведен в лагерь у станции Левашово. 25 октября Женский батальон должен был отправиться на Румынский фронт. Однако 24 октября штаб Петроградского Военного округа вызвал батальон в столицу, якобы для участия в параде. Командиру батальона, штабс-капитану А. В. Лоскову было приказано оставить часть и выступить для защиты Временного правительства. Не желая вмешиваться в политическую борьбу, Лосков вывел батальон из Петрограда, оставив в Зимнем дворце 2-ю роту (137 человек). Около 22 часов 25 минут 25 октября 1917 года рота сдалась солдатам Павловского полка, разоружена и доставлена в казармы Павловского, а затем Гренадерского полков. 26 октября отправлена в Левашово. 30 октября красногвардейские отряды разоружили Женский батальон, к 10 января 1918 г. он прекратил свое существование. Вот, что писала впоследствии об этих днях старший унтер-офицер батальона М Бочарникова: «Петроградские гренандеры! Если кому-нибудь из вас попадут эти строки, примите от всей нашей роты, хотя и с большим опозданием, сердечную признательность за братское отношение в ту тяжелую для нас минуту.

Мы навсегда сохранили добрую память о часах, проведенных в ваших казармах, 7 ноября — 25 октября 1917 года. Ходили слухи, что погибли все защитницы Зимнего дворца. Нет, была только одна убитая, а поручику Верному, свалившейся балкой ушибло ногу. Но погибли из нас многие впоследствии, когда безоружные разъезжались по домам. Нас ловили солдаты и матросы, насиловали, выбрасывали на улицу с верхних этажей, выбрасывали на ходу из окон поездов» (Бочарникова М. Бой в Зимнем дворце // Новый журнал.— Нью-Йорк, 1962,— № 68. С. 220).

¹²⁴ В октябре 1917 г. больной Г. В. Плеханов жил в Царском Селе. 31 октября в его дом дважды приходили с обыском, в поисках оружия. Обыск у Плеханова вызвал протест как среди интеллигенции, так и рабочих. Во избежании повторных инцидентов было издано специальное постановление согласно которому для «охраны личности и имущества гражданина Г. В. Плеханова» выделялся специальный караул. Однако этот документ запоздал. Уберегая Плеханова от опасности, товарищи перевезли его сначала в Царско-сельскую больницу, а 3 ноября, в автомобиле «Красного Креста», в Петроград и поместили во французскую больницу в отделение доктора В. Д. Антова. 23 января 1918 г. Плеханов переезжает в санаторий в Питкеарви, неподалеку от Тернок.

¹²⁵ В одном из пунктов Приказа по обороне Петрограда от 1 ноября 1917 г. за №1, подписанного Главкомом Муравьевым, говорилось: «1. ...Приказываю солдатам, матросам и красной гвардии беспощадно и немедленно расправляться своими силами с представителями преступного элемента, раз с очевидной несомненностью на месте будет установлено их участие в содеянном преступлении против жизни, здоровья или имущества граждан» («Известия», 2 ноября 1917 г., № 214).

Муравьев Михаил Артемьевич (1880—1918) из крестьян, окончил юнкерское пехотное училище в 1899 г., левый эсер с 1917 г., участник Первой мировой войны. После Февральской революции возглавил в Петрограде Оргбюро Всероссийского центрального комитета для вербовки добровольцев в армию. Предложил свои услуги Советскому правительству во время выступления Керенского-Краснова. 28 октября (10 ноября) 1917 г. назначен начальником обороны Петрограда. С 30 октября — командующий Петроградским Военным округом.

¹²⁶ *Крыленко Николай Васильевич* (1885—1938), член РСДРП с 1904 г. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1909 году и юридический факультет Харьковского университета. С 1916 года в армии прапорщик. Член первого Советского правительства. С 9 (22) ноября 1917 г. до марта 1918 г. Верховный главнокомандующий. Руководил ликвидацией Ставки.

¹²⁷ «Разговор тов. Троцкого со Ставкой» (Календинщина) — («Известия» 25 ноября 1917 г.).

¹²⁸ По данным Городской думы спиртные напитки в Петрограде находились в 570 погребах и складах, по сведениям «Правды» — в 700. Хищения из винных погребов Зимнего дворца начались сразу после его взятия. 4 декабря в Петрограде образован комитет по борьбе с погромами, в городе введено осадное положение. К началу января 1918 г. пьяные погромы удалось ликвидировать.

¹²⁹ В Петрограде был прекращен выпуск следующих газет: «День», «Речь», «Современное слово», «Петроградский листок», «Петроградская газета», «Биржевые ведомости», «Новое время», «Копейка», «Живое слово», «Новая Русь», «Утро», «Трудовое слово» и др.

¹³⁰ Открытие Учредительного собрания было назначено Временным правительством на 28 ноября (11 декабря) 1917 г. В этот день у Таврического дворца прошли антибольшевистские демонстрации, несколько депутатов проникли в здание с целью открыть Учредительное собрание. Вечером 28 ноября Совет народных комиссаров принял декрет об аресте лидеров партии кадетов.

¹³¹ *Дубровин Александр Иванович* (1855—1918), врач, организатор и руководитель «Союза русского народа», редактор газеты «Русское знамя».

Марков 2-й, Николай Евгеньевич (1876—1945), курский помещик, один из руководителей «Союза русского народа» и союза «Михаила Архангела». Депутат III и IV Государственной Думы. После ноября 1918 г. уехал в Финляндию, где прожил два года, затем в Ревель, а оттуда в Берлин. Там вплоть до 1925 г. редактировал журнал «Двухглавый орел» и «Вестник Высшего монархического Совета». В конце 1925 г. переехал в Париж, куда перенес и издание «Двухглавого Орла», первый парижский номер которого вышел 1. 01. 1926 г. Писал по разным вопросам, иногда под псевдонимом Муринов. Им издано несколько книг, в том числе «Война темных сил», Париж, 1928 г. После закрытия журнала лишился последнего заработка и в 1936 г. переехал в Эрфурт, где по договору с нацистскими властями занимался изданием антисемитского еженедельника «Мировая служба» на русском языке (выходил на шести языках). С августа 1939 г. Марков вместе с редакцией переехал во Франкфурт, а в 1944 г. в Висбаден, где и умер 22. 04. 1945 г.

¹³² 7 (20) ноября 1917 г. Центральная рада издавала Универсал который провозгласил образование Украинской народной республики.

¹³³ *Панина Софья Владимировна* (1871—1957), графиня, член ЦК партии кадетов, известная либеральная просветительница, организатор «Народного дома» на Тамбовской улице в Петрограде. 24 мая 1917 г. назначена товарищем министра государственного призрения, а с 14 августа — товарищем министра народного просвещения. 28 ноября (11 декабря) 1917 г. арестована за отказ передать советской власти 93 тыс. рублей из кассы Министерства просвещения. 10 (23) декабря 1917 г. первое заседание Петроградского ре-

волюционного трибунала открылось делом графини Паниной. Она обвинялась в присвоении денег Министерства просвещения и их использовании на финансирование саботажников. Трибунал вынес ей общественное порицание. Панина должна была содержаться под стражей до возврата взятой суммы. 19 декабря, после внесения денег в Народный комиссариат просвещения, ее освободили. В дальнейшем — в эмиграции, умерла в США.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ НАЗВАНИЯ УЛИЦ ПЕТРОГРАДА — ЛЕНИНГРАДА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ТЕКСТЕ

Благовещенская пл.— пл. Труда.
Воскресенский пр.— пр. Чернышевского.
Захарьевская ул.— ул. Каляева
Знаменская пл.— пл. Восстания
Каменноостровский пр.— Кировский пр.
Конногвардейский бульвар — бульвар Профсоюзов
Морская ул.— ул. Герцена
Николаевская наб.— наб. Лейтенанта Шмидта
Николаевский вокзал — Московский вокзал
Николаевский мост — мост Лейтенанта Шмидта
Приморский вокзал — ныне не существует. Находился на Ново-деревенской набережной реки Большой Невки на участке дома 17.
Троицкая пл.— пл. Революции
Фурштаттская ул.— ул. Петра Лаврова

В годы гражданской войны

1. ВЕСНА И ЛЕТО 1918 ГОДА

С приближением весны Союз Трудового Равенства стал усиленно агитировать за создание земледельческих коммун и артелей. Мы в то же время подчеркивали необходимость превратить в огороды все свободные земли, как в окрестностях Петрограда, так и в нем самом. Мы распространяли и расклеивали повсюду, в том числе и в трамваях, следующее воззвание, составленное мною и единогласно одобренное общим собранием наших членов:

«Граждане и гражданки!

Довольно стонов, довольно воплей о всеобщей гибели!

Бедствия, переживаемые нами ныне, порождены старым строем насилия и наживы. Скорее нужно убрать разлагающиеся и воздух заражающие останки. Пора начать созидание, пора приниматься за дружную работу по устройству новой свободной жизни.

Пора спланировать в трудовые дружины для планомерных работ. Россия — страна земледельческая, поэтому трудовые дружины начнут с работы на полях, в огородах, в садах. Организовать работы следует прежде всего в Петрограде и Москве, которые до сих пор так много брали и так мало давали, а затем и повсюду, где местным землеробам не осилить без наемного труда земли, которую революция провозгласила общенародным достоянием.

* Продолжаем публикацию воспоминаний В. А. Поссе. Начало см.: Поссе В. А. От февраля до Бреста / Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 173—251.

Подготовка текста Н. А. Поссе, В. Ю. Черняева.
Комментарии В. Ю. Черняева.

Всю Россию должны мы преобразить в плодоносные поля, сады и огороды. Свободный труд свободного народа на свободной земле даст нам урожай, о которых не смели мечтать наши деды, наши отцы и мы сами, в рабстве рожденные. Ни в Петрограде, ни в других городах не должно остаться невозделанным ни одного аршина земли, раз она не занята постройкой или улицей. Из трудовых дружин могут образовываться трудовые общины. Только трудовым путем, граждане и гражданки, можно создать свободную, счастливую, могучую, просвещенную Россию.

Солдаты, освобожденные от злых тягот окопной и казарменной жизни, рабочие, уходящие от остановившихся станков, на которых готовились орудия смерти, чиновники и конторщики, которым опостылила их бумажная служба, приказчики, которым опротивело служить торговой наживе, и вы, люди свободных профессий: техники, агрономы, врачи, учителя, вы, в душах которых горит желание слить свои знания с трудом пахарей, все, все истинно честные, истинно благородные граждане и гражданки, вступайте в Союз Трудового Равенства, под знаменем которого организуются трудовые дружины и трудовые общины.

Желающих вступить в Союз Трудового Равенства не спрашивают: «какo веруеши», а спрашивают: «хочешь ли жить трудовой жизнью, повинаясь велениям своей совести?» И тому, кто говорит: «хочу работать, но не умею», отвечают: «Не беда, товарищи научат». Будем работать и учиться. Будем учиться на полях, на огородах, на пчельниках, будем учиться на сельскохозяйственных курсах, которые постараемся организовать одновременно с трудовыми дружинами.

За дело, товарищи, во имя радостной жизни всех и каждого».

Воззвание имело большой успех и несомненно дало толчок к организации многочисленных огородных артелей. В Союз хлынуло много новых членов, желавших принять участие в коллективной сельскохозяйственной работе. Бывали дни, когда в Союз записывалось по 100 и более человек. Записывались, надеясь при помощи Союза покинуть голодающий Петроград и начать новую жизнь коллективного труда в деревне на лоне природы.

В связи с этим в марте 1918 года мною была составлена резолюция об обращении к Советскому правительству с просьбой о содействии для немедленной органи-

зации трудовых коммун. Резолюция эта, распространенная во многих тысячах экземпляров, имела большое значение уже потому, что выявила перед трудящимися массами право на землю для совместной обработки, как одно из завоеваний революции.

Резолюция начинается теми статьями из «основного закона о социализации земли»¹, которыми дается коммунам и другим трудовым коллективам преимущественное право на пользование землей, сельскохозяйственным инвентарем и т. д., и в которых предписывается «земельным отделам местной и центральной советской власти принимать меры к развитию коллективного хозяйства и земледелия, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству».

«Идя навстречу этим постановлениям,— говорит далее резолюция,— Союз Трудового Равенства организует на своих членов трудовые сельскохозяйственные коммуны на основе: «от каждого по его силам, каждому по его потребностям». В трудовых коммунах нет вознаграждения за труд, но есть равномерное удовлетворение потребностей всех и каждого. Работа совершается сообща (коллективно) под руководством опытных агрономов, садоводов, огородников, пчеловодов и пр. В коммунах могут быть устроены различные мастерские: слесарные, кузнечные, столярные, сапожные, портняжные и пр.

При организации коммун имеется в виду не личная выгода их участников, а общественная польза, и прежде всего, скорейшее осуществление социалистического или коммунистического строя. Огромное большинство членов петроградского отдела Союза Трудового Равенства принадлежит к петроградскому рабочему классу, который первым поднял знамя социальной революции и упорно его отстаивает. Из всего этого следует, что Союз Трудового Равенства вправе требовать, чтобы в распоряжение организуемых им трудовых коммун были переданы в пределах Петроградской губернии все земли, принадлежавшие бывшему царю, бывшей царской фамилии, дворцовому ведомству, удельному ведомству, всем частным владельцам, не занимающимися лично сельскохозяйственным трудом, со всеми постройками, сельскохозяйственными предприятиями и сельскохозяйственным инвентарем (живым и мертвым).

Кроме того, трудовые коммуны имеют право рассчитывать на культурную и материальную помощь со стороны Советской власти. Местному земледельческому на-

селению, если оно передает всю землю и инвентарь в распоряжение Союза Трудового Равенства, предоставляется вступать в организуемые Союзом коммуны на равных правах с членами Союза. Распределение между коммунами земель, построек, инвентаря и сельскохозяйственных предприятий происходит под контролем органов Советской власти.

Ожидая не позднее конца апреля нов. ст. 1918 г. издания Советскою властью декрета о передаче указанных выше земель, сельскохозяйственных предприятий, построек и инвентаря в распоряжение Союза Трудового Равенства, Союз немедленно образует из своих членов и их семей кадры трудовых коммун на следующих основах:

1. Для каждой коммуны образуется группа, в которую входит от 20—100 работоспособных членов Союза.

2. Члены группируются в коммуны по сходству своих жизненных привычек и по своему семейному положению.

3. Члены каждой коммуны, если пожелают, заключают между собою договор о взаимных отношениях, доводя его содержание до сведения Совета Союза Трудового Равенства.

4. Каждая группа знакомится с землями и хозяйствами Петроградской губернии через своих уполномоченных и доводит до сведения Совета Союза Трудового Равенства о желательности занять то или другое имение, тот или другой участок.

5. Желания эти принимаются во внимание, но окончательное распределение производится Советом Союза Трудового Равенства по соглашению с представителями Советской власти.

6. После образования коммуны прием новых членов в нее обуславливается согласием 2/3 членов, состоящих уже в ней.

7. Каждому члену предоставляется в любое время выйти из коммуны.

8. Члены, вредящие интересам коммуны, могут быть исключаемы большинством 3/4 голосов.

9. Члены, как добровольно выбывающие, так и исключаемые, не имеют права на получение вознаграждения или на долю общего имущества.

10. Для каждой коммуны в зависимости от количества и качества получаемой ею земли устанавливается наименьшее число работоспособных членов.

11. В том случае, если в коммуне остается работоспособных членов меньше нормы, она — или пополняется

новыми членами, или сливается с другой коммуной, или распускается. В последнем случае все ее хозяйство переходит в распоряжение Совета Союза Трудового Равенства.

12. Недоразумения между коммунами разрешаются Советом Союза Трудового Равенства, в который должны входить по одному представителю от каждой коммуны.

Отношения между Советской властью и Советом Трудового Равенства устанавливаются особым договором.

Общими делами Петроградского Союза Трудового Равенства заведует его Совет, в который в настоящее время входят представители различных профессий и районов Петрограда. По образовании коммун он будет состоять из представителей всех коммун».

Резолюция эта обсуждалась и голосовалась на двух общих собраниях 25 и 31 марта 1918 года. У меня случайно сохранился протокол второго собрания, на котором присутствовало более 500 человек². Некоторые места этого протокола хорошо рисуют тогдашнее настроение членов Союза Трудового Равенства:

«Вопрос о трудовых общинах обсуждается с необыкновенною горячностью, обнаруживая живейший интерес собравшихся к мельчайшим деталям и самую неподдельную готовность товарищей приступить к работе немедленно. Тов. Курицын, как опытный огородник, предлагает свои услуги по доставке семян для будущих коммун, тов. Лизина выражает желание принять участие в собирании сведений о сельскохозяйственном инвентаре. Председатель всероссийского Союза Рабочих и Крестьян тов. Щукин обещает со стороны своего Союза всякое содействие практическим начинаниям Союза Трудового Равенства.

По предложению одного из товарищей прения прекращаются, и собрание выбирает три секции: семенную, земельно-фондовую и по изысканию инвентаря и денежных средств. Секретарь доводит до сведения собрания, что в Союз помимо отдельных рабочих и крестьян вливаются целые дружины, артели и организации, а именно: сельскохозяйственная дружина коммунаров, образовавшаяся по инициативе товарищей рабочих завода Розенкранц, культурно-просветительная лига крестьян, первая трудовая артель общественного огородничества, федеративная мастерская рабочих механиков и т. д. Многие товарищи предлагают свои услуги для чтения лекций, сборы с которых должны идти на усиление средств Союза».

Собрание Союза Трудового Равенства единогласно поручило мне поехать в Москву и представить тов. Ленину принятую резолюцию. Добиться встречи и беседы с Лениным, перегруженным работой, было нелегко³. Мне это удалось тотчас по приезде в Москву⁴, благодаря дружескому содействию личного секретаря Ленина Георгия Романовича Федюшина⁵.

Федюшин, молодой солдат из крестьян Тверской губернии, принимавший участие и в Февральской, и в Октябрьской революциях, обратил на себя внимание Ленина и завоевал его доверие, которое вполне оправдал. Прошедший лишь начальную сельскую школу, Федюшин много читал и научился разбираться в общественно-политических вопросах. Идеями коммунизма он проникся всерьез и негодовал, замечая противоречия между коммунистическими убеждениями и буржуазными житейскими привычками некоторых партийных товарищей. Сам с товарищами делился, что называется, последним куском хлеба. В людях разбирался хорошо. Нужды многочисленных просителей, особенно крестьян и рабочих, принимал к сердцу. Мне в этом пришлось убедиться в 1919 году, когда Федюшин был секретарем Управления Совнаркома и на время приютил меня в своей комнате.

Еще до войны Федюшин читал мои статьи в «Вестнике Знания», а в период между Февралем и Октябрем был постоянным посетителем моих лекций и митингов, на которых я выступал. Называл меня своим другом-учителем. Говорил, что после Ильича я ему самый близкий человек. Говорил искренне и неоднократно доказывал это на деле.

Провожая меня в кабинет Ленина, Федюшин весь сиял. Он давно хотел, чтобы Ильич повидал меня и побеседовал со мной: ему казалось, что Ильич обязательно должен «оценить» и полюбить меня. Ленин встретил меня просто и приветливо, как товарищ товарища. При моем входе в кабинет он сидел у письменного стола. Увидя меня, он тотчас встал и большими, быстрыми шагами пошел ко мне навстречу. Крепко пожав руку, он усадил меня против себя, рядом с письменным столом.

— Очень рад вас видеть, товарищ Поссе,— начал беседу Ленин.— Я слышал о ваших выступлениях. Они были нам хорошей поддержкой.

— У меня с вами, Владимир Ильич,— сказал я,— были разногласия, есть они и теперь, но нас сближает

сознание, что Октябрьская революция — революция социалистическая.

— Коммунистическая, — поправил Ленин, улыбаясь.

— И она, — продолжал я, — открывает путь к строительству социализма... —

— Коммунизма, — вновь поправил меня Ленин.

Против этих поправок мне не приходилось возражать, но я не понял и не понимаю до сих пор, почему Ленин нашел нужным их сделать. Сам он, кажется, всегда называл Октябрьскую революцию социалистической, а не коммунистической. Затем он спросил меня о настроении питерских рабочих. Я ответил, что настроение стойкое и бодрое, и в нескольких словах рассказал о Союзе Трудового Равенства и попросил разрешения прочитать резолюцию о сельскохозяйственных коммунах.

Ленин выслушал ее внимательно и раза два прервал чтение одобрительными замечаниями.

— Прекрасно, — сказал он, когда я кончил. — Этому движению надо оказать поддержку.

— Сельскохозяйственные коммуны с участием сознательного городского пролетариата, — заметил я, — будут очагами коммунистического воспитания и коммунистической заразы; они помогут крестьянам преодолеть собственнические инстинкты.

— Совершенно верно, — согласился Ленин, — но, кроме того, они могут сослужить службу как цитадели в неминуемой борьбе с кулаками. Борьба с кулаками неизбежна, и она будет более упорной и трудной, чем борьба с помещиками, банкирами и фабрикантами.

Сказав это, Ленин вырвал из большого блокнота лист бумаги и своим тонким и острым почерком написал:

«Т. т. Рыкову и Серede.

Тов. Поссе составлен очень дельный и своевременный проект организации сельскохозяйственных коммун с участием фабрично-заводского пролетариата. Прошу вас ознакомиться с этим проектом и подготовить соответствующий декрет для внесения в Совнарком.

Ленин».

— Повидайтесь с товарищами Рыковым и Середой, — сказал Ленин, передавая мне записку.

Я хотел уходить, но Владимир Ильич задержал меня.

— Что вы скажете о борьбе с хозяйственной разрухой? Скоро ли мы с ней справимся?

Я ответил, что для успешности борьбы с разрухой

необходимо упорядочить денежное обращение и путем девальвации добиться твердой валюты. При ежедневном падении денежных знаков невозможен ни подсчет, ни учет, а без учета немыслимо плановое хозяйство.

Карие глаза Владимира Ильича как-то особенно за-светились. Видимо я затронул вопрос, который его особенно интересовал.

— Это верно,— сказал Ленин,— но как добиться этой твердой валюты?

— Мною,— ответил я,— написана по этому поводу небольшая статейка, на днях напечатанная в «Анархии»⁶.

— Я ее не читал. Непременно завтра же пришлите мне этот номер «Анархии» и лучше не один, а несколько, чтобы могли одновременно прочитать и другие товарищи.

Прощаясь со мной, Ленин просил, чтобы я каждый раз по приезде в Москву звонил ему по телефону.

— Мы будем сговариваться, когда нам повидаться и побеседовать,— сказал он.— Вы возвращаетесь в рабочих низах, и ваши деловые указания могут быть нам очень полезны.

Мы дружески простились⁷.

Несколько номеров «Анархии» с моей заметкой о денежной реформе я на другой же день через Федюшина передал Ленину. У меня не сохранилось этого номера «Анархии», не сохранилось и самой заметки. Восстановить ее в точности я не могу. Сущность же моего проекта сводилась к аннулированию всех старых бумажных денег и введению трудовых удостоверений. Обеспеченных золотом, твердой иностранной валютой и драгоценностями. За денежную единицу я предлагал взять не рубль, а «рабочий час», равняющийся определенному количеству золота⁸. В. Д. Бонч-Бруевич передавал мне, что мой проект обсуждался в Совнаркоме, но сочувствия не встретил.

С запиской Ленина я отправился в Наркомзем. Там я встретил самый радушный прием, как со стороны наркома С. П. Середы⁹; человека солидного, спокойного, с умным серьезным лицом, идейного и дельного земского статистика, так и со стороны члена коллегии Владимира Николаевича Мещерякова¹⁰, живого, брызжущего энергией блондина с бледным, нервным лицом революционно настроенного студента.

Мне было обещано, что Наркомзем в первую очередь займется вопросом о сельскохозяйственных коммунах и

при этом примет во внимание нашу резолюцию. С тов. Рыковым мне повидаться не удалось, да в этом и не было необходимости после переговоров с тт. Середой и Мещеряковым.

Через день после посещения Наркомзема мое сочувствие большевикам подверглось большому испытанию. Внезапно ночью чекисты под руководством В. Д. Бонч-Бруевича при содействии воинских частей до артиллерии включительно «ликвидировали» в Москве анархизм, арестовав несколько сот анархистов, живущих коммуналами в особняках, покинутых бежавшей буржуазией. В некоторых местах анархисты оказали сопротивление, и в ответ их дома были подвергнуты обстрелу. Были ранены¹¹. Эта радикальная мера оправдывалась тем, что к анархистам примазалось много уголовных элементов, занимавшихся грабежом. «Примазавшихся» к анархизму было действительно много, но я все же полагал, что обезвредить их можно было иначе, без обстрела анархических общежитий и ареста всех анархистов без разбору.

Я не скрыл своего отношения к «ликвидации анархизма» от Федюшина. Через несколько часов после нашей беседы Федюшин позвонил по телефону в «Лубянское Подворье»¹², где я остановился, и сообщил, что Владимир Ильич просил меня успокоить: все идейные анархисты будут немедленно освобождены, под арестом останутся только уголовные преступники.

В Петрограде товарищи ждали меня с декретом и ассигновкою в руках и были, конечно, очень обескуражены, когда я привез лишь сочувствия и обещания. Первоначальный пыл у многих стал остывать. Наиболее энергичные решили на свой риск отправиться в провинцию, чтобы через местные земотделы получить землю и инвентарь для устройства коммун. Другие решили приступить к огородническим работам в окрестностях Петрограда.

Между тем продовольственный кризис в Петрограде все более обострялся. Близился форменный голод. Спасение от голода я видел в прекращении всякой торговли и распределении продуктов и предметов первой необходимости между всеми гражданами по семейному положению каждого. Все предметы непервой необходимости должны быть конфискованы и отправлены в деревню в обмен на хлеб, масло, яйца и другие продовольственные продукты. Мой план был одобрен, как Советом Сою-

за Трудового Равенства, так и правлением Союза Рабочих и Крестьян¹³.

С двумя членами Союза Рабочих и Крестьян я отправился в Петросовет, чтобы лично подать резолюцию о превращении Петрограда в коммуны и дать к ней пояснения. Дежурный член, простой рабочий, отнесся к нашему предложению очень сочувственно и понес нашу резолюцию ЦИКу. Через полчаса к нам вышел, вернее, выбежал Лашевич¹⁴, разозленный нашей резолюцией, и начал кричать, что наше предложение — невыполнимая ерунда.

— Подумали ли вы,— кричал Лашевич,— откуда явится аппарат для товарообмена и распределения продуктов, если мы прекратим торговлю? Торговый аппарат налаживался столетиями, а вы хотите все перевернуть в несколько дней. Где толковые люди для таких опытов?

— Они найдутся среди крестьян и рабочих,— сказал один из моих товарищей, интеллигентный крестьянин.

— Слыхали...— с презрительной усмешкой буркнул Лашевич.

— А резолюцию вы все-таки должны обсудить,— заявил другой мой товарищ, рабочий.

Ушли не раскланявшись и не простившись.

Не знаю, обсуждал ли Петросовет нашу резолюцию. Вскоре после нашей беседы с Лашевичем Петроград был объявлен потребительской коммуной, но далеко не на тех основах, как предлагал я.

В июне я получил телеграмму от Наркомзема с предложением немедленно приехать в Москву и взять на себя заведывание отделом коллективных хозяйств. Наркомзем решил взять организацию сельскохозяйственных коммун в свои руки, и ему для этого был ассигнован миллиард рублей. Я согласился взять заведывание коллективными хозяйствами только условно на месяц, в течение которого я побывал в нескольких провинциальных земельных отделах и познакомился с постановкою землеустроительных работ на местах. Я убедился, что во главе всероссийского отдела коллективных хозяйств должен стоять человек, хорошо знакомый теоретически и практически с сельским хозяйством. Таковым я не был и поэтому попросил освободить меня от обязанностей по заведыванию коллективными хозяйствами.

Членам Союза Трудового Равенства, обращавшимся в Наркомзем и в местные земельные отделы с просьбою о содействии по устройству сельскохозяйственных ком-

мун, такое содействие оказывалось без всяких задержек. В разных местах России образовалось несколько коммун на основах, выработанных Союзом Трудового Равенства. Самая крупная из них, образовавшаяся в Ранненбургском уезде Рязанской губернии в бывшем имении сенатора Семенова, строго выдерживала коммунистические принципы и, несмотря на всевозможные внешние и внутренние невзгоды, долго и упорно боролась за свое существование. Руководили этой коммуной два очень дельных члена Союза Трудового Равенства рабочие Ринев и Андреев.

Первым секретарем Союза Трудового Равенства А. Е. Васильевым, образовавшим отдел Союза в Москве, была организована коммуна в Звенигородском уезде Московской губернии. Коммуна эта, кажется, существует до сих пор, но Васильев продержался в ней недолго и уехал с частью товарищей в Батумскую область, где основал новую коммуну. Некоторые другие товарищи устроились в Симбирской губернии. Но в конце концов коллективно-хозяйственное движение стало развиваться совершенно независимо от Союза Трудового Равенства, который постепенно не то что распался, а рассосался. Большую часть членов его впитала в себя РКП. Лишь немногие остались беспартийными.

После Октябрьской революции я не только читал публичные лекции, по большей части на политические темы, но принимал участие и в диспутах. Довольно часто приходилось выступать вместе с наркомом просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским.

Луначарского я видел и слышал еще за границей в 1904 году, когда он читал лекции и выступал на собраниях в Париже и Женеве под псевдонимом Воинова. Уже тогда он славился, как первоклассный оратор, и эта слава осталась за ним навсегда. Познакомился я с ним незадолго до Октябрьской революции на одном из диспутов и вскоре убедился, что он не только первоклассный оратор, талантливый писатель и всесторонне образованный человек, страстно любящий все виды искусства, но и просто добрый и отзывчивый человек. Это «просто» в наше время значит очень много.

Познакомился я и с женой Анатолия Васильевича Анной Александровной¹⁵, сестрой А. А. Малиновского, известного биолога и экономиста, пишущего под псевдонимом А. Богданова¹⁶. Под влиянием брата Анна Александровна еще на гимназической скамье сделалась революционной марксистской. Но она не только марк-

систка и революционерка, но и просто добрая и правдивая женщина. Анатолию Васильевичу она была верным другом и товарищем. Я очень удивился, когда узнал, что Анатолий Васильевич разошелся с Анной Александровной, но я не присоединил своего голоса к хору «праведников», сурово осуждавших за это Анатолия Васильевича. Вопросы брачной любви — дело сложное, и быть в них судьей рискованно и по большей части лицемерно. Вероятно, от «праведников» Анатолий Васильевич отличается, главным образом, правдивостью.

В Царском Селе, переименованном теперь в Детское Село¹⁷, Луначарские открыли несколько детских приютов или, как их тогда стали называть, детских домов, преимущественно для «детей улицы». Искали хороших руководителей. Я порекомендовал Сергея Михайловича Попова¹⁸. С этим исключительно своеобразным другом и учеником Л. Н. Толстого я сблизился еще до Октябрьской революции. Сергею Михайловичу, или попросту Сереже, было в то время лет 30, но казался он моложе. Небольшого роста, хорошо и крепко сложенный блондин с шапкой мягких, светлых волос и довольно большой кудрявой бородой, Сережа смотрел своими голубыми глазами на все и на всех неизменно ласково, любовно. Очень редко улыбался и никогда не смеялся. Вероятно, и не плакал, разве только в детстве. Всех знакомых и незнакомых близких и дальних Сережа называл «милые братья и сестры». Летом ходил босой, без шапки, в холщевой рубашке и таких же портах. Зимой надевал самодельные ботинки из материи и резины. Кожаного и шерстяного не носил, так как кожа добывается убийством животного, а шерсть — насильем над ним. Не ел ни мяса, ни рыбы, ни яиц, ни масла, не пил молока, вообще — ничего убойного или отнятого у животных. Не ел даже меда, так как, по его мнению, пчеловоды обижают и грабят пчел.

Питался хлебом и овощами.

— Эх, Сережа, любишь ты картошку,— сказал ему как-то один приятель, видя, с каким он аппетитом уплетает вареный картофель.

— Нет, дорогой брат,— серьезно ответил Сережа,— я картошку не люблю. Если бы я ее любил, я бы ее не ел.

Должно быть он страдал, что не достиг такой совершенной любви, которая охватывает и картошку.

— Сережа,— сказал как-то я ему.— Вы не едите даже меда, а между тем вы поглощаете массу микро-

скопических живых существ, когда пьете воду и даже, когда дышите, так как они носятся и в воздухе.

— Я это знаю,— ответил Сережа,— в идеале не следовало бы даже дышать, но я не могу подняться до идеала.

На лошадях он, конечно, не ездил и вообще не пользовался силою прирученных, а, по его мнению, поработанных животных. С весны до осени Сережа работал на земле с помощью одной только лопаты, применяя для взращивания злаков (ржи, пшеницы, проса и т. п.) так называемую «грядковую культуру», несколько им упрощенную. Урожай получал блестящие и «плодами рук своих» питался весь год. Землю для своих посевов брал у «добрых людей», но больше года редко удерживался на одном месте: работал около Харькова, Киева, Москвы и Ленинграда.

Никаких законов не признавал, повинуюсь только своей совести, и ухитрился жить без паспорта и вообще без всякого удостоверения личности. В первые годы революции, когда в обостренные моменты гражданской войны в Москве, Петрограде и других городах запрещалось ходить по улицам в ночные часы, Сережа, не считаясь с запрещением, все же ходил, и патрулям вместо удостоверения личности показывал свое воззвание к «милым братьям и сестрам» об отказе от пролития крови и всяких насилий.

В сентябре 1914 г. Сережа вместе с другими друзьями и учениками Льва Николаевича подписал воззвание-протест против войны. (...) Кроме Сережи, это воззвание подписали 36 единомышленников Толстого (...) В октябре 1914 года Сережа составил другое обращение к «милым братьям и сестрам», в котором умолял их отказаться от войны, пожалеть, не убивать друг друга, не делиться на своих и чужих, ибо во всех одна душа. Это воззвание, которое, кроме него подписали Василий Беспалов и Лев Пульнер, Сережа размножил и расклеил в Туле и окрестных деревнях. Его арестовали в одной из деревень и под конвоем двух конных стражников отправили в Тулу. Сережа отказался сесть на лошадь и всю дорогу шел между двумя конными стражниками, разясняя этим «милым братьям» закон любви. Сначала они над ним издевались, но под конец прониклись к нему таким уважением, что земно поклонились ему, как святому, и просили простить их.

Толстовцы, подписавшие воззвание, были преданы военному суду; был предан военному суду и Сережа

Попов, которому вменялось в вину не только составление воззвания, но и его распространение. Он был приговорен к полутора годам тюремного заключения, наименьшему наказанию, которое предусматривалось законом. Но, если я не ошибаюсь, и от этого наказания он был избавлен, хотя и не просил об этом.

Председатель суда, старый генерал, по окончании процесса подошел к Сереже, пожал ему руку и сказал:

— Позвольте выразить вам свое уважение.

В тюрьме Сереже приходилось сидеть не раз, но и в заключении он старался быть свободным и не считался с тюремными предписаниями. Так, например, когда в камеру, где он сидел, вошел прокурор вместе с начальником тюрьмы, все арестованные по приказу начальника встали, а Сережа продолжал сидеть. Прокурор раздраженно спросил, почему он не встает, а Сережа спокойно ответил:

— Зачем же, милый брат, мне вставать?

И этим простым вопросом смутил прокурора.

В своем философском идеализме Сережа шел дальше Толстого, примыкая к учению о духовном монизме русского философа Николаева¹⁹, изложившего свою систему в многотомном сочинении. «Духовный монизм» отрицает реальность явлений и объясняет представления о них несовершенством нашего сознания. В совершенном сознании или свободном духе нет никаких представлений, а есть только чувство свободы и любви. Это странное учение Сережа старался и, кажется, старается до сих пор выяснять в своих публичных лекциях и проповедях.

Рекомендуя Сережу Попова Луначарскому, как своего рода трудового руководителя уличных ребят, собранных в детские дома, я имел в виду, конечно, не Сережину метафизику, а Сережино трудолюбие, Сережино «земельное искусство», Сережину незлобивость и нравственную чистоту. Сережа, разумеется, никогда не пил, не курил и был безусловно чист в половом отношении. У него никогда не вырывалось не только гнилого, но даже и резкого слова.

Я ожидал, что совместная работа с Сережей освободит из-под спуда житейской грязи таящиеся в глубине души каждого ребенка разумное, доброе, красивое. Луначарский охотно согласился пригласить в число сотрудников детских домов Сережу, но мне стоило больших усилий уговорить Сережу принять это предложение. В конце концов мне это удалось, и Сережа поселился

в Детском Селе в одном из детских домов и тотчас принялся лопатой вскапывать землю для посева, вернее, посадки ржи.

Детей работать он, конечно, не только не заставлял, но и не уговаривал. Вообще, он предоставлял им делать, что они хотят, и некоторые подростки в благодарность за это стали над Сережей издеваться. Он это терпеливо переносил, но вскоре убедился, что воспитывать детей он не может, и, взяв свою котомку, ушел из детского дома и Детского Села, оставив старательно взрытый участок земли.

Вспоминается мне одна характерная мелочь. Ходили мы с Сережей вместе покупать для детского дома лопаты. Пришлось для подписания ассигновки или выполнения какой-то другой формальности зайти на квартиру к ответственной работнице Наркомпоса, жене какого-то инженера. Хозяйка, милая интеллигентная, изящно одетая дама пригласила нас позавтракать. Сережа, к удивлению хозяйки, с большим аппетитом поел вареного картофеля, не прикоснувшись даже к маслу, которым его усиленно угощали.

После завтрака, когда мы через гостиную прошли в сопровождении хозяйки в переднюю, Сережа вдруг совершенно просто обратился к ней и сказал:

— Милая сестра, а где у вас здесь уборная?

Хозяйка, интеллигентный человек хорошего общества, от такого неожиданного вопроса даже покачнулась и на минуту растерялась, но тотчас оправилась и несколько торопливо провела Сережу по коридору и указала дверь в нужное ему учреждение. Я слышал, как Сережа ласково поблагодарил за указание, и вскоре, как ни в чем не бывало, вернулся в переднюю.

Постановкой дела в новых детских учреждениях я очень интересовался, тем более, что мне удалось поместить младшего из своих сыновей в одну из детско-сельских детских колоний²⁰. Я написал брошюру о трудовом коммунистическом воспитании. В ней я развивал те же идеи, как и в брошюре «Брак, семья и школа», но более обстоятельно и доказательно. Подробно останавливался на выяснении комплексного метода и старался показать, как примирить при воспитании свободу с дисциплиной.

Рукопись я прочитал Анне Александровне. Анна Александровна соглашалась со всеми моими положениями за исключением того, что я говорил о дисциплине. Я считал, что правильные занятия наладить с детьми нашего вре-

мни невозможно, если не предоставить руководителю права удалять из класса, из лаборатории, из мастерской, с огорода, поля и т. д. того, кто бездельничает и мешает другим заниматься и работать.

— Но ведь это наказание,— сказала Анна Александровна, когда я прочел соответствующее место,— а мы никаких наказаний не признаем. Воспитание должно быть совершенно свободно. Детям не следует делать даже выговоров, даже замечаний.

Я позволил себе указать на те суровые наказания, к которым прибегают большевики при строительстве коммунизма, но это возражение Анна Александровна парировала указанием, что детей и подростков нельзя приравнивать к взрослым. Я попытался возразить, что трудно провести грань между подростком и взрослым, но в конце концов согласился вычеркнуть соответствующее место из своей брошюры.

В окончательной редакции она была одобрена Анатолием Васильевичем, и он, желая, чтобы она поскорее появилась в свет, сам отвез ее в типографию. Но в типографии она каким-то образом затерялась, и найти ее никак не могли. У меня не было черновика, так как я печатал свою работу прямо на машинке в одном экземпляре. Луначарский просил меня восстановить ее, но я не сделал этого, так как был захвачен другими интересами и другими заботами.

По моей инициативе сначала в Петрограде, а потом и в Москве стали устраиваться религиозные или, если хотите, антирелигиозные диспуты, в которых с антирелигиозной точки зрения обыкновенно высказывались Луначарский и я, а с религиозной — представители православного духовенства, сектанты и толстовцы.

Диспуты эти привлекали массу слушателей. Даже такое огромное помещение, как бывшее Дворянское Собрание в Петрограде, ныне зал Филармонии с трудом вмещало всех желающих послушать диспут²¹. А в Москве большая аудитория Политехнического Музея набивалась так, что трудно было дышать, и являлась даже мысль устраивать эти диспуты на Красной площади. Во время этих диспутов я освободился от привычки пользоваться, как символом высшего добра и блага, словом «Бог» и перестал ссылаться на Евангелие, как на источник какой-то особой мудрости.

Антирелигиозную пропаганду я пытался перенести и в деревню. Проехал, а отчасти прошел по деревням и селам своей родины, своего Боровического уезда Новго-

родской губернии. Мне хотелось познакомиться с настроением крестьян, но в то же время хотелось и их заразить своим настроением. У крестьян настроение было далеко не ликующее, так как среди местных властей было немало так называемых головопаятов.

Помню, как огорошил меня первый же крестьянин, с которым я заговорил о революции. Шел я из Боровичей в село Мошенское²². Прошел более 30 верст, сильно утомился, сел на камень у дороги. Проезжает мимо мужичок в телеге.

— Не подвезешь ли?

— Ну что ж, садись.

Сел. Трясемся и беседуем о том, о сем. Все по-хорошему. Наконец, добрались до новых порядков.

— Небось, теперь много лучше живется? — спрашиваю я.

Мужичок сразу озлился. Повернулся, зло посмотрел на меня:

— Ково лешего лучше?! Ложись, да помирай.

— Но ведь вы землю получили.

— Жри свою землю.

Стегнул свою кобылу и больше разговаривать со мной не стал.

В деревнях и селах я собирал крестьян иногда прямо на улице, иногда в школе и разъяснял значение Октябрьской революции. Слушали внимательно, но сдержанно. Ни одобрения, ни порицания. Когда же я разоблачал церковный обман, то у большинства слушателей появлялось определенное раздражение.

Помню, в одном большом селе я читал лекцию о «вере и знании» в здании земской школы. Комната набилась крестьянами и крестьянками. Выясняю нелепости и противоречия библейских легенд. Слушают одни равнодушно, другие мрачно. Вдруг сзади шелест как бы шелкового платья, и меня перебивает взволнованный, старческий голос:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... Остановитесь! Опомнитесь!

Оборачиваюсь. За моей спиной стоит старый священник с седой бородой и с жидкими седыми волосами, выбивающимися из-под бархатной камилавки, в лиловой шелковой рясе, поверх которой золотится наперстный крест. Священник тянется ко мне дрожащей старческой рукой и обиженным голосом выкрикивает:

— Грех вам! Старый человек, а такую неправду го-

ворит. Не рушьте святую веру, не отнимайте последнее, что осталось у бедного обиженного народа.

В аудитории одобрительный гул.

— Батюшка,— говорю я,— дайте мне кончить. Потом вы можете мне спокойно возразить. Если я говорю неправду, то вы это докажете, а пока успокойтесь.

— Нет, нет! Пускай наш батюшка сейчас говорит,— раздались голоса.— Ты уже довольно набрехал. Хотим отца Василия слушать.

— Ну, пускай говорит,— и я отодвигаюсь в сторону. Псалмопевец сказал: «Рече безумец, несть Бога».

Отца Василия поддерживали одобрительные возгласы, и, когда батюшка, окончательно запутавшись, замолк и пошел к выходу, за ним потянулись пожилые крестьяне. Осталось несколько человек молодежи. Я закончил лекцию, но на душе было тяжело.

Воспоминание об этой неудаче связывается у меня с воспоминанием о другой неудаче, постигшей меня в начале 1920 года в Люберцах около Москвы²³. По приглашению местной коммунистической ячейки я согласился прочитать лекцию на тему «С Богом или без Бога» в театре большого завода сельскохозяйственных машин. Театр был переполнен рабочими и крестьянами соседних деревень. Выслушали меня внимательно, но по окончании поаплодировала лишь небольшая кучка молодежи. Затем председатель собрания, местный коммунист, предложил высказываться по поводу моей лекции, обещал полную свободу слова.

Вышел какой-то заправский крестьянин, трижды перекрестился и, упомянув «Отца, Сына и Святого Духа», начал без утайки выкладывать все, что у него наболело и нагорело на душе. Начав с гонения на веру православную и совращения в безбожие молодежи, которая, отказываясь от Бога, перестает почитать отца и мать, перешел к жалобам об отнятии хлеба, о заградительных отрядах и т. п. Кончил, и вся зала устроила ему шумную овацию. Затем поднялся заправский рабочий, о Боге даже не упомянул, а прямо начал со своих дырявых сапог, укоряя ими председателя, обутого в новые, высокие сапоги и вообще одетого щегольски. От сапог — к недостатку продуктов и т. п. И рабочему — овация. Мое заключительное слово выслушали молча. У коммунистов вид был подавленный.

Во время летней поездки по Волге и скитаний по родным местам я наслушался много рассказов о самосудах, казнях и даже пытках и сам наталкивался на

проявления жестокости. Особенно поразил меня рассказ известного художника И. П. Пархоменко²⁴, жившего в то время в Ярославле. У него были хорошие отношения с местными ответственными работниками, в том числе с одним из руководителей местной Чека.

«Пришли мы к нему с женой,— рассказывал Пархоменко,— как-то вечером в гости. Он как раз перед этим вернулся со службы и, между прочим, упомянул, что только что двух арестованных отправил в штаб, что в то время означало расстрел. Моя жена очень взволновалась при этом сообщении, и мы стали просить о помиловании этих двух несчастных, хотя не имели никакого о них понятия. Наш хозяин сначала говорил, что совершенно невозможно изменить постановление о расстреле, но в конце концов был побежден настойчивостью моей жены, подошел к телефону и спросил, отправлены ли такие-то в штаб? Ему ответили, что сейчас отправляют, а он приказал вместо штаба отправить их в тюрьму.

У нас отлегло от сердца и мы особенно хорошо и весело провели этот вечер. Через несколько дней мы встретились с этим ответственным чекистом на улице и спросили о дальнейшей участи спасенных нами преступников.

— Они уже на свободе,— ответил он.— Выяснилось, что они совершенно не причастны к тому преступлению, в котором обвинялись²⁵».

В том же Ярославле я видел мальчиков, которые играли в расстрел. Мне говорили, что эта игра становится очень популярной²⁶.

Но и независимо от рассказов и личных впечатлений на меня угнетающе действовали ежедневно появлявшиеся в газетах списки расстрелянных с краткими и часто неопределенными указаниями вины. Помню, меня особенно поразил расстрел за «немецкую ориентацию».

Смертная казнь с юных лет была ужасом моей души. Всегда и всюду я, как мог, протестовал против нее. Вспоминаю, что еще в 1880 году я несколько ночей не мог спокойно спать после рассказа одного гимназического товарища о казни Молодецкого, на которой он из любопытства присутствовал²⁷. Затем — кошмарные переживания при чтении описания казни пяти участников 1 марта 1881 года. Еще более глубокое потрясение от казни Ульянова, Шевырева и их товарищей в мае 1887 года²⁸.

Затем всхоминается обезглавленный труп преступника в анатомическом театре Иены; вспоминаются пошлые шутки профессоров и студентов по поводу микроскопических препаратов из свежих желез казненного. Я тогда не выдержал и тут же в анатомическом театре над трупом казненного произнес речь против смертной казни, прослушанную студентами с недоумением и презрительными усмешками²⁹.

Вспоминается столыпинское время, когда я так много писал и публично говорил против смертной казни, жестоко клеймя тех, которые «могли молчать» или боялись говорить. Жестоко клеймил я в своих речах и статьях Керенского, Церетели и других министров социалистов после восстановления смертной казни на фронте³⁰. Мои лекции против смертной казни имели в то время огромный успех. Большевики устраивали мне после них овации.

Мог ли я молчать и при Советской власти, когда смертная казнь сделалась бытовым явлением?³¹ Возможно, что я жестоко ошибался, но я был искренне убежден, что Советская власть или, что тоже, Коммунистическая партия побеждает не благодаря смертным казням, а несмотря на них, и что ее победа была бы полнее, и коммунистический идеал осуществлялся бы скорее, если бы этих казней не было.

Я боялся, что культ насилия может развратить исполнителей этого насилия и воспитать легкомысленное отношение к личности и жизни каждого человека. Воспользовавшись религиозным диспутом в Московском Политехническом Музее на тему «Духовенство и Советская власть» я на второй день диспута, когда председателем вместо запоздавшего Сосновского³² был выбран, по моему предложению, известный дрессировщик животных Владимир Леонидович Дуров³³, выступил с речью о смертной казни. На диспуте присутствовало много коммунистов, присутствовал и Анатолий Васильевич Луначарский.

К Луначарскому, главным образом, обращена была моя речь. Рассказав о всех тех проявлениях жестокости, о которых я слышал и которые я видел, и превратив в образы сухие газетные сообщения о расстрелах, я умолял Луначарского поднять свой голос в Совете Народных Комиссаров о прекращении казней. Я напоминал о протесте против смертной казни Достоевского, Толстого, Короленко, Чехова и других русских писателей, я ука-

зывает, что прекращение смертных казней привлечет на сторону коммунистической партии много сильных и честных людей, которые теперь сторонятся ее, не в силах преодолеть отвращения перед организованным убийством обезоруженных и связанных людей.

Моя речь несколько раз прерывалась угрожающими криками небольшой группы партийцев, не выносящих смелого слова. На эти крики я отвечал, что сам я не боюсь расстрела, но хотел бы, чтобы меня расстреляли Ленин, Троцкий, Луначарский и другие руководители партии, а не те молодые товарищи, которые не ведают, что творят. Я высказал без утайки все то, что наболело у меня на душе, и потому моя речь произвела сильное впечатление. Мне долго и горячо аплодировала, казалось, вся аудитория.

После меня было предоставлено слово Луначарскому. Но он пожелал высказаться после речей еще двух ораторов. Выступил священник Соловьев³⁴, племянник известного философа Владимира Соловьева, и произнес с христианской точки зрения хвалебное слово насилию, выдвигая, как величайших людей современности, Ленина и Вильгельма Гогенцоллерна. Он цитировал сочинение своего дяди, как известно, оправдывавшего войну и пропевшего гимн Вильгельму с его броненосным кулаком.

После Соловьева выступил И. М. Трегубов³⁵, путанная речь которого вызвала в аудитории веселое настроение.

Когда поднялся Луначарский, впечатление от моей речи уже значительно рассеялось. Луначарский говорил с большим подъемом и сразу захватил внимание аудитории. Он доказывал, что мое мягкосердечие гораздо более жестоко, чем красный террор большевиков. Если бы большевики не прибегали к террору, то победила бы контрреволюция, и тогда крови и жестокости было бы неизмеримо больше, чем теперь. Он доказал, что и Христос был сторонником насилия, как это показывает не только изгнание торговцев из храма, но и вопрос, обращенный им к ученикам, есть ли у них мечи? Луначарский слал свой привет тем, которые взяли на себя тяжелую и трудную обязанность винтовкой ограждать завоевания революции, и закончил свою речь возгласом: «Да здравствует святая винтовка!»

Луначарскому устроили овацию. Вероятно, ему аплодировали многие из тех, которые за два часа перед тем аплодировали мне. После Луначарского поднялся на

трибуну анархист Гордин³⁶, но ему говорить не пришлось. Диспут был объявлен законченным и публике было предложено разойтись. Через два дня после этого диспута я выехал из Москвы на Украину.

2. НА УКРАИНЕ (1918—1919 гг.)

После Брестского мира Украина была с согласия ее Рады оккупирована немецкими и австрийскими войсками³⁷. Рада оказалась, однако, почему-то немцам не удобной, и они ее разогнали и какому-то маскарадному съезду в киевском цирке приказали выбрать украинским гетманом царского генерала Скоропадского³⁸. Формально Украина считалась самостоятельным государством и под контролем немцев вела переговоры о точном восстановлении границ и вообще о взаимоотношении с советской Россией. В Киеве находилась советская дипломатическая миссия во главе с Х. Г. Раковским³⁹. Между Москвой и Киевом изредка курсировал вагон дипломатической миссии, в который при хороших связях можно было попасть не только дипломатам, но и частным лицам. Но и при проезде в этом вагоне требовался заграничный паспорт, визированный Германским посольством в Москве.

Устроитель диспутов и публичных лекций Л. И. Конухес (Арсеньев)⁴⁰, рискнувший устраивать мои лекции на Украине, достал паспорта, визировал их и получил разрешение на проезд в вагоне дипломатической миссии. С нами непременно хотела поехать и жена Конухеса, молодая, хорошенькая женщина, Марья Степановна или, как она себя именovala, Марья Николаевна, считая отчество Степановна неблагозвучным. Конухесу почему-то хотелось ехать на холостую ногу, и он умышленно «забыл» взять визу на паспорт Марии Николаевны.

Не умышленно, а по рассеянности, секретарь Наркоминдела, провожавший уезжавших в вагоне дипломатической миссии, позабыл захватить с собой оставшееся в Наркоминделе разрешение на наш проезд и ограничился словесным заявлением коменданту вагона, что для нашего проезда препятствий не встречается. Как бы то ни было, выехали мы из Москвы благополучно и благополучно докатились до пограничной станции не то Коренево, не то Ворожба, хорошенько не помню.

Здесь в вагон явились чекисты для проверки документов и осмотра вещей. Проверяли и осматривали они

очень тщательно и, можно сказать, ретиво. У известного московского бактериолога, доктора Блюменфельда сняли золотые часы с золотой цепочкой, у его жены и дочери отобрали лишнюю обувь и платья, у инженера Врублевского — лишний сюртук и 500 рублей, превышавшие дозволенную для уезжающих за границу сумму денег и т. д. Конухеса, Марью Николаевну и еще какую-то даму, не имевших письменных разрешений на поездку в вагоне дипломатической миссии, вместе с вещами отправили в Чека. Меня, после прочтения моих удостоверений и рекомендаций, не тронули и даже не осматривали моих вещей. В Чека, кроме Конухеса и Марьи Николаевны, был приглашен инженер Врублевский. Он вскоре благополучно вернулся в вагон и сообщил мне, что моих молодых спутников задержали, и они умоляют меня прийти к ним на выручку.

Между тем, наш вагон двинулся и, переехав пограничную линию, вновь остановился. Я решил перебраться на советскую границу и постараться выручить Конухеса и Марью Николаевну. Инженер Врублевский, человек очень милый и на чужое горе отзывчивый, пошел вместе со мной и этим, вероятно, спас мою жизнь. При переходе через границу нас окликнул пограничный охранник, но я, шедший впереди, этого оклика не слышал, и на меня была уже направлена винтовка, как Врублевский своим криком остановил охранника.

Выслушав наши объяснения, охранник пропустил нас, и мы добрались до Чека. К председателю Чека я пошел вместе с Конухесом и пустил в ход все свое красноречие, чтобы добиться разрешения для Конухеса и его жены вернуться в вагон. Но слов было недостаточно, нужна была какая-нибудь бумажка. Я вспомнил, что Конухесу тов. Караханом ⁴¹ было выдано разрешение на провоз на Украину советских дензнаков на 10 тысяч рублей, необходимых для организации моих лекций. Я сказал об этом председателю Чека, тот этому сообщению как-то особенно обрадовался и сказал:

— Ну, давайте скорее удостоверение и деньги.

Конухес подал удостоверение и пачки денег. Подсчитали, и оказалось вместо десяти тысяч девять тысяч, так как Конухес по дороге тысячу рублей истратил.

— Почему здесь девять тысяч, а не десять тысяч, как значится в документе? — грозно спросил председатель, ошибочно думая, что десять тысяч были деньгами казенными.

Растерявшийся Конухес вместо того, чтобы сказать,

что он тысячу рублей истратил, заявил, что он передал ее мне. Председатель бросил на меня испытующий взгляд, и я, считавший, что в такие рискованные моменты лгать нельзя, тем более, что у меня было только 500 рублей, заявил:

— Товарищ Конухес ошибается. Он мне тысячи рублей не давал. Вероятно, он просто их истратил, и в этом нет ничего преступного, так как деньги принадлежат ему.

— А, так вот вы как! — сурово сказал председатель. — Противоречите друг другу! Оба лжете! Обоих арестовать и обыскать! Конухес страшно побледнел. Я решительно запротестовал против ареста и стал настаивать, чтобы раньше председатель Чека переговорил с советским консулом, ехавшим с нами, и с комендантом вагона. Мои доводы возымели свое действие, консул и комендант за нас заступились, и мы получили разрешение вернуться в наш вагон.

До Киева мы добрались только через двое с половиной суток, так как двое суток простояли на пограничной украинской станции. Наши документы и вещи осматривали власти украинские и немецкие. При входе в вагон немецкого патруля Марья Николаевна забралась на верхнюю полку, съезжилась в комочек, а я забросал ее верхней одеждой. От глаз первых военных Марья Николаевна укрылась. Но глаза третьего, шедшего позади в некотором отдалении, вероятно профессионального сыщика, сразу устремились на верхнюю полку, и бедняжка была извлечена из-под наших пальто. Потребовали паспорт, на паспорте нет визы, и раздалось властное «Heraus!». ⁴² Она ни слова не говорила по немецки и потому могла только испуганно смотреть на немецкого офицера своими хорошенькими глазками.

Я стал упрашивать офицера пожалеть молоденькую даму, которая, если её высадят из вагона, окажется в безвыходном положении. Не знаю, что подействовало на немецкого офицера: мое ли красноречие или хорошенькое личико Марии Николаевны, но он, приятно улыбнувшись, вернул паспорт и разрешил ей ехать дальше.

Во время стоянки поезда мы с Врублевским ходили в ближайшую деревню для покупки хлеба. Крестьяне, узнав, что мы едем в большевистском вагоне из Москвы, встретили нас чрезвычайно радушно и спрашивали, когда же придут большевики и прогонят немцев и панов? Большевизм был тогда во многих украинских местностях чрезвычайно популярен. Гетмана, напротив, ненавидели. Ненавидели, конечно, и немцев, которые реквизировали

хлеб и другие продукты. Но сочувствие большевизму не помешало надуть нас при продаже хлеба, воспользовавшись тем, что мы приняли цену целого десятифунтового карава за цену одного фунта. Баба, продававшая хлеб, тотчас сообразила, что мы, привыкшие к московским ценам, ошиблись, но и глазом не моргнула, взяв с нас в десять раз больше, чем сама зпросила.

По приезде в Киев мы прежде всего отправились в советскую миссию, чтобы выручить девять тысяч рублей. Надо заметить, что председатель пограничной Чeka непременно хотел конфисковать девять тысяч, предъявленных Конухесом, и с большим трудом согласился передать их коменданту вагона с тем, чтобы тот отвез их в киевскую советскую миссию, которая должна решить, кому принадлежат эти деньги. Деньги Конухесу тотчас без всяких проволочек вернули.

Конухес энергично принялся за организацию лекций, я же поехал в Одессу, чтобы повидаться со своим другом Эрной, матерью двух младших моих детей⁴³. Я не виделся с Эрной около двух лет и встреча дала мне много радости. В Одессе я получил телеграмму от Конухеса, что первые лекции назначены в Екатеринославе. Я выехал на курьерском поезде.

На перегоне между Раздельной и Бирзулой нас догнал другой курьерский поезд, пущенный из Одессы через час после отхода нашего. Произошло крушение. Я ехал в купе второго класса и незадолго перед крушением заснул на верхней полке. Проснулся от страшного удара, сбросившего меня на пол на груды других пассажиров, ехавших в том же купе.

Полуразрушенный вагон со зловещим скрипом и треском протатился еще несколько моментов по шпалам и остановился, согнувшись на бок. Электричество погасло; из соседних купе неслись стоны и крики. В моей голове, в первый же момент осознавшей, что произошло крушение, была одна только мысль: как бы спасти ноги, из-под которых, как мне казалось, уходит пол.

Старая еврейка, ехавшая в нашем купе вместе со своей молодой дочерью, не потерялась и, приподнявшись с полу, стала громко, нараспев читать какую-то еврейскую молитву. Непонятные, но тем более значительные слова молитвы во мраке как-то сразу успокоили меня и других пассажиров. Крики и стоны стихли.

Крушение обошлось почти без жертв. Повреждены были только три последних вагона, в одном из которых

ехал я; их отцепили, а пассажиров перевели в передние вагоны, уплотнив их.

Я попал в купе первого класса, в котором помещались какой-то видный царский генерал и важный царский сановник. На руках у них были траурные повязки по случаю гибели царской семьи.

— Может быть, мы грешим, нося по государю траур,— говорил сановник.— В глубине души моей таится надежда, что государю и всей царской семье удалось спастись, но большевики это скрывают.

На одной из станций в купе пришел еще какой-то сановник и сообщил «радостную» весть, что «подлая» Мария Спиридонова арестована большевиками и, вероятно, уже расстреляна⁴⁴.

— Вот это хорошо,— сказал генерал.— Я всегда говорил, что они в конце концов пожрут друг друга. А пока пойдемте закусить и выпить за упокой новопреставленной Маруси.

В этом белогвардейском купе я доехал до Киева, а оттуда на пароходе по Днепру отправился в Екатеринослав. Мне пришлось ехать с одним добровольческим офицером, который всю дорогу хвастал, что скоро от большевиков и помину не будет.

— Но,— добавил он,— нельзя будет довольствоваться уничтожением одних вожаков: следует с корнем вырвать большевизм, а для этого, по совести говоря, придется, пожалуй, истребить всех рабочих старше 16 лет, так как все они захвачены большевистской заразой.

В Екатеринославе мои лекции прошли благополучно. Благополучно прошли лекции и в Харькове. Но в Полтаве меня постигла первая неприятность. В большом зале Музыкального училища были назначены две мои лекции: «Счастье и смысл жизни» и «Душа женщины». Все билеты были заранее распроданы, вероятно, отчасти потому, что Конухес поместил на афише обещание, что я после каждой лекции буду делиться со слушателями своими впечатлениями о жизни в Москве и в Петрограде. Вероятно, этому же обещанию я был обязан тем, что первые ряды были заняты начальствующими лицами и золотопогонными офицерами.

Прочитав лекцию, я выполнил данное Конухесом на афише обещание, но выполнил так, что сидевшие в первых рядах были возмущены и ошеломлены. Я опроверг всевозможные измышления о Советской России, которыми были полны тогдашние «украинские» газеты, и в заключение, обращаясь к первым рядам, резко сказал:

— Вы ждете от меня рассказов о жестокостях большевиков, но я знаю, что каждый из вас сладострастно мечтает о том, как он будет убивать и вешать не только этих жестоких большевиков, но и всех непокорных рабочих и крестьян. Не вам говорить и слушать о жестокостях советской России!

Мои слова были покрыты аплодисментами задних рядов и злобным шипением передних.

Когда я по окончании лекции проходил через залу, то до меня долетели слова одного офицера:

— Его следует немедленно арестовать.

На другой вечер, как раз в тот момент, когда я направлялся из артистической на эстраду, передо мной появились фигуры двух бравых полицейских.

— Вы — господин Поссе? По распоряжению господина войтового старосты (так тогда на Украине назывались губернаторы) вам запрещено дальнейшее чтение лекций, и, кроме того, приказано взять с вас расписку, что вы в 24 часа покинете Полтаву.

На улице меня ожидала толпа молодежи, узнавшая о запрещении лекции. При моем выходе из Музыкального Училища раздались аплодисменты и приветственные крики. Отряд полиции, предусмотрительно присланный к Музыкальному Училищу, бросился разгонять демонстрантов. Несколько человек было арестовано.

Рано утром я уехал в Киев, где на мои лекции все билеты были заранее распроданы. Перед началом первой лекции в Интимный театр, где я должен был читать, явились представители полиции из осведомительного отдела, как в то время называлась на Украине охранка, и заявили Конухесу, что лекции мои запрещены.

Я жил на Лукьяновке у М. А. Куклиной⁴⁵, и только что собирался отправиться на трамвае в Интимный театр, как в квартиру влетела взволнованная Мария Николаевна⁴⁶ и стала умолять, чтобы я немедленно поехал на извозчике в немецкую комендатуру и при содействии немецкого коменданта Киева добился бы снятия запрещения.

— Только немцы могут нас спасти! — взволнованно, плачущим голосом говорила Мария Николаевна. — Подумайте, все билеты проданы, а запрещение нас совершенно разоряет. И мы не в состоянии будем вернуть публике за билеты. Выйдет страшный скандал. Лев Ильич (так звали Конухеса) прямо в отчаянии.

Пришлось ехать.

Комендант, оказавшийся моим коллегой по Фрей-

бургскому университету⁴⁷, встретил меня чрезвычайно любезно. Мы вспомнили нашу *alma mater* Комендант со вздохом сообщил мне, что фрейбургские клиники сильно повреждены воздушной бомбардировкой французов.

Моя просьба о вмешательстве в дело запрещения лекций поставила его в затруднительное положение.

— Странная ваша страна,— говорил он,— запрещают читать о «счастье и смысле жизни». Но меня это не касается. Читайте, не обращая внимания на запрещение. А в случае репрессий, я заступлюсь за вас.

— Но они не допустят чтения. Они силой разгонят публику.

В конце концов я убедил своего коллегу написать осведомительному отделу внушительную записку с предложением разрешить мои лекции. Полиция уже собралась разгонять публику, как приехал я с запиской от коменданта. Агенты охраны, прочитав записку, долго переговаривались по телефону со своим начальством и, в конце концов, заявили:

— Препятствий к чтению лекций нет.

Прочитав лекции в Киеве, я поехал в Елизаветград. Там мои лекции прошли вполне благополучно. Из Елизаветграда я направился в Николаев, где получил второе предостережение. Вернувшись поздно вечером с последней лекции в гостиницу, я несколько смутился, когда увидел в швейцарской много полицейских и охранников. Коридорный шепнул мне, что производится обыск в одном из номеров, где поселился какой-то господин, подозреваемый в большевизме. На другое утро я расплатился по счету, но паспорта не получил. По словам швейцара, его забрала полиция, производившая ночью обыск. Я отправился в полицию, где моего прихода точно ждали и немедленно вернули паспорт.

Пароход, на котором я вместе с супругами Конухес отправился в Одессу, по расписанию должен был заходить в Очаков. В пути сделалось известным, что на этот раз пароход пройдет прямо в Одессу. За обедом пассажиры обсуждали распространившийся слух, что на пароходе едет какой-то видный большевик, которого должны арестовать в Одессе.

Пароход подошел к Одессе. Пассажиров не выпускали. Матросы говорили, что будет перед выходом проверка документов. Я пошел на капитанский мостик и увидел на пристани Эрну, радостно мне улыбающуюся. Мельком заметил у схода офицера и солдат. Конухес крикнул мне, что сейчас начнут выпускать пассажиров.

Я сбежал вниз и при содействии матроса, несшего мои вещи, пробился вперед, чтобы скорее выйти обнять своего друга.

— Ваши документы? — остановил меня при выходе офицер.

Я предъявил свой заграничный паспорт. Лицо офицера просияло.

— Владимир Александрович? — спросил он как-то особенно учтиво и ласково.

— Да, — Владимир Александрович.

— Вас-то мы и ждем...

— Брось вещи! — резко крикнул офицер матросу и снова ласково обратился ко мне: — Пожалуйста. О вещах не беспокойтесь: они последуют за вами.

Окруженный солдатами, я прошел мимо Эрны. Мы обменялись скорбными улыбками. Меня привели в пакгауз и стали обыскивать. Я протестовал и требовал, чтобы о моем аресте был извещен советский консул. Но старый жандармский полковник не обращал внимания на мои протесты и покрикивал на солдат, ощупывающих мое тело, чтобы они со мной не церемонились.

Один из солдат шепнул мне на ухо: «А что, с Петропавловской крепости по-прежнему в полдень пушка стреляет?» И в ответ на мой удивленный взгляд добавил: «Я вас, товарищ, хорошо знаю: вы к нам в полк приезжали и агитацию делали».

Поздно вечером меня отвезли в тюрьму при Бульварном участке. Конвойные утешали меня, что в этой тюрьме сидит много «хороших господ» и что меня, вероятно, посадят в камеру, где сидит бывший одесский градоначальник. Но меня посадили сначала в камеру, где на каменном полу лежало человек двенадцать матросов Черноморского флота, обвиняемых в большевизме. Они по-товарищески очистили место, и я растянулся по полу, подложив свое пальто.

Не прошло и часу, как в камеру вошел небольшого роста плотный пожилой еврей с умным интеллигентным лицом, оказавшийся известным писателем, эсером Заком⁴⁸. Он ласково посмотрел на меня и голосом гостеприимного хозяина, обрадованного прибытием желанного гостя, спросил: «Вы — товарищ Поссе? Мы вас сейчас устроим поудобнее».

И в тюрьмах нет равенства, и в тюрьмах есть привилегии. Устроили меня в небольшой камере, где сидели трое: правый эсер Рязанов, статный, красивый офицер, бывший при Временном правительстве одесским градо-

начальником, какой-то очень миролюбивый и к инакомыслящим терпимый большевик и совершенно апслитичный инженер, арестованный по ложному доносу, сделанному из ревности. В камере было чисто и даже уютно. У каждого кровать с тюфяком, стол, стул, на столе — цветы и разные вкусные вещи, переданные родными и знакомыми. Бывший градоначальник уступил мне свой тюфяк, и я удобно устроился на полу.

Дня через два в тюрьму явился настоящий градоначальник Одессы, изящный генерал Мустафин⁴⁹. Он в молодости бывал у моего брата и восторгался его игрой на рояли; кроме того, у него успела побывать Эрна, а Эрна обладала исключительной способностью вызывать к себе симпатии и добрых, и злых...

Как бы то ни было, но генерал Мустафин держался со мною так, как будто он явился ко мне с визитом. Сняв белую перчатку, подал мне руку и, сказав несколько комплиментов по адресу моего брата и Эрны, заявил, что готов сделать все от него зависящее, чтобы облегчить мне тяжесть заключения. Он, по его словам, был бы рад меня немедленно освободить, но это, увы, не в его власти, так как распоряжение о моем аресте исходит непосредственно от министра внутренних дел Кистяковского^{49а}.

Я попросил, чтобы были введены ежедневные прогулки для всех заключенных, из которых многие не дышали свежим воздухом уже несколько недель; кроме того я попросил, чтобы камеры днем не запирались и заключенные могли свободно общаться. Мустафин тотчас сделал соответствующие распоряжения, и мы в тот же день гуляли по двору, а вечером в одной из камер устроили митинг, на котором излагались представителями различных партий их программы. Наибольший успех у матросов и крестьян имела программа анархическая, отрицавшая военную службу и налоги. За отсутствием настоящего анархиста эту программу излагал я.

Эрне удалось выхлопотать мне отпуск из тюрьмы на сутки, которые я провел с ней и детьми. Отпущен я был под конвоем стражника, молчаливого латыша, зоркого, но не навязчивого.

Арестован я был в Одессе, но «дело» мое возникло в Полтаве, куда «свыше» и приказано было направить меня этапным порядком, но генерал Мустафин разрешил мне ехать в обыкновенном вагоне в сопровождении стражника.

Эрна решила проводить меня до Полтавы, а оттуда

отправиться в Киев и хлопотать о моем освобождении. Незадолго до отправки в Полтаву мне приснилась Эрна, бледная и прозрачная. Голос ее долетал откуда-то изда-лека. Она повторяла: «Прощай, родной, прощай, роди-мый». Я протянул к ней руки, но она исчезла, а кто-то тихо сказал: «Умерла». Проснулся я с бьющимся серд-цем, в слезах. Решил отговорить Эрну от поездки со мной. В обычное время она пришла на свидание. Я рас-сказал ей о сне и просил, чтобы она не провожала меня в Полтаву, так как в дороге легко схватить «испанку», которая в то время свирепствовала на Украине; но Эрна, улыбаясь, сказала: «Ты должен уговаривать меня не ехать, а я должна поехать». Она оказалась настойчивее меня.

В день моей отправки начальник тюрьмы оказался навеселе и захотел поиграть в благородство.

— Вы,— сказал он мне,— известный идейный рево-люционер, такие люди не обманывают. Дайте мне слово, что к назначенному часу вернетесь к нам, и я вас отпу-щу погулять по Одессе на свободе.

Я дал слово и несколько часов гулял с Эрной по ули-цам Одессы. Вспоминали хорошее прошлое и надеялись на еще лучшее будущее.

В назначенный час я вернулся в тюрьму, где меня уже ждал тот же латыш, который стерег меня во время «отпуска». Ему было дано «отношение» в Полтавский осведомительный отдел, и в отношении было сказано, что «к сему прилагается один арестант». Мне были воз-вращены все деньги, отобранные при аресте. Денег было довольно много: я хорошо заработал на лекциях. На-чальник тюрьмы советовал все деньги отдать на хране-ние стражнику, но я отдал только часть, а более 1000 р. «царскими» оставил у себя. При посадке в темный вагон произошла давка, вероятно, нарочно устроенная жули-ками, и мой бумажник с «царскими» исчез. Меня эта кража очень расстроила; она обострила нервную напря-женность и создала «предчувствие» какого-то большого несчастья. Эрна утешала меня как ребенка.

В Полтаве стражник сдал меня, мои вещи и деньги осведомительному отделу. Допрос мне учинил барон Рот, молодой человек в офицерской форме, бывший сту-дент университета. У его родителей было имение в Са-ратовской губернии по соседству с имением М. С. Ер-молаева⁵⁰. Он бывал у Ермолаевых и встречался у них с моими дочерьми, о чем любезно сообщил перед допро-сом. Держал он себя со мною так галантно, так рассу-

пался в выражениях своего уважения и сочувствия, что я уж начал ждать, что он извинится за причиненное беспокойство и отпустит на свободу. Но я ошибся. Сладко улыбнувшись, молодой барон сказал мне: «Вам придется у нас немного погостить» и... отправил меня в самую скверную арестантскую при каком-то участке. Полутемный подвал с земляным полом, вверху крошечное окошко в уровень с землей. За перегородкой стонет больная женщина, арестованная за убийство только что рожденного ею ребенка. В углах копошатся крысы.

В арестантской я пробыл только два дня. Эрна обратилась к немецким властям, и по их распоряжению меня перевезли в настоящую тюрьму, которая после «подземелья» показалась мне превосходной.

При переводе меня в тюрьму мне вручена была бумага, в которой значилось, что я на основании произведенного дознания признан виновным в том, что в 1917 и 1918 году принимал участие в Совете Народных Комиссаров и в своих лекциях восхвалял вождей большевизма, и потому подлежу, как лицо общественно опасное, заключению в тюрьму. Обвинение в участии в Совете Народных Комиссаров, как я мог понять из вопросов, задаваемых мне на допросе, объяснялось имеющимися в украинской охранке агентурными сведениями о моих посещениях Кремля и свидании с Лениным. У белогвардейской охранки было нелепое представление, что кроме гласных народных комиссаров, в Советской России имеются какие-то негласные народные комиссары, которые, будучи в курсе всех дел, должны замещать гласных, если те будут убиты. Охранка предполагала, что я один из этих негласных народных комиссаров, посланный на разведку на Украину.

Более верное представление о моей вине было у полтавского городского головы Георгия Георгиевича Старицкого⁵¹, с которым я в молодости путешествовал по Франции и вместе спускался в Сент-Этьеннские копи⁵². Когда к нему без моего ведома обратились мои друзья с просьбою похлопотать об освобождении меня из тюрьмы на поруки, он заявил, что палец о палец не ударит для освобождения такого злостного большевика, как Поссе. Тогда ему напомнили, что Поссе был в дружеских отношениях с Л. Н. Толстым.

Тем хуже для Поссе,— заметил Старицкий.— Главным виновником постигшей Россию катастрофы был именно Толстой, который подорвал авторитет к государству и церкви, издевался над патриотизмом и пропове-

дывал дезертирство. То же делал и Поссе. Пусть сидит под замком.

Эрна, заручившись обещанием доктора — общественника Волкенштейна⁵³ и заведующей вегетарианской столовой Надежды Михайловны Стрижевой заботиться обо мне, как о близком и родном человеке, уехала в Киев хлопотать о моем освобождении. При последнем свидании в тюремной приемной мы оба нервничали... У меня явилось такое сильное, такое мучительное желание не разлучаться с Эрной, быть всегда с нею, все часы и минуты своей жизни, что я не мог вынести этого состояния и поспешил проститься раньше, чем истекли разрешенные нам полчаса свидания.

Посадили меня в одну камеру с украинским офицером, заподозренным в большевизме. Тюрма казалась ему величайшим позором, и он отказывался от прогулок, стыдясь показаться людям, даже заключенным. Он участвовал в нескольких сражениях с немцами и с удовольствием рассказывал о нескольких метких выстрелах. В первый же день приезда на фронт ему, премированному стрелку, удалось в присутствии товарищей снять выстрелом из винтовки немецкого солдата, копошившегося с лопаткой у окопов. Товарищи аплодировали, а у меткого стрелка сердце прыгало от радости.

Мне прогулки по тюремному двору давали много интересных впечатлений. Беседовал не только с товарищами по заключению, большей частью крестьянами, но и с немецкими солдатами, охранявшими тюрму. Между ними были социал-демократы. Я их спрашивал, не стыдно ли им быть тюремщиками русских революционеров? Они на вопрос отвечали вопросом:

— Что же тут позорного? Мы ведь делаем это не по доброй воле, а по приказу начальства.

Из тюрмы меня перевели в тюремную больницу. Об этом позаботился доктор Волкенштейн. Это был своего рода санаторий: прогулки два раза в день, ванна каждую неделю, обед мне доставляли из вегетарианской столовой. Здесь я встретился с несколькими политическими, в том числе бывшим украинским министром земледелия во времена Рады и видным членом еврейской социалистической партии Кушнером, впоследствии перешедшим в Коммунистическую Партию. Мы много спорили по-товарищески, без раздражения, стараясь понять друг друга.

Не сторонился я и видного полтавского коммерсанта, немца по происхождению. Он был посажен в тюрму

немецкими властями по обвинению в злоупотреблении своим положением посредника-переводчика. С ним мы говорили о германских делах и вместе читали немецкие газеты, которые ему ежедневно приносили из дому вместе с кофе. Кофе он наливал сначала мне, а потом уже себе. Отказываться было невозможно. Узнав, что я люблю печеный картофель, он распорядился, чтобы принесли сырого картофеля из дому, и по вечерам пек его для меня в больничной печи.

Были и тягостные переживания. В больницу привезли конокрада, выбросившегося с третьего этажа здания суда и сломавшего себе ногу. Перелом был сложным, и начался воспалительный процесс. Необходима была операция, но ее можно было сделать только в городской больнице, а для перевода туда арестанта требовалось разрешение не то из Харькова, не то из Киева. Долгая волокита. Несчастный, крепкий мужик исполинского сложения, страшно мучился, непрерывно жалобно стонал и гибнул на наших глазах.

Терзания этого чуждого мне человека обостряли тревогу о самом близком мне человеке. В тюрьме я получал письма от Эрны. В больнице я их перестал получать. Начал волноваться, тревожиться. Наконец, получил письмо от М. А. Куклиной, что Эрна заболела в Киеве «испанкой». Весь превратился в тревогу, и в то же время мое чувство к Эрне не только усилилось, но и качественно изменилось, поднялось. С ней и в ней счастье и смысл жизни. Без нее — один ужас.

О болезни Эрны узнала и полтавская охранка, читавшая мою переписку. Сделала попытку опозорить меня. В больницу явился молодцеватый офицер и повез меня в осведомительный отдел. Там меня встретил барон и встретил еще любезнее, чем при первом допросе.

— Мы решили вас сегодня же освободить,— сказал он, приятно улыбаясь.

Я молчал. Чувство радости смешалось с предчувствием чего-то скверного.

— Мы желали бы только знать,— продолжал барон, испытующе смотря на меня,— будете ли вы продолжать читать лекции на Украине?

— Какие там лекции?!

— Нет, отчего же? Мы ничего не имеем против ваших лекций, мы даже усиленно просим вас читать... Мы ставим только одно маленькое условие... Читайте что хотите, но в каждой лекции расскажите, между прочим, о жестокостях большевиков, о массовых казнях в Со-

ветской России... Вам не придется кривить душой: вы ведь противник смертной казни...

Я понял и вспыхнул. Не помню, что я говорил, но помню, что мои слова смутили барона, и он начал даже извиняться.

— Отправьте меня в тюрьму! — сказал я, прерывая его извинения и объяснения.

Мы вышли в другую комнату, где нас встретил начальник «охранки», матерый царский жандарм.

— Ну, что, сговорились? — спросил он цинично.

— Постыдитесь! — сказал я. — Посмотрите на мои седые волосы и отправляйте обратно в тюрьму.

— И отправим-с!

Вернувшись в тюремную больницу, я долго не мог освободиться от чувства гадливости. Рассказал о происшедшем Кушнеру, и он старался по-дружески меня успокоить.

Дня через два после этого я получил от М. А. Кулиной тревожное письмо. Она сообщала, что Эрне стало хуже и что ее бабушка, у которой она остановилась, очень за нее беспокоится. Прочитав это письмо, я почувствовал, что слабею, куда-то опускаюсь. Но надежда еще теплилась.

Окольным путем помимо тюремной администрации мне удалось послать Марии Алексеевне телеграмму с просьбой телеграфировать о здоровье Эрны доктору Волкенштейну. У политических в тюремной больнице были налажены хорошие сношения с волей, и я ожидал быстрого ответа, но ответа не было. В отчаянии в одну из бессонных ночей я попробовал молиться, но ничего не вышло. Понял, что даже самое сильное горе не может вернуть еще в детстве утраченной веры в Бога или, вернее, в чудо.

Между тем в Германии вспыхнула революция. Немцы покидали Украину. «Гетманцы» и русские «белогвардейцы» остались без охраны и собирались бежать. К Полтаве подходили петлюровцы. У нас в тюремном «санатории» распространился слух, что добровольческие офицеры перед уходом собираются расстрелять всех заключенных политических. Слух оказался вздорным. нас, напротив, стали выпускать. Выпустили и меня.

День освобождения был для меня одним из самых горестных дней моей нерадостной жизни. При выходе из тюремной больницы меня встретила милая и добра Надежда Михайловна Стрижева, знавшая, что меня в тот день выпускают на волю. Я спросил, не получал ли док-

тор Волкенштейн телеграммы из Киева? Она ответила, что не знает. Хотел тотчас пойти к Волкенштейну, но Надежда Михайловна посоветовала пойти вечером, так как днем его застать нельзя. Я послушался ее, я боялся идти, я боялся лишиться последней капли надежды.

Вечером мы пошли к Волкенштейну вместе с Надеждой Михайловной. Волкенштейн обнял и расцеловал меня. Повел в столовую и усадил. Молчали.

— Вы получили телеграмму из Киева? — еле слышно спросил я.

— Да, получил, — так же тихо ответил Волкенштейн.

— Что же?

— Скончалась...

Ветка, за которую я держался, вися над пропастью, оборвалась, и я полетел вниз.

Молчали.

Я ушел в переднюю и там заплакал.

Плакал долго, безнадежно, без облегчения.

Эрна была не единственной женщиной, которую я любил за свою долгую жизнь. Эрна была не единственной женщиной, которая любила меня. Были другие, тоже хорошие, умные, правдивые. Но чувство, соединявшее меня с Эрной, было особое, исключительное, свободное, радостное и легкое. В нем не было ничего порабощающего. Оно было совершенно свободно от ревности, этой ведьмы, обычно преследующей фею любви.

Мне казалось невозможным жить без Эрны, и я решил покончить с собой. В последний момент меня остановил один толстовец, живший у Н. М. Стрижевой и следивший за мной, догадываясь о моем решении. Его вмешательство разрядило то нервное напряжение, ту сосредоточенность воли к смерти, которая необходима для самоубийства. Отказ от принятого решения умереть казался мне пошлостью, но тем не менее я остался жить.

Из Полтавы я поехал в Киев. Был конец ноября, стояла стужа. У меня не было теплой одежды, и я околел в вагоне с разбитыми стеклами. Набилось много военнопленных, самотеком бежавших из Германии и Австрии. Были среди них больные сыпняком. Все условия, чтобы заболеть и умереть. А я остался жив и относительно здоров.

В Киеве поселился у М. А. Куклиной. Сначала была полная апатия, а затем постепенно стали пробиваться, как ростки озими, заботы о близких, о детях, а вслед за ними пробились интересы общественные и личные.

Гетманцев сменили петлюровцы, но удержались не-

долго. Пришли красные, и установилась большевистская власть⁵⁴. Советов еще не было, правили ревкомы.

Я начал читать лекции. Они собирали массу слушателей; даже в огромном Киевском цирке все места были заняты. Для лекций в то время не требовалось никаких разрешений. Когда устроитель моих лекций обратился в ревком за разрешением, то ему укоризненно сказали:

— За кого вы нас принимаете? Неужели вы думаете, что нельзя устраивать лекции товарища Поссе без разрешения?

Просто было тогда. Однако нашлись партийцы, которых моя дружеская критика некоторых проявлений нового быта стала беспокоить. Полетели доносы в Москву. Одновременно был распушен в виде пробного шара слух о моем расстреле.

Когда я сидел в Полтавской тюрьме, тогда говорили и писали, что меня расстреляли белые. Теперь говорили и писали, что меня расстреляли красные. Сообщение о моем расстреле появилось, между прочим, в меньшевистской понедельничной газете, доживавшей в Москве свой короткий век. По распоряжению Ленина управделами Совнаркома РСФСР В. Д. Бонч-Бруевич сделал по этому поводу запрос по прямому проводу Украинскому Совнаркому. Получен был успокоительный ответ, и в московских «Известиях» появилось официальное опровержение слухов о моем расстреле.

Но слухи упорно держались. Один из моих сыновей отправился на Украину для поисков не столько меня, сколько моего трупа. Милые московские трезвенники отслужили обо мне трезвенную панихиду и спели трогательный поминальный стишок. В одной латышской газете был напечатан некролог, в котором я поминался добрым словом.

А я продолжал усердно читать лекции. Первого мая 1919 года я объезжал Киев в кооперативном кабриолете, украшенном красными флагами, и произносил речи на площадях, перекрестках и в казармах. На горке около б. Купеческого, а ныне Пролетарского сада мне отвечал пламенной речью командир одного из красных полков, и мы с ним трижды облобызались под аплодисменты толпы.

При встрече с какой-то другой воинской частью произошло неприятное недоразумение. Я произнес речь. Оркестр заиграл «Интернационал». Стою в фуражке. Подходит командир части:

— Товарищ, играют «Интернационал».

- Знаю, много раз слышал его еще во Франции.
- Товарищ, но вы в фуражке!
- Товарищ, вы тоже в фуражке.
- Но я держу руку под козырек, а вы, как штатский, должны снять фуражку.

Беда! Я просидел в тюрьме в тот период, когда устанавливался коммунистический церемониал и, что называется, влопался. Впрочем, эта неловкость не имела для меня неприятных последствий.

После 1-го мая меня постоянно приглашали читать лекции воинским частям. Читал даже отряду Чека. Многие красноармейцы на Украине были в то время заражены антисемитизмом. В своих лекциях противопоставлял антисемитизму правду о евреях, и не без успеха.

Издана была мною, тоже в целях борьбы с антисемитизмом, брошюра «Правда о евреях»⁵⁵. В ней я, между прочим, поместил в переработанном виде свою речь, произнесенную в марте 1917 г. в Симферопольской синагоге.

Из постоянных слушателей моих лекций образовался кружок единомышленников. Весной 1919 года ему была придана устойчивая организационная форма. Так возник Союз Разума и Совести.

Согласно первоначальному уставу он образовался для взаимной поддержки на основе правила: «От каждого по его силам и способностям, каждому по его нуждам и потребностям» — и для взаимного воспитания на основе правил:

1. Не убивай. Ни при каких условиях не убивай человека, по возможности, не убивай и животного.
2. Не осуждай. Обсуждая чужие поступки, старайся думать о своих недостатках и ошибках.
3. Не лги. Будь всегда искренним, но не откровенничай с человеком, чуждым твоему разуму и совести.
4. Трудись. Трудись не только физически, но и умственно; не только умственно, но и физически. Не участвуй в труде, результаты которого противоречат твоему разуму и совести.
5. Познавай. Познавай мир внешний и внутренний. Познавая, освобождайся от заблуждений церковных и государственных.
6. Помогай. Силы, остающиеся у тебя от работы для поддержания своего существования, отдавай другим, прежде всего детям, больным и немощным.

Мы собирались для бесед по злободневным вопросам, устраивали коммунистические трапезы, на которые каждый приносил для общего пользования свои запасы, поддерживали нуждающихся товарищей, устраивали голодовки солидарности в виде протеста против организованного насилия и т. п.

При Союзе образовалось нечто вроде курсов «Живого Слова» под моим руководством. Союз облегчил многим жизнь в то трудное время и помог одиноким людям завязать знакомства и дружеские связи. Вначале большая часть членов его состояла из учащейся молодежи, и я в ее среде как будто ожил и помолодел. Для меня сущность Союза сводилась к преодолению трагедии одиночества. Иначе смотрел на дело один из наиболее деятельных и видных членов Эммануил Архипович Калина, человек очень оригинальный, пробившийся из рабочих киевского Арсенала на пост управляющего киевским отделом Всеобщей Электрической Компании, устроитель нескольких электрических станций в украинских городах. Калина додумался до своей экономической теории, несколько напоминающей теорию Прудона. Спасение от всех социальных бед он видел в создании натурально-расчетного обмена продуктов и услуг посредством особых расчетных знаков. Эти расчетные знаки, исчисляемые в хлебной валюте, должны были, по мысли Калины, вытеснить деньги, исчисляемые в золотой валюте.

Для проведения в жизнь своей системы Калина решил использовать Союз Разума и Совести, который после того, как я уехал из Киева, превратился в своеобразный натурально-расчетный кооператив. В него вошло много киевских рабочих, в том числе почти все электротехники. Открылись лавки и склады, образовались провинциальные отделы, завязались сношения даже с границей. Не только рабочие, но и расчетливые обыватели обменивали обесцениваемые советские денежные знаки на натуральные расчетные знаки Союза Разума и Совести, надеясь получить за них хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Руководители натурально-расчетного кооператива «Разум и Совесть» с гордостью говорили, что они во все села и деревни принесут электрический свет, сельскохозяйственные машины, установят механические двигатели и проч., а взамен получают для городов хлеб и другие сельскохозяйственные продукты.

Получалось нечто грандиозное, и я, вначале относившийся к планам Калины очень скептически, в 1920 году начал верить, что натурально-расчетный кооператив «Ра-

зум и Совесть» сыграет значительную роль в деле социалистического строительства, но летом 1922 года я узнал, что грандиозное здание, которое Калина строил на хлебной валюте, оказалось построенным на песке и рухнуло под напором нэпа. Часть членов Союза Разума и Совести не последовала за Калиной в его натурально-расчетных построениях и отмежевалась в особый небольшой Союз Разума и Совести со скромной целью товарищеского общения. Но и он постепенно распался. Дружеские связи между отдельными членами бывшего Союза Разума и Совести сохранились до сих пор.

Мне пришлось покинуть Киев, а вместе с тем и Союз Разума и Совести, еще в августе 1919 года, когда к Киеву подходили деникинцы и петлюровцы, а красные уходили. Епископ Сергий⁵⁶, выступавший в Киеве на религиозных диспутах против меня и тем не менее лично ко мне расположенный, предупредил меня, что я внесен в список тех лиц, которые должны быть уничтожены после смены власти в Киеве⁵⁷. Да и вообще при деникинцах я мог бы жить в Киеве лишь в подполье, а для этого я был слишком стар. Даже и поляки вряд ли отнеслись бы ко мне терпимо. Моя брошюра «В свете разума и совести»⁵⁸, изданная Союзом Разума и Совести, была поляками во время их кратковременного хозяйничанья в Киеве конфискована и уничтожена⁵⁹.

3. ТРАГЕДИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО БЫТА

Из Киева я выехал с последним санитарным поездом. Он шел медленно, зигзагами, меняя маршрут, чтобы не встретиться с Мамонтовым, который в то время бесчинствовал в центральной России⁶⁰. До Москвы мы добрались на двенадцатый день.

С вокзала вместе с семьей одного врача поехал на подводе ломового извозчика. Он все приставал к нам с вопросом, когда же, наконец, придет «спаситель», подразумевая под спасителем генерала Деникина. Мы отмалчивались.

— Никак и вы из большевиков, — догадался ломовой. — Вот беда-то!

Стегнул лошадь, и больше ни слова.

В Москве я пробыл очень недолго, спешил в Петроград.

Петроград произвел на меня впечатление тихо, безболезненно умирающего города. Заключенные магази-

ны. Никакого движения, особенно после шести часов, когда переставали ходить трамваи. Даже на Невском прохожих можно было пересчитать по пальцам. На многих улицах между камнями пробивалась зеленая трава. Исчез Союз Трудового Равенства, исчез Союз Рабочих и Крестьян, умерла «Жизнь для всех». Мало осталось друзей и товарищей: одни уехали, другие умерли.

Не застал я в живых и старого своего друга Альму⁶¹, о которой не раз упоминал в предыдущих главах. Почти 30 лет наши жизни переплетались и расплетались, сближались и отдалялись. Много было надрывов, много мы мучили друг друга. И всегда она была права, но был прав и я. Нет в мире виноватых. За 12 лет до ее смерти мы повенчались, но именно со дня свадьбы брак наш стал фиктивным. Душа моя освободилась для нового чувства. Не следовало! Может быть, не знаю. Знаю только, что никогда не был мне сладок кубок любви. Много горечи было в нем. Когда воспоминание вызывает образы тех, кого я любил так «тягостно и горько», и кто, увы, раньше меня ушел в небытие, я скорблю, я трепещу, но никого не проклиная.

В Петрограде жил в то время Горький⁶². Потянуло к нему. Он был нездоров, лежал в постели, но все же принял меня. По-дружески обнялись, вспомнили старое, а затем заговорили о злобах дня.

Горький был настроен пессимистически и оппозиционно. По его словам, он был ни за белых и ни за красных, но, видимо, больше верил в победу белых. Придавал большое значение прорыву фронта красных Мамоновым и уверял, что у него есть сведения, что Мамонов захватил уже Брянск. На мой вопрос, как он смотрит на политику Советской власти и на предпринятую коммунистами перестройку хозяйства и быта, Горький ответил:

— Жестоко и бездарно, главным образом, бездарно! Я ни от кого не скрываю своего мнения,— добавил он.

Октябрьская революция, по его мнению, лишней раз подтвердила, что русский народ неспособен к созидательной работе. Получился бы полный хаос, если бы в революции не приняли участие евреи. На евреев вся надежда. Горький ссылался при этом на какого-то бывшего антисемита, сотрудника «Нового времени», который теперь сделался горячим сторонником организационного гения евреев. Об отдельных представителях Советской власти Горький отзывался очень резко, так, что я невольно вспомнил характеристики, которые Собакевич давал губернским чиновникам.

Во время нашей беседы изящно одетая горничная принесла на подносе Горькому завтрак. Тут было очень много вкусных вещей, и у меня, питавшегося в то время исключительно советским борщом, под ложечкой засосало и голова закружилась. Горький подвинул ко мне стакан кофе с жирными сливками, и я уже протянул было к нему руку, но в это время Горький вновь придвинул стакан к себе, и я понял, что жестоко ошибся. Аппетитные домашние сухарики Горький отправил с горничной обратно, желая, видимо, показать, что он себя баловать не хочет. Все остальное, в том числе малину со сливками Горький скушал с аппетитом.

Дождавшись конца завтрака и лишний раз убедившись, что сытый голодного не разумеет, я распрощался с Горьким и пошел, слегка пошатываясь от голода, к выходу по комнатам, меблированным и убранным с большим вкусом. В столовой я обратил внимание, что стены украшены фарфоровыми тарелками. Вероятно, это была одна из многочисленных коллекций Горького. Горький к тому времени сделался страстным коллекционером. Особенно ценна была его коллекция различных изображений Будды.

Вскоре мне пришлось еще раз побывать у Горького, чтобы попросить его возможно скорее и удобнее устроить моего брата в Доме Ученых⁶³. Горький был на этот раз здоров и принял меня в одном из своих кабинетов. Был по обыкновению очень мил и обещал выполнить мою просьбу. Но о моем голоде и на этот раз не догадался. А между тем кухня, через которую мне пришлось проходить, была полна гастрономических ароматов, и кучарка вынимала из духовки, какое-то необычайно вкусное жаркое.

Впрочем, Горький на этот раз куда-то торопился. У ворот его ждала «своя» пролетка «со своей» лошадью и со «своим» кучером. Этот «выезд» был предоставлен в распоряжение Горького местной властью. Когда Горький на «своей» лошади проезжал по пустынным улицам Петербургской стороны, то обыватели, смотря на него из окон, говорили:

— Вот поехал наш помещик.

За хлопоты об устройстве Дома Ученых Горькому, конечно, нужно сказать спасибо, но беда в том, что заведующим хозяйственной частью этого дома Горький поставил бывшего владельца одного из петербургских кафе-шантанов, Родэ⁶⁴, отъявленного жулика, сводника и развратника. Родэ брал на службу в Дом Ученых хо-

рошеньких девушек из среды голодающих, развращал их и соблазнял, так что Дом Ученых стали насмешливо называть «родовспомогательное заведение». Ученые вздохнули свободно, когда Родэ уехал за границу, опасаясь ареста за произведенные им растраты.

Петербург я всегда очень любил, но на этот раз мне было в нем тоскливо и тяжело, поэтому я решил поселиться в Москве.

В Москве меня приютили трезвенники-колосковцы⁶⁵, в распоряжении которых было несколько домов на Малой Бронной. Они вели трезвую, трудовую жизнь без всяких дурманов на началах «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Это влекло меня к ним, несмотря на разногласие по вопросу о Боге. В то время И. Н. Колосков («братец»)⁶⁶ и другие руководители общины держались почти толстовских взглядов и были терпимы к «безбожникам», если те стояли за братское трудовое единение и были противниками опьянения, курения и «трупоядения». Мне представилась полная свобода слова на собраниях и беседах общины. Иногда И. Н. доверял мне и ведение самой беседы.

Из периода пребывания в общине трезвенников вспоминается один забавный эпизод. Сижу я поздно вечером полутотдетый в убогой комнате, отведенной мне, и пишу «Европу накануне мировой войны». Вдруг сильный стук в дверь. Отворяю. Несколько вооруженных людей.

— Вы председатель общины «Трезвая жизнь»?

— Нет, я здесь в качестве гостя.

— Врите еще! Вы — председатель. Где Сергей Попов?⁶⁷

— Не знаю.

— Врите. Одевайтесь и ведите нас к Попову.

— Но я не знаю.

— Не разговаривать! Скорее!

В руке у представителя власти наган. Пришлось одеться и выйти на улицу. Где в то время находился Сережа, я действительно не знал. Сережа был человек без постоянного места жительства. Но представитель власти требовал, чтобы я его вел. И я пошел, куда глаза глядят.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы один из моих протестов не надоумил представителя власти спросить мою фамилию. Моя фамилия произвела неожиданный эффект.

— Вы тот самый Поссе, который читает лекции?

— Да, я — тот самый.

— Ну, простите, товарищ. Третью ночь не сплю. Нервы издерганы, поневоле станешь грубым. Вы свободны. Позвольте, я вас провожу обратно... Машину куда-то угнали. А кто такой этот Сережа Попов? Приказано его арестовать, но мы не знаем, кто он такой.

Я вкратце рассказал, как живет и во что верит Попов.

— А, понял! Значит, этот Сергей Попов такой же идиот, как и Лев Толстой.

Я вернулся к трезвенникам.

С Иваном Николаевичем Колосковым мы дружили, но его религиозные воззрения были мне совершенно чужды. Действительным членом общины я сделаться не мог, не мог и слишком долго пользоваться ее гостеприимством. Надо было искать заработка.

Отправился в Центросоюз⁶⁸. Там было много старых кооператоров, которые меня хорошо знали. С председателем правления тов. Коробовым⁶⁹ у меня установились хорошие отношения еще во времена Трудового Союза. И новые кооператоры, коммунисты, среди которых были старые, стойкие большевики Сольц⁷⁰, Корочкин, Мещеряков и др., относились ко мне отнюдь не враждебно. Сделали меня ученым консультантом. Никаких определенных обязанностей на меня не возложили, а такое «си-некурное» (беззаботное) положение было очень тягостно. А главное, ознакомившись с работой Центросоюза и с тогдашним положением различных видов кооперации, я пришел к заключению, что при режиме военного коммунизма кооперативное движение развиваться не может.

На одном из совещаний инструкторов и консультантов Центросоюза под председательством члена РКП(б) О. Ю. Шмидта⁷¹ поднят был вопрос о роли кооперации в данное время. Никто не сказал ничего определенного. Тогда я спросил О. Ю. Шмидта, как представителя правительственной партии, можно ли ожидать, что по окончании гражданской войны продрозверстка будет заменена продналогом и крестьяне получат возможность свободно распоряжаться продуктами своего труда?

О. Ю. Шмидт нашел вопрос вполне уместным и ответил приблизительно так: от имени всей партии он отвечать не может, но, по его мнению, ожидать отмены продрозверстки ни в коем случае нельзя; возвращение к свободной торговле даже в ограниченных размерах было бы сдачей одного из главных завоеваний революции.

— В таком случае, и о кооперации нечего толковать,— сказал я.

Бесцельно совещаться в Центросоюзе мне было стыдно; тем более, что со всех сторон наседала реакция... К Петербургу подходил Юденич. С юга двигался Деникин, захватывая город за городом. Я задумался, как бы и мне принять участие в отстаивании завоеваний революции. Я вспомнил, что в Союзе Трудового Равенства было много энергичных товарищей с Кубани. Уезжая на родину, чтобы организовывать в станицах Советы крестьянских и казацких депутатов, они усиленно звали меня на Кубань.

— Приезжайте, дорогой Владимир Александрович, к нам в станицу,— говорил мне солдат — артиллерист Левченко ⁷²,— будем бороться и работать вместе.

В Киевском Союзе Разума и Совести были тоже товарищи, уехавшие на Кубань для устройства земледельческой колонии. Один из них, как я знал, был близок с некоторыми членами Кубанской Рады ⁷³. Кубань в тылу Деникина. Если бы Кубань пошла против Деникина, то это облегчило бы задачу Красной Армии. Почему бы мне не пробраться на Кубань и не воспользоваться в интересах революции своими дружескими связями с кубанцами? Составил приблизительный план действий и сообщил о нем Н. И. Бухарину ⁷⁴, с которым незадолго перед тем познакомился. Бухарин пошел мне навстречу. Я получил от ЦК партии необходимые мандаты и документы. В связи с этой поездкой мне пришлось познакомиться с Чичериным, Караханом и Е. Д. Стасовой ⁷⁵.

Накануне отъезда меня принял в Кремле В. И. Ленин. Он дал указания о переговорах с Кубанской Радой. Беседа коснулась и многих других вопросов. Ленин спрашивал меня об Украине и о работе там коммунистов. Я не скрыл тех злоупотреблений, свидетелем которых был, и заметил, что на Украине, как и всюду, наряду с самоотверженными коммунистами-революционерами есть и карьеристы, есть желтые, белые и черные, перекасившиеся в красный цвет.

— Мы это знаем,— сказал Ленин.— Мы знаем, что главная опасность в загрязнении наших рядов всякими отбросами, но мы скоро устроим генеральную чистку.

Когда речь зашла о крестьянских настроениях, Ленин быстро и как-то особенно живо спросил меня:

— Какого вы мнения о Махно?

— Думаю, что это — авантюрист,— сказал я.

— А у меня о нем другие сведения. Мне он представляется идейным революционером⁷⁶.

Когда я с большой похвалой отозвался о деятельности В. Н. Мещерякова, занимавшего на Украине пост комиссара земледелия, Ленин сказал:

— Рад это слышать, но у меня иные сведения. На Мещерякова много нареканий за его работу на Украине.

Выясняя причины недовольства украинских крестьян, я указал, что среди них распространяется слух, будто коммунисты хотят их силою вогнать в «коммунию», заставить сообща работать, кормить лодырей и т. д.

— Следовало бы вам, Владимир Ильич,— сказал я,— обратиться к украинским крестьянам с письмом-воззванием, в котором торжественно заявить, что вы никакой коммунии вводить не собираетесь и что крестьяне вольны жить и обрабатывать землю, как им угодно. Важно, чтобы письмо исходило не от ЦИКа, Совнаркома или какого-нибудь другого советского или партийного учреждения, а от вас лично, от Владимира Ильича Ленина. Ленина все знают, Ленину все верят.

— О Ленине верно уж и легенды ходят? — спросил, улыбаясь, Владимир Ильич.

— Да, и легенды ходят. К Ленину даже бандиты с уважением относятся. Вам, как члену пролетарской партии, вероятно, неловко выдвигать на первый план свою личность, выступать единолично, но в данном случае следует воспользоваться даже и крестьянским предрассудком, по которому и худое, и хорошее исходит от одного лица, от одного хозяина.

— Нет ничего, товарищ Поссе, чем бы нельзя было пользоваться во имя блага революции,— сказал Ленин и почему-то, улыбаясь, погрозил мне пальцем⁷⁷.

Рассказывая о настроениях рабочих, я, между прочим, упомянул, что рабочие одной киевской типографии просили меня сказать тов. Ленину, если я его увижу, что они его любят, ему безгранично доверяют, но просили бы почаще одергивать Троцкого, который гнет не в ту сторону.

— Вообще у многих рабочих,— заметил я,— такое мнение: Ленин-то хорош, да все злодей Троцкий гадит. Я знаю, конечно, что это вздор, но хорошо было бы, если бы тем или другим путем стало известно, что между вами и Троцким существенных разногласий нет.

Глаза Владимира Ильича весело смеялись, когда я говорил это, но он ничего не сказал и перевел разговор

на Горького. Его, видимо, очень огорчали шатания Горького.

— Вы давно уже не видели Горького? — спросил он.

— Нет, я его видел совсем недавно.

— Ну что, он все шатается, все ругает нас?..

— Вы знаете Горького не хуже меня,— уклончиво ответил я.

Прощаясь, Ленин крепко пожал мне руку и пожелал успеха.

Через несколько дней после этой беседы я видел и слышал его на праздновании второй годовщины Октябрьской революции в московском Большом театре⁷⁸. И сейчас слышу несмолкаемый гром рукоплесканий, вижу его умные, пронизательные глаза, устремленные на всю многотысячную аудиторию и как бы проникающие в душу каждого отдельного слушателя. Левая рука в кармане брюк, а правой он старается остановить бурную овацию, чтобы начать свою речь, в которой продумано каждое слово. И теперь стоит он передо мною, как живой. Да и верно — жив наш Ильич, жив более, чем когда-нибудь. Такие люди, как Ленин, не умирают, они живут в грядущих поколениях.

При всем моем старании мне не удалось проскочить через фронт в том направлении, которое мне было указано. Я застрял в Туле и, по совету коменданта Тульской станции, вернулся в Москву, полузамерзший в своем худеньком летнем пальтишке, вернулся, чтобы пробираться другим путем. Но к этому времени положение на фронте круто повернулось в пользу Красной Армии, и моя поездка признана была излишней⁷⁹.

Мне не хотелось возвращаться к «совещаниям» в Центросоюзе. Я искал живого дела и нашел его в среде детей Замоскворечья. Я знаю и люблю детей. Чем старше становлюсь, тем детские души ближе моей душе. Видно, действительно, «впадаю в детство», как насмешливо говорят о стариках. Я часто мечтал отдать свои силы воспитанию детей на новых свободных началах. Теперь моя мечта, казалось, осуществилась.

Анна Ильинична Елизарова⁸⁰, сестра Владимира Ильича, которая в то время заведывала всеми детскими домами, устроила меня инструктором детских домов Замоскворечья. Поселился я в доме, где воспитывались подростки, мальчики и девочки в возрасте от 12 до 16 лет. Но часто бывал и у малышей от 5 до 8 лет. В моем ведении было до 20 домов. Материальная сторона была поставлена удовлетворительно, но в деле вос-

питания и обучения — полнейший хаос. Трудовое начало в большинстве домов сводилось к так называемому самообслуживанию, в которое входило и обслуживание заведующих и руководителей. Бывали случаи, когда руководители или руководительницы нежились по утрам в постели, ожидая, когда дежурные девочки принесут им кофе и завтрак. Многие руководители и руководительницы курили даже в классах и детских спальнях, так что о борьбе с курением не могло быть и речи. Наказаний формально не было, но темпераментные руководители и руководительницы нередко давали волю рукам. Обращалось большое внимание на показную сторону: энергия, остававшаяся от обслуживания, уходила на подготовку нелепых спектаклей и всевозможных празднеств.

Был, впрочем, один детский дом — № 23, на Большой Полянке, который можно было назвать образцовым. Фактически руководил им молодой естествоиспытатель Сергей Федорович Васильев, прирожденный воспитатель и друг детей. Здесь было настоящее детское самоуправление и кипела работа по изучению природы, фабрично-заводского производства, завоеваний революции и т. д. Здесь воспитывались настоящие строители новой свободной и творческой жизни. Сюда я приходил, чтобы набраться новых сил и стряхнуть старческую хандру. И наряду с этой идеальной детской коммуной был детский дом, который пришлось спешно закрыть, так как в нем завелась детская проституция и детская спекуляция.

С детьми я дружил. Для одних я был старшим товарищем, для других — дедом-рассказчиком занятых историй. Дети с особенным интересом слушали мои рассказы о моих скитаниях и приключениях. Руководителей я пытался организовать в коллектив, на собраниях которого должны были свободно, без стеснений обсуждаться недостатки каждого из домов. Сам я не скрывал своего отрицательного отношения к постановке воспитания в большинстве домов. Сначала недовольные мною заведующие и руководители меня побаивались, зная, что меня назначила «сама» Елизарова и что я знаком с «самим» Луначарским, и лишь втихомолку называли меня «удушливым газом». Но потом осмелели и начали против меня кампанию.

Мой авторитет пошатнулся, главным образом, потому, что сделалось известным критическое отношение к моим педагогическим способностям со стороны верхов. Вскоре после назначения меня инструктором заведующей всеми детскими учреждениями Москвы сделалась моя

старая приятельница Евгения Самойловна Шлихтер-Лувишук⁸¹, с которой я вместе учился в Бернском университете. Ко мне, как к человеку, она относилась очень хорошо, но не хотела признать во мне педагога и говорила об этом открыто на совещаниях районных инструкторов. Прослушав одну из моих бесед с детьми на политическую тему, она в присутствии руководителей раскритиковала ее, как неподходящую для детского возраста.

С другой стороны, А. И. Елизарова осталась недовольна моей антирелигиозной беседой. Многие из детских домов Замоскворечья были до революции детскими приютами, в которых большую роль играли молебны, молитвы, иконы... Устранение всего этого и закрытие домов церквями в одном из больших приютов смутило детей. Они требовали у руководителей объяснение, почему «запрещают молиться Богу»? Многие руководители ехидно замечали: «Это не наше дело, спросите «товарищей».

Дети считали меня «товарищем» и потребовали объяснения у меня. Я собрал подростков из всех домов в зале самого большого дома, церковь которого была закрыта, и откровенно рассказал, почему я не верю в Бога и почему в школе, где приобретаются знания, нельзя внушать веру в то, что этому знанию противоречит. «Мы требуем от вас,— говорил я,— правдивости и потому не можем сами лгать и потворствовать лжи».

На беседе присутствовала А. И. Елизарова. Ей беседа не понравилась. «Вы выступаете, как проповедник атеизма,— говорила она,— а мы должны просто игнорировать вопросы религии. Дети отвыкнули этими вопросами интересоваться, а ваша проповедь, напротив, возбуждает интерес к религии».

Одним словом, я оказался плохим «педагогом». В коллективе стали собирать подписи под ходатайством о демобилизации прежнего инструктора Юркова, призванного в качестве офицера запаса в командный состав Красной Армии. На собрании коллектива я предложил закрытой баллотировкой высказаться за Юркова или за меня. Большинство высказались за Юркова, и я счел себя вынужденным уйти. Уйти было мне не легко, так как жизнь среди детей давала мне большое удовлетворение.

Вернулся в Центросоюз, но на этот раз не бездеятельным ученым консультантом, а лектором Высших Кооперативных курсов, устроенных Центросоюзом. Эту работу я взял по настоянию А. А. Сольца. На курсах я читал теорию кооперации и историю социалистических учений.

Кроме того, вел семинарий по изучению «Манифеста Коммунистической партии».

Со слушателями, как партийными, так и беспартийными, у меня установились хорошие, товарищеские отношения. Жил я с ними вместе, в их общежитии, в помещении бывшей кооперативной школы на Новой Слободской. По вечерам, после занятий мы дружески беседовали. Иногда разгорались жаркие споры, в которых принимали участие приходившие в гости студенты Свердловского университета. Своими слушателями я был очень доволен. Видимо, и они были довольны мною, так как аккуратно посещали мои лекции и окружили меня в общежитии такой деликатной заботливостью, что я чувствовал себя, как в родной семье. На выпускном прощальном вечере я играл и веселился с молодежью, забыв, что заканчиваю шестой десяток жизни.

Наряду с работою в детских домах, а затем на Кооперативных курсах, я читал много публичных лекций, главным образом, в Политехническом музее. Мои литературные лекции о Толстом, Достоевском, Гоголе, Тургеневе, Некрасове, Чехове, Горьком, Андрееве, Короленко, Добролюбове и Салтыкове-Щедрине обыкновенно сопровождались выступлениями артистов МХТ. Из лекций на политические темы наибольший успех имела лекция на тему «Две великих революции: французская и русская». В этой лекции я давал, между прочим, характеристику трех различных типов французских и русских революционеров: Марата, Робеспьера и Дантона, и Ленина, Троцкого и Луначарского. Лекции на религиозные темы сопровождались диспутами. Одну из этих лекций я назвал «С Богом или без Бога», а другую — «С чертом или без черта», причем доказывал, что идея, олицетворенная в образах Сатаны Мильтона и Люцифера Байрона, идея, связанная со стремлением к познанию добра и зла, ближе революционному пролетариату, чем идея Бога, требующего рабского подчинения.

Из слушателей моих лекций, точно так же, как и в Киеве, образовался кружок единомышленников, который так же, как и в Киеве, положил начало Союзу Разума и Совести. Между московским и киевским союзами Разума и Совести было много общего, но в Москве среди членов было больше людей политически зрелых и сознательных, были и партийные коммунисты. У московского Союза было свое общежитие, и часть членов Союза вносила свой заработок в общую кассу и затем делила его по нужде каждого.

В. А. Поссе (крайний слева) с членами московского Союза «Разум и Совесть». Москва 1920 г. Фото из архива Н. А. Поссе.
Публикуется впервые.

Мы призывали всех рабочих и служащих проводить в жизнь коммунистический принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» путем создания на заводах, фабриках и всех советских учреждениях товарищеских касс и общего товарищеского котла, составляемого из пайков. Мы протестовали против неравенства вознаграждения и привилегированных пайков.

За один из таких протестов на лекции-диспуте «С Богом или без Бога» я чуть не попал под суд. Присутствовавший на лекции Шпицберг, из адвокатов по бракоразводным делам, пролезший в коллегию Наркомюста, написал на меня донос и требовал возбуждения против меня судебного преследования. Он обвинял меня, между прочим, в том, что я сказал: «В то время, как рабочие пухнут от голода, комиссары пухнут от обжорства». К моему счастью, председательствовал на диспуте тов. Федюшин⁸². Его вызвал к себе тов. Курский⁸³. И Федюшин исправил неточность Шпицберга и повторил то, что я действительно сказал, а именно: «Что и среди коммунистов в настоящее время материальные блага распределяются чрезвычайно неравномерно». Доносу Шпицберга не было дано ходу, да и сам Шпицберг, разоблаченный Демьяном Бедным и другими солидными коммунистами, вскоре вылетел из партии.

В январе 1920 года Московским Союзом было выпущено воззвание, составленное мною. К этому воззванию присоединились и Союзы Разума и Совести в Киеве, Петрограде и Воронеже. В Петрограде и Воронеже Союзы образовались тоже в связи с моими лекциями. Вот что говорилось в этом воззвании:

«Люди разума и совести, объединяйтесь в свободные союзы, где каждый работает по мере своих сил и соответственно своим способностям и получает все необходимое для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей.

Люди разума и совести, объединяйтесь в свободные союзы, где все принадлежит всем, где каждый сознает, что право пользоваться услугами общего труда предполагает посильное в нем участие, где нет иного закона, кроме закона совести.

Люди разума и совести, объединяйтесь в свободные союзы, где каждого встречают словами «Добро пожаловать!» и провожают словами «Счастливого пути!».

Люди разума и совести, объединяйтесь в свободные союзы, где никто никого не обижает, где выше всего ценится свободная человеческая личность, где никто никого не обманывает, где все стараются говорить правду, всю правду, только правду, где не осуждают, а понимают друг друга, где, обсуждая чужие поступки, помнят о своих недостатках и ошибках.

Люди разума и совести, объединяйтесь в свободные союзы, где более одаренные и более сильные радостно помогают менее одаренным и более слабым, где все помогают друг другу в познании мира внешнего и мира внутреннего, в познании, освобождающем разум и совесть от затемняющих их суеверий.

Люди разума и совести, объединяйтесь в свободные союзы, где люди не делятся на рабочих, крестьян и интеллигентов (образованных и ученых), а каждый стремится быть образованным рабочим и крестьянином, трудящимся в мастерской и на земле, в университете или в другом учебном учреждении.

Люди разума и совести, объединяйтесь в свободные союзы, где нет ни русских, ни поляков, ни латышей, ни англичан, ни немцев, ни французов, ни христиан, ни евреев, ни мусульман, а все дети единого разума и единой любви.

Люди разума и совести, объединяйтесь в свободные союзы, где каждый одинокий и каждая одинокая найдут родную душу, где бездетные найдут детей, а сироты

родителей, где все одинокие и семейные приобщаются к единой соборной душе.

Люди разума и совести, объединяйтесь в свободные союзы, чтобы исчезли государственные границы, чтобы исчезли войны, казни, тюрьмы, чтобы мир глупости и корысти, мир лжи и жестокости, мир рабства и горя сменился миром разума и совести, миром правды и любви, миром свободы и радости. Да будет свобода, да будет радость для всех и каждого!

Люди разума и совести, объединяйтесь!»

В конце лета 1920 года я поехал на Украину, в Одессу и Киев. Читал лекции, имевшие большой успех. В Киеве в одной из лекций я подробно остановился на хозяйственной разрухе и указал, что восстановление сельского хозяйства и промышленности требует перехода от продразверстки к продналогу, установления твердой денежной валюты и допущения свободного товарообмена. Это вызвало возмущение некоторых партийцев, присутствовавших на лекции, и ко мне посыпались записки, обвинявшие меня в контрреволюции и спекуляции. Были сделаны и доносы. В результате следующая лекция была запрещена. Я пошел объясняться к председателю ревкома тов. Ветошкину⁸⁴. Он о запрещении ничего не знал и его не одобрил.

— Я хорошо знаю, — сказал он, — что вы наш друг, и что ваша критика всегда носит доброжелательный характер. С вами можно и следует спорить, но нельзя вам запрещать говорить то, что вы думаете. Мы достаточно сильны и бояться вашей критики нам не приходится.

Несмотря на протесты заведующего наробразом, тов. Ветошкин настоял на отмене запрещения лекции. Неделю через две после этого эпизода я был приглашен в Чека, но это приглашение стояло в связи не с моими лекциями, а с ликвидацией махновщины.

Как-то рано утром, когда я был в постели, ко мне явился молодой человек, постоянно бывавший на моих лекциях и нередко задававший мне по их поводу те или другие вопросы. Я его принимал за одного из своих сторонников. Возможно, что он и был таковым, что не мешало ему быть и сотрудником Чека. Передав приглашение Чека, он предупредительно предложил меня проводить, сказав, что у подъезда ожидает меня экипаж. Дорогой он держал себя так, как будто вез меня на званый обед.

В Чека меня сначала посадили в какую-то комнату, потом прогнали из нее, и я часа два простоял на лест-

нице, потом снова посадили в ту же комнату. Наконец, часа через четыре явился заведующий политическим отделом товарищ Казаков, молодцеватый малый, чистый и свежий, в щегольской чекистской форме с неизбежной желтой революционной кобурой сбоку. Увидев меня, он почему-то просиял, пригласил в свой кабинет и, потирая руки как бы от предвкушаемого удовольствия, повторял: «Побеседуем, побеседуем». Беседу он начал, ошарашив меня вопросом:

— Вы ведь состоите в партии левых эсеров, не так ли?

— Не состою и никогда не состоял.

— Да, да. Я ошибся. Вы состоите в федерации анархистов.

— Нет, не состою.

— Кто же вы такой?

— Я считаю себя внепартийным коммунистом.

— Но вы основатель Союза Разума и Совести. Какие его задачи?

Я подробно рассказал о задачах Союзов Разума и Совести, попутно выяснив, как я понимаю коммунизм.

Казаков слушал меня с величайшим интересом, и в конце концов «допрос» превратился в оживленную беседу двух товарищей, младшего и старшего, и старшим был я. Казаков рассказал мне, между прочим, что был он рабочим в Петрограде на Обуховском заводе, поступил в партию, был командирован на Украину и назначен председателем не то ревкома, не то исполкома в Белую Церковь. Там он убедился, что в Чека издеваются над арестованными, даже пытаются их. Он захотел бороться с этими злоупотреблениями и попросил, чтобы его назначили в Чека.

— Могу вам поручиться, — сказал он, — что у нас в Киеве теперь нет ни пыток, ни издевательств. Мы даем осужденному красоту смерти. Выстрел в голову, и он падает мертвым.

По окончании беседы Казаков на несколько минут ушел, чтобы получить санкцию на мое освобождение от председателя Чека. Получив санкцию, Казаков любезно проводил меня до самого выхода, пообещав прийти ко мне в гости, чтобы побеседовать на злободневные темы.

Мне не раз приходилось бывать в Чека, в Особом отделе (военное Чека), в ГПУ по приглашению и по собственной инициативе. Приходилось также встречаться и беседовать с чекистами и частным образом. В Киев-

ской Чека я в первый раз был еще в 1919 году, чтобы выручить Конухеса-Арсеньева, который после освобождения Украины от белых и петлюровцев, устраивал в Киеве и других городах лекции Григория Петрова⁸⁵. Незадолго перед приходом Деникина Петров смолк и скрылся, готовясь перейти на сторону белых, а Конухес остался в Киеве. Во время массовых обысков, происходивших тогда в Киеве, у него нашли много денег и служебный мандат, показавшийся подозрительным, так как Конухес не зарегистрировался, как это требовалось, по приезду в Киев. При допросе он что-то напугал, и ему грозил расстрел. С Конухесом я не имел никаких дел после моего ареста в Одессе и не питал к нему особых симпатий, но когда ко мне примчалась Марья Николаевна и стала умолять меня немедленно поехать в Чека и постараться спасти ее мужа, я без дум согласился. В Чека меня тогда приняли чрезвычайно любезно и согласились освободить Конухеса, если я письменно поручусь, что давно его знаю как искреннего сторонника советской власти. Я указал, что в Киеве находится тов. Коллонтай⁸⁶, лекции которой устраивал Конухес. Она, вероятно, согласится за него поручиться, а ее поручительство, конечно, значит гораздо больше, чем мое. Но мне ответили, что я ошибаюсь.

— Поручительству такого беспартийного революционера, как вы, мы придаем гораздо большее значение, чем поручительству Коллонтай. Тем более, что если ваше поручительство окажется неосновательным, то вас гораздо легче привлечь к ответственности, чем видных партийных товарищей.

Я написал все, что требовалось, и Конухес в тот же день был освобожден.

В Особый отдел армии, расположенной в Киеве, мне пришлось обращаться дважды. Один раз, чтобы спасти 17-летнюю девушку, служившую тайной сотрудницей в отделе и обвиненную в краже из отдела каких-то бланков, по которым можно было беспрепятственно ввозить и вывозить продукты. За девушку эту просил меня один из моих молодых друзей коммунистов, но и сам я ее знал как существо легкомысленное, но для Советской власти совершенно безвредное. Девушку эту мне удалось спасти.

Другой раз я обращался в Особый отдел, пытаюсь спасти от расстрела 17-летнего юношу, сына бывшего Киевского предводителя дворянства Гутовича⁸⁷. Юру, как звали этого юношу, я лично совершенно не знал, но

был заинтересован и взволнован той трагедией, которая возникла в связи с его арестом.

Мать Юры⁸⁸ незадолго до мировой войны разошлась со своим мужем и вышла замуж за военного министра Сухомлинова⁸⁹. Бутович не соглашался на развод, но Сухомлинов оказался много влиятельнее его и при содействии высших сфер и святейшего Синода Бутовичи были разведены. На основании лжесвидетельских показаний Бутович был признан виновным в прелюбодеянии с гувернанткой Юры, Верой Федоровной Лауренц. Юра остался с отцом, а мать ему заменила В. Ф. Лауренц, привязавшаяся к нему, как к родному сыну.

В начале революции Бутович бежал за границу, а Юра остался с Лауренц. В 1920 году он вступил в какую-то гимназическую контрреволюционную организацию, в которой самым старшим контрреволюционером было не больше 17 лет. Вера Федоровна узнала об участии Юры в контрреволюционной организации лишь тогда, когда он попросил ее найти для него убежище, так как один из его товарищей арестован, и та же участь грозит ему. Вера Федоровна нашла для него убежище, открыть которое было чрезвычайно трудно.

Через несколько времени после исчезновения Юры к Лауренц явился один из товарищей Юры и просил указать, где тот скрывается. Вера Федоровна ответила отказом. Тогда пришедший юноша упал перед ней на колени и стал умолять сказать ему, где Юра. По его словам, он пришел к ней с двумя агентами Особого Отдела, которые ждут его у входа. Ему сказали, что если он не узнает адреса Юры, то будет сегодня же расстрелян. Юноша так плакал и так умолял Лауренц, что она, наконец, открыла ему, где скрывается Юра. Она рассказывала мне, что сделала это в каком-то бессознательном состоянии.

Как только юноша ушел, сознание вернулось к ней, и она в безумном страхе за Юру примчалась ко мне, прося спасти его. Я знал, правда, очень мало Веру Федоровну, так как она была дальней родственницей Эрны. Искреннее отчаяние несчастной женщины произвело на меня сильное впечатление, и я тотчас поехал в Особый Отдел. Там мне сказали, что Георгий Бутович уже арестован. Я рассказал, что его невольно выдала Лауренц, заменившая ему мать, и просил принять во внимание ее отчаяние при решении участи Бутовича.

Через несколько дней после этого ко мне снова при-

шла Лауренц и сказала, что ей какой-то посредник предлагает спасти Юру от расстрела, если она хорошо заплатит. Называлась какая-то высокая сумма. Лауренц говорила, что она не остановится перед продажей всех своих вещей, чтобы внести эту сумму, но не решается сделать это, не переговорив предварительно со мной.

Я самым решительным образом высказался против всяких переговоров с посредниками и обещал через знакомых коммунистов разузнать, какое наказание угрожает Юре. Мне это удалось, и я мог сообщить Вере Федоровне, что мальчишеской организации, в которой участвовал Юра, не придают серьезного значения, и участницы ее, в том числе и Юра, будут по всей вероятности, отправлены в Москву в реформаториум, исправительный дом для малолетних преступников. Справедливость этого сообщения как бы подтверждалась разрешением свиданий с Юрой. Свидания, правда, были тягостны, так как Юра говорил Вере Федоровне: «Скорее бы расстреляли, а то будят по ночам, водят на расстрел и под дулом револьвера требуют, чтобы я выдавал товарищей».

Но наконец пришло свидание радостное: Юра сообщила, что на днях его отправляют в Москву, в реформаториум. Вера Федоровна понесла своему мальчику белье, теплую одежду и другие вещи, необходимые ему, по ее мнению, в дороге и Москве. Но вещи не приняли, свидания не дали. Дело перешло к другому следователю, который сурово сказал Вере Федоровне: «Какие там свидания! Для Бутовича дело кончится скверно». Пораженная этими словами, Лауренц пришла домой и свалилась тяжело больной. Мне об этом как раз накануне отъезда в Москву сообщил брат Веры Федоровны. С отъездом мне по разным соображениям нужно было спешить, повлиять на ход дела Бутовича надежды у меня не было, и я уехал, прося писать на адрес Федюшина.

Федюшина в Москве я не застал, затем мне самому пришлось на месяц уехать из Москвы. Когда я месяца через три пришел к Федюшину, он передал мне большую пачку писем из Киева. Стал читать и сначала ничего понять не мог. Письма были от Веры Федоровны. Она просила меня чаще посещать Юру в реформаториуме, покупать для него сливочное масло, которое он очень любит и вообще не жалеть тех денег, которые я выручил от продажи ее бриллиантовой брошки. На мое имя были ее письма и к Юре. В них она сообщала мелочи домашней жизни, просила заботиться о своем здоровье и вообще писала все то, что обыкновенно пишут

матери своим любимым сыновьям. Чувствовалось только, что в ее глазах Юра еще совсем ребенок.

Наконец, мне попало письмо брата Веры Федоровны. Он писал мне, что тотчас после моего отъезда Юра был расстрелян. От Веры Федоровны, которая была серьезно больна, это скрыли. Сказали, что Юра отправлен в московский реформаториум и посоветовали для верности адресовать письма и посылки на мое имя по данному мною адресу. В заключение Лауренц просил меня телеграфировать Вере Федоровне, что Юра умер в реформаториуме от сыпняка. «Сахаром,— добавлял он,— Вы распорядитесь по своему усмотрению. Что же касается до бриллиантовой брошки, то мы просим вернуть ее с какой-нибудь оказией».

Ни сахару, ни брошки Федюшкин не получал. Началось неприятное недоразумение. После одной из моих лекций ко мне подошел двоюродный брат Веры Федоровны и спросил, получил ли я сахар и бриллиантовую брошь, которую он передал одной из сотрудниц управления Совнаркома. Сотрудница эта замещала Федюшина, бывшего в отпуску. Она обещала передать сахар и брошь Федюшину или мне, но, видимо, забыла об этом. В управлении Совнаркома она больше не служила, но мы ее отыскали и брошь отобрали, а о сахаре из деликатности не упомянули.

Расстрелянного Юру Бутовича, сына киевского предводителя дворянства, я никогда не видел и не знал, а вот расстрелянного сына бедного самарского крестьянина Ивана Карасева я, хотя никогда не видел, но хорошо знал. Узнал я Ивана Карасева после его смерти. Ходоки московских трезвенников во время поисков свободной земли для сельскохозяйственной коммуны познакомились в одной из деревень Самарской губернии с родителями Ивана Карасева и взяли у них его дневник и предсмертную записку. Вернувшись в Москву, они дали мне их прочесть. Передо мною ожил образ молодого деревенского парня с исключительно правдивой, нежной и чуткой душой.

Карасев заносил в свой дневник не только то, что думал и чувствовал, но и то, что он делал. Не было дня без целого ряда иногда мелких, но полезных работ. И понятно было удивление, высказанное им в одной из записей дневника, что из города в деревню приезжают агитаторы, призывающие крестьян к усиленному труду. «Восхваляют труд,— писал он,— как раз те, кто не трудятся и кто стремится руководить трудящимися».

Карасев много читал книг по разным отраслям знания, читал, между прочим, и «Азбуку коммунизма» Бухарина⁹⁰, но свою правду он нашел лишь в сочинениях Толстого и сделался его последователем. Целомудренный и телом и душой, он упрекает себя, что иногда смотрит на одну из девушек, которая ему особенно нравилась, не просто, как на сестру, а как-то иначе. Он боится и стыдится своего чувства, но не может вполне преодолеть его. Он не может мириться ни с каким насилием и участвовать в войне для него совершенно немислимо. Лучше самому умереть, чем убить другого. Это для него очевидно. Он решается отказаться от военной службы, какая бы власть его к этому не принуждала. Но он не скрывает от себя, что иногда при мысли о расстреле ему становится жутко.

В дневнике сохранился черновик его заявления об отказе служить в армии белых, которые в своих прокламациях призывали защищать Учредительное собрание. В своем заявлении он писал, что не признает никакой власти, в том числе и власти Учредительного собрания, кроме власти Бога, проявляющейся в разуме и совести.

Не знаю почему, но он избег кары белых. Кары красных ему избежать не удалось. За отказ от военной службы он был арестован и расстрелян на льду ближайшего озера⁹¹. По дороге к озеру конвойные остановились обогреться в школе, где когда-то учился Ваня Карасев. Здесь он успел написать записку родителям, прося простить ему все огорчения, которые он им причинял. На озере ему самому пришлось последний раз поработать, вырубить прорубь, в которую после расстрела был брошен его труп. Труп примерз к краям проруби. Старик Карасев вытащил его и похоронил.

Воспоминание о Бутовиче и Карасеве связывается в моей голове с воспоминанием о третьем юноше, их сверстнике Орлове, который многих расстрелял, но сам счастливо избег расстрела. Не помню точно, в 1920 или в 1921 году, как-то раз, возвращаясь после лекции в Политехническом Музее к себе в Замоскворечье, я заметил, что какой-то молодой велосипедист все время держится около меня, то перегоняя, то отставая, а иногда слезая с велосипеда и шагая рядом со мной. Это наблюдение меня раздосадовало. Я подошел к нему и спросил:

— У вас есть какое-нибудь ко мне дело?

Молодой человек вежливо поклонился и сказал:

— Да, мне очень нужно было бы с вами поговорить, и я очень просил бы вас назначить мне время и место, где бы я мог вас завтра увидеть.

Я указал ему 10-й детский дом, где в то время обыкновенно бывал по утрам. Точно в назначенный час молодой человек прикатил на велосипеде. Это был рослый, здоровый блондин, на вид лет 20-ти, очень развязный. Без малейшего замешательства, как о чем-то самом обыденном он рассказал мне, что был сотрудником Чека и настолько выделился, как энергичный и умелый работник, что несмотря на свою молодость, был командирован для ревизии прифронтовых Чека. Все шло превосходно, пока он работал по политической линии. Но дело круто изменилось, когда ему поручена была борьба со спекуляцией, в частности с Сухаревкой. Здесь он не мог противостоять соблазнам, и вместе с другими молодыми чекистами начал вымогать взятки, присваивать драгоценности и деньги, находимые при обысках и т. д.

— Мы, — рассказывал он, — кутили, пили дорогие вина, покупали красивых женщин. Но в конце концов влопались. Нас арестовали. Если бы мы были совершеннолетние, нас посадили бы в реформаториум. Товарищи по заключению, уголовные преступники, узнав, что мы — бывшие чекисты, грозили нам самосудом, и нас поэтому пришлось выпустить и отдать на поруки родителям. Для заработка мне приходится теперь торговать из-под полы хлебом, выпекаемым из муки, добываемой не совсем законным путем. Все это мне противно. Мне хочется сделаться честным работником. У меня давно уже пробудился интерес к естественным наукам, в особенности к химии, и мне бы очень хотелось попасть в какой-нибудь вуз. Не можете ли вы мне оказать в этом содействие? Обращаюсь к вам, так как последнее время постоянно слушал ваши лекции и под влиянием их у меня созрело желание серьезно учиться и работать.

Я ответил Орлову, что, по моему мнению, прежде чем поступать в вуз, ему бы следовало поработать на фабрике или на заводе, хотя бы в качестве простого черноработного. Мое предложение Орлову не понравилось. Промямлил, что нужно об этом подумать, и распрощался.

Недели через две после этого разговора Орлов перенял меня на Трубной улице, по которой я плелся, и весело улыбнувшись, сделал мне под козырек. На этот раз он ехал не на велосипеде, а в пролетке, и не извозчицей, а, видимо, казенной. Лошадь была молодая, красивая, здоровая, вполне подходящая жизнерадостному седоку.

Видимо, Орлов сумел получить хорошее место. С тех пор я больше с ним не встречался.

С февраля 1921 года я снова начал работать в детских домах Замоскворечья, но скорее в качестве преподавателя, чем инструктора. Вернувшись к работе в детских домах меня уговорил молодой коммунист Григорий Степанович Прозоров, красный директор одной из замоскворецких конфетных фабрик. Директором он был очень добросовестным, но основным призванием его была деятельность педагогическая, так что большую часть своей энергии он отдавал на работу в организованных им при фабрике детских учреждениях. Работа среди детей сблизила и сдружила нас. По нравственной чистоте Прозоров приближался к лучшим из толстовцев, хотя будучи убежденным партийным коммунистом, не разделял религиозно-нравственных взглядов Толстого. Он жил как настоящий пролетарий, тратя большую часть денег на приобретение книг. Не пил, не курил, довольствовался самой умеренной, чисто вегетарианской пищей и был целомудрен в половом отношении. Я никогда не слышал от него скабрезной шутки, никогда не замечал, чтобы он бросил на какую-нибудь женщину нескромный взгляд, а женщин, которые бы охотно ему отдались, было вокруг него очень много. В настоящее время Прозоров заведует одним из больших московских интернатов, и я уверен, что дети относятся к нему, как к товарищу и другу.

Мои занятия в детских домах Замоскворечья проходили на этот раз без всяких трений с руководителями и заведующими, так как я заранее отказался от всяких попыток направлять их работу, а все свое время отдавал детям.

Осенью меня постигли два удара. Я узнал, что моя сестра Екатерина Александровна, вдова Василия Бернгардовича Струве, покончила жизнь самоубийством⁹². Она жила с детьми и внуками в Крыму и, видя их постоянную нужду и считая себя, больную, семидесятилетнюю старуху обузой, бросилась в море. Узнав об этой трагической смерти, я вспомнил то радостное и горькое, что мы с сестрой переживали вместе, и было мне, конечно, тяжело и скорбно...

Но вслед за этим последовал неизмеримо более тяжелый удар, от которого я пошатнулся и как-то сразу почувствовал себя стариком. Застрелился мой старший сын Лева⁹³, которому только что исполнилось 23 года. Красивый, здоровый, умный, жизнерадостный юноша,

общий любимец — и такой трагический для всех нас, его любящих, совершенно неожиданный конец! Теперь, продумывая его жизнь, я понимаю, как созрело у него роковое решение. Но в момент получения известия о его самоубийстве я ощущал только ужас, и моя собственная жизнь казалась мне бессмысленной и преступной.

Лева в качестве прапорщика запаса участвовал в империалистической войне, а затем в качестве красного командира в войне гражданской. И там, и тут он пережил много тяжелого, о чем не любил рассказывать, но о чем легко можно было догадываться. Смерти он никогда не боялся и во время боев проявлял большое хладнокровие. С войной его совесть мирилась, но ему трудно было мириться со смертными казнями, без которых не обходится ни одна война. Не мог он взять на себя и выполнения шпионских обязанностей, а между тем от него этого требовали. Помню то отчаяние, с каким он мне рассказывал, что Особый отдел потребовал от него, как лояльно беспартийного, слежки за товарищами, партийными коммунистами и доносов на них в случае каких-нибудь контрреволюционных проявлений.

Лева был искренний сторонник Советской власти и во главе воронежских военных курсантов два раза рассеивал контрреволюционные банды, но лукавить и доносить было противно его натуре. Его заставляли подписать какую-то бумагу, в которой между прочим была графа: «Сколько вы желаете получать за каждый донос?» Он, к неудовольствию сотрудников Особого отдела, ничего не пожелал получать, но бумагу с обязательством доносить он, кажется, подписал, и это его мучило.

Давила и материальная нужда, так как в то время низший командный состав получал мизерное жалованье, а Лева, кроме себя, приходилось содержать еще жену и ребенка. Осенью 1921 года он был демобилизован, но воля к смерти уже цепко захватила его. Застрелился он в Боровичах, в общежитии партшколы, в присутствии своей жены, ученицы этой школы. Два часа он бился в агонии... Я не могу освободиться от сознания вины за эту смерть. В моей личной жизни было много ошибок, и эти ошибки помешали мне быть не только отцом, но и настоящим другом Лёвы.

¹ «Основной закон о социализации» принят ВЦИК 27 января (9 февраля) 1918 г.— Декреты Советской власти Т. I. М., 1957. С. 407—419.

² Протокол общего собрания Петроградского отдела Союза трудового равенства от 31 марта 1918 г.

хранится в архиве Н. А. Поссе. В сельскохозяйственные коммуны отдела к тому времени записалось около 2 тыс. человек. Примерно 500 их присутствовали на собрании. Председателем был художник-архитектор Н. М. Проскурнин, секретарем — Павел Бутков. В докладе П. Буткова отмечено, что союз имел бы значительно больше членов, если бы пожелал «использовать для привлечения широких трудовых масс в свои ряды условия текущего момента — голод и также безработицу». Кроме отдельных рабочих и крестьян в союз вступили: Сельскохозяйственная дружина коммунаров, созданная по инициативе рабочих завода «Розенкранц»; Культурно-просветительная лига крестьян; 1-я Трудовая артель общественного огородничества; Частия немедленных социалистов, «возникшая по инициативе тов. Космача»; Федеративная мастерская рабочих-механиков. «Несмотря на недостаток материальных средств, неизбежный при отсутствии обязательных, недопустимых в момент настоящей безработицы, взносов, Союз Трудового Равенства, как организация пролетариев-коммунаров, верит в торжество своей идеи. Для усиления средств на свой печатный орган, брошюры, плакаты и листовки агитационного характера, многие товарищи предлагают выступить с рядом лекций и собеседований по вопросам Идеального Анархизма, практического осуществления сельско-хозяйственных коммун». Имелись в виду В. А. Поссе, Н. М. Проскурнин, Б. Стоянов и др.

³ В. А. Поссе и В. И. Ленин знакомы были заочно с 1897 г. и лично с осени 1902 г. Ленин печатался в петербургских журналах «Новое слово» и «Жизнь», которыми руководил Поссе. О первой встрече В. А. Поссе вспоминал: «Ленину было тогда 32 года, но казался он значительно старше. Уже тогда у него была солидная плешь, обнажавшая хорошо вылепленный череп с остатками рыжих волос. Лицо с сильно развитыми скулами и с выдающимся подбородком, прикрытым рыжею бородою, знакомо всем и каждому. Вся суть его была в глазах, карих, умных, смеющихся и лукаво, и ласково. Глаза эти я хорошо изучил впоследствии, когда говорил с Лениным с глазу на глаз в 1918 и 1919 годах. Небольшого роста, коренастый, с быстрыми уверенными жестами, Ленин производил впечатление человека, устремленного вперед и не умеющего защищаться иначе, как «нападая». (Поссе В. А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917). М.: Л., 1929. С. 230 — в книге вместо 1919 ошибочно 1920, исправлено по рукописи). В 1917 г. глава Союза имущественного и трудового равенства, именовавшегося также Коммунистической партией, В. А. Поссе высказывался в поддержку В. И. Ленина, но был еще левее. С ноября 1917 г. искал встречи с В. И. Лениным, но тот уклонялся, полагая, что идея Поссе — пустая фантазия.— См.: Поссе В. А. От Февраля до Бреста // Русское прошлое, 1991. Кн. I. С. 183, 189, 223—225.

⁴ В Москву В. А. Поссе приехал в первые дни

апреля 1918 г. и в статье рассказал о соседе по вагону-теплушке, у которого красногвардейцы отняли два пуда муки, купленной для голодающей семьи с пятью детьми.— Дубровский А. Мешочник // Анархия. 1918. 7 апреля.

⁵ Федюшин Георгий Романович (1897 — между 1962 и 1964) — с 7 ноября 1917 г. машинист в Комиссии Петроградского ВРК по разгрузке Петроградского железнодорожного узла. В декабре 1917 — октябре 1921 личный секретарь В. И. Ленина по приему посетителей. Накануне Брестского мира в 1-м головном социалистическом эшелоне выезжал под Псков на защиту Петрограда от германских войск. В 1921—1928 гг. учился в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, затем старший агроном в Ярославской области, с 1962 г. пенсионер.

⁶ Дубровский А. Уничтожение денег // Анархия. 1918. 9 апреля.

⁷ Г. Р. Федюшин присутствовал при беседе и так о ней вспоминал: «На прием приходили не только «дельные» люди, но и фантазеры. Например, Владимир Александрович Поссе. (Лично я с ним очень дружил). Поссе пришел к Владимиру Ильичу с проектом заменить деньги бонами, говорил, что это будет переход от денежной системы к натуральному обмену. Конечно, эта идея не понравилась Владимиру Ильичу» (Коган Р. Удостоверение // Огонек. 1962. № 29. С. 19). В многотомной биографической хронике «Владимир Ильич Ленин» эта встреча не упомянута. Тем не менее попытаемся ее датировать. Встреча состоялась после 9 апреля, когда напечатана статья В. А. Поссе «Уничтожение денег», не в день выхода этого номера «Анархии» и за несколько дней до разгрома 12 апреля Московской федерации анархистских групп. Поэтому вероятнее всего В. А. Поссе был у В. И. Ленина 10 апреля 1918 г. Подтвердить либо уточнить эту дату могут сотрудники центрального партийного архива при ЦК КПСС, хранящего журналы дежурных секретарей В. И. Ленина, где регистрировались его посетители.

⁸ В статье «Уничтожение денег» В. А. Поссе исходил из того, что «деньги — это только знак затраченного труда, дающего право на известное количество жизненных благ», и предлагал изменить денежную систему. В основу ее положить не золото, а «труд в его чистом виде». Денежной единицей сделать один рабочий час, содержащий 60 минут как разменные единицы; 6 рабочих часов равны 1 рабочему дню; 30 рабочих дней или 180 рабочих часов равны 1 рабочему месяцу. Специалисты должны определять количество благ, на которые имеет право каждый человек, затративший один час рабочего времени. Стоимость предметов потребления вычисляется в рабочих часах (вместо рублей). По мнению В. А. Поссе, такая система позволяла, «сообразуясь с состоянием народного хозяйства, увеличивая и уменьшая расценки, повышать и уменьшать заработную плату, совершенно не изме-

няя ее размера», избавляла от избытка денежных знаков и служила «переходом к анархическому строю коммунизма». В. И. Ленин все это отверг, но идея витала в воздухе и при И. В. Сталине воплотилась в колхозных трудовых днях.

⁹ *Середа Семен Пафнутьевич* (1871—1933) — статистик-экономист, с 1897 г. печатался у В. А. Поссе, член РСДРП с 1903 г., из немногих большевиков участников политического масонства. В 1917—1918 гг. член Исполкома Рязанского Совета, с 1918 г. член ВЦИК. В 1918—1921 нарком земледелия, организатор совхозов и коммун. Затем руководящий работник ВСНХ, Госплана, ЦСУ РСФСР. с 1930 г. заместитель председателя СНК РСФСР.

¹⁰ *Меццяряков Владимир Николаевич* (1885 — 1946) — член РСДРП с 1905 г., большевик. В 1918 г. член Коллегии Наркомата земледелия РСФСР; затем нарком земледелия УССР. на руководящей партийной и советской работе в Новгороде, Тамбове, Симбирске. В 1922—1928 член Коллегии Наркомата просвещения, заместитель председателя Главполитпросвета. Затем заместитель заведующего сельскохозяйственного отдела ВКП(б), в 1930—1936 в Наркомате иностранных дел; позднее на хозяйственной работе.

¹¹ Разоружение анархистов — первая крупная операция ВЧК. 10 апреля начальник американской миссии Красного Креста в России полковник Р. Робинс, сторонник признания РСФСР, пожаловался В. И. Ленину, что вооруженные анархисты отняли у него автомобиль. В. И. Ленин потребовал от Ф. Э. Дзержинского прекратить бесчинства анархистов. В 5 час. утра 12 апреля сотрудники ВЧК с помощью 6 тыс. латышских стрелков без предупреждения и переговоров окружили дом «Анархия» бывший Купеческий клуб, (М. Дмитровка, 6) и другие особняки, занятые анархистскими организациями и клубами, обстреляли их из пушек, пулеметов и броневиков и разоружили анархистскую Черную гвардию. «Своих сторонников, тех, кто дрался на немецко-гайдамацком фронте вместе с большевиками, последние предательски расстреливали, — писала 21 апреля «Анархия». — Своим предательством и братоубийством они превзошли Каина». Около 600 анархистов были арестованы, но большинство вскоре выпущены, включая заключенных в Кремль А. Л. Гордина, М. Д. Кривошenna и других вожakov Московской федерации анархистских групп. 23 апреля разоружены анархистские организации Петрограда. Большевики подчеркивали, что эти действия направлены против уголовников, втершихся в ряды идейных анархистов, и не являются борьбой с анархизмом, который они, как и прежде, считают политическим союзником.

¹² «Лубянское подворье» — меблированные комнаты на Лубянском проезде, 2 (ныне проезд Серова).

¹³ Всероссийский союз рабочих и крестьян создан в сентябре 1917 г. по инициативе рабочих Петрограда, Кронштадта и Гельсингфорса в связи с экономи-

ческим кризисом и угрозой голода. Первоначально назывался Всероссийским союзом рабочих и крестьян для производства сельскохозяйственных орудий и снабжения ими деревни. К 1918 г. объединял более 60 фабрик и заводов России. Девиз союза: «Машина — крестьянину, хлеб — рабочему», практическая цель — прямой товарообмен. Правление союза состояло из полуинтеллигентных рабочих, матросов, крестьян; председатель — матрос Н. Щукин; печатный орган — газета «Вольный плуг» в (ней сотрудничал В. А. Поссе). После свержения Временного правительства союз ставил целью практическое осуществление «социалистического коммунизма»: захват в руки трудящихся продовольственного и торгового аппарата, превращение в общенародное достояние всего движимого и недвижимого имущества капиталистов, введение всеобщей трудовой повинности, отказ от денежных знаков, обмен между городом и деревней через Всероссийский союз рабочих и крестьян произведенных продуктов, справедливое их распределение между трудящимися и переход через союзы коммун к коммунизму. В коммунах союз видел единственный тип организации рабочих и крестьян, позволяющий им стать хозяевами производства и распределения. Советская власть, по мнению союза, была не в состоянии осуществить коммунизм и являлась учреждением переходного времени от частновладельческого способа производства к коммунистическому, поскольку депутаты Советов выбраны за политические взгляды, не специалисты, не способны руководить производством, как и профсоюзы и фабзавкомы. Поэтому союз рассчитывал на самостоятельность масс. Интеллектуальную помощь ему оказывал Союз трудового равенства. О начале их совместной деятельности см.: Поссе В. А. От Февраля до Бреста.

¹⁴ *Лашевич Михаил Михайлович* (1884—1928) — член РСДРП с 1901 г., большевик, трижды был в ссылке, с 1915 г. на фронте, дважды ранен. В 1917 г. секретарь большевистских фракций Петроградского Совета и ЦИК первого созыва, участник VI съезда РСДРП(б), Демократического совещания, II съезда Советов, член Петроградского ВРК, в октябре командовал захватом телеграфа, почты, Госбанка и казначейства. Член ВЦИК, ЦИК СССР, в 1918—1919, 1923—1925 гг. член ЦК РКП(б). Первый комиссар продовольствия Петроградской трудовой коммуны. С апреля 1918 по 1925 на военной руководящей работе, член РВС, в 1925 г. заместитель наркомвоенмора и председателя РВС. Странник Л. Д. Троцкого. В 1927 г. исключен из партии, после отказа от оппозиции, восстановлен. Умер на посту заместителя председателя правления КВЖД в Харбине (по некоторым сведениям покончил с собой). Торжественно похоронен в Ленинграде на Марсовом поле, но позднее надгробие снято.

¹⁵ *Луначарская (Малиновская) Анна Александровна* (1883—1959) — младшая сестра А. А. Богданова (Малиновского), с 1902 г. жена А. В. Луначарского,

Будучи наркомом просвещения, он оставил ее и женился на артистке Малого театра Н. А. Розенель (1902—1962).

¹⁶ *Богданов (Малиновский) Александр Александрович* (1873—1928) — врач, философ, социолог, экономист, писатель-фантаст. Социал-демократ с 1896 г., «твердокаменный большевик», с 1904 г. ближайший соратник В. И. Ленина, избирался членом ЦК на III, IV, V съездах РСДРП. Вместе с Л. Б. Красиным в 1905—1907 возглавлял Боевую техническую группу большевиков. За организацию группы «Вперед» и разработку философской системы «эмпириомонизм» отлучен от большевизма. Создал всеобщую организационную науку Тектология (ее идеи нашли развитие в Кибернетике). После октября 1917 г. осуждал большевистский план построения социализма как утопию и авантюру, ведущую к длительной диктатуре. Теоретик и деятель Пролеткульта. Организовал и возглавил в 1926 г. первый в мире Институт переливания крови, погиб экспериментируя на себе по ее обменному переливанию.

¹⁷ Царское Село в 1918 г. было переименовано в Детское Село имени товарища Урицкого, а в 1937 г. в город Пушкин.

¹⁸ *Попов Сергей Михайлович* (1887—1932) — сын петербургского чиновника, в 1906 г. бросил 7-й класс гимназии и стал рьяным толстовцем: странствовал, работал в толстовских колониях, желая быть ближе к бедным и воспитать в себе смирение и любовь ко всем людям. При арестах отказывался предъявить паспорт, заявляя: «Братья, я не подчиняюсь вам, чтобы не развратить вас своим повинованием» — за что не раз был бит. Гостил у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. За написание в 1914 г. воззвания против войны, отбыл год заключения. В советские годы ревностный пропагандист идей философа П. П. Николаева, стал мирным анархистом. За это в 1920 г. более месяца подвергался издевательствам во внутренней тюрьме ВЧК. В 1921 г. арестован за призыв к свержению Советской власти. Работая братом милосердия, заразился сыпным тифом и умер. О нем см.: Панкратов А. С. Ищущие Бога. Кн. 2. М., 1911; Пругавин А. С. Неприемлющие мира. М., 1918; Булгаков Вал. Опомнитесь, люди — братья! М., 1922; Гонения на Анархизм в Советской России. Берлин, 1922. С. 157; и др.

¹⁹ *Николаев Петр Петрович* (1873—1928) — сын казачьего генерала, выпускник Пажеского корпуса. Военную службу бросил, удалился в свое имение, сблизился с Л. Н. Толстым и философски развивал его взгляды. В 1905 г. эмигрировал. Автор книг: Понятие о Боге как о совершенной основе сознания. Женева, 1907; Исследование нашего сознания. Духовно-монистическое мировоззрение. Белград, 1929; и др.

²⁰ Петр, в семье звали Пьером (1903—1949?) — младший сын В. А. Поссе и А. Н. Борман — см. примеч. 61. Учился в Петроградском электро-техническом институте, но не окончил. Не имел определенной про-

фессии. С 1935 г. жил под Воронежом. Арестован вслед за старшим братом, Сергеем, директором Института истории партии в Минске, членом ЦКК КП БССР, которого в 1938 г. ложно обвинили в намерении убить К. Е. Ворошилова. 3 июня 1949 г. Петр писал старшей сестре, Екатерине:

«Дорогая Катя, пишу тебе письмо, но сомневаюсь, дойдет ли оно до тебя, так как не знаю, точен ли адрес по которому отправляю это письмо. Известно ли тебе, что я уже несколько лет, с 1940 года, оторван от нормального существования? Эти годы моя жизнь протекает в тяжелом, напряженном физическом труде.. Судьба забросила меня в один из самых отдаленных участков России, где-то у самого берега Охотского моря. Побывал я и в тайге, на реке Амур, в г. Комсомольске. Мой адрес сейчас: Хабаровский край. г. Сов-гавань/5. ст. Сортировочная. п/я № 351/5.

Не знаю, существует ли город Сов-гавань на карте, но расположен он у самого моря, вероятно Охотского, в преддверье Тихого океана. Я здесь с Апреля м[еся]ца этого года. Климат пока отвратительный, весь май холодный, то снег, то дождь, с моря неприятный сырой ветер.

Катя, суровая школа, которую я прошел за последние годы, ничего не принесла мне, кроме старости и болезни. По дистрофии я получил сейчас кратковременный отдых. За это большое спасибо врачам — людям, у которых еще осталась хоть капля сострадания человека к человеку. У меня нашлось время, в сравнительно хороших условиях, а по моему положению — курортных, собраться немного с мыслями. Я вспомнил, что у меня есть сестра, тоже врач!! С некоторых пор, с февраля м[еся]ца я потерял всякую связь с вольным миром. Люди окружают меня, но какие люди?! Лучше умолчать об этом. Я чувствую себя совсем одиноким. Недавно мне исполнилось 46 лет. Таким образом я потерял безвозвратно лучшие годы человеческой жизни. Не подумай, что в этом моя собственная вина, или я совершил какое-либо преступление. Причина: может быть Бебка, Володя, короче говоря, я и сам хорошо не знаю. Скоро я должен выйти из «временной» изоляции. Огоньки, кажется из рассказа Короленко, по лекции Нины Шефтель, совсем близко от меня. Доплыву ли?! (...) Дистрофия, которая меня стала преследовать, упадок питания связаны с отсутствием в течение долгого времени в моей пище белков, жиров и т. п. Сам себе помочь в этом я конечно не могу. (...) Как живет Ленинград? Я часто вижу во сне его улицы, дома и проспекты. Когда он был в окружении, я болел за его судьбу, как за родного отца. Неужели мне не придется еще раз посмотреть на новый Ленинград!? Судьба Бебки тоже для меня загадка. Если ты получишь это письмо и ответишь, то твое письмо будет для меня не только большой радостью, но и подарком с другого мира, о котором я уже стал забывать. (...)» Сестра не ответила на письмо. Бебка — так в семье звали Сергея; Владимир —

старший брат, эмигрант; Нина Шефтель — Н. А. Поссе. Больше вестей о Петре не было. Письмо хранится в личном архиве Н. А. Поссе.

²¹ 30 июля 1918 г. в Зале Народного собрания (быв. Дворянское, ныне Большой зал Филармонии) выступали вместе А. В. Луначарский на тему «Христианство и социализм» и В. А. Поссе «Иегова и Христос». См.: Митинги, собрания, лекции в 1917—18 гг. Материалы для библиографии летучих изданий. Пг., 1920. С. 3. № 62.

²² Боровичи — второй по величине и значению промышленный город Новгородской губернии, в среднем течении реки Мста, на крутых отрогах Валдайской возвышенности. Крупнейший центр производства огнеупорных кирпичей. Весною — летом 1918 г. Боровичский Совет был эсеровским, большевики подвергались травле. В Боровичах В. А. Поссе издал в 1918 г. книгу «Любовь в творчестве Л. Н. Толстого».

Мошенское — большое старинное село на реке Уверь, в 48 верстах северо-восточнее Боровичей, уездный (ныне — районный) центр.

²³ Люберцы — промышленный город с заводом сельскохозяйственных машин, железнодорожный узел. Ныне юго-восточный пригород Москвы.

²⁴ *Пархоменко Иван Кириллович* (1870—1940) — художник, ученик Н. Н. Ге, окончил Академию художеств. Работал в «Биржевых ведомостях»; печатал статьи, рассказы, рисунки в «Речи», «Шуте», «Осколках и др. Написал галерею живописных портретов около 90 писателей и общественных деятелей России. В Первую мировую и Гражданскую войны жил в Ярославле. После октября 1917 г. писал портреты В. И. Ленина, вождей большевиков, автор картины «Троцкий у Ленина в Смольном», создал художественную студию для красноармейцев.

²⁵ Этот эпизод В. А. Поссе описал в своей статье: Шведов В. В Советской России. Наблюдения старого человека // Жизнь для всех. 1918. № 4—6. Стлб. 403—404.

²⁶ Подробнее об этом В. А. Поссе рассказал в статье еще в 1918 г.: «Как мило и просто играют человеческой жизнью в социалистической советской России! Игра имеет большое воспитательное значение. Вот что рассказывал мне в том же Ярославле один инженер:

— Иду в Коровниках, где находится ярославская тюрьма; вижу — группа мальчиков с игрушечными ружьями на плечах ведет мальчугана с завязанными назад руками. Я заинтересовался. Пошел за ними. Подошли они к штабелю дров. Поставили связанного. Отступили на несколько шагов, прицелились из своих ружей. Один скомандовал: «пли!». Все крикнули: «паф!», подражая выстрелу. Связанный мальчуган повалился, а командующий расстрелом, подойдя, ткнул его ногой и, подражая старшим, произнес:

— Собаке собачья смерть!

— Что это у вас такое? — спросил инженер у мальчиков.

— А это мы играем в красноармейцев. Самая тепер у нас в Ярославле любимая игра». — Шведов В. В Советской России... Стлб. 404.

²⁷ *Млодецкий Ипполит Осипович* (1855—1880) — народник, 20 февраля 1880 г. стрелял в министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова, 21 февраля осужден военно-окружным судом и 22 февраля публично повешен на глазах 50 тыс. петербуржцев.

²⁸ 3 апреля 1881 г. на Семеновском плацу Петербурга публично повешены А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, Т. М. Михайлов и Н. И. Рысаков за убийство Александра II. 5 мая 1887 г. в Шлиссельбургской крепости повешены А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев, В. С. Осипанов, В. Д. Генералов, П. И. Андреюшкин за подготовку убийства Александра III. В. А. Поссе близко знал А. И. Ульянова и его соучастников и за это был исключен из университета и выслан из Петербурга.

²⁹ В Иенском университете В. А. Поссе учился в 1890—1893 гг. Об упомянутом случае см.: Поссе В. А. Пережитое и продуманное. Т. I. Молодость. Л., 1933. С. 160.

³⁰ Временное правительство 12 марта 1917 г. объявило полную отмену смертной казни, но 12 июля восстановило ее на фронте за воинские преступления: измену, сдачу в плен, бегство с поля боя, разбой и др. Широкого применения смертная казнь не получила.

³¹ Низложив Временное правительство, II Всероссийский съезд Советов 26 октября вновь полностью отменил смертную казнь. Однако 21 февраля 1918 г. декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности!» (написан В. И. Лениным) наделил ВЧК правом расстрела без суда, «на месте преступления». (Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 9—10, 490—491). Расстрелы вызвали протест политических союзников большевиков — анархистов и левых эсеров 16 июня Наркомат юстиции разрешил ревтрибуналам выносить смертный приговор. В. И. Ленин требовал в августе от местных властей «навести тотчас массовый террор», «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 142; Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 189). Широкое применение расстрелов закреплено постановлением СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. В тот же день нарком внутренних дел Г. И. Петровский своим приказом ввел институт заложников: начались их массовые расстрелы по классовому признаку. 20 июня 1919 г. декрет ВЦИК расширил права ВЧК применять расстрел. 17 января 1920 г. ВЦИК и СНК отменили смертную казнь в РСФСР (сохраняя в УССР), но 11 мая восстановили. При НЭПе применение смертной казни, как меры классового подавления, сократилось, но В. И. Ленин подчеркивал: «Величайшая ошибка думать, что

нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 428). При Сталине террор достиг апогея.

³² *Сосновский Лев Семенович* (1886—1937) — журналист, большевик с 1903 г. В 1917 г. товарищ председателя Екатеринбургского Совета. Затем ведущий фельетонист «Правды», организатор газет «Беднота», «Гудок», «Красная газета»; обличал футуристов, С. Есенина, Б. Пильняка и других за «извращение советской действительности». Сторонник Л. Д. Троцкого, в 1927 и 1936 исключен из ВКП(б). Репрессирован.

³³ *Дуров Владимир Леонидович* (1863—1934) — цирковой дрессировщик и соло-клоун с 1887 г.; организовал Уголок Дурова, где изучал основы дрессировки. После октября 1917 г. выступал на арене со зверями и читал лекции, публиковал исследования. Сохранилась его книга «Дрессировка животных» с его дарственной надписью 1924 г.: «Золотому сердцу — громадному общественному деятелю тов. Поссе...» (Библиотека Н. А. Поссе).

³⁴ *Соловьев Иван [Иоанн] Ильич* (1854—1918) — священник, племянник философа В. С. Соловьева, с 1883 г. законоучитель Московского лицея цесаревича Николая, редактор и автор церковных изданий. Его книги: Полный учебник по Закону Божию. М., 1883; Царское самодержавие по учению Св. Библии и родной истории. М., 1905; и др.

³⁵ *Трегубов Иван Михайлович* (1858—1931) — сотрудник и последователь Л. Н. Толстого; исследователь и друг сектантов. За подписание возвания о помощи духоборам выслан в 1897 г. в Курляндскую губернию. С 1901 г. знаком с В. А. Поссе, в 1917 г. они вместе выступали с пацифистскими лекциями (см.: Поссе В. А. От Февраля до Бреста. С. 213). Сторонник вовлечения сектантов и толстовцев в строительство коммунизма. 15 мая 1929 г. послал председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому протест против ареста Братца Иоанна Чурикова (1862 — после 1930) — главы секты православных трезвенников (см. примеч. 65) и членов его сельскохозяйственной механизированной коммуны близ Вырицы, воплощавших христианский коммунизм. За это был сам арестован и умер в Казахстане 22 июня 1931 г., разделив мученическую судьбу чуриковцев.

³⁶ *Гордин Абба* — анархист-индивидуалист, философ, поэт. С братом В. Л. Гординым в 1917 г. основал Союз пяти угнетенных, звавший всех угнетенных, включая «рыцарей ночи» (уголовников) творить Анархию (см.: Гордины А. Л. и В. Л. Манифест пананархизма. М., 1918). Вожак Московской федерации анархистских групп. Пытался объединить разные течения анархистов в Секцию анархистов-универсалистов (создана в конце 1920 г., разгромлена зимой 1921 г.). Несмотря на свое выражение лояльности Советскому государству неоднократно арестовывался.

³⁷ После переговоров с Центральной Радой Гер-

мания в январе 1918 г. признала ее законным правительством Украинской народной республики. 9 февраля Рада подписала в Врест-Литовске сепаратный мир с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. По их пожеланию Рада запросила их военной помощи против Советской России и этим узаконила приход на украинскую землю войск Германии и Австро-Венгрии.

³⁸ *Скоропадский Павел Петрович* (1873—1945) — генерал-лейтенант, потомок гетмана Левобережной Украины 1708—1722 гг. И. И. Скоропадского. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Флигель-адъютант Николая II, любимец великого князя Михаила Александровича. В 1917 г. командир 34-го армейского корпуса, пользовался расположением военного министра А. И. Гучкова. Ушел из армии, чтобы возглавить русский избирательный блок в Киеве. Стронник объединения «русских земель», включая Польшу, в единое федеративное государство. На первых порах был против украинского движения, видя в нем тонкую политическую интригу Австро-Венгрии. 6 октября 1917 г. на Съезде вольного казачества в Чигирине избран атаманом украинского казачьего войска, возглавил войска Центральной Рады. Когда недовольные социалистическими экспериментами Рады германские власти ее разогнали, избран 29 апреля 1918 г. с санкции Вильгельма II гетманом и провозгласил Украинскую державу. Восстановил права помещиков. После Ноябрьской революции в Германии объявил создание Всероссийской федерации с целью возродить Великую Россию, но не удержался у власти и 14 декабря 1918 г. бежал из Киева под видом раненого немецкого офицера в Берлин. Участник Общероссийского монархического съезда 1921 г. в Рейхенгале. В 1928 г. вел переговоры с Российским общевоевнским союзом о сотрудничестве, но порвал их после постановки в Берлине «Дней Турбиных» М. А. Булгакова, возмущенный своим изображением в песе. Сотрудничал с фашистами.

³⁹ *Раковский Христиан Георгиевич*, настоящее имя Станчев Крыстю (1873—1941) — уроженец Болгарии, с 1890-х гг. социал-демократ, любимый ученик Г. В. Плеханова, «искровец», доверенное лицо организации В. А. Поссе «Жизнь». 1905—1917 член ЦК Румынской С-Д П, спасал моряков-потемкинцев, циммервальдец. 1918—1927 член ЦК большевиков, участник борьбы за власть Советов на Украине, в Крыму и Бессарабии. В 1918 г. глава делегации РСФСР на мирных переговорах с Центральной Радой и затем с гетманом П. П. Скоропадским. С января 1919 г. в УССР председатель СНК, наркоминдел, председатель ЧК, замнаркома земледелия. Затем член РВС Юго-Западного и Южного фронтов, деятель Коминтерна, участник Генуэзской и Лозаннской конференций. С 1923 г. полпред СССР в Великобритании, в 1925—1927 во Франции. Один из самых стойких сторонников Л. Д. Троцкого, в 1927 г. исключен из партии и сослан; в 1935 г. восстановлен,

работал в Наркомздраве РСФСР. В 1937 г. арестован, на процессе «антисоветского правотроцкистского блока» в марте 1938 г. осужден вместе с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и др. как «английский и японский шпион». Расстрелян 11 сентября 1941 г. в лесу под Орлом.

⁴⁰ *Конухес (псевдоним Арсеньев) Лев Иванович* — организатор лекций В. А. Поссе. После ссоры с ним, В. А. Поссе уговорил в 1922 г. Нину Александровну Шефтель взять на себя эти обязанности, и позднее она стала его женой.

⁴¹ *Карахан Лев Михайлович — Караханян Левон* (1888—1937) — член РСДРП с 1907 г., меньшевик, с 1914 г. межрайонец, с июля 1917 г. большевик. В 1917 г. секретарь президиума Петроградского Совета, член Петроградского ВРК. Секретарь и член делегации РСФСР на мирных переговорах в Бресте, сторонник подписания мира. С 1918 г. член Коллегии Наркоминдела, в 1922—1923 заместитель наркома иностранных дел, затем посол в Китае, Турции. Репрессирован.

⁴² «Идите вон!»

⁴³ *Генслер Эрна Августовна* (середина 1890-х — 1918) — дочь классной дамы Одесской немецкой гимназии, мать двух детей В. А. Поссе: Андрей (р. 1915) — ленинградский профессор, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР; Алида (1916—1950-е) — врач в Минске и Молодечно, оказалась в фашистской оккупации, затем в Англии, умерла в Филадельфии (США). Алиду и Андрея воспитывали их бабушка (Генслер), а затем Н. А. Шефтель-Поссе.

⁴⁴ *Стиридонова Мария Александровна* (1884 — 1941) — вождь левых эсеров. См.: Поссе В. А. От Февраля до Бреста. С. 217, 243. После октября 1917 г. член президиума ВЦИК. 6 июля 1918 г., в день восстания левых эсеров в Москве, оказалась среди запертых большевиками в Большом театре делегатов V съезда Советов; с 8 июля на гауптвахте Кремля. Ревтрибунал ВЦИК приговорил ее 27 ноября к одному году заключения, а 29 ноября амнистировал ее за заслуги перед революцией. В феврале 1919 г. вновь арестована и приговорена к изоляции на год от политической жизни, но в ночь на 2 апреля сбежала вместе с охранником-чекистом из Кремля. В октябре 1920 г. больная тифом арестована в Москве, посажена в Бутырскую тюрьму, из-за психического расстройства переведена в больницу и затем выпущена на поруки. В 1923 г. пыталась бежать за рубеж, и за это сослана на три года. Отошла от политической деятельности, однако репрессии продолжались. Последний раз арестована в 1937 г. в Уфе, где работала в ссылке бухгалтером, обвинена в подготовке покушения на правительство Башкирии и К. Е. Ворошилова. Отказалась лижесвидетельствовать на процессе «правотроцкистского блока» 1938 г., осуждена на 25 лет лишения свободы, сидела в Орловской тюрьме, расстреляна 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу под Орлом в числе 157 деятелей

революции (с О. Д. Каменевой (Троцкой), Х. Г. Раковским и др.).

⁴⁵ *Куклина Мария Алексеевна* — вдова Г. А. Куклина (см.: Поссе В. А. От Февраля до Бреста. Предисловие), давняя сотрудница В. А. Поссе — член организации «Жизнь», секретарь «Трудового союза». С первой мировой войны жила в Киеве, на Лукьяновке, где у нее останавливался В. А. Поссе.

⁴⁶ Жена Л. И. Конухеса (Арсеньева) — см. примеч. 40.

⁴⁷ В Фрейбургском университете В. А. Поссе зимой 1894 г. защитил докторскую диссертацию «Истерия при органических заболеваниях нервной системы» и получил степень доктора медицины.

⁴⁸ *Зак Сергей Сергеевич* (1867—1930) — экономист, публицист, в революционном движении с 1880-х гг., эсер, с 1917 г. левый эсер, редактор газеты «Знамя труда», сторонник синдикализма. В 1920 г. порвал с эсерами. Работал научным сотрудником Госплана РСФСР, автор ряда книг.

⁴⁹ *Мустафин*, генерал — градоначальник Одессы, назначен П. П. Скоропадским, был непопулярен, удален в отставку в начале декабря 1918 г.

^{49a} *Кистяковский Игорь Александрович* (р. 1867—?) — адвокат, публицист, брат философа, участника «Вех» Богдана Кистяковского, оба кадеты. Сторонник самостийной Украины. В правительстве Скоропадского государственный секретарь, с июля — министр внутренних дел, проводил репрессии, называя себя последователем В. К. Плеве. Эмигрант.

⁵⁰ *Ермолаев Михаил Сергеевич* (1847—1911) — помещик Саратовской губернии. Имел доверительные отношения с В. Н. Фигнер, народовольцами, затем с В. А. Поссе. Пайщик и с 1899 г. официальный редактор-издатель журнала «Жизнь», член организации «Жизнь», казначей «Трудового союза», которыми руководил В. А. Поссе.

⁵¹ *Старицкий Георгий Георгиевич* (Егорович) — сын видного деятеля судебной реформы на Кавказе, члена Гос. совета Е. П. Старицкого. Летом 1889 г. спутник В. А. Поссе в путешествии по окрестностям Сент-Этьенна: «Молодой, корректный человек, хорошо знавший, что он сын важного сановника», «выглядел настоящим джентельменом» — Поссе В. А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864—1917 гг.). М.; Л., 1929. С. 52—54. — Позднее юрист, член партии кадетов.

⁵² *Сент-Этьенн* — город центральной Франции в департаменте Луара, центр угольной и оружейной промышленности. «И здесь можно было убедиться, как неоднороден рабочий класс. Труд оружейников несравненно легче и осмысленнее труда угольщиков, а заработок их значительно больше. (...) Иной внешний облик, иные привычки, иная домашняя обстановка, иные увеселения, иные кабачки и трактиры» — Поссе В. А. Мой жизненный путь. С. 52.

⁵³ *Волкенштейн Александр Александрович* (1852—

1926) — полтавский земский врач, из аристократической семьи, близкой к царскому двору. В 1877 г. осужден по «Процессу 193-х». Армейским лекарем участвовал в освобождении Болгарии от Османского ига. Жена — Людмила Александровна, член «Народной Воли», в 1884—1896 гг. в Шлиссельбургской крепости, убита на демонстрации 1906 г. во Владивостоке. В годы заключения жены сблизился с Л. Н. Толстым, стал толстовцем, бесплатно лечил бедняков Полтавы. На Русско-Японской войне заведовал лазаретом. В 1918 г. передал сидевшему в полтавской тюрьме В. А. Поссе том писем А. П. Чехова, где тот впервые прочел чеховский отзыв о своем очерке «На холере». (Позднее этот очерк вошел в книгу В. А. Поссе «По Европе и России. Наблюдения и настроения»). А. П. Чехов 13 февраля 1893 г. писал издателю А. С. Суворину: «Даже Вам, занятому человеку, не мешает прочесть очерк «На холере» (...) «На холере» написано доктором, живущим за границей. Там много шпилек по адресу наших докторов». (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти томах. Письма. Т. 5. М., 1977. С. 172). В. А. Поссе вспоминал: «Не буду скрывать, что в этот день полтавская тюрьма, вообще не плохая, показалась мне превосходной». — Поссе В. А. Мой жизненный путь. С. 103.

⁵⁴ 14 декабря 1918 г. войска Украинской Директории под командованием украинского социал-демократа С. В. Петлюры свергли правительство гетмана П. П. Скоропадского и восстановили Украинскую народную республику. 2 февраля 1919 г. Киев взяла Красная Армия и вновь установила Украинскую социалистическую советскую республику со столицей в Харькове.

⁵⁵ Правда о евреях и их религии, рассказанная евреем и христианином. Киев, 1919 (56 с.). Книга содержит предисловие В. А. Поссе, датированное 19 февраля 1919 г., его статью «Братское слово евреям и христианам», статью Н. С. Гуревича «Сущность еврейской религии» — под редакцией петроградского раввина М. Г. Айзенштадта, отрывок из драмы Г. Лессинга «Натан Мудрый» — «Легенда о трех кольцах». В. А. Поссе так завершил свою статью: «С Богом, с любовью к евреям и ко всем вообще людям, против дьявола, против злобы к евреям и другим иноверцам — вот то знамя, под сенью которого, вооруженные только мыслью и чувством, пробьемся мы в царство мира и правды, в царство свободного, радостного труда, где не будет ни иудея, ни христианина, а все будут дети единой Любви» (Там же. С. 56).

⁵⁶ «Епископ Сергей (Лавров), начальник Урмийской миссии, человек неуравновешенный, под влиянием революционных настроений объявил себя принадлежащим к англиканской Церкви. Его от православной Церкви отлучили». После раскаяния, больного сыпным тифом Сергея Высшее Церковное управление восстановило с прежним титулом епископа. (Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Мухиной. Париж, 1947. С. 354). В 20-е гг. епископ Сухумский Сергей (Лавров) нахо-

дился в ссылке в Ташкенте.— Регельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917—1945. Париж, 1977. С. 536.

⁵⁷ 30 августа 1919 г. в Киев вернулись войска Украинской Директории, но уже 31 августа город заняли Вооруженные силы Юга России под командованием генерала А. И. Деникина.

⁵⁸ *Поссе В. А.* В свете разума и совести. (Из пережитого и продуманого). Издание Киевского кооператива общества «Разум и Совесть». Киев, 1919. Типография Рабочего кооператива «Жизнь». (32 с.). В книгу вошли статьи 1892—1919 гг. В предисловии, помеченном 3 июня 1919, В. А. Поссе писал: «Издается книжка на доход от моих лекций; сумма вырученная от ее продажи пойдет на усиление средств Общества Разума и Совести». Второе издание книги вышло в Москве в том же 1919 г. Секретарь киевского Союза «Разум и Совесть» Нина Александровна Поссе, в те дни носившая девичью фамилию Шефтель, вспоминает, что киевский союз, с лекциями и Курсами живого слова, был интеллектуальнее московского союза, с его общей кассой, чаепитиями и преимущественно бытовой окраской.

⁵⁹ С 6 мая по 12 июня 1920 г. Киев был оккупирован польской армией Юзефа Пилсудского совместно с петлюровцами.

⁶⁰ *Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович* (1869—1920) — участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1917 г. полковник, командир 6-го Донского казачьего полка. В апреле — мае 1918 г. командир конной группы Донской армии генерала П. Н. Краснова, генерал-майор. В Вооруженных силах Юга России командир 2-го Сводного казачьего корпуса, генерал-лейтенант. 10 августа — 19 сентября 1919 г. совершил глубокий рейд по тылам Красной Армии, захватывая Тамбов, Козлов, Лебедянь, Елец, Воронеж, разрушая железные дороги. Повторный рейд был неудачным. В декабре 1919 г. разбит 1-й Конной армией (командарм С. М. Буденный). Отстранен от командования. Умер от сыпного тифа в Екатеринодаре.

⁶¹ *Альвара-Альма Николаевна*, урожденная Борман (1867—1919) — младшая сестра Егора Бормана (глава Товарищества «Жорж Борман» — шоколад, какао, умер в Гражданскую войну на Урале). Познакомилась с В. А. Поссе в 1890 г. в Бернском университете. «Отец ее был еврей, мать — немка, но мне она чрезвычайно напоминала своею наружностью моего любимого английского поэта Шелли. Красивые изгибы высокого лба над мягкими волнами белокурых волос. Большие темнотолубые глаза, мягкие очертания тонких, крепко сжатых губ (...) Альма кончила немецкую школу и была человеком немецкой культуры» (Поссе В. А. Пережитое и продуманное. Т. I. С. 141). Домашняя учительница, затем литературная переводчица. С 1896 г. под негласным надзором полиции. В 1902 г. член организации «Жизнь»; перевозила нелегальную литературу в Россию. Разведая с А. И. Ивановой (см. примеч. 93), В. А. Поссе венчался с А. Н. Борман 8 сентября

1910 г. Мать его четырех детей: Екатерина (1897 — 1975) — врач-рентгенолог, кандидат медицинских наук, доцент Военно-медицинской академии, полковник медицинской службы; Владимир (род. 1900) — вожак комсомола в провинции, мобилизован в Белую армию, затем врач в Греции; Сергей (1901—1940?) и Петр (1903—1949?) — см. примеч. 20. Фотографию семьи см.: Русское прошлое. 1991. Кн. I. С. 175. С 1913 г. страдала болезнью сердца. Похоронена на Волковском лютеранском кладбище Петрограда. В 1940 г., рядом похоронен В. А. Поссе.

⁶² «В моем жизненном пути горьковская полоса памятна и значительна. Было в ней хорошее, было и худое. Худого не обойдешь, но сначала выдвигаются воспоминания хорошие, светлые» (Поссе В. А. Мой жизненный путь. С. 157). О сложности отношений В. А. Поссе и М. Горького см.: Поссе В. А. От Февраля до Бреста // Русское прошлое. 1991. Кн. I. С. 178, 182—183, 214—215. Созвучное В. А. Поссе описание быта М. Горького в голодающем Петрограде см.: Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 1991; Зайцев Б. Мои современники. Лондон, 1988; Зайцев Б. Братья-писатели. Воспоминания. М., 1991; и др.

⁶³ В январе 1920 г. в Петрограде по инициативе и под председательством М. Горького создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) и открыт Дом ученых в бывшем Дворце великих князей Владимира Александровича и Марии Павловны (Дворцовая наб., 26—28). В распределителе ЦЕКУБУ ученые и литераторы получали продукты, одежду, книги. В служебных флигелях дворца, фасадом на улицу Халтуркина, 27—29, помещалось общежитие Дома ученых, куда В. А. Поссе помог устроиться своему старшему брату, известному математику, академику К. А. Поссе. С сентября 1932 г. Дом ученых носит имя М. Горького. В служебных флигелях дворца ныне Академическая гостиница для приезжающих ученых.

⁶⁴ *Родэ Адольф Сергеевич* (ум. 1930) — купец 1-й гильдии, почетный гражданин, директор и владелец сада «Аркадия» на Новодеревенской набережной и находившегося в нем ресторана «Вилла Родэ» с варьете и цыганским хором, а также по 1917 г. председатель правления Союза владельцев гостиниц и ресторанов. Первый директор Дома ученых. Летом 1921 г. М. Горький писал А. В. Луначарскому: «Когда в октябре 17-го года Родэ был арестован — Урицкий сам ездил в тюрьму, чтоб освободить его... Родэ человек искренно и бескорыстно служащий Комиссии, относясь к Советскому правительству безусловно лояльно. Его знают такие коммунисты как Павел Пахнев, заведующий санаториями Крыма, Бадаев и Бакаев, бывший председатель ПЧК». (Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 215). Говоря об авантюристах, мошенниках и ворах, окружавших М. Горького, В. Ф. Ходасевич вспоминал: «Некий Родэ, бывший содержатель знаменитого кафешантана, избрал себе целую революционную

биографию. Однажды я сам слышал, как он с важностью говорил о своей «многолетней революционной работе». Горький души в нем не чаял (...) Когда я случайно позволил себе назвать Дом Ученых Родеспомогательным заведением, Горький дулся на меня несколько дней». (Ходасевич Владислав. Воспоминания о Горьком. М., 1989. С. 18). По словам Н. Н. Берберовой, А. С. Родэ «был вполне на месте новой роли, но и себя не забывал. По этой причине в голодные годы Дом ученых в Петрограде называли «родэспомогательным заведением». — Берберова Н. Железная женщина. М., 1991. С. III.

⁶³ Трезвенники — движение православных верующих, которые объединялись вокруг «братцев» — проповедников для нравственного спасения путем отказа от вина, как главного зла на земле, а также от курения и животной пищи. Признавали особую, благодатную силу своих братцев, именуясь по их фамилиям: чуриковцы, анисимовцы (Петроград), колосковцы (Москва), кондратьевцы (Боровичи), гуляевцы (Кострома) и др. Вождами движения являлись И. А. Чуриков и И. Н. Колосков; остальные «братцы»-проповедники сначала учились у них, а затем начинали собственную, самостоятельную проповедь. Наибольший отклик движение находило на городском социальном дне.

⁶⁶ *Колосков Иван Николаевич* — Братец трезвенников-колосковцев, «Братец Иванушка», был тульским крестьянином. Появился в Москве в 1907 г. с проповедями против трактиров, «пьянственных бесов», блудодействия, мясоедения, насильственных выступлений. Облачался в длинную вишневую шелковую рубаху, плисовые шаровары и лаковые сапоги. Привлекал слушателей простой, сердечной и убедительной речью. Например: «Давайте же бросим этот яд (водку), не будем сами им травиться и других травить. И разум наш, теперь больной, излечится. У нас заиграют светлые мысли, на душе явится надежда и в сердце радость, и мы воскреснем к новой, хорошей жизни, для новых лучших дел... Ваше материальное состояние хоть немного улучшится, вы не будете раздеты. Детишек ваших, этих ангелов мира, вы накормите и приголубите, и жизнь ваша семейная, отныне благословенная, безмятежно потечет. Ранее вы были как сор пометаемый, забыли даже кто вы, а теперь в вас возродится разумный, свободный человек». (Элияшевич И. Я. Правда о Чурикове и чуриковцах... Л., 1928. С. 3—4). В гражданскую войну призывал к отказу от военной службы и ношения оружия. Созданная И. Н. Колосковым московская трудовая община — коммуна «Трудовая жизнь» состояла из рабочих, ремесленников и крестьян. В 1920 г. председатель Моссовета Л. Б. Каменев выдал «Трудовой жизни» от лица президиума Моссовета охранную грамоту. Покровительство Л. Б. Каменева колосковцам, как и Г. Е. Зиновьева чуриковцам, позднее, после разгрома «Новой оппозиции», трагически сказалось на судьбе коммун трезвенников.

⁶⁷ *Попов С. М.* — см. примечание 18.

⁶⁸ Центросоюз — Всероссийский центральный союз потребительских обществ. Образован в сентябре 1917 г. на основе Московского союза потребительских обществ. После октября 1917 г. снабжал население товарами по нормам Наркомата продовольствия. В апреле 1919 г. СНК вывел из руководства Центросоюза сторонников независимости кооперативных организаций от государства. К 1920 г. объединял все городское и сельское население, заготовлял продукты, налаживал общественное питание, производил товары широкого потребления. В июле 1928 г. преобразован во Всесоюзный союз потребительских обществ СССР.

⁶⁹ *Коробков Д. С.* — председатель Центросоюза в 1917—1919 гг., сторонник независимости кооперации от государства.

⁷⁰ *Сольц Аарон Александрович* (1872—1945) — член РСДРП с 1898 г., большевик, боролся за власть Советов в Москве; в 1918 г. левый коммунист. 1920 — 1934 член ЦКК партии и с 1921 член Верховного суда РСФСР, затем СССР; его именовали «совестью партии».

⁷¹ *Шмидт Отто Юльевич* (1891—1956) — член РКП(б) с 1918 г., работал в Наркомпрод, Наркомфине, Наркомпросе; один из основателей и главный редактор Большой советской энциклопедии в 1924—1941; начальник Главсевморпути в 1932—1939, руководитель экспедиций. Герой Советского Союза с 1937. Академик с 1935. Вице-президент Академии наук СССР в 1939—1942.

⁷² *Левченко Х. П.* — солдат-артиллерист из Кубанской области, был в 1917 г. членом Оргкомитета Союза имущественного и трудового равенства. См.: Поссе В. А. От Февраля до Бреста // Русское прошлое. 1991. Кн. I. С. 208.

⁷³ Кубанская краевая войсковая Рада — высший сословный орган Кубанского казачьего войска. Создана в апреле 1917 г. в Екатеринодаре, с апреля 1918 г. орган Кубанской области, избирала войскового атамана и войсковое, затем областное правительство. 22 февраля 1918 г. I съезд Советов Кубани (Армавир) объявил ее вне закона. 17 марта 1918 г. Рада заключила союз с Добровольческой армией против большевиков, но продолжала отстаивать автономию Кубанской области.

⁷⁴ *Бухарин Николай Иванович* (1888—1938) — член РСДРП(б) с 1906 г. Участник революций, в 1918 г. левый коммунист. В 1917—1934 член ЦК партии; с 1919 кандидат, 1924—1929 член Политбюро; 1934—1937 кандидат в члены ЦК. Редактор «Правды» (1918—1929), «Известий» (1934—1937). Член Исполкома Коминтерна до 1929 г., ВЦИК и ЦИК СССР. С 1929 г. академик Академии наук СССР. В 1928—1930 в оппозиции Сталину. Расстрелян после инсценированного процесса «правотроцкистского блока».

⁷⁵ *Чичерин Георгий Васильевич* (1872—1936) — член РСДРП с 1905 г., меньшевик, с 1918 г. большевик, в 1925—1930 член ЦК ВКП(б). В 1918—1929 нар-

ком иностранных дел. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Стасова Елена Дмитриевна (1873—1966) — внучка архитектора Василия Стасова, дочь адвоката, член РСДРП с 1898 г., большевичка. С февраля 1917 по март 1920 секретарь ЦК партии, в 1930—1934 член ЦКК ВКП(б). В 1918 г. член президиума Петроградской ЧК. Позднее на партийной и научной работе.

⁷⁶ *Махно Нестор Иванович* (1889—1934) — крестьянин с. Гуляй-Поле, анархист-коммунист. Участник террористского «Вольного союза анархистов-коммунистов», за это осужден в 1910 г. на 20 лет каторги. В 1917 г. председатель Совета крестьянских депутатов Гуляй-Поля, изгнал администрацию Временного правительства и установил в волости власть Советов. В 1918 г. сражался против австро-германцев и петлюровцев, за личную храбрость и военный талант повстанцы избрали его «бабьей»; в июне был в Кремле у В. И. Ленина и Я. М. Свердлова; слал эшелоны хлеба «голодающему пролетариату Петрограда от бабки Махно». Объединив повстанцев Приазовья, с мая 1919 г. воевал против белых и красных. Дважды мирился и рвал с большевиками, объявлялся ими вне закона; ими расстрелян его брат Савва. Рейды 50—80 тыс. махновцев разстроили белый тыл, содействуя срыву наступления генерала А. И. Деникина на Москву. В боях ранен 12 раз. Осуществил самоуправление повстанцев, но не сумел создать безвластной анархистской республики. Участник пьянства, дебошей и зверств махновцев. Войска Махно первыми ворвались в Крым через Сиваш. После разгрома Врангеля, вновь объявлен врагом Советской власти. 26 августа 1921 г. бежал в Румынию, затем из концлагеря в Польшу. Жил в Париже. Урна с прахом на кладбище Пер-Лашез, близ 18 парижских коммунаров.

⁷⁷ В. И. Ленин отвергал общечеловеческую, внеклассовую мораль, считая ее надутельством рабочих и крестьян, и подчеркивал: «Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата (...) Мы говорим, что нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов». — Ленин В. И. Задачи Союзов молодежи. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309, 310.

⁷⁸ Вечером 7 ноября 1919 г. В. И. Ленин выступил с речью на соединенном заседании ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС и фабзавкомов в Большом театре: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 292—303.

⁷⁹ В ходе Кубано-Новороссийской операции 3—27 марта 1920 г. войска Кавказского фронта под командованием М. Н. Тухачевского 17 марта заняли Екатеринодар и Армавир, 27 марта — Новороссийск и завершили разгром Вооруженных сил Юга России, которыми командовал генерал А. И. Деникин. Кубанская армия генерала Н. А. Морозова была прижата к границе Грузинской демократической республики и 2—3 мая капитулировала.

⁸⁰ *Елизарова (Ульянова) Анна Ильинична* (1864—1935) — старшая сестра В. И. Ленина, жена наркома путей сообщения М. Т. Елизарова, член РСДРП с 1898 г. В 1917 г. член Русского бюро ЦК РСДРП(б), секретарь редакции «Правды», редактор журнала «Работница». С мая 1918 до конца 1919 заведовала Отделом охраны детства Наркомсобеса. Затем в Наркомпросе, Истпарте, ИМЭЛ. В. А. Поссе находил ее внешнее сходство со старшим братом, А. И. Ульяновым, которого лично знал.

⁸¹ *Шлихтер-Лувищук Евгения Самойловна* (1869—1943) — учительница, член РСДРП с 1898 г., большевичка, жена А. Г. Шлихтера (нарком продовольствия РСФСР в декабре 1917 — феврале 1918 и УССР в январе — августе 1919, с мая 1920 председатель Тамбовского губисполкома).

⁸² *Федюшин Г. Р.* — см. примеч. 5.

⁸³ *Курский Дмитрий Иванович* (1874—1932) — московский адвокат, член РСДРП с 1904 г., большевик, участник Декабрьского восстания 1905 г. в Москве. С августа 1914 г. на фронте. В 1917 г. председатель Совета солдатских депутатов 4-й армии, Румынский фронт; в октябре член ВРК в Одессе. Август 1918—1928 нарком юстиции, возглавлял разработку первого советского уголовного кодекса; одновременно — комиссар Главного и Полевого штабов Красной армии, в 1924—1927 председатель Центральной ревизионной комиссии. В 1928—1932 посол в Италии.

⁸⁴ *Ветошкин Михаил Кузьмич* (1884—1958) — член РСДРП с 1904 г., большевик. В 1917 г. член Советов Вологды и Великого Устюга. Март 1918 — январь 1920 председатель исполкома Вологодского губернского Совета. Февраль — июнь 1920 г. заместитель председателя Киевского губревкома, затем член Коллегии наркомата РКИ, член Малого СНК, председатель Комиссии по золотому фонду. С 1922 г. нарком юстиции УССР, с 1925 г. в аппарате ЦИК и Верховного Совета СССР; историк КПСС, доктор наук.

⁸⁵ *Петров Григорий Спиридонович* (1867—1925) — священник, увлекал проповедью даже неверующих, автор популярной книги «Евангелие как основа жизни» (1898), давал уроки детям великих князей. Знакомый В. А. Поссе с конца 1890-х гг. Редактор журнала «Друг трезовости» (1900—1901) и газеты «Правда Божия» (1906). Депутат II Гос. думы, примыкал к кадетам. За общественную деятельность водворен духовной властью на покаяние в монастырь. За публикацию «Письма митрополиту Антонию» в 1908 г. Синодом лишен сана священника с запрещением на 7 лет жить в Петербурге и Москве и на 20 лет поступать на государственную службу и быть избранным в Гос. думу. Стал популярным лектором и публицистом. В 1914—1917 военный корреспондент «Русского слова», сторонник войны до победы. После февраля 1917 г. Синод отменял свое постановление. В 1921 г. с врангелевцами эвакуировался из Крыма в Константинополь.

⁸⁶ *Коллонтай (Домонтович) Александра Михай-*

ловна (1872—1952) — в революционном движении с 1890-х гг., меньшевичка, с 1915 г. большевичка. Участница Октябрьской революции. Несколько лет была женой П. Е. Дыбенко. С октября 1917 г. нарком призрения; как «левая коммунистка» в 1918 г. вышла в отставку. С ноября 1918 г. член Комиссии ЦК РКП(б) по пропаганде и агитации среди работниц. Летом 1919 г. нарком агитации и пропаганды Крымской Советской республики и Украинской ССР. 1920—1922 заведующая женотделом ЦК РКП(б) и секретарь Международного женского секретариата Коминтерна. С 1923 г. первая в мире женщина-посол, с 1945 г. советник Министерства иностранных дел СССР.

⁸⁷ *Бутович Владимир Николаевич* (р. 1873) — статский советник, крупный землевладелец Полтавской губ., с 1898 г. директор народных училищ Бессарабской губ., с 1907 г. в Министерстве народного просвещения. Эмигрант.

⁸⁸ *Гошкевич Екатерина Викторовна* — жена В. Н. Бутовича; против его воли в 1909 г. развелась с ним и вышла за генерала В. А. Сухомлинова.

⁸⁹ *Сухомлинов Владимир Александрович* (1848 — 1926) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Гос. совета. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. С 1905 г. генерал-губернатор Киевский, Волынский и Подольский. С 1908 г. начальник Ген. штаба. В 1909—1915 гг. военный министр, уволен и обвинен в плохой подготовке России к войне, служебных подлогах и измене. В апреле—октябре 1916 г. сидел в Петропавловской крепости. Перевода его под домашний арест добились его жена, вступив в интимные отношения с Г. Е. Распутиным. 13 сентября 1917 г. лишен всех прав состояния и приговорен к пожизненной каторге, а жена оправдана вердиктом присяжных заседателей. 1 мая 1918 г. амнистирован большевиками. Уехал в Финляндию, затем в Германию.

⁹⁰ *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука Коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии большевиков. М., 1919.— Книга часто переиздавалась и обычно ассоциировалась лишь с Н. И. Бухариным, неся ему широкую известность.

⁹¹ Толстовцы не признавали государственную власть и государственную службу; включая службу в армии, и являлись пацифистами, как и евангелисты, баптисты, адвентисты седьмого дня, штундисты, молокане, малеванцы, духоборы, меннониты и прочие сектанты. 4 января 1919 г. В. И. Ленин подписал декрет СНК об освобождении верующих от воинской повинности по религиозным убеждениям. Воинская служба заменялась им санитарной или иной общепользующей работой. Однако местные власти игнорировали этот декрет и расстреливали верующих отказников, плодя врагов большевизма. Встревоженный этим В. И. Ленин 11 ноября 1921 г. поручил Контрольной комиссии расследовать нарушения декрета. После ухода В. И. Ленина с политической арены развернулись гонения на

толстовцев: 5 ноября 1923 г. они исключены из сферы действия декрета об освобождении от воинской повинности; 1928 г.—объявлены «знаменем реакции», вреднейшей сектой; 1929 г.—закрыты толстовские школы и запрещена деятельность Московского объединенного общества памяти Льва Толстого; в 30-е гг. ликвидированы толстовские коммуны, многие толстовцы заточены в концлагеря. См.: Коппитерс Б. Пацифистские секты, большевики и право на отказ от воинской службы // Родник. 1990. № 9. С. 63—68; № 10. С. 53—59.

⁹² *Струве Екатерина (Елена) Александровна* (1857—1920) — старшая сестра В. А. Поссе, отличалась красотой. Жена Василия Бернгардовича Струве (старший брат П. Б. Струве, директор Межевого института, умер до 1914 г.). Покончила с собой в Судаче.

⁹³ *Поссе Лев Владимирович* (1898—1921) — младший сын В. А. Поссе от первой жены, Александры Ивановны Ивановой (1867—1927), с которой он в 1910 г. развелся, но сохранял дружеские отношения. Вдова Льва Поссе (Елизавета) отдала свою дочь, Наташу, на воспитание старшей сестре Льва, Татьяне Владимировне (1890—1961), которая заведовала внешкольным отделом Губнаробраза Воронежа, а в 1933 г. переехала в Алма-Ату к сосланному мужу, Я. П. Огусу, преподавала там в педагогическом техникуме, с 1940 г. в Казахском университете, с 1950 г. заведовала Кафедрой русской литературы.

Белый Омск Дневник колчаковца

Судьба Николая Васильевича Устрялова во многом типична для русского интеллигента конца XIX — начала XX в. Он родился в 1890 г. в провинциальной Калуге и как многие интеллигенты своего времени упорством и трудом сумел достичь многого. Окончив юридический факультет Московского университета, он достаточно быстро сделал ученую карьеру. Приват-доцент Московского и Пермского университетов в 1916—1918 гг. Человек безусловно литературно одаренный, он сотрудничает в таких изданиях как литературно-политический журнал «Русская мысль», в этот период руководимый талантливейшим ученым, публицистом и политиком П. Б. Струве, и газетой «Утро России». Революционные события 1917 г. вывели его на лидирующие позиции в кадетской партии. Начавшаяся гражданская война, застаёт Устрялова в Пермском университете. После занятия Перми колчаковцами, 24 декабря 1918 г. Устрялов переезжает в Омск, где окунается в гущу «столичной» жизни. Осознавая историческое значение происходящего в России, он ведет дневник.

Мы не имеем точных данных относительно того, когда он начал вести дневниковые записи, но в своем омском дневнике он сообщает о записях в своем пермском дневнике, который он вел ранее.

В Омске Устрялов попадает в бурную политическую жизнь. Вначале он служит юристконсультантом при Управлении Делами Верховного правителя, затем с 21 февраля директором Пресс-бюро Отдела Печати, становится во

* Подготовка текста, предисловие и комментарии А. В. Смолина.

главе пропагандистской машины «Верховного правителя». Начинает издавать газету «Русское дело». Служебное положение Устрялова давало ему возможность находиться в гуще той среды, где делалась «большая» политика. Дневник охватывает события с 9 февраля по 26 января 1920 г. Основное место действия Омск и Иркутск. Разгром белого движения в Сибири вынудил Устрялова эмигрировать в Харбин. Здесь он начинает осмысливать виденное за год, приводит в порядок свои записи, пишет мемуарные эссе, которые и составляют вторую часть публикации. «1919 г. Из прошлого».

Одним из первых Устрялов публично выступил и с идеей «смены вех». По своей сути это была идея национального примерения, которая имела уже стихийное хождение, например, среди солдат Красной Армии и выражалась в лозунге «Довольно братской крови!» и в призывах к братанию, однако это не находило поддержки у идеологов мирового революционного пожара. Краеугольным камнем сменовеховства была национальная идея, мысль о возрождении сильного и единого государства. Тактический поворот к нэпу им принимался за переход большевизма к цивилизованным формам управления обществом и общечеловеческим ценностям на которых воспитывалась русская интеллигенция.

В 20-е гг. национального примерения произойти не могло. Господствующей оказалась идея классовой ненависти. Идеологи большевизма продолжали грезить мировым революционным пожаром и предпринимали немалые усилия для его разжигания.

Находясь в эмиграции Устрялов активно сотрудничал в «сменовеховских изданиях, звал к примерению с советской властью и возвращению на родину. В 1920—1934 гг. он преподавал в Харбинском университете, работал в советских учреждениях на КВЖД (в учебном отделе, директором центральной библиотеки).

В 1935 г. с рядом сотрудников КВЖД Устрялов возвращается в Москву. Возможно предчувствуя дальнейшие превратности судьбы, находясь еще в Харбине в 1934—1935 гг. он интенсивно приводит в порядок свой архив, снимает копии с документов и готовит их к печати. Так он подготовил к изданию свою книгу «Белый Омск», снабдив имеющиеся материалы подробным планом, с указанием того, какой он хотел бы видеть свою книгу. Часть этой воли Николая Васильевича, по мере возможностей выполняет автор предлагаемой публикации. Устряловым приводится в порядок и систематизи-

руется его обширная переписка, причем каждый комплекс снабжается небольшой вступительной статьей. Все эти копии хранятся ныне в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира в коллекции Н. В. Устрялова.

Публикуемый дневник Устрялова представляет собой 43 машинописные страницы большого формата. Первая запись сделана 9 февраля 1919 г., последняя — 26 января 1920 г. Перед текстом всегда стоит число и название места, где в это время находился автор (Омск, Иркутск, Чита и т. д.), в конце каждой записи указывается время суток, в которое она производилась. Каждая отдельная запись невелика по объему от $\frac{1}{2}$ до 1 машинописной страницы. Имеющаяся копия показывает, что записи велись не ежедневно, а, в основном, с перерывами от одного до четырех дней иногда, правда редко, ежедневно. Записи носят обобщающий характер и это наводит на мысль, что имелись более подробные черновые наброски, которые затем обобщались, но это не более, чем предположение. На страницах дневника Устрялов воспроизводит небольшое количество документов, отрывки из писем, приводит подходящие к случаю отрывки из стихов и прозы. Некоторые фразы написаны по-французски, немецки, на латыни. Характерной особенностью дневника является то, что автор не стремится подробно зафиксировать все события дня. Вместе с тем, Устрялов указывает, что более подробный дневник он вел в Перми, когда у него имелся досуг. Краткость записей, сделанных в Омске и Иркутске, он объяснял загруженностью общественной и государственной работой. В дневнике много интересных, метко схваченных характеристик людей и настроений. Интерес дневника, также состоит и в том, что он показывает нам двух Устряловых — один стоит вое главе пропагандистской машины Колчака и пишет бодрые статьи, зовущие к победе, и другой — осознающий обреченность всего происходящего и осознающий бесцельность борьбы.

БЕЛЫЙ ОМСК

Давно замышлял я написать и напечатать книгу под этим заглавием:

— Белый Омск.

Она должна была состоять из трех частей. Первая — мой дневник тех месяцев. Вторая — мемуарные записи,

составленные пост-фактум, уже в Харбине: факты, анализ, оценки. И третья — мои статьи той поры. Первая и третья части должны были, таким образом, быть документами. И только второй части надлежало быть написанной заново.

Две главы этой второй части были мною написаны и напечатаны: 1) «Кадетская партия в гражданской войне» (см. первое издание книги «Под знаком революции», очерк «Из прошлого») и 2) «Иркутск-Харбин» в большом юбилейном номере-книжке харбинской газеты «Новости Жизни», 1927 г. Другие же главы этой части писались урывками, мало по малу в разное время. Годы шли, острота непосредственных впечатлений сглаживались, многие факты стирались в памяти. И связанные, обстоятельные мемуары теперь мне уже не под силу. Приходится довольствоваться тем, что есть.

В данной рукописи я свожу воедино дневниковые записи той поры (стр. 1—43; воспроизводятся с документальной точностью) и воспоминательные наброски и очерки, составлявшие эпизодически в разное время в Харбине (стр. 43 — до конца). Если дополнить их двумя вышеупомянутыми напечатанными статьями и затем сюда прибавить третью часть (статьи мои 19 года), то и получится книга, которую я замышлял, — правда с ущербной, скомканной второю частью.

Общая схема этой книжки окажется примерно следующей:

БЕЛЫЙ ОМСК

- 1) Дневник колчаковца.
- 2) 1919 год (из прошлого).
- 3) Белая мечта (статьи борьбы).

Весьма вероятно, что читателю этой книги бросилось бы в глаза некоторое несоответствие настроений дневниковых записей с одной стороны, и статей — с другой. Статьи выдерживаются в мажорном тоне, по преимуществу, тогда как в интимных дневниковых набросках — немало минору. Думаю, однако, что особенно удивляться тут нечему. Борьба требует бодрости, и боевой музыке не полагается быть минорной. Думаю, вторая часть этой моей воображаемой книги в значительной степени помогает уяснить разнотонность первой и третьей ее частей. Мы боролись, стараясь подбодрить себя и других. Но подлинной бодрости, уверенности в успехе, как и настоящей веры в белое дело, — не было; по крайней мере,

во мне. Вера в Россию — была и осталась. Но не покидали сомнения, исчерпывается ли Россия — «нами» белыми. Впрочем, пусть все три части книги говорят сами за себя и за всю книгу...

В заключение приведу заглавия статей, из коих должна состоять третья часть. Вот они:

1. «Новое счастье» в газете «Свободная Пермь» 3 января 1919 г.

2. «Рыцари печального образа», там же 14 января 1919 г.

3. «Крушение интернационала» в газете «Отечественные ведомости» 9 марта 1919 г.

4. «Провокация», — циркулярная статья Пресс-бюро, середина марта.

5. Международная перегруппировка в газете «Правительственный вестник», 16 марта.

6. «Политическое обозрение» в журнале «Сибирский благовестник», март.

7. «Наша международная ориентация», — циркулярная статья Пресс-бюро, конец марта.

8. «Политическое обозрение» в «Сибирском благовестнике», апрель.

9. «Большевики и мы» в газете «Сибирская Речь», 12 апреля.

10. «Уроки революции», — циркулярная статья Пресс-бюро, начало мая.

11. «Итоги кадетской конференции» в «Сибирской Речи», 28 мая и 1 июня.

12. «Союзники и Россия», там же, 18 июня.

13. «Международные перспективы», циркулярная статья Пресс-бюро, середина июля.

14. «Судьба Сибири» в однодневной газете «День казака», 19 августа.

15. «Русское дело» в газете «Русское Дело», 5 октября.

16. «После Версаля», там же, 7 октября.

17. «Обреченные», там же, 10 октября.

18. «Памяти А. С. Белорусова», там же, 11 октября.

19. «Борьба за Россию», там же, 16 октября.

20. «Воскресение», там же, 17 октября.

21. «Самостийность», там же, 18 октября.

22. «Петушки», там же, 20 октября.

23. «Власть и общество», там же, 22 октября.

24. «Немецкая ориентация», там же, 24 октября.

25. «Без маски», там же, 25 октября.

26. «Россия и Англия», там же, 28 октября.

27. «Судьба Сибири», там же, 31 октября.
28. «Священное единение», там же, 1 ноября.
29. «В Иркутске», там же, 9 декабря.
30. «Единство власти», там же, 11 декабря.
31. «На перевале», там же, 12 декабря.
32. «Цель и средства», там же, 13 декабря.
33. «Призраки», там же, 17 декабря.
34. «Распутье», там же, 20 декабря.
35. «Читинский проэкт», там же, 23 декабря.
36. «Оттепель», там же, 25 декабря.
37. «В грозный час», там же, 26 декабря.
38. «Два берега», там же, 27 декабря.
39. «Вместо передовой», там же, 28 декабря.
40. «После грозы», там же, 30 декабря.
41. «Новый фазис», там же, 30 декабря.
42. «Их программа», там же, 2 января 1920 г.
43. «Перелом»,— интервью в газете «Вестник Маньчжурии», (Харбин), 1 февраля 1920 г.

Грустно перечитывать ныне этот «длинный свиток», эти письма борьбы, закончившейся поражением и своего рода «сердечным угрызением». Перечитываешь,— и неизменно в сознании опять и опять «теснится тяжелых дум избыток». И все же, как водится, как велит капризная природа человеческая,—

строк печальных не смываю...

Н. Устрялов

Харбин, Январь 1935 г.

1919 год

Омск, 9 февраля

Вот уже завтра неделя как приехали в Омск. «Устраивался». Катастрофически обстоит квартирный вопрос. Первые дни ночевал у Ключникова¹, Наташа — у Елизаветы Николаевны. Затем переехали в комнату, занятую ключниковским родственником, живущим сейчас в Томске. Послали ему телеграмму. Придет сюда — пропали, не придет — торжествуем: комната отличная и по здешнему дешево — 350 р. в месяц.

Ежедневно бываю в юрисконсульстве. Но уже намечается переход на новую должность, по-видимому, бо-

лее интересную, хотя и значительно более трудную: Тельберг вчера предложил место заведующего отделом печати². Принципиально согласился.

Общее политическое положение смутно, тревожно, неустойчиво. «Радости нет» — это уже во всяком случае. На глазах ухудшаются отношения с союзниками, шевелится внутренний большевизм, с другой стороны нарастает самая черная и бессмысленная военная реакция. Жизнь все время, как на вулкане. Мало у кого есть надежда победить большевиков.

Сам по себе Омск занят, особенно по населению. Сплошь типично столичные физиономии, столичное оживление. На каждом шагу — или бывшие люди царских времен, или падучие знаменитости революционной эпохи. И грустно становится, когда смотришь на них, заброшенных злою судьбой в это сибирское захолустье: — нет, увы, это не новая Россия, это не будущее. Это — отживший, старый мир, и не ему торжествовать победу. Грустно.

Это не авангард обновленной государственности, это аррьергард уходящего в вечность прошлого. Нужно побывать в обеденные часы в зале ресторана «Россия», чтобы почувствовать это живо и осязательно...

Понимаешь, сознаешь, ощущаешь все это, — и все же не оторвешься от круга уходящей жизни, ибо в ней — корни и души, и тела... С ней умереть, с ней уйти... Уже ли, в самом деле, так? Странно... Но во всяком случае, — *ave vita nona, morituri te salutant...* (11 ч. 15 м. д.).

Омск, 12 февраля

Отказался от поста управляющего отделом печати и рекомендовал Тельбергу вместо себя некоего Руднева³. Сам же замыслил войти в подготавливавшуюся большую издательско-информационно-лекционную организацию при военно-промышленном комитете. Но теперь это предприятие расстраивается из-за ставки, устраивающей при себе организацию подобного же рода и масштаба. Конкурировать нельзя. Клафтон (организатор «нашего» предприятия) в отчаянии⁴, я — ничего. В сущности, мож-

* Да здравствует новая жизнь, тебя приветствуют идущие на смерть. (стар. лат.). (Перефразированный воинский девиз времен Г. Ю. Цезаря).

но было бы войти и в ставочное предприятие,— тем более что зовут. Вообще же здесь — «интриги»...

Жизнь интересная течет, оживленная, нравится. В съедобном отношении — абсолютное благополучие, и думаешь уже почти исключительно о делах духовного сорта. Едою жить окончательно перестал, хотя еда все время отличная, а вернее именно поэтому.

Комнатный вопрос все в том же состоянии. (10 ч. в.).

Омск, 14 февраля

Опять возрождается возможность организации печатного нашего предприятия. Вчера беседовал с начальником политического отдела ставки Зубовым и разграничили функции. Сегодня Клафтон представит схему организации Тельбергу, и сегодня же, быть может, пройдет в Совете Министров кредит.

Вчера читал доклад о Советской России в заседании «Восточного Отдела Центрального Комитета Партии Народной Свободы»⁵. Говорил о мудрости Ленина и о силе большевиков. В общем, тревожные перспективы...

В юрисконсульстве бываю каждый день. Дела не так много, не обременительно. Подчас попадаются любопытные вопросы, например, вопрос о пересмотре положения о Верховном Уполномоченном на Дальнем Востоке.

Вхожу в атмосферу «чиновной» жизни, службы в центральных учреждениях. Занятно. (10 ч. 30 м. дня).

П р и л о ж е н и е.

П Р И К А З
ПО УПРАВЛЕНИЮ ДЕЛАМИ
ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ
И СОВЕТА МИНИСТРОВ
7 февраля 1919 года.

№ 51.

ПО ЮРИСКОНСУЛЬТСКОЙ ЧАСТИ.

П р и г л а ш а ю т с я: к исполнению обязанностей Юрисконсультов при Управлении Делами Верховного Правителя и Совета Министров, из платы по найму, И. д. Ординарного Профессора Пермского Университета, Магистр уголовного права Александр Ни-

колаевич Круглевский, декан Юридического факультета, и. д. экстраординарного Профессора Пермского Университета Николай Николаевич ФИОЛЕТОВ и и. д. сверхштатного экстраординарного Профессора Пермского Университета Николай Васильевич УСТРЯЛОВ, все трое с 27 января 1919 г.

*Управляющий Делами Верховного Правительства и
Совета Министров Г. Тельберг
Исп. об. Старшего Юрисконсульта К. Харитонов.*

Омск, 20 февраля

Не пошел сегодня на службу — буран. Снег, ветер невероятный, пронизывающий: — Сибирь!..

Живется интересно. Центр. В гуще. Приходится непосредственно созерцать механизм «строительства». Все усилия напрягает власть ради создания действительной, настоящей, а не игрушечной власти. Выйдет-ли что?..

На днях, в качестве представителя юрисконсультской части, был в междуведомственной комиссии Пепеляева⁶ по выработке закона о «государственной охране». Занятно. Сам Пепеляев, директор департамента милиции, весьма напоминает собой по виду Пьера Безухова. Хорошее впечатление производил представитель военного ведомства.

Написал статью «Крушение интернационала», думаю завтра послать Белорусову в «Отечественные ведомости»⁷.

Согласился редактировать отдел политического обозрения в «Сибирском благовестнике», органе церковного ведомства.

Комната, слава Богу, окончательно осталась за нами. (2. ч. 45 м. д.).

Омск, 23—24 февраля

Третьего дня — 21-го — был в заседании Совета Министров, в качестве заместителя старшего юрисконсульта. Давал заключение по вопросу о конской повинности — против военного ведомства. В общем, удачно.

Совет производит довольно приятное, хотя и мало импозантное впечатление. Некоторые министры совсем

юнцы — особенно Михайлов, министр финансов, как говорят, душа омского правительства...⁸ Дают чай с сахаром, а кое-кому и с бутербродами; светло — и электричество, и свечи, — прекрасная зала с белыми колоннами и бронзовою оправою зеркал, столы, покрытые красным сукном... Дежурный офицер в фуражке, выдержанный...

Ну, а у меня опять перемена: — назначен директором правительственного пресс-бюро (см. приложение), нужно организовывать все это дело. Издательство, циркулярные статьи для провинциальной прессы, — может быть, и за границу... Дело интересное, но трудноватое и... полезное ли?.. Хочется думать, хочется верить, что да. Попробую... (1 ч. 55 м. ночи).

П р и л о ж е н и е.

П Р И К А З
ПО УПРАВЛЕНИЮ ДЕЛАМИ
ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ
И СОВЕТА МИНИСТРОВ
№ 82

г. Омск

«21» февраля 1919 г.

Назначается исп. об. Юрисконсульт Юрисконсультской части Управления Делами Верховного Правителя и Совета Министров Николай Васильевич У С Т - Р Я Л О В Директором пресс-бюро Отдела Печати с 21-го февраля сего года.

*Управляющий Делами Верховного Правителя
и Совета Министров Т Е Л Ь Б Е Р Г
За Директора Общей Канцелярии
Вице-Директор МОЧЕНКОВ.*

Омск, 28 февраля

Занят с утра до вечера, и даже ночью — весь в мыслях о деле. Организовываю пресс-бюро, заказываю брошюры, статьи, плакаты, сам пишу, заседаю, бываю «с докладами» у Тельберга. Дело, в общем, по-видимому, подвигается: обещаны до двадцати брошюр, намечаются и листовки, и статьи. Пригласил в качестве сотрудника

некоего Деминова, у которого *idée-fixe* * — разложить пропагандою большевистскую армию. Занятый человек, с виду почему-то напоминает штабс-капитана Рыбникова — купринского; говорит по-русски, кажется, без акцента, и фамилия русская, а глаза японские... Вообще со многими любопытными людьми приходится встречаться и сталкиваться... Масса впечатлений.

Сейчас был на докладе здешнего корреспондента «Таймс» об Англии, союзниках и положении дела. В кадетском комитете. Ничего себе. Ругал президента Вильсона⁹. Утешительного не особенно много. (11 ч. 50 м. ночи).

Омск, 4 марта.

Все глубже и глубже погружаюсь в политическую жизнь большого, «столичного» масштаба. Вспоминается московская суматоха прошлого года. Только разница та, что теперь принимаю непосредственное участие в работе самого правительственного аппарата, новый приобретаю опыт... «Пресс-бюро» налаживается. Уже отпечатали одну листовку, печтаем другую, готово много статей для провинции.

А в сфере большой политики,— в общем, все то же. Трудно. По-видимому, фатально назревает японская «ориентация» — последняя ставка. Большевики будто бы подходят к Одессе, и Деникин признает опасность положения. Да, великая русская революция достойна Великой России!..

Живется тут хорошо. Уютно. Обедаем дома, гуси исключительно жирные, каждый день молочница приносит по кринке молока, сахара вволю,— понятно, что пермское истощение как рукой сняло... (8 ч. вечера).

Омск, 6—7 марта.

Был в театре: — находящийся здесь английский батальон устраивал парадный «концерт с дивертисментом» в честь Колчака. Торжественно. «Министры», «представители иностранных держав», «видные общественные деятели» и пр... Разумеется, и сам Колчак. В литерной ложе, слева, если смотреть со сцены.

Интересное лицо. Энергичное, еще молодое. Увидев

* идея фикс.

его, вспомнил, что где-то когда-то встречал его портрет.

Играли, разумеется, средне. Наиболее непосредственно занятное — были гимнастические упражнения и бокс. Остальное — лишь характерно. Здоровый народ. Не прошибешь. Но... славянофилы нашли бы много чего сказать... Пели «типэрэри», играли «Коль славен», английский гимн, марсельезу. Грустно было. Кругом иностранцы-слетелись на развалины и думают, вспоминают о родине. А мы... Горько, тяжело. (1 ч. ночи).

Омск, 7—8 марта.

Что-то будет? Весна приближается, а вместе с нею разгадка. Последний, решительный бой.

Большевики, видимо, держатся крепко. Молодцы! Говорят, Украина уже окончательно ими очищена и близится решительная схватка с Деникиным. Последний секретно сообщает, что положение серьезно.

В Германии — снова беспокойно. Юг словно уже захвачен спартаковцами. Ужели то же, что у нас?..

Vive la Russie revolutionnaire! * Пусть мы боремся с нею, — не признавать ее величия было бы близоруко и... непатриотично. Мы должны «до полной победы» продолжать нашу борьбу с большевизмом, но мы обязаны воздать ему должное. Теперь уже нельзя противопоставлять его французскому якобинизму. Их устойчивость одинакова...

Хочется верить, — настанет пора, когда, истрёбив и похоронивши большевиков, мы со спокойною совестью бросим на их могилы иммортели...¹⁰ (Ночь).

Омск, 8—9 марта.

Сегодня был на заседании бюро здешнего центрального кадетского комитета («восточного отдела»). Уже третье заседание обсуждается «ориентационная» проблема, или, конкретнее, японский вопрос (японцы — варяги). Присутствовал начальник Главного Штаба генерал Марковский, давал конфиденциальнейшим образом интереснейшие сообщения. Явно склоняется к мысли о желательности участия на нашем фронте двух-трех японских дивизий — тогда, вне всякого сомнения, большевизм был бы кончен. Ну, а иначе трудно что предска-

* Да здравствует революционная Россия (*фр.*).

зять. У большевиков более многочисленная и более совершенная (!) армия, чем у нас. Разве вот если будет измена или наш случайный успех нанесет им моральный удар... Последние вести благоприятны — взяты Оханск и Оса, и на Бирском направлении на нашу сторону перешли три красных полка. Но никаких расчетов на такие единичные успехи строить не приходится. Войска наши посредственны, офицеров совсем мало, мобилизация проводится ставкой бессистемно и бессмысленно. Вообще, судя по некоторым его замечаниям, чувствуется наличие сильного антагонизма между штабом и ставкою. Относительно Деникина известия скудные, но к весне, по-видимому, предполагается установить прочный контакт и с ним, и с Юденичем — через Париж.

Хорошее впечатление производит этот генерал, умный, серьезный. И любопытно: который раз приходится встречать умных и замечательно приятных представителей военного ведомства, — среди штатских словно меньше...

Говорит, что у большевиков много офицеров и даже офицеров Генерального штаба, которые, впрочем, иногда «играют в поддавки». Так, недавняя кунгурская операция была ими задумана таким образом, что наши могли отрезать большую часть их наступающей колонны. Но не сумели, и так и не взяли отдававшиеся шашки...

Сегодня начал курс государственного права (2 ч. в неделю) на курсах союза «Возрождения»¹¹. (Ночь).

Омск, 16 марта

Вчера опять заседание кадетского бюро — на этот раз с Тельбергом, сообщившим о сущности правительственной точки зрения в вопросе международной «ориентации». Оказывается, в правительстве окончательно победила «американофильская» линия. «Ссориться с Америкой нельзя ни в коем случае». Америка нас снабжает, Америка будет налаживать наш транспорт, а в транспорте сейчас — центр нашего бытия. Конечно, и с Японией необходимо поддерживать отношения возможно более дружественные, но нет никаких оснований полагать, что Япония хочет реально нам помочь. Находящийся здесь адмирал Танака таинственно умолкает всякий раз, когда разговор начинает принимать интересный оборот. Говорит о Сибири, о погоде, о чем угодно, наконец, просто

молчит, но дела из него не вытянешь,— восточная дипломатия!

Правительство полагает, что мы не можем ныне вести активную международную политику — для этого мы слишком слабы. Тельберг категорически заявил, что каждый общественный, газетный выпад против Америки до крайности тягостно отражается на отношениях последней к омскому правительству.

Ясно, что в Совете Министров победила точка зрения Сукина, исконного американофила¹². Может быть, это и хорошо.

Опасно лишь, что ориентация на Америку может привести к ориентации на «органы революционной демократии» (так возражал Тельбергу Митаревский), и кроме того — что если Япония все же не прочь в конце-концов нас реально поддержать? Использованы ли, испробованы ли все пути?.. Правда, сейчас на фронте удача, взята Уфа и т. д., но сам Тельберг, подобно Марковскому, заявляет, что шансов на конечный успех (Москва!) у нас во всяком случае не больше 50... Трудные проблемы, трудное положение. Что-то будет?.. (12 ч. 5 м. дня).

Омск, 13—14 апреля

Вербное воскресенье. Тепло, на улицах бурные ручьи, на перекрестках — озера, шумно, солнце. Сегодня долго сидел у окна, смотрел, как мальчишки устраивали запруды, и как прорывалась через них вода и уносила комья снега, и как один мальчишка-гимназистик продал другому за полтинник бабку¹³, и т. д. ... Потом гулял с Наташей — опьяняющий весенний воздух!

Вчера ходили ко всенощной,— но опоздали, хотя до собора пришли не так поздно: в 8 с четвертью. Уже кончилась служба, и лишь архиерей мазал миром лбы людей. Архиерей — Вениамин, бывший калужский, затем симбирский; — с белыми бежал из Симбирска перед сдачей его большевикам.

...Редко стал писать о себе,— и вполне понятно: — все душевные силы уходят вовне, с утра до вечера — дело. Не то что в Перми: — там душа была обращена прежде всего на саму себя, и оттого так много страничек там исписал... (1 ч. 15 м. ночи).

Омск, 18 апреля (Великая Пятница)

Вчера начались пасхальные вакации — ненадолго, до понедельника: во вторник снова «присутствие».

Вечером вчера был в соборе на «двенадцати евангелиях»: епископ Сильвестр служил, много народу, свечей; простоял пять евангелий, очень долго тянулись; хор средний.

Написал в «Сибирскую Речь» пасхальную статью по надоедливому настоянию редактора. Прошлую ночь мучительно сочинял. Неважно вышло.

На фронте отлично. По-видимому, линия Волги будет занята в ближайшем будущем. И на Вятку наступают,— и везде весьма успешно. Самарцы уже готовятся к отъезду, постоянно совещаются об организации управления и т. д. А в Казань будто бы уже окончательно намечен губернатор...

А в сфере «служебной» все треплется вопрос о «новом обществе» печатного дела... Канитель. (11 ч. 45 м. дня).

Омск, 19 апреля (Великая Суббота)

Тепло, хорошо, на улицах суше, все время солнце, и воздух убаюкивающий, навевающий усталость и дрему. На улицах оживленно, делают последние закупки, предпразднично... Был в Совете Министров, у Тельберга, совещание с военными об организации учреждения по агитации в советском тылу. Как обычно, говорил глупости Гаттенбергер¹⁴ и труден на понимание был военный министр¹⁵; неважное впечатление произвел представитель Ставки генкварм Церетели¹⁶, и лишь генерал Марковский остался верен себе: умен, сообразителен, толков...

Вчера в два часа дня был в соборе. Торжественная служба в присутствии Верховного Правителя, министров и «чинов до четвертого класса включительно». Прошел удачно и стал напротив этих особ, совсем недалеко от Адмирала. Всмотривался, как и все, в его лицо. Физиономия не совсем русского типа. Интересные черты. Худой, сухой какой-то, быстрые, черные глаза, черные брови, облик, напоминающий собою хищную птицу... Если вдаваться в фантазию, можно, пожалуй, сказать, что чувствуется на этом лице некая печать рока, обреченности... За всю службу он перекрестился всего один раз, да и то как-то наскоро, небрежно, да еще в конце, когда прикладывался к плащанице, дважды опустил на колени и крестился уже, кажется, как следует. Архиепископ (а не епископ, как я написал вчера) Сильвестр про-

изнес плохую проповедь. По окончании Правитель обошел войска, выстроившиеся на площади перед собором, и уехал на автомобиле.

Приятно все-таки, что опять Пасха — праздник, открыто чтимый самим государством, радостное торжество. Не то, что в прошлом году...

И радостно, что хорошо на фронте. Недаром пасхальные номера газет проникнуты таким ликованием, — пафосом национального воскресения. (6 ч. 30 м. вечера).

Омск, 19 апреля

Собираемся к заутрене. В соборе — по билетам, и потому, если не проникнем туда, придется спешить в иную церковь. Пойдем пораньше — около 11 часов. Сейчас — уборка. Готовится пасхальный «стол»... На моем столе — темноватая лампа с испорченной сеткой, на другом — восковая свечка. Куличи покрыты уже «глазурью», режется ветчинный «рулет». В комнате все же еще порядочный беспорядок.

Не сказал бы, что на душе настроение особенно праздничное. Так, — спокойно, тихо.

Подожди немного, —
Отдохнешь и ты...

Мы отдохнем, дядя Ваня, мы отдохнем...¹⁷. В минуты передышки от шумного света мечтаешь о пристани, отдыхе; весна, — хочется отдаться воздуху бесконечному, безбрежному... А потом — «домой»... Заснуть у себя, на светелке, под родное тиканье кукушки... (9 ч. 30 м. вечера).

Омск, 22 апреля

Совсем, совсем тепло, выхожу на улицу раздевшись. Вчера был «бал»: Палечки, Фиолетов, Кадомцев. Недурно, — беседовали о том, о сем. Любопытно: все трое нынче «сановники», директора департаментов...

Тянет куда-нибудь проехаться... Думаем летом прокатиться на пароходе до Тобольска что ли (10 ч. 35 м. дня).

Омск, 4 мая.

Все время, все дни — сплошная лихорадочная работа. Окончательно организовывается «русское общественное информационное бюро», бесконечные совещания, улаживание споров между Клафтоном и правлением, кроме того — служба в правительственном Пресс-Бюро, кроме того — постоянные собрания кадетского комитета (15 мая — конференция), разные «вечера», вроде сла-

вянского, опять же статьи... Целый день варишься, как в котле. Все силы уходят на это, и некогда придти в себя... (6 ч. 5 м. вечера).

Омск, 10 мая.

Заботы, хлопоты без конца. Организовалось наконец, «русское общественное бюро печати»... «но радости нет»!.. Дело не подвигается ни на шаг вперед,— напротив... Нет помещения, нет людей, которые взялись бы уладить хозяйственную сторону организации, уже начнутся взаимные пререкания,— и только без толку сыплются новые тысячи и миллионы... Подчас охватывает желание плюнуть на все это, бросить и уехать в Пермь на вакации... В конце концов, скучно, досадно...

15-го кадетская конференция. У меня доклад по международной политике. Говорят, провинциальные кадеты точат зубы на центральный Комитет.— Вообще словно каждый здесь точит зубы на всех и все на каждого. Так делается национальное дело.

На фронте средне. Верховный Правитель — в Екатеринбурге. (6 ч. 15 м. вечера).

Омск, 14 мая.

Плохие вести со всех сторон. На фронте идет наступление большевиков, пока очень успешное. Сданы им Бугуруслан, Сергиевск, Чистополь и уже, по-видимому, Бугульма. Неважно, грустно.

Плохо и в сфере нашего предприятия. Идет травля против него и справа, и слева — из военного лагеря и от эсэров. Возможно, что дело кончится неутверждением Верховным Правителем постановления Совета Министров о передаче в наше ведение телеграфных агентств. Любопытно, что ген. Марковский будто бы уверен, что предприятие попало в руки... эсеровской компании (!!), в то время как эсэровские газеты видят в его создании попытку «кадетизации общественного мнения»... Надо «бороться», «нажимать пружины»,— все это перед лицом грозного положения на фронте. При всем желании «лихорадочно работать» подчас руки опускаются. Если погибнем — значит, достойны гибели. (11 ч. вечера).

Омск, 22 мая.

Вчера читал «международный» доклад на кадетской конференции¹⁸. Проводил «общесоюзническую ориентацию» с акцентом на англо-американо-французский блок. Ничего не поделаешь, надо приспособляться к силе, пока нет силы у самих.

Резолюция принята конференцией единогласно — и без всякого изменения. Предлагались поправки о включении в нее пары теплых слов по адресу братьев-славян, но за эти поправки голосовали лишь их авторы...

Вообще конференция прошла недурно. Несмотря на некоторую оппозицию, Центральный Комитет встретил полную поддержку со стороны подавляющего большинства делегатов.

Тактический и международный доклад, равно как и вступительный отчет ЦК о деятельности застенографированы со всеми прениями по ним. (10 ч. 55 м. дня).

Омск, 23—24 мая.

Вчера закрылась конференция, сегодня после длинного перерыва свободный вечер. Гуляли с Наташей по берегу Иртыша и затона — хорошо, свежо, водой, весной пахнет, нарядные огоньки зажигаются на пароходах, много воды, лодки, поют «шарабан», мальчик лошадь купает, и потом она с явным удовольствием катается на спине в песке... Большой пароход прошел вниз по течению, быстро-быстро. Вернулись домой, и долго сидел у окна, смотрел: темноло совсем, свежело, ветерок, пахло родным, Калугой, Венера с Юпитером (?) вместе опускались на горизонт, и со всех сторон доносился непрерывный, переливчатый, многомотивный собачий лай... Думалось... Пока времени не видишь, мечешься в круговороте забот и «деятельности» — живешь моментом. Ну, а как только придешь в себя — немедленно погрузишься либо в прошлое, либо в вечность... Нередко навещают в такие несчастные минуты думы и даже ощущения смерти. Панорама жизни — словно в свете волшебного фонаря. Судьба, судьба...

Тихо. Наташа спит, укутавшись, приткнувшись к стене, на полу (нет у нас доселе второй кровати), завтра, по кухонным соображениям, ей рано вставать. Пишу, свечка светит, три лампы зачем-то стоят на столе, знакомое зеркальце, папино складное, лупа, купленная в 1915 (?) для разборки рукописей И. И. Шаховского, екатеринбургский слоник, бювар, собачка-мопсик для обтирки перьев, пасхальное яичко красное с рисунком Леши Палечека (освященная церковь), тетради, на них сверху обломок подковы, бумаги, книжек штуки четыре, деревянный стакан для перьев и карандашей, черный из маминой комнаты, банка с самодельными, из цветного карандаша, фиолетовыми чернилами, ну, еще всякая мелочь... Конечно, тикают часы над постелью. На-

строение «самообъективации». Думы и чувства мелькают и болезненно отпечатываются в голове, в сердце, в душе... (Ночь).

Омск, 23—24 июня

Короткие ночи, вечера длинные, ласковые, у реки копошится народ, детвора, оживленно... Лодки, конечно, «Стенька Разин» и «Шарабан». Лошадей купают, начали купаться и люди. Воды много, красиво. Свежо. Течение довольно слабое, не то что у нас на Оке. Хочется на пароход. Не удастся, пожалуй. Завтра буду «протиться»...

В Перми, говорят, паника — еще бы!.. В Англии раскрыта большевистская организация. Ясно —

Ложится тьма густая

На дальнем Западе, стране святых чудес...

Хотят помогать... Не поздно ли? Если справимся, то справимся вне зависимости — будет ли помощь... Впрочем... — всякое даяние... Ну, уж только благодарности, извините, не ждите... Попили нашей кровушки...

Милюков знаменательно льстит Японии... Или пришла пора «активной политики»? На Дону и у Деникина крепнет тяготение к Гинденбургу¹⁹. Сам черт ногу сломит. (1 ч. 10 м. ночи).

Омск, 6—7 июля.

Сейчас вернулся, был на заседании совета профессоров пермского университета в Министерстве народного просвещения. Приехали, несчастные, вчера из Перми, теперь совещались, куда отправляться дальше и как быть. Поезд их (теплушки) стоит в Куломзине, там семьи — жены, дети, старики — всего 280 человек. Присутствовали министр Преображенский и его товарищи. Решили, что завтра совет поедет в Томск, а дальше видно будет... Потом были в ресторане, беседовали. По дороге, недалеко уже от Омска, утонул, купаясь, профессор Вейхарт, завтра похороны — если привезут тело. Вид у всех довольно измученный — загорелые, грязноватые, обросшие волосами. Ехали с 27 июня. Пермь эвакуировали плохо²², например, оставили 7 типографий и полторы тысячи пудов бумаги. Черед за Екатеринбург, Златоустом, Челябинском...²³ Зато прекрасно у Деникина.

...Дурденевский — мне на вопрос, что он думает о положении: — Ясно, это конец Вандей!.. (1 ч. 20 м. ночи).

Омск, 26 мая.

Горячка с агитационною литературою. Верховный Правитель и ставка потребовали срочно развить максимум энергии и в неделю изготовить чуть ли не миллион листовок и прокламаций. Поставили на ноги типографии, спешим...

Самые последние вести — ничего. Юденич непосредственно угрожает Петербургу²⁰, Деникин идет на Царицын, наши оправляются, мирная конференция будто бы решила признать Колчака. Большевики — как затравленные звери, умирают, но не сдаются. Честь им и слава! Вояможно, что они попробуют и им удастся ближе сойтись с Германней и тем подбросить хвороста в угасающий очаг всемирной революции. Во всяком случае, жить все интереснее и интереснее становится. И за Россию все спокойнее. Откровенно говоря, ее будущее обеспечено — вне зависимости от того, кто победит — Колчак или Ленин... (6 ч. 50 м. вечера).

Омск, 22 июня.

Все время, со всех сторон — много впечатлений. «В центре». Налаживается, мало-помалу, работа по информации, выпустили более двух миллионов прокламаций на фронт, брошюры печатаются, словом, в Пресс-Бюро благополучно. Хуже с иностранною информацией, Сукин ворчит, что она ничуть не улучшается. Хочу ближе ею заняться, но масса технических препятствий, — до сих пор нет помещения, беда.

В общем, очень устал, хочется отдохнуть, не знаю, удастся ли, хоть немножко... И кроме того, не могу сказать, чтобы эта деятельность меня удовлетворяла вполне, всецело. Заведывание прокламациями, телеграммами — да, теперь это важно, это нужное дело, и, разумеется, живое, интересное. Но все же слишком много сил отнимает в нем просто техника, и для «творчества» места остается меньше, чем хотелось бы. Конечно, когда минет лихорадочное время, оставаться журналистом только или даже журналистом по-преимуществу — не захочется.

Что-то будет?.. У нас на фронте — плохо, большевики — у Осы и Оханска, взяли Уфу и продолжают наступать. Зато, кажется, хорошо у Деникина. Кроме того, недурно, по-видимому, складываются дела международные. Еще неизвестно, конкретно, в чем дело, но Сукин получил ряд телеграмм из-за границы, поздравляющих

с «большою дипломатической победой». Из Франции и Америки телеграфируют о «радостном событии» и пр. Из ноты союзников не ясно точно, в чем дело — официального признания еще, очевидно, нет, но что-то, несомненно, улучшилось. Министерство Иностранных дел послало соответствующий запрос в Париж²¹. Большевицское радио бешено ругает союзников за дружбу с Колчаком. Что будет?..

Стоит жара. Солнце. Хочется проехаться на лодке. Жаль, что здесь нет окрестностей. (12 ч. 25 м. дня).

Омск, 10—11 июля.

В общем, тревожно. Начинаются там и сям «панические» разговоры, обыватели готовят чемоданы, «беднота» открыто радуется и поджидает большевиков. Говорят, и в сибирских деревнях настроение большевицское. Не переболели еще, не знают, на себе не испытали, что такое Советская власть, а ведь рассказам русский человек плохо верит. Эмпиризм дикарей — ничего не поделаешь. Возможно, что Сибири еще суждено испытать эту горькую чашу. Непокойно в низах, возможен внутренний взрыв, если продолжатся неуспехи на фронте. А они, увы, продолжают, положение ухудшается. Фронт приближается к Екатеринбург и Челябинску, хотя большевики снимают части на Деникинский фронт. Что-то будет? Ужели новые испытания, бегство... арест? Впрочем, не очень думаешь обо всех этих ужасах, живешь интенсивно, напряженно и... не скучно, просто хорошо. (12 ч. 50 м. ночи).

Омск, 14 июля.

Разгар лета. И совсем, совсем не приходится пользоваться им, проходит бесплодно. Пыльные, душные улицы, и на душе не до природы. Лишь иногда потянет, взгрустнется... Сейчас прекрасные лунные ночи, и даже в городе, особенно ближе к окраинам, чувствуется радостная свежесть... Надеюсь, что все-таки удастся проехаться на пароходе по Иртышу, передохнуть.

У Деникина началось контрнаступление большевиков. Уже взяли обратно Балашев (значит, восстановили железнодорожную связь с Саратовым) и ведутся бои за Харьков и Екатеринослав. Ужели повторится история нашего наступления?.. Ну, а у нас, разумеется, отвратительно,— судьба Екатеринбурга, вероятно, уже пред-

решена. В тылу — гнусная грязня генералов, обывательская паника, рост общественного недовольства — верный спутник неудач. Беда. На Западе — шатко. (11 ч. дня).

Омск. 15—16 июля.

Заседание «блока»²⁴ — о политическом положении. Отвратительное, гнусное впечатление. Сброд невежд, шумящий, ищущий «виновника» и, конечно, находящий его в Правительстве, Правителе, власти... Суждения «чем я хуже Сукина?», «отчего не выслушивают наших мнений о международной политике?», «мы должны им прямо сказать», и т. д., и т. д. ... Какие-то казацкие полковники, едва ли не впервые попавшие в «высокое собрание», делающие «большую политику»... И вот — общественное мнение... Одни (Белоруссов) хотят использовать чехов для фронта, другие (промышленники, казаки) мечтают о японцах — и все это примитивно, наивно... Белоруссов все возмущает «произволом в управлении» и думает, что нужно изменить курс правительственной политики в смысле большей демократичности. Чехи будто бы тоже поставят это условие. Глупо! Кадеты решили не поддерживать Белоруссова. Что касается японцев, то, кажется, они сменяют чехов по охране железной дороги, с благословения Совета 5-ти.²⁵ (2 ч. 10 м. ночи).

Омск, 20 июля.

Сейчас вместе с делегацией омского «блока» был у Верховного Правителя — в домике у Иртыша²⁶. Длинная беседа на злобы дня. Хорошее и сильное впечатление. Чувствуется ум, честность, добрая воля. Говорил очень искренно, откровенно. Об «отсутствии порядочных людей», «о трудном положении армии («развал»)\», о союзниках. «Мое мнение — они не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна». О Японии, о наивности тех, кто думает, что стоит лишь ее попросить, и она пришлет дивизии... Об отвратительных злоупотреблениях агентов власти на фронте и в тылу. «Худшие враги правительства — его собственные агенты». То же и у Деникина, то же и у большевиков — «это общее явление, нет людей»... У большевиков это устраняет чрезвычайка, но и она не может устранить преступлений агентов. Мы же

мечтаем о законе. «У меня полнота власти, я фактически могу расстрелять преступников,— но я отдаю их под суд, и дела затягиваются»... Беседовали около двух часов. (5 ч. дня).

Омск, 21 июля.

«Диктатор»... Я всматривался в него вчера, вслушивался в каждое его слово... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности. Думается, нет в нем тех отрицательных для обыкновенного человека, но прощительных для гения свойств, которыми был богат Наполеон. Видимо, лозунг «цель оправдывает средства» ему слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он и сознает все его значение. В этом отношении, величайший человек современности (тоже, к гордости нашей русский) Ленин — является ему живым и разительным контрастом.

Говоря о том, что союзники не хотят помочь России стать снова великой, он прибавил вчера: «Это мое мнение... Но ведь иногда приходится руководствоваться не внутренними убеждениями, а интересами государства... Политика в смысле попыток привлечения помощи союзников будет продолжаться...». Чувствовалось, что он лично считал бы нужным более независимый, самостоятельный тон в разговорах с союзниками. Но... он поддается доводам советников. То же в вопросе с Семеновым. «Разве я держал бы себя так во всей этой истории с Семеновым?»...

Что это? Излишняя искренность «абсолютно честного человека»? Недостаточная напряженность воли? Ни того, ни другого свойства не было у Наполеона, нет у Ленина. Дай Бог, чтобы оба эти свойства не помешали их обладателю стать «историческим человеком». А может быть, я ошибаюсь... Но не скрою — не столь историческим величием, сколько дыханием исключительной нравственной чистоты веяло от слов Верховного Правителя и всей его личности. Конечно, трудно судить современникам. Исторических людей создают не только их собственные характеры, но и окружающие обстоятельства. Но я боюсь — слишком чистен, слишком тонок, слишком «хрупок» адмирал Колчак для «героя» истории... (8 ч. вечера).

Омск, 25 июля.

Жизнь вся в хлопотах и заботах душных, пыльных, как Омск в июле... Блок, партия, бюро, газета... Резолюции, статьи, доклады, речи... Нечто лихорадочное, в конце концов изнурительное. Все интересы более утонченного и высшего порядка ушли словно безвозвратно. С другой стороны, нет минуты спокойного, настоящего отдыха, не отравленного пылью, свободного от тягостного осадка на душе. Впрочем, это — та жизнь, о которой не раз я мечтал в дни занятий «утонченного и высшего порядка», а также и в минуты «спокойного, настоящего отдыха»... Трудно в мире сем угодить человеку...

Все более и более заманчиво представляется Москва, хотя бы даже и большевистская. С тоскливою, но сладкою грустью вспоминаются ее улицы, дома, бывлые дни жизни в ней, и тянет туда, тянет все чаще и все сильнее. И Калуга представляется, милая, родная... Доведется ли вас увидеть, славные, любимые?.. (7 ч. 10 м. вечера).

Омск, 7—8 августа.

Сейчас вернулся с заседания блока. Горячо обсуждался вопрос «реконструкции» власти²⁷. Глупо, гнусно, противно. Сейчас сосредоточили внимание на «персональной» реорганизации Совета Министров. Плохо, что казаки — с фрондерами. Приходится учитывать. Мы, кадеты, идем на компромисс — согласны на замену Вологодского²⁸ Балакшиным, председателем блока. Умный мужик — но мужик!.. Достоинство его — популярность в Сибири, главным образом, в кооперативных кругах, но малая интеллигентность, корявость несомнения. Конечно, такая фигура в качестве премьеры — комизм и конфуз большого калибра, в особенности, для «Российского Правительства»... Впрочем, как говорят, Верховный Правитель весьма против всяких перемен, хлопает дверью и выходит из комнаты, когда даже министры начинают о них заикаться. Положение серое, тупое. Хочется плюнуть, уйти куда-нибудь — к природе, к книгам... Трешим... (1 ч. ночи).

Омск, 12—13 августа

Первый день — дыхание некоторой тревоги подлинной. Чувствуется, что приближается гроза, во всем чувствуется... Объявлен указ (или закон?) о мобилизации

городского населения до 43 лет. Отсрочки и освобождения недействительны. Значит — призываться. Куда? Как?

Говорят уже, что вряд ли будут задерживаться на Тоболе — обещанная ставкой заветная, заповедная черта. А теперь, по-видимому, будут отступать и дальше. Нет армии, везде плохо. Верховный Правитель будто бы уже заявляет, что «должно быть, придется отвинчивать голову»...

Ну, а интриги не затихают, льются обильно во всех направлениях помой, душно, гадко... В народе повсюду большевизм, везде враждебная атмосфера, радостное ожидание. Тяжко.

Опять бежать? Зачем? Куда? Не бесполезно ли? Ужели прав Дурденевский — «конец Ванден»?.. (12 ч. 37 м. ночи).

Омск, 14 августа.

Был сегодня — недавно — на торжественном обеде: казаки устраивали чехо-словакам. Говорили речи Иванов-Ринов²⁹, Дутов³⁰, герой ноябрьского переворота полковник Красильников³¹. Кричали ура, наздар. Оркестр играл гимны чешский, русский, польский, сербский. На душе грустно было. Веет что-то большевизмом. Болдырев³² увлечен идеей «крестовых отрядов», хлопочет, верит. Дай-то Бог... По общим отзывам, большевики бессильны и держатся только нашим развалом. Такие-то дела. (5 ч. 30 м. дня).

Омск, 15 августа.

Ужели опять невзгоды?.. Бежать или еще хуже — становиться к стенке? Роковая черта все ползет, ползет на восток, неумолимая, зловещая... А Деникин побеждает. Нелепо! Был бы смысл в победе большевиков, в объединении ими всей России. Но ведь этого нет! Глупая кадрили — *changez vos places ...* * Страна истекает кровью. Глупо. (7 ч. 25 м. вечера).

Омск, 25 августа.

Утром появились слухи, будто наши с тыла взяли Челябинск, и поэтому приостанавливается эвакуация

* Меняйте ваши места (*фр.*).

Омска. Но никаких подтверждений не пришло. Напротив, радио большевиков принесло плохие вести: Деникин сдал Камышин, Валуйки, мы — Кустанай. Большевики торжествуют на всех фронтах. Тяжелое чувство, камень на душе.

Открылись агитационные курсы при Осведверхе. Читал вступительные лекции, потом беседовал со слушателями. Ощущается в них — даже у них! — состояние недовольства властью, полуоппозиции. Ужасно санитарное сосоаяние армии, до 70% тифозных, полное отчуждение от начальства, бурбонство. Нет доверия к власти даже у тех, кто заведомо — враг большевиков. Армия голодна, гола, мужики перепороты — трудно агитировать при таких условиях.

В городе — некоторое оживление, «крестовые дружины», добровольцы, эвакуация... Нервность — не предсмертная ли? (11 ч. 25 м. вечера).

Омск, 31 августа — 1-го сентября

На фронте начались «активные операции» с нашей стороны, немедленно поползли оптимистические слухи — перед бедою? — сводка не сообщает ничего радостного, однако в городе почему-то спокойнее.

Был с Наташей за городом, в рощице, хорошо. Кузнечики, сжатая желтая рожь снопами, некоторые участки еще на корню, красные маки, голубое небо, березы, теплая трава, теплая земля — еще летняя... Думалось о Калуге — что-то там? — о доме, маме, Мише... Наверно, вспоминают, тревожатся, мама подчас всплакнет... Судьба. С чего это? *Qui proteste?* * — Значит, так надо.

Лето уходит — незамеченное более, чем когда-либо в жизни. Душа в заботах, в делах. «Секундные стрелки истории»... Однако, часовая — у *Mittelnacht* * Гудит набат — словно труба архангела... (12 ч. 55 м. ночи).

Омск, 3—4 сентября.

Снова дни решающие, роковые. Бой за Омск, за победу, за бытие Колчака, за перелом... Решается, кстати, и наша судьба — закинутых сюда порывом урагана лю-

* Кто протестует? (*фр.*).

** У полночи (*немец.*).

дей. Что будет зимой — бегство, бедствия, гибель или успокоение и радость победы, в худшем случае, зима в Омске со всеми удобствами теперешней жизни. Господи, пошли скорее мир России — по крайней мере, конец этой смертной междоусобной войне...

Вчера были в роще вечером. Хорошо, возвращаясь, видели всюнощную у беженцев. Служат священники — сами беженцы — на чистом воздухе... Тишина вечерняя, золотая лента заката, сзади луна тоже золотистая, березы, свечи, и поют беженцы торжественно, задушевно. Тепло, воздух полон запахами лета, вечера. Кругом повсюду повозки со скарбом, вроде палаток, и огоньки, огоньки... Несчастные... Этим уж не нужны агитационные курсы. (12 ч. 30 м. ночи.)

Омск, 7 сентября.

Осенний вечер типичный. Дождь упорный, серый, стемнело рано. В такие вечера длинные, мокрые, хорошо дома — в уюте, когда никуда не нужно идти, когда на душе тепло, домашне и не за что тревожиться...

Воскресенье. Целый день — дома. Приятно. Мирок. Все-таки и здесь — подобие уюта. Нельзя без него. И в походной обстановке сам собою он создается. Уйдешь в себя, и вот при свечке тихо живешь своим, собой...

Ветер, ветер
На всем божьем свете!

Ничего — окопаешь себе канавку, по примеру старца Серафима, и ветер не залетит... или хоть передышку даст...

Живем при внешних условиях, в сущности, прекрасных. Денег вдоволь, гастрономических впечатлений — хоть отбавляй, даже в мирное время не было такого благополучия: бесконечные арбузы, дыни, конфеты, печения — все, все, что можно купить, доступно. Недаром называем себя «комиссарами»: жизненно заинтересованы в сохранении этого режима. Да, — «канавка»...

А ветер гуляет. У нас все еще продолжается бой за Омск. На южной линии, у Сахарова ³³, лучше, на северной, у Пепеляева ³⁴, напряженно, — ни в ту, ни в другую сторону. У Деникина, видимо, средне — вот-вот возьмут Царицын. Тошно. На радость всего мира Россия добивает себя, истощает. Досадно.

Читал письмо из Лондона, Тырковой ³⁵. Неутешительно, хотя, быть может, и слишком сгущены краски.

О нашем Парижском Совещании ³⁶ пишет: «Сазонов ³⁷ в политическом смысле — *gamoli* *. Львов мелкий хитрец, невежественный оппортунист, играющий налево и т. д. ³⁸. Нет ни одного сильного и надежного государственного человека. О Маклакове писать не хочется, до того он дрябл ³⁹. Бахметьев — просто хам ⁴⁰».

Много грустного сообщает и насчет союзников. Главное: «Чтобы понять многое в союзной политике, надо знать, что Клемансо, Вильсон и Ллойд Джордж, все трое, не любят России и боятся нашего усиления»... ⁴¹

Милюков, по-видимому, тоже отнюдь не очарован политикою союзников, хотя непосредственных сведений от него нет. Но Сукин говорит, что «они там в Лондоне, как видно, потеряли головы: думают, что дело так плохо, что его спасти могут лишь некоторые новые комбинации»... Какие?..

Интересно бы узнать. «Германская ориентация?» Или... мир с Советами?

Узнаю коней ретивых...

Ну, а мы здесь все твердим союзнические зады и тянем вечную канитель, вконец разоряя страну... (10 ч. 5 м. в.)

Омск, 14 сентября.

Продолжаются бои, перелома еще нет, напряженно. Большевики, как говорят, дерутся отлично, наши — тоже. Большие сравнительно потери с обеих сторон. Мы взяли порядочно пленных. Офицеров и комиссаров расстреливают, вешают — *c'est e'usage* * и ничего не поделаешь... С Деникинского фронта, кажется, лучше...

Внутри — усиливающееся злое чувство к союзникам за их политику расчленения России, за их равнодушие, за их невмешательство. В сущности, они, быть может, по своему и правы — за чужой щекой зуб не болит, но, с другой стороны, когда болит зуб, нервы, как известно, сугубо расстроены. И естественно, ищешь врага... Наши неуспехи сильно затормозили дело. Опять же, изумительная ловкость большевиков...

Но как бы то ни было, антипатия ко всем союзникам (кроме Японии) растет в самых различных кругах — от

* слабоумный (*фр.*).

*: так водится (*фр.*).

солдатских до ультра-политических — и пропорционально усиливается интерес к Германии.

Большой успех имеет стихотворение поэта Г. Маслова «Парижанину», на днях напечатанное здесь в двух газетах рядом с телеграммой Бурцева ⁴² о равнодушии к России французского делегата на мирной конференции г. Тардье. Вот эти стихи:

От хмеля победы горд,
Ты в веселом кафе сидишь,
Но скоро разгул обезумевших орд
Сметет одряхлевший Париж.
Банкир, убегая, уютное жилье
Запрет, тяжело дыша,
И наденет кружевное белье
Любовница апаша.
На аэроплане умчится Фош
Вербовать надежные полки,
А ты, парижанин, в каморке замрешь
Изнывая от страха и тоски.
И будет сниться в краю чужом
Париж, как русским Москва,—
А мы мириться вас позовем
На Принцезы острова...

Везде с большим злорадством цитируются эти стихи, а в мисиях ими сильно недовольны. Несомненно, для «германской ориентации» почва становится все благоприятнее. Со своей стороны, в телеграфном агентстве, в прессе мы отнюдь не склонны замалчивать все возможности. Только бы до зимы кончилась гражданская бойня!..

Быть может, на днях начнем (Русское Бюро Печати) издавать свою газету «Русское Дело». Буду ее фактическим редактором. Не знаю — хватит ли здесь литературных сил. А хорошо бы создать что-нибудь вроде «Накануне»!.. ⁴³ Только что-то не пишется статьи за последнее время, несколько раз принимался, ничего не выходит. Должно быть, устал, перестает работать голова. Отдохнуть бы... (10 ч. 5 м. в.).

Олск, 29 сентября.

Радио большевиков становится иступленно, взвинчено в своей кровожадности, истерично — нечто подобное было с советскими вождями осенью, вернее, поздним летом прошлого года, когда «чехи» взяли Симбирск, Казань и, казалось, угрожали Нижнему... Террор опять оживился до нелепости. В Москве расстреляли 67 человек — раскрыли Национальный Центр ⁴⁴. Призывают «гро-

мы» на «ученых», «литераторов» — словом, интеллигенцию. «Бей, губи их, злодеев проклятых».. Захлебывающаяся злоба, хрипящая.. В ответ брошены бомбы на собрании коммунистов, есть убитые, раненые — все второй и третий сорт⁴⁵. Деникин — на полдороге от Курска к Орлу, в опасности Воронеж, Мамонтов⁴⁶ где-то в Тульской губернии, неуловимый, неуязвимый, словно Девет в бурскую войну⁴⁷ — да, революция в опасности. У нас — тоже мало для них утешительного. Что будет? Опять спасутся? Ушли бы в Туркестан, к Индии... Стали бы восточным форпостом Великой России. Хорошо бы (10 ч. 50 м. в.).

Омск, 29 сентября.

Конечно, много интересного приходится видеть и переживать. Если доведется выйти живым из этого водоворота — какой прекрасный материал можно будет дать «Историческому Вестнику» или «Русской Старине»...⁴⁸ Жаль, что трудно сейчас записывать — и некогда, да нет, не столько некогда, сколько уж очень неподходящее для мемуарных записок состояние духа.. Уж очень тревожно — по всем направлениям, по всем этажам души: — и о фронте, и о доме с домашними, и о Бюро, и о газете, и вот о комнате — обо всем надо подумать, трудно не подумать. Живешь ведь прямо на вулкане, и живешь днями — где уж тут сосредоточиться, запомнить, записать о том, о другом: о «министрах», о партии, об «общественных деятелях» и прочая, и прочая. А много любопытного. Все-таки живая история. Ну, конечно, за чертой еще интересней, еще «историчней». Но и здесь — занятно. Все-таки многое проходит перед глазами, бросается в глаза. Записать бы... (11 ч. 30 м. н.).

Омск, 30 сентября.

Длинные осенние вечера, газета не выходит и статей писать некуда, книг для занятий нет, английский язык одному изучать невыносимо, — и в результате нечего делать. Иногда, впрочем, бывают Болдыревы, играем с ними в карты... Хочется заниматься по привычке: самое время...

Читаю Чехова, Вальтера Скотта, даже рассказы Прево. Уйти от сутолоки, от окружающего. Нет, все-таки устал. Нельзя так. И в то же время, конечно, спасибо и за это. Могло быть значительно хуже.

На службе — обычно. Телеграммы, обзоры, нелады с Осведверхом и прочая. Ничего не трудно, не скочно, даже занятно: конкретно чувствуешь связь с центрами мира... Но... но чего-то хочется еще: газету свою? возвратиться к науке? Или — просто домой, домой, в Москву, в Калугу...

Омск, 14 октября.

Выходит газета — «Русское Дело» — возни с нею без конца с утра до ночи. Ничего себе, хотя трудно здесь уберечься от налета провинциализма: везде ведь здесь третий сорт...

Пишу статьи, заказываю статьи, исправляю статьи. Кое-что все-таки выходит.

В партии тоже ничего себе. Выравнивается. Сегодня — заседание — обсуждение телеграммы Деникину, в связи с его успехами, в связи с вопросом о взаимоотношении его с Омском.

Бои у Орла, бои недалеко от Брянска. Последнее радио передает, что большевики организуют сопротивление. Значит, новый рубеж. Если он будет сломлен, — следующий будет уже у Тулы и Калуги! Занятно.

Стоят теплые, ясные, осенние дни. Сегодня праздник, собираемся в рощу. В соборе обедня, потом парад крестовых дружин. Не пошел. (12 ч. 30 м. д.).

Омск, 29 октября.

Объявлена «разгрузка» — т. е. эвакуация — Омска. На фронте плохо, «катастрофично». Падение Омска, очевидно, неминуемо. Армия обойдена с севера, с юга, быстро отступает. Совет Министров переезжает в Иркутск.

Что делать? Сегодня начинается паника. Вагона не дадут. Идти пешком?.. Холодно. Далеко ли дойдешь?.. Кругом восстания, и, конечно, падение Омска — конец всей «комской комбинации». Тяжело. Последние дни в уюте, в тепле. Дров купили на днях, вставили рамы... Запаслись сахарком. Боже, опять горе, и на этот раз — призрак полного тупика, смерти... Спасся в Москве, в Калуге, в Перми — едва ли еще раз пройдет безнаказанно искушение судьбы. (8 ч. 45 м. у.).

Омск, 1—2 ноября.

Опять, опять — зигзаг... Ужасно... Устал. Омск, по видимому, безнадежен. Завтра предположена наша эвакуация в Иркутск. Ночь. Собираемся. В последний раз — уютная комнатка, обычно, самовар... Впрочем, уют нарушен, кругом мешки, корзины, на полу ненужные бумаги... Две свечи: на письменном столе, и на ночном столике...

Ехать... В теплушке... Две недели, быть может, три, месяц... Быть может, погибнуть под откосом, в тайге, от бандитов. Ну, а если даже и приедем в Иркутск — что дальше? Отстрочка?

Год, неделя или ночь...

Повсюду побеждают, разбит Юденич, отходит Деникин. Разбита контрреволюция... Ave, revolutio, morituri te salutant*.

(1 ч. 50 м. н.).

Иркутск, 24—25 ноября.

Иркутск. Ехали две недели — от 4-го до 18-го, в теплушке, в поезде Управления Делами Совета Министров. Ничего себе, пожалуй, теперь даже приятно вспомнить — все хорошо, что хорошо кончается. Гейнцы, Сверженский, Блюменталь, Самсонов, Сапир, Мразек, Ковалева, до Тайги Баранов, до Новониколаевска офицеры-картежники... Железная печь с ночными дежурствами, нары, кошма, кипяток, визиты в экономическое совещание, винт с Кролем⁴⁹, Поленовым, Новиковым, Крольшей, генерал украинец Савицкий, политические разговоры... Болельница Татьяна Евгеньевна, подозрения на сыпной тиф, трусливая докторша, проблема высадки, вошь у Мразека, выздоровление... Мало вестей, жалобы Победоносцева, а по-существу, приятно, что едешь и отдыхаешь в блаженном неведении среди этих бесконечных, невероятных пространств...

... Там не будет газетных статей и отчетов...

Сначала — дни степи, голой, ровной, как доска, как паркет, белой, холодной с ветром, выдувающим всякий уют, злым, омским... Потом — дни тайги, скупые пейзажи, лески, чащи, береза, ель, сосна. Скучно. ... Неприют-

* Да здравствует революция, тебя приветствуют идущие на смерть (стар. лат.). (Перефразированный воинский девиз времен Г. Ю. Цезаря).

но и бедно в тебе!.. Но — родное, даже и здесь родное, вот-вот мелькает картинка из Калужской губернии, Московской. Станции, продают разную приятную еду, гусей жареных, кур, куропаток. Расхватывают моментально. Вон студент из Экономического Совещания с гусиной дымящейся ногой в бумажном клочке, вон, счастливицы, достали четверть молока, вон туда в очереди за кипятком, рабочий из нашей типографии тащит печенку. Чекин с сыном в башлыках, сосредоточенные, серьезные, торопясь, направляются в третий класс... «Когда идем?» Никто не знает, все живут слухами, начиная с самого лошадиного министра Павлова и молоденького коменданта. Вот-вот тронемся. Жмутся у поезда, но все же несколько ухитряются остаться... После Красноярска до рождает хлеб, мясо, молоко, масло, дешевают только папиросы, да еще появляются на станциях японские карамели и подчас яблоки... Тратятся, обильно утекают «эвакуационные»...

Иннокентьевская. Сведения чешских телеграмм о падении Омска. Узнаем это 18 ноября. Годовщина.

И вновь дни обычности, забот, тревог, опять политика, перспективы...

Иркутск. Голубоватая, прозрачная Ангара, главная, «Большая» улица, с первого взгляда и на минуту вдруг напомнившая Москву, после Омска неожиданно приятная печать традиции, органичности в улицах, во многих зданиях, церквах. Но все это, как и проблема комнаты, скоро уже позади, а на уме и на глазах — чехи, «реконструкция» кабинета, экс-министры, Пепеляев, декларации и приказы, и... Семенов с желтым спасением⁵⁰. В Читу! Рекомендательные письма от какого-то генерала с умными разговорами и раскрашенной женой, петушиные напутствия Х. Х., нашего великого правительственного инспиратора... — ужели, и в самом деле ехать?.. Завтра дадут разрешение, завтра выясню...

А в Иркутске общее настроение, общая мечта — мир, мир, конец войне. Словно перед 25 октябрём. Но фатально вертится колесо, размахалась рука — и рвут свои мосты, истощаются, истребляются на радость друзьям и врагам. Глупо, и сам шебаршишься лишь по инерции, хотя и в уме, и на сердце — иное чувство, иная мысль... (Ночь).

*В поезде Чита — Иркутск
1-го декабря*

Еду из Читы обратно в Иркутск. В третьем классе, занял верхнее место. Ничего.

Настроение неважное, плохо спал, болит голова. Некоторый горький осадок на душе...

Туда ехал лучше. В особом вагоне второго класса, с Таскиным, Управляющим Забайкальской Областью⁵¹. Беседовали много, долго. Писал там впечатления, пришлось бросить. Жаль...

В общем, с Читой успел ознакомиться. Недурной городок в горах, сухой, свежий воздух, ясно. Любопытно, что на санях там не ездят никогда за отсутствием достаточного количества снега. С любого места города видны куски гор, покрытые седым лесом.

Конечно, чувствуется японское «влияние». То и дело проходят по улицам маленькие солдатики с маленькими красными погончиками, с красными кантами на фуражках. То там, то сям болтаются белые флаги с красными кружками посередине. Огромный дом в центре занят японским штабом.

Говорят, японцы очень хорошо относятся к населению, и нередко можно видеть, как они на улицах снабжают конфетами и подарками русских детей.

А поздно вечером в ярко освещенные окна какого-нибудь опрятного особняка можно видеть нарядную смешанную группу японских и русских офицеров. Плакаты штаба тоже говорят о «дружественной Японии», и все эти лучи восходящего солнца уверенно и весело играют на этом тихом, уютном городке...

Много китайцев, бурят, чувствуется близость границы. Много русских офицеров — «семеновцев». (1 ч. 45 м. д.). Сейчас проехали туннель на Яблоновом хребте. На одной стороне надпись — «к Атлантическому Океану», на другой — «к Великому Океану». Темнеет, подъезжаем к разъезду, в домиках окна, лампы с зелеными абажурами (4 ч. 30 м. д.).

2 декабря.

Скоро приедем в Верхнеудинск. Обычно, облачно, сыровато, тепло. Когда ехал туда, было лучше, свежее, колоритнее. В голове все время — обрывки читинских впечатлений от первого до последнего дня. Все-таки занятный край, самобытный. Приеду в Иркутск — постараюсь подробно записать все, восстановить в связной форме оставленные в Чите листки.

Как-то снова меркнет огонек, прельщавший, тянувший к себе. Какая-то бесцельность, темь. Ошибки, ошибки, тупик!

Сомнение, раздумье, почти уныние. И снова грустно, что забросил науку, переломил жизненный путь. Снова уйти бы в себя...

Быть может, вероятно, — это временное настроение, снова втянусь в этот шум, в эту сутолоку борьбы. Но все нет уже той искренности, того воодушевления идеями, что было вот скоро год тому назад. Состаралась, полиняла идея —

Отвечает она, отвечает,
Потемнел белоснежный венок
И как будто весь мир увядает —
Средь гробов я стою одинок..

«Вечер настал. Простите мне печаль мою. Вечер настал. Простите мне, что настал вечер» (Ницше).

Голова сегодня не болит, ощущается лишь психическая усталость, упадок сил. Реакция на последнюю ночь в Чите, на вчерашнее утро. Хорошо бы скорее доехать — и без препятствий. (1 ч. 15 м. д.).

3-го декабря.

Едем по берегу Байкала. Слева отвесная круча, высокая, в камнях, живописных, разноцветных — то розовых, то бурых, — с деревьями, хмурыми, соснами, елями и вкрапленными в них березками. Справа — озеро, ясное, с зеленым отливом, блистающее солнечным отражением. Красота изумительная, захватывающая. (9 ч. утра).

Иркутск, 19 декабря.

Именины. Деловой, обычный день, ничего или почти ничего праздничного. Грустно. Два заседания — днем кадетский комитет, вечером инициативная группа по организации русско-японского сближения. Вдобавок, Наташа больна, лежит, кашель — ничем не «ознаменован» день. Впрочем, был Надоеда *, все такой же, как в Перми, нелеп и скучен.

Да, большая разница с прошлым годом. Тревожные, но радостные, волнующие были дни. Ждали, чаяли освобождения — и надежды, надежды, надежды... И уют был, помню, белая булка, обедня...

* Так называли одного пермского профессора. (Н. У.).

А сегодня не был в церкви, вчера — тоже. Душа в делах, в заботах. И щемящая, тупая тревога, уныние. Вертится колесо, завертелся, — что же делать? А финал ужасен, кругом разложение и смерть. Нет надежды на улучшение, нет веры в дело. Ошибались; приняли судороги умирания за трепет рождения, а трепет рождения за конвульсии болезни. Вот и расплата. И глупое чувство стыда, ложного самолюбия мешает сознаться в ошибке. Изворачиваешься, крутишься, чтобы «в общественной деятельности» оставаться самим собою, честным перед своею совестью, — и все труднее и труднее приходится. Кризис назрел, душно в старой рамке. (11 ч. 44 м. в.).

Иркутск, 24 декабря.

Решающая ночь. Вероятно, сегодня будет переворот. И, вероятно, удачный. У правительства нет опоры даже среди офицеров. Утром сообщен из поезда Верховного Правителя приказ о назначении Семенова командующим всеми дальневосточными, а также и иркутским военным округом. Если сегодня, самое позднее завтра, не будет переворота, послезавтра уже может оказаться поздно. А в Черемхове уже грозят «совдепизацией власти». Сегодня не дают электричества, на улице непроглядная темь — лишний симптом.

На душе тоска, мутно. Одиноко. Одна лишь тень «весны», провозглашенной правительством, спугнула последние остатки государственных связей, и все расклеилось.

Снова февраль или октябрь, вернее, нечто среднее, пропорциональное между ними. (6 ч. 10 м. в.).

Иркутск, 24—25 декабря.

Был в типографии, заходил в иркутский кадетский комитет. Ничего. На улицах несколько оживленнее, чем обычно, чаще автомобили, мотоциклы. Нередко встречаются солдаты одиночные с ружьями. Возвращаясь домой, встретил верхового — скачет по направлению к центру. Будет ли что — не поймешь. Ясно, что ни у кого охоты драться нет, и противники до смерти боятся друг друга. Повсюду царит мелкий бес, и конечно, будет только справедливо, если большевики пройдутся здесь своею метлой.

Происходит занятная комбинация Колчака с Семеновым через головы Совета Министров. Вот и «програм-

ма» нового кабинета, вот и лозунг о «власти военной», которая, как известно, «да подчинится власти гражданской!» Это называется — «жизнь сильнее нас»...

Дни тревожные, напряженные. Сгорает жизнь. (12 ч. 5 м. н.).

Иркутск, 25 декабря.

Началось. Восстал 53-й полк, расположенный по ту сторону Ангары. С частью офицеров. Заняли вокзал, весь тот берег в их руках. В городе объявлено осадное положение, кругом патрули, выход на улицу запрещен после семи часов вечера. У правительства еще есть верные части. Надолго ли?

Часть эсеров арестована. Утром пришел в бюро. Оживление. Зашел Кочнев, потом Волков, Кудрявцев, Коробов⁵². Беседовали в моем кабинетике. Сообщали, что жребий брошен, и правительство решило бороться. Потом пошли к Червен-Водали⁵³, кроме Кудрявцева. Пришли в Совет Министров — Червен ведь теперь за председателя — пришлось подождать, он говорил по прямому проводу. Зашли в канцелярию, она же приемная — большая комната. Оживление, некоторая нервность, атмосфера большого дня. Расхаживают туда-сюда, беседуют, смотрят в окна, особенно когда показываются колонки солдат. Мелькают знакомые лица: Фармаковский, Бурышкин⁵⁴, Вяткин, чиновники и барышни, так привычные по белому дому в Омске. Но вот выходит Червен в сопровождении Антропова и неизбежного Язвицкого. Входим в его кабинет (уже без свиты), начинаем беседу. Присутствует; кроме нас пятерых, заместитель министра путей сообщения (фамилии не помню), что объясняется последним актом Совета Министров: власть передана тройке — Червен, Ханжин (военный министр)⁵⁵ и, вот, министр путей⁵⁶. Для ориентации они держатся преимущественно вместе. Итак, приступая к разговору, я поздравил правительство с проявлением с его стороны решимости борьбы и заявил, что мы, чем можем готовы ему помочь. Потом сообщил о тревожных телеграммах, полученных нами из Красноярска (образование социалистического «комитета общественной безопасности») и о некоторых признаках подозрительного поведения здешнего начальника губернии Яковлева. Затем просил информировать нас. Червен начал отвечать с Красноярска: там действительно, происходит перемена власти, объясняемая неминуемостью скорого занятия города большеви-

ками; но «революции», как в Иркутске, там нет.— На этом месте вошел Гинс⁵⁷ с проектом воззвания к населению. Прочитали, чуть-чуть подправили, одобрили, хотя написано весьма посредственно, но, как оказалось, лучше никто написать не смог: пробовал министр путей, забраковали, писал, конечно, Язвический — тоже, тогда взялся Гинс, писал чуть-ли не всю ночь; не даром и лицо осунувшееся, и под глазами синяки. Между прочим, его мало кто любит и почти все ругают. Перешли к главному. Семенов высылает сюда войска, японцы тоже шлют подкрепления. Броневые поезда уже у Байкала, в 70 верстах от Иркутска, но их задерживают чехи, определенно расположенные к мятежникам. Продержаться мы можем, но вряд ли долго, ибо в частях, усталых, и без того не совсем твердых, неизбежно начнется разложение. Третьяков⁵⁸ спрашивал из Читы — продержимся ли неделю. Червен ответил — едва ли. Сегодня аппарат уже не работает. Японцы формально объявили нейтралитет, но держатся дружелюбно к нам, однако их мало. Чехи же заявили, что даже снимают с себя ответственность за поезд Верховного Правителя и готовы поручиться лишь за поезда с ценностями. Правительство (опять же Червен-Водали) ответило резко, что этого им ни Россия, ни, даст Бог, союзники не забудут. Вообще, насколько раньше настроение руководителей правительства внушало опасение («керенщина», «слякоть»), настолько теперь чувствуется решимость, твердость. Слава Богу — только не поздно ли?.. (11 ч. 45 м. н.).

Иркутск, 26—27 декабря.

Масса впечатлений, переживаний. Все время — в центре событий. С утра уже стало известно, что события приняли резко неблагоприятный оборот: союзники заявили, что не допустят штурма или обстрела вокзала, и на огонь по мятежникам ответят огнем чешские войска. Это сообщение было передано нашему военному командованию в три часа ночи. Правительственная тройка решила отменить уже подготовленный штурм. Конечно, это ухудшило положение. Мятежники накапливались путем вооружения рабочих, бывших солдат из окрестных деревень, правительственные войска от бездействия и напряжения могли начать поддаваться разложению и агитации. Семеновские части, по-видимому, не будут допущены сюда чехами, провода на запад и на восток перерезаны. Разговор с Семеновым был утром, он просил про-

держаться до 28-го. Потом связаться с ним уже не удалось.— При такой обстановке, в Совете Министров опять пошли соглашательские настроения. В бюро прибегал Б. и развивал соглашательский план, сам дрожит от страха. Тот же план одобрило и большинство Совета Министров. Он таков: власть передается земцам, Верховный Правитель отказывается от своего звания и передает его Деникину. Его неприкосновенность гарантируется, также и Пепеляева, находящегося в Мариинске где-то. Ценности передаются за границу, как общерусское достояние. Совету Министров и всякому, кто хочет предоставляется право свободного выезда на Восток. Ну, вот в общем. Червен беседовал с земцами, излагал им этот план, они снесутся с повстанцами — словом, уже нащупывается почва. Вечером в Совете Министров в составе Червена, Гинса, Бурышкина, Коробова и меня беседовали обо всем этом. Бурышкин в совершенно паническом настроении, бегаёт взад-вперед, кусает ногти и умоляюще требует капитуляции. Червен колеблется. Остальные — решительно против. Но вот все как будто меняется к лучшему: союзники меняют позицию на более благоприятную нам... (2 ч. 35 м. н.).

Иркутск, 27 декабря.

Часов около 7 с половиной вчера пришел с Коробовым в Совет Министров. У Червена сидели земцы. Вошли в залу, там встретили Волкова. Полумрак, на одном из столов лишь горела единственная свечка. В соседней комнате совсем темно... Мелькает силуэт Бурышкина, в панике носящегося по залу. Настроение угнетенное. «Каносса»⁵⁹. Волков говорил о положении, плохо. Но в душе все-таки растёт и крепнет протест против капитуляции, против соглашательства. Злоба против союзников, невыносимая, душит: «вторая Одесса, ... предатели».

Земцы уходят, мы идем в кабинет. Совещание. Много свечей, светло, садимся за стол. Беседа. Бурышкин нервно перебивает каждого, кто заикнется против соглашения. Наконец, сообщают, что вернулись наши парламентарии от союзников.

Из Совета Министров зашел в типографию, потом отправился в Модэрн: там парламентарии в кабинете Ханжина давали тройке отчет⁶⁰. Прихожу, захожу в дежурную комнату. Сидит Коробов. Говорит: «ну, положение несколько лучше». Оказывается, союзники предлагают

соглашение на почве полного отказа от поддержки мятежников. Просят лишь передачи им управления магистралью от Красноярска до Мысовой, гарантируют очищение от повстанцев вокзала... Словом, предают эсеров, как утром предавали нас. Повсюду лица веселеют. Идем наверх, подают чай, Червен рассказывает, радостный, словно воскресший. Весь вопрос — как поведут себя рядовые чеки. Жалеют, разумеется, что беседовали с земцами, наобещали... «Ну, слава Богу, хоть не дал я им гарантий!» Еще бы! Все-таки министры уже готовы были срефрмить... (11 ч. 40 м. д.).

Иркутск, 29 декабря.

Дальше — больше. Идет восстание уже в самом городе, на улицах. Началось третьего дня в начале пятого часа вечера. После обеда у Зуды я сидел в бюро, писал передовую. Вдруг что-то вроде выстрелов совсем недалеко, на улице. Почему-то до сознания не дошло, продолжал писать. Но через несколько минут в типографии уже поднялась паника: «стреляют, пальба...» Наборщики хватают пальто, разбегаются по домам, помещение быстро пустеет. Посмотрел на улицу. Темнело, улица совсем пустая от публики, видно движение лишь солдат — раскидываются цепями. Выстрелы. «Что за черт?..» Идти домой уже явно опасно. Остаемся с Наташей — она тоже обедала. Совсем темнеет. Сидим наверху, у Зуды. Приходит Кудрявцев с патрулем из добровольческой дружины Ильина. Спрашиваем, в чем дело. — «Восстал отряд особого назначения при Яковлеве, потом, кажется, перевезли с того берега отряд.» ... Ушел. Настроение отвратительное. Набились все в «Летучей вороне» («Харчевня Зуды»), делать нечего, напряженно, под окнами постреливают то в одиночку, то залпами. Стали играть в карты, в «спекуляцию»... В одиннадцатом часу пошел в Совет Министров. Патруль пропустил. У Модэрна спросил солдата, где председатель совета. Оказывается, в Модэрне. Вошел. Там — вооруженный лагерь. Повсюду, везде солдаты с винтовками, там и сям — пулеметы. Поднимаюсь по лестнице. У телефонной будки Червен, Ханжин. Нервно разглагольствует Бурышкин. Увидел меня, порывисто спрашивает... Узнал от него, что восстала часть инструкторского батальона и часть отряда особого назначения. Передал дальше сведения, будто вокзал занят семеновцами... Потом пошел к Червену наверх, на третий этаж. Просидел больше часа. Приходил японец,

майор Мике, привозил поправки союзников к нашему тексту соглашения о дороге. Сказал, что семеновцев на вокзале нет и что броневикам их предложено не продвигаться ближе Михалево. Держался весьма дружелюбно.

Этого майора Мике я помню по Омску — он несколько раз заходил к нам в бюро. Симпатичный такой, любезный, недурно говорит по-русски, лишь слегка сюсюкая. Сообщил, что возражал против посылки семеновцам телеграммы о недопущении броневиков к Иркутску, однако, Жанен рассердился, затопал ногами и настоял на своем⁶¹. Сидел японец долго, около получаса. Затем пришло известие, что мятежники сосредоточиваются против тюрьмы...

Решил возвращаться, по дороге зашел к Т. В. Бутову. Застал накрытый скатертью стол, на нем бутылку водки, кусок лука и кусок соленой, жесткой красной рыбы (кета?). За столом, кроме Т. В., сидели Энгельфельд, Горяинов и некто для меня неизвестный. Пили. Выпил и я две рюмки. Потом пришел Бурышкин. Беседовали о Москве, о прошлом. Затем ушел в Летучую мышь.

Вчера положение было неопределенное. Мятежники локализовались в Знаменском предместье в количестве приблизительно 600—700 человек. Должны были их отсюда выбивать.

Прервали: — пришел Тирлянский, хотел пробраться в бюро, не пускают. Идет бой. С утра повсюду слышна трескотня пулеметов, ружей. Видно: дело все-таки среднее. Не удалось вчера ликвидировать. Ходят слухи (прохожие), будто все время мешаются чехи. Зато «радостное» известие: Семенов телеграфирует, что Япония решила ввести войска в пределы иркутского военного округа, и что читинское японское командование распорядилось уже о введении в Иркутск воинских частей. Разумеется, и телеграмма Семенова, и сегодняшний приказ начальника здешнего гарнизона, в котором она приводится, полны приветствиями по адресу благородной Японии, ее могучего Императора и ее доблестной армии. Итак, продержаться! Дикая дивизия, говорят, идет сюда уже по правому берегу ушим порядком, верстах в 15. Успеет ли? (11 ч. 20 м. д.).

Хотел пройти в бюро или к Модерну — не удалось. На углу Большой и Луговой остановили категорически. Мельком увидели Сапира, сообщил, что революционеры перешли в наступление, атакуют центр. Ушаковку пере-

шли уже, стремятся обойти город, заходят к востоку... Пролетел их аэроплан, бросал прокламации «к офицерам и юнкерам» и т. д. Пальба идет сильнейшая, изредка стреляет орудие. Командир семеновской «дивизии бронепоездов» Арчегов телеграфирует, что семеновцы «давно уже были бы в Иркутске», если б не союзники, которые «заявили энергичный протест».

Что-то будет? (2 ч. 20 м. д.).

Был в бюро, в Модерне. Удалось проскользнуть через Тихвинскую улицу, когда напряженный момент боя прошел. Оказывается, в первый раз мы попали в самую опасную минуту: эсеры, перейдя Ушаковку, уже теснили юнкеров к самому центру, к Большой улице. Положение было почти критическое. Но, к счастью, подошли подкрепления, и в результате красные опять отброшены за Ушаковку. В Модерне вид еще суровее, чем вчера: пулеметы повсюду, меньше штатских, явное преобладание военных. Оказывается, все панические министры и их товарищи выселены оттуда в другое здание, расположенное восточнее... Червен передевался, когда я пришел. Искал фуфайку. На всякий случай. Сейчас лучше, но кто может поручиться. Быть может, придется отступать на восток в пешем порядке, под прикрытием верных частей... Советовал и мне перебраться на ночь с Наташей поближе к Модерну, одевшись потеплее, захватив деньги и что возможно из вещей. Поленился, остался — авось, пронесет Господь... Завтра утром пойду на день и ночь. А пока отдохну. (8 ч. 36 м. в.).

1920 год

Иркутск, 3 января.

Все длится восстание, углубляется, кровь, кровь... Пришли семеновцы, пришли на вокзал японцы — все то же самое: тот берег в руках эсеров. Знаменское предместье — тоже. Ежедневно идут бои, повстанцы из-за Ушаковки наступают на Иркутск, их отбивают. Стреляет наша артиллерия через город, а пули подчас долетают до центра. Между прочим, я нашел ружейную пулю в своем кабинете в Летучей мыши — валялась на полу у самого стола. Вчера правительство (тройка) уехала на вокзал совещаться с союзниками. Сегодня узнаем, в чем дело.

Постоянно бываю в Модерне, беседую, наблюдаю. На первом плане повсюду — Червен-Водали, держит себя молодцом, но, к сожалению, имеет при себе Язвического, который ежеминутно может наделать любую глупость. (9 ч. 45 м. д.).

Кончается. Перемирие по нашей инициативе. Японцы решительно не выступают. На семеновцев надежд нет: их мало, а часть (180 человек) даже перешла к революционерам. Здешний гарнизон слишком мал для обороны города и тем более для наступления. Время работает уже на них. Беседовал с Червеном. Наверху, в Модерне Волков, Кочнев, Коробов, Червен и я. Тяжело было. Дыхание обреченности, безнадежности. Союзные комиссары держатся, в общем, холодно, недружелюбно. Лучше японец и англичанин. Отвратителен американец Гаррис и француз Могра. Правительство одиноко, и даже буржуазия жертвует на большевиков и эсеров.

Пришла пора — ничего не поделаешь. Большевизм побеждает, победит — я, по крайней мере, в этом почти не сомневаюсь. Он объединит Россию — честь ему и слава! Боже, как глубоко все ошибались, ничего не поняли. (10 ч. в.).

Иркутск, 4 января.

Тяжело на душе. Окончательно рушится привычная идеология, отвергнутая, разбитая жизнью. Уже давно сомнение закрадывалось в душу, но теперь уже ясно: большевизм побеждает и вооруженная борьба против него не удалась. Скрывать от себя дальше эту истину просто бессмысленно, глупо.

И острый личный вопрос: что же делать, если сегодня окончательно завершится капитуляция правительства? Допустим, что можно будет уехать на Восток — согласно условиям, которые удастся выклянчить при помощи союзников. Но зачем ехать? Служить делу, в которое не веришь, которое считаешь вредным, уже безвозвратно проигранным? Мириться с Семеновым, когда в душе — ни грана симпатий к нему, особенно после последних дней, когда так беспощадно обнажилось его полное бессилие? Защищать гражданскую войну, когда ясна ее пагубность для страны?

Остаться здесь? Но это значит, порвать с кругом не только привычных идей и представлений, но и с кругом

близких духовно лиц, с привычною средой, которую уважал и даже, быть может, любил. Перейти в круг людей чуждых, недоверяющих, вероятно, презирающих: «когда наша взяла, перешел к нам»... Быть ренегатом в глазах друзей и врагов... Тяжко.

Уйти от политики? В книги? В науку? На востоке это невозможно, не позволит среда. Здесь? Тоже, пожалуй, невозможно: вряд ли здешний университет (эсеры!) согласится пригласить, да и грядущие большевики не потерпят: председатель кадетского Центрального Восточного Комитета!

Что же делать? Опять распутье — и какое! Пойдешь налево — потеряешь одну половину души, направо — другую... Или, быть может, сегодня в 12 ч. вновь заговорят пулеметы и пушки, и судьба сама навяжет выход?.. (9 ч. 10 м. у.).

Иркутск, 7 января

Рождество. Пришел домой, переоделся. Несмотря ни на что, чувствуется праздник... Булочки, ветчинка, шоколад...

Ночевал эти две ночи у председателя местного армянского комитета — по протекции. «Под защиту независимой Армении». Ужас, ужас...

Жду ареста. В «Деле» («Нашем деле») травля против Русского Бюро Печати и персонально против меня. Пусть...

Хорошо жилось в Омске, надо возместить судьбе. Что ж, роптать я не буду никогда...

Пил сегодня утром у армян водку, кружилась голова, сейчас проходит. Мягкая, приятная, теплая погода.

Все мои предчувствия сбываются. Мы стояли на ложном пути. Большевзм победил. И нет основания об этом печалиться. Жаль только, что не понял, не разгадал вовремя. (1. 30 м. д.).

Иркутск, 8 января.

Скверно. Дамоклов меч. Все данные за то, что буду арестован, а это значит по теперешним обстоятельствам, что надо готовиться к смерти. Остро, реально, жгуче всплыл вопрос, как известно, вдохновляющий всю философию...

Да, у порога. И как-то бесславно, тускло. В Иркутске — после разгрома колчаковщины. В стане реакции.

Вандея. Вандея... Признаться, все-таки не рассчитывал на такой конец.

Спасаться? Вот — спасаюсь. Не ночью дома. Но ведь это лишь отсрочка —

неделя или ночь...

Надо же будет предпринимать что-либо более серьезное. Но как? И что?

На Восток не уедешь — да и бессмысленно ехать: там ведь тот же развал, что был здесь и та же будет участь. За границу? Контрреволюционная эмиграция? Грустно, тяжело.

На Запад? Но как проехать? Нет чужого паспорта, а то бы поехал, задержался бы на пути, пережил — и в Москву, в Москву. Хочется. Странная судьба... Три выстрела на улице. (8 ч. 5 м. в.).

Иркутск, 9 января.

То вдруг открывается «перспектива», то снова — тупое отчаяние. Нервы треплются, опять живешь день за месяц, или за год...

Вечером вчера секретарь армянской миссии сказал, что, быть может, будет место в их теплушке, отправляющейся на восток; потом обнадежил насчет паспорта: будто бы не так трудно достать. Приятно. Но по опыту знаю, что за этою полосой надежды придет полоса разочарования — так всегда.

Делать нечего. Хочется писать (опять «пересмотр идеологии!»), но ведь негде печатать, все в прошлом. Катастрофа, крушение сверху донизу. Сплошная ошибка — вовне представляющаяся преступлением. Опустошена душа в смысле личного содержания. Ужасно. (10 ч. 45 м. д.).

Иркутск, 10 января.

Все — «возможности». Кудрявцев выхлопотал место в японском вагоне и мне, и Наташе. У майора Мике. То же Коробовым. Может быть, сегодня будем переезжать. Ужели спасение?..

Был у армянского дипломатического представителя, тоже насчет отъезда: не тут, мол, так там. Но оказывается миссия откладывает, как и вообще все иностранные миссии, отъезд: «хочется посмотреть, в какие формы выльются события». Жанен уехал к Семенову убеждать не упираться. Каменев, главнокомандующий большевистским фронтом, будто бы здесь уже и договари-

вается с политическим центром. Возможно, что большевики признают на время политический центр. Словом, все устраивается прекрасно, на глазах объединяется, возрождается страна.

А мы? «Слуги реакции». Действительно, дикую игрою рока попал в типичные «публицисты реакции», в Меньшикова ⁶¹, если не Гурлянда, колчаковщины! Чудно. Спета ли песня?

Помню, как-то в беседе с Ключниковым перед его отъездом обсуждали эту проблему. Он еще говорил — «ну, если увидим, что ошибались — придет время и встретимся с большевиками»... Он, быть может, прав, я соглашался. Теперь вот осуществилось...

Уехать на Восток, оттуда кругом — на юг России, оттуда — в Москву! Вот бы счастье, даже не верится... А потом — да здравствует Советская Россия! (12 ч. д.).

Чита, 23 января.

Получил сегодня у Таскина следующую бумажку:

ПОМОЩНИК

Главнокомандующего всеми
вооруженными силами Даль-
него Востока и Иркутского
Военного Округа
по гражданской части
23 января 1920 года.
№
гор. Чита

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявителю сего профессору Пермского Государственного Университета Николаю Васильевичу УСТРЯЛОВУ разрешается проезд от гор. Читы до г. Владивостока, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется.

*Помощник Главнокомандующего
по гражданской части
Правитель Канцелярии,
ПОДЪЕСАУЛ
Сер. Таскин
(подпись)*

*Поезд Чита-Харбин,
24-го января.*

Едем. Станция Карымская, верст 50 от Читы на восток. 10-го удалось перебраться на японском пароходе через Ангару. 12-го выехали из Иркутска в японском поезде военной миссии. 17-го приехали в Читу, вчера тронулись дальше. Думаю попасть во Владивосток.

Много пришлось пережить. Очень не хотелось бежать дальше — ведь вроде бежать невозможно, но... иного выхода не было; судьба!.. По всем сообщениям, оставаться в Иркутске было опасно. Будто бы рабочие(?) постановили арестовать меня на улице, в магазине — вообще где возможно. Кроме того, эсеровский комиссар печати тоже сказал, что если я попадусь на глаза, то буду арестован. Опять же, явно приближавшаяся победа большевиков обещала мало чего хорошего. «Перекраситься» не хватало гражданского мужества, ехать на запад без подложного паспорта было чересчур рискованно, оставался восток — не милый ни уму, ни сердцу, но зато хоть сулящий жизнь и какую-то свободу. Кстати, Кудрявцев достал пропуск на японский пароход и места в японский вагон. И вот — решил ехать. (1 ч. 20. м. д.).

*Поезд Чита-Харбин,
25-го января*

Стоим на станции Оловянной, скоро, должно быть, пойдем. Выходил на станцию, торговли продают еду — много, но дорого: кусок баранины и не очень большой 100 рублей, маленький рябчик 50 рублей и т. д. Ничего не купил: есть пока запас, да и денег не так много.

Вчера встретили поезд японского главного начальника военных сообщений. Пригласил к себе Вологодского и имел с ним весьма интересную беседу. Усиленно рекомендовал принять участие в семеновском правительстве, огорченно удивлялся, почему омские министры проехали Читу и настойчиво советовал ехать не в Харбин, а во Владивосток. «Мы весьма ценим атамана Семенова как военачальника, но ему нужны опытные государственные советники». Кроме того, сказал, что японцы вывезли из Иркутска больше 80 лиц, работавших в правительстве Колчака. Ясно, что Япония ведет здесь до-

вольно крупную игру. Ну, а после беседы, когда Вологодский уже возвратился в вагон, ему принесли от японского генерала подарок: два больших ящика сахара, три бутылки английской виски и две бутылки маньчжурской водки. Как же при таких условиях не согласиться на работу с Семеновым?!

*Поезд Чита — Харбин,
26-го января.*

Проехали знаменитую Даурию⁶², где, как Соловей-Разбойник, сидит барон Унгерн и грабит проезжающих — под именем реквизиций вещей и денег, запрещенных к провозу за границу⁶³. Проехали вполне благополучно, на рассвете, никто не беспокоил: еще бы — ведь японский вагон. Скоро граница. Трудно писать, трясет. (8 ч. 35 м. у.).

Приехали в Маньчжурию. Таможня, граница. Китайцы, японцы, военные, русские. Купили белого хлеба коврижку фунта в полтора за 45 р. сибирскими. На станции продаются разные вещи, как-то: куклы, духи, серебряные чайнички и пр. Бутылка пива — 75 р. Будем стоять здесь до завтра (10 ч. 40 м. у.).

Основное очередное препятствие — дорога из Харбина до Владивостока. Нынешний вагон идет только до Харбина, ибо министры едут в Харбин, а мне придется устраиваться сепаратно, что, разумеется, труднее. Посмотрим, как это все выйдет. Потом — устраиваться во Владивостоке, искать комнату, искать занятия. Средне, ну, да ничего, авось... Вся жизнь — какая-то сплошная скачка с препятствиями... Как это только до сих пор цела на плечах голова? (5 ч. 30 м. веч.).

КОММЕНТАРИИ

¹ *Ключников Юрий Васильевич* (1886—1938), профессор Московского университета, специалист по международному праву, кадет, консультант и товарищ министра «Уфимской директории», управляющий минис-

терством иностранных дел Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака. В 1919 г. уехал за границу, входил в парижский комитет кадетской партии. Активно участвовал в издании сборника «Смена вех» и газеты «Накануне». В 1922 г. в качестве эксперта советской делегации приглашен на Генуэзскую конференцию. В 1923 г. возвратился в Советскую Россию. Занимался научно-педагогической работой.

² *Тельберг Г. Г.*, юрист, профессор Томского университета, управляющий делами Совета министров, министр юстиции, заместитель Председателя Совета министров, член Совета Верховного правителя. («Звездная палата»).

³ *Руднев С. П.* — в 1921—1922 гг. министр в правительстве братьев С. Д. и Н. Д. Меркуловых.

⁴ *Клафтон А. К.*, самарский кадет, член Восточного отдела ЦК кадетской партии, затем его председатель. Расстрелян в 1920 г.

⁵ 9 ноября 1919 г. организован Восточный отдел ЦК партии «Народной свободы». Он состоял из членов ЦК партии, находившихся в Сибири и уполномоченных от губернских комитетов. Председатель Восточного отдела — В. Н. Пепеляев, товарищи председателя — В. А. Жардецкий и А. К. Клафтон, секретарь — А. С. Соловейчик. Печатный орган «отдела» газета «Сибирская речь».

⁶ *Пепеляев Виктор Николаевич* (1884—1920), по образованию учитель. Депутат IV Государственной Думы (от Томской губернии), кадет. Во время Первой мировой войны находился на фронте в питательном отряде. После Февральской революции назначен Временным правительством комиссаром в Кронштадт, с июня 1917 г. — на фронте. В 1918 г. член московского отделения «Национального центра», по поручению которого выехал в Сибирь в октябре 1918 г. Принял активное участие в подготовке Омского переворота. В колчаковском правительстве занимал посты директора Департамента милиции и государственной охраны, товарищ министра внутренних дел, с ноября 1919 г. — премьер-министр. Арестован 15 января 1920 г. на станции Иннокентьевская (около Иркутска), передан Политцентру, а затем Иркутскому ВРК, по постановлению которого, расстрелян 7 февраля 1920 г.

⁷ *Белоруссов* (псевдоним публициста А. С. Белевского, встречается написание Белецкий) (1859—1919), сотрудник «Русских ведомостей», кадет, член «Национального центра», в Сибири издавал газету «Отечественные ведомости», председатель комиссии колчаковского правительства по выборам в Учредительное собрание.

⁸ *Михайлов Иван Адрианович*, сын члена организации «Земля и воля» Адриана Михайлова. Родился в Сибири. Окончил Петербургский университет, экономист, приват-доцент. После Февральской революции служил в министерстве финансов, ближайший сотрудник министра А. И. Шингарева. В 1918 г. во Временном Сибирском и в Омском правительствах занимал

посты министра финансов. Один из инициаторов омского переворота 18 ноября 1918 г. Член Совета Верховного правителя «Звездной палаты». Получил кличку «Ванька Каин» за причастность к политическим убийствам. После поражения белых, бежал в Харбин, служил в правлении Восточно-Китайской железной дороги.

⁹ *Вильсон Томас Вудро* (1856—1924), В 1913—1921 г. — президент США.

¹⁰ Иммиртель — растение бессмертник.

¹¹ «Союз Возрождения России» — объединял представителей мелкобуржуазных партий и часть кадетов. Основан в марте 1918 г. в Москве. Выступал за созыв Учредительного собрания, продолжение войны с Германией, воссоздание России в границах 1914 г., но без Польши и Финляндии. В качестве переходной формы власти отстаивал идею директории во главе с военным диктатором. Воплощение своих планов Союз связывал с Сибирью.

¹² *Сукин Иван Иванович* — управляющий делами министерства иностранных дел в Омске.

¹³ «Продал бабку...» «Бабка» — надкопытный сустав ноги у животного. Кость этого сустава употреблялась для игры. Играть в «бабки».

¹⁴ *Гаттенбергер*, министр внутренних дел, весной 1919 г. заменил В. Н. Пепеляева, кадет, входил в Совет Верховного правителя «Звездная палата».

¹⁵ По-видимому, здесь идет речь о военном министре генерале Д. А. Лебедеве.

¹⁶ *Церетели* — полковник, квартирмейстер штаба А. В. Колчака.

¹⁷ В пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» эти строчки звучат несколько по-другому: «...но погоди, дядя Ваня, погоди... Мы отдохнем. Мы отдохнем!» (А. П. Чехов. Сочинения. — М., 1986. — Т. 13. С. 114).

¹⁸ 20 — 22 мая 1919 г. в Омске состоялась Восточная конференция кадетской партии. В ней приняло участие 62 делегата.

¹⁹ *Гинденбург Пауль фон* (1847—1934), германский военный и государственный деятель, генерал фельдмаршал. С августа 1916 г. — начальник Генерального штаба. После заключения Версальского мирного договора ушел в отставку. С 1925 г. — президент Веймарской республики.

²⁰ 13 мая 1919 г. началось наступление Северного корпуса под командованием генерала А. П. Родзянко, который насчитывал около 4000 человек. Перед корпусом стояла задача отвоевать собственную территорию, так как до этого он дислоцировался на территории Эстонской республики и подчинялся эстонскому главнокомандующему генералу И. Лайдонеру. О захвате Петрограда с такими силами вопрос не ставился.

²¹ 27 мая 1919 г. страны Антанты направили Колчаку ноту, в ней дальнейшая поддержка Омска связывалась с демократическими преобразованиями, которые адмиралу следовало провести после занятия Москвы. Ответ Колчака выдержанный в демократических тонах, удовлетворил союзников и они заявили

о предоставлении ему помощи. Вместе с тем, официально правительство Колчака, как и другие белые режимы, державами Атланти никогда не признавались.

²² 1 июля 1919 г. войска 3-й Красной армии освободили Пермь.

²³ Екатеринбург взят Красной Армией 15 июля, Златоуст — 13 июля, Челябинск — 24 июля.

²⁴ «Блок 14-ти». Создан в октябре 1918 г. в Омске с целью объединения всех антибольшевистских сил. Просуществовал до осени 1919 г., распался в условиях разложения колчаковского режима. В него входили «Всероссийский Совет съездов торговли и промышленности», Центральный военно-промышленный комитет, Совет Всесибирских кооперативных союзов, сибирский филиал «Национального центра, омский отдел «Союза Возрождения России», Омский комитет партии народных социалистов, Омская группа эсеров «Воля народа», Восточный отдел ЦК партии кадетов, Акмолинский областной отдел «Национального союза», Атамановская группа РСДРП «Единство», верхи казачьих войск Сибирского, Забайкальского, Семиреченского и Иркутского районов. Председатель — кооператор А. А. Балакшин. Блок стремился ослабить влияние Совета «Верховного правителя» («Звездную палату»). В марте 1919 г. выступил за создание законодательного органа из представителей общественности по назначению министров по должности.

²⁵ В «Совет-5-ти» на Парижской мирной конференции (1919) входили: Англия, Франция, США, Италия и Япония.

²⁶ 20 июля 1919 г. «Блок» заявил Колчаку о верности союзным державам и «идее великой, единой и неделимой России», и призвал правительство соблюдать начала правопорядка, провозглашенные в его же декларациях.

²⁷ С июля 1919 г. «Блок» начал кампанию за снятие П. В. Вологодского с поста председателя Совета Министров и обновление правительства.

²⁸ *Вологодский Петр Васильевич* (1863—1928), сын томского священника. Окончил Петербургский университет, юрист, присяжный поверенный в Иркутске и Томске. С января 1918 г. занимал пост министра иностранных дел в правительстве П. Я. Дербера. 23 июня 1918 г. становится председателем и министром иностранных дел Временного Сибирского правительства в Томске. В сентябре вошел в Уфимскую директорию. Возглавил ее Совет Министров. Административный совет Директории способствовал перевороту Колчака. До 23 ноября 1919 Вологодский П. В. возглавлял «Омское правительство». Входил в Совет Верховного правителя.

²⁹ *Иванов-Ринов П. П.*, полковник царской службы, начальник уезда в Туркестане, помощник военного губернатора. После Октября 1917 г. участник ряда подпольных офицерских организаций. Военный министр во Временном Сибирском правительстве, атаман Сибирского казачьего войска.

³⁰ *Дугов Александр Ильич* (1879—1921) окончил Академию Генерального штаба в 1908 г. Участник Первой мировой войны. После Февральской революции избран председателем «Союза казачьих войск», в июне 1917 г. возглавил «Всероссийский казачий съезд», поддерживал тесные связи с Корниловым. С сентября 1917 г. — атаман Оренбургского казачества. В ноябре в Оренбурге организовал «Комитет спасения родины и революции», арестовал членов ВРК и захватил власть в городе. В январе 1918 г. отряды Красной гвардии заняли Оренбург. Член Учредительного собрания, вошел в Комуч. В 1918—19 гг. командовал Оренбургской армией Колчака, генерал-лейтенант.

³¹ *Красильников* — казачий есаул старой армии, колчаковский генерал, командовал отрядом, затем бригадой. Принял непосредственное участие в Омском перевороте 18 ноября 1918 г. вместе с начальником омского гарнизона полковником Волковым и войсковым старшиной Катанаевым. Отдан под суд с двумя другими участниками переворота. Оправдан. Замешан в политических убийствах. Проявлял крайнюю жестокость в карательных экспедициях. Умер в январе 1920 г. в Иркутске от сыпного тифа.

³² *Болдырев Дмитрий Васильевич* (ум. 1920), из семьи военного, окончил Петроградский ун-т, вместе с А. В. Карташевым и Н. О. Лосским организовал в Петрограде в 1917 г. «Братство св. Софии». Проф. Пермского университета по кафедре философии. Выдвинул и способствовал воплощению идеи создания добровольных дружин на национально-религиозной основе. При его участии созданы дружины св. Креста и Зеленого Знамени Пророка. Всего на фронте в таких отрядах сражалось около 6000 человек. Умер от тифа в Иркутской тюремной больнице.

³³ *Сахаров Константин Николаевич* (1881—?). Окончил академию Генерального штаба в 1908 г. Участник Первой мировой войны, полковник. В 1918 г. произведен в генерал-лейтенанты. Командовал армией и колчаковским Восточным фронтом. В связи с военными неудачами в декабре 1919 г. арестован братьями А. Н. и В. Н. Пепеляевыми и заменен генералом В. О. Каппелем. Служил у атамана Г. М. Семенова, но из-за соперничества с генералом А. Н. Пепеляевым вынужден был уйти. Эмигрировал в Германию.

³⁴ *Пепеляев Анатолий Николаевич* (1891—1938). Окончил Павловское военное училище (1910). В 1-ю мировую войну получил чин полковника. В 1918 г. командовал корпусом (генерал-майор). Во второй половине 1919 г. назначен командующим 1-й Сибирской армией. В его армии ношение погон не вводилось, она имела репутацию демократической. Пепеляев неоднократно высказывал свое мнение Колчаку о необходимости созыва Земского собора. В декабре 1919 г. в Томске, Новониколаевске и Красноярске предпринял антиколчаковские выступления. В 1921 г. эмигрировал в Харбин. В 1922 г. участвовал в Якутском мятеже. В 1923 г. сложил оружие. Приговорен к расстрелу. Од-

нако ВЦИК заменил смертную казнь десятилетним заключением.

³⁵ *Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна* (1869—1962), писательница, автор политических статей, член ЦК партии кадетов. Весной 1918 г. уехала в Лондон, где вела активную агитацию в поддержку интервенции. В начале 1919 г. вошла в Комитет освобождения России. В конце лета 1919 г. она возглавляла у Деникина отдел зарубежной пропаганды. После разгрома Деникина в эмиграции.

³⁶ «Русское политическое совещание» было образовано в Париже 24 декабря 1918 г. при активном содействии бывших русских дипломатов за рубежом. Распущено в июле 1919 г. Официально оно создавалось для того, чтобы представлять Россию на Парижской мирной конференции. Основатели Совещания хотели поставить его над правительствами Колчака и Деникина и сосредоточить в своих руках управление антибольшевистскими силами. Совещание носило временный характер и должно было прекратить существование с созданием постоянного правительства. Реализовать свои замыслы ему не удалось, так как Колчак в Омске и Деникин в Екатеринодаре относились подозрительно к этому органу.

³⁷ *Сазонов Сергей Дмитриевич* (1860—1927), министр иностранных дел России (1910—1916). В 1918 г. начальник управления иностранных дел в «Особом совещании при главкоме «Вооруженными силами Юга России», генерале А. И. Деникине, с января 1919 г. министр иностранных дел Всероссийского правительства адмирала Колчака. Член Русского политического совещания в Париже.

³⁸ *Львов Георгий Евгеньевич* (1861—1925), князь, министр — председатель и министр внутренних дел Временного правительства первого и второго составов. Председатель Русского политического совещания в Париже.

³⁹ *Маклаков Василий Алексеевич* (1869—1957), адвокат, член II, III, IV Государственной Думы. После Февральской революции член Юридического совещания при Временном правительстве, председатель комиссии по пересмотру Уголовного Уложения, председатель комиссии по установлению прав и имуществ членов бывшей Императорской фамилии. В сентябре 1917 г. назначен послом Временного правительства во Францию. Член Русского политического совещания в 1918—1919 гг., член Совета послов, затем его председатель. Исполнял обязанности посла до 1924 г.

⁴⁰ *Бахметьев Борис Александрович*, инженер гидравлик, меньшевик, затем кадет. В 1916 г. как член закупочной комиссии находился в США. В 1917 г. назначен Временным правительством послом России в США. Сохранил свой статус до 1922 г. Один из создателей Русского политического совещания в Париже, входил в его состав и в Совет послов.

⁴¹ *Клемансо Жорж* (1841—1929), французский политический и государственный деятель. С ноября 1917 по январь 1920 г. председатель Совета Министров и военный министр.

Лloyd Джордж Дэвид (1863—1945). В 1916 — 1922 гг. — премьер-министр Великобритании.

⁴² *Бурцев Владимир Львович* (1862—1942), публицист, издатель. Боролся с русской политической полицией, разоблачая ее агентов. После Февральской революции в Петрограде издавал газету «Общее дело», после прихода к власти большевиков издавал ее на Юге России, а затем в Париже на русском и французском языках. Возглавлял информационное агентство Унион. Собирал и распространял информацию о Советской России во Франции.

⁴³ Вероятно автор имеет ввиду выходящую в 1918 г. в Москве еженедельную газету «Накануне».

⁴⁴ Национальный центр — контрреволюционная организация, созданная в мае-июне 1918 г. В ее задачу входило объединение всех антибольшевистских сил, борющихся за воссоздание «единой, неделимой России». В ноябре 1918 г. правление Национального центра переехало в Екатеринодар. Отделения организации имелись во многих крупных городах страны. Московское отделение «Национального центра» возглавлял кадет Н. Н. Щепкин. В августе-сентябре 1919 г. раскрыта органами ВЧК.

⁴⁵ Автор имеет ввиду взрыв в Леонтьевском переулке в Москве в здании МК РКП(б) 25 сентября 1919 г. Террористический акт был совершен организациями анархистов и левых эсеров. К «Национальному центру» они отношения не имели. Непосредственным исполнителем являлся анархист П. Соболев. В результате 12 человек убиты и 55 ранены. В ответ ВЧК расстреляла большое число заложников. В октябре-ноябре 1919 г. МЧК ликвидировала группу, организовавшую взрыв.

⁴⁶ *Мамонтов (Маманов) Константин Константинович* (1869—1920) окончил Николаевское кавалерийское училище. Участвовал в Первой мировой войне, полковник. Во время гражданской войны командовал 4-м Донским конным корпусом в армии А. И. Деникина, генерал-лейтенант. 10 августа — 19 сентября возглавил рейд белоказачей конницы по тылам советских войск Южного фронта. В октябре — декабре 1919 г. корпус Мамонтова потерпел поражение в боях с корпусом С. М. Буденного. В декабре 1919 г. Мамонтов отстранен от командования. 14 февраля 1920 г. умер в Екатеринодаре от тифа.

⁴⁷ *Давет Христиан* (1854—1922), генерал и политический деятель. Один из руководителей буров в войне за независимость в 1880—81 гг. и в англо-бурской войне 1899—1902 гг. В 1914 г. возглавил восстание в бывших бурских республиках за независимость от Англии.

⁴⁸ Исторический Вестник — русский ежемесячный исторический журнал издавался в Петербурге в 1880—1910.

«Русская старина» — ежемесячный исторический журнал выходил в Петербурге в 1870—1918.

⁴⁹ *Кроль Л. А.*, член ЦК партии кадетов, уральский инженер и предприниматель. В 1918 г. он посылается в Самару от Союза возрождения России по поручению ЦК устанавливает контакты с губернскими комитетами партии для координации действий. С августа по ноябрь 1918 г. Входил во Временное областное правительство Урала в Екатериненбурге в качестве заместителя председателя правительства и министра финансов.

⁵⁰ *Семенов Григорий Михайлович* (1890—1946), казачий есаул Забайкальского казачьего войска. В 1917—1920 гг. возглавил казачьи отряды. Окончил Оренбургское военное училище (1911). Участник Первой мировой войны. С июля 1917 г. комиссар Временного правительства в Забайкальской области по формированию добровольческих частей. В ноябре—декабре 1917 г. поднял мятеж против Советской власти, потерпел неудачу, бежал в Маньчжурию. Благодаря мятежу Чехословацкого корпуса, Семенов утвердился в Забайкалье. Временное Сибирское правительство назначило его командиром отдельного корпуса со штабом в Чите. Между Всероссийским правительством и Семеновым происходили постоянные трения. Однако Колчак вынужден был с ним примириться и назначить командующим Читинским военным округом. В начале 1919 г. при поддержке японцев Семенов объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. После разгрома Колчака власть на Дальнем Востоке перешла к Семенову. В сентябре 1921 г.—эмигрировал.

⁵¹ *Таскин С. А.*, комиссар Временного правительства в Забайкалье, кадет. В апреле 1918 г. входил во Временное правительство Забайкальской области атамана Семенова. С июля 1918 — министр земледелия и государственного имущества в правительстве генерала Д. Л. Хорвата на Дальнем Востоке. В 1919 г. Управляющий гражданской частью Забайкальской области у атамана Семенова, помощник главнокомандующего по гражданской части.

⁵² *Кочнев Д. А.*— председатель Иркутского отдела кадетской партии.

Кудрявцев В. А.— член Восточного отдела ЦК кадетской партии, редактор газеты «Правительственный вестник».

Волков Н. К.— член ЦК кадетской партии, один из руководителей «Национального центра». В марте 1919 г. по поручению «Национального центра» отправился в Сибирь для усиления местных кадетов.

⁵³ *Червен-Водали А. А.*— член кадетской партии с 1905 г., нотариус из Твери, переехал в Москву, состоял членом Торгово-промышленного союза. В 1918 г. входил в Правый и Национальный центры. Из Москвы

уехал к Деникину, где оставался до марта 1919 г., затем по поручению Национал. центра отправился в Сибирь для усиления местных кадетов. 28 декабря 1919 г. возглавил образованную вместо колчаковского правительства «Троекторию», куда входили: Червен-Водали А. А. — министр-председатель, генерал М. В. Ханжин — военный министр и Ларионов — министр путей сообщения. Арестован советскими войсками, 23 июля 1920 г. расстрелян по приговору суда.

⁵⁴ *Бурыйшкин П. А.*, товарищ городского головы Москвы, кадет. В 1918 г. входил в Правый и Национальный центры. Весной 1919 г. выехал из Екатеринодара в Сибирь. Введен в состав Совета министров Всероссийского правительства премьером В. Н. Пепеляевым.

⁵⁵ *Ханжин М. В.* — командующий армией Колчака, член, образованной в декабре 1919 г., «Троектории».

⁵⁶ Министром путей сообщения стал Ларионов.

⁵⁷ *Гинс Г. К.*, кадет, профессор Омского сельскохозяйственного института, управляющий делами Совета министров Всероссийского правительства, входил в Совет «Верховного правителя».

⁵⁸ *Третьяков Сергей Николаевич* (1882—1944). Во время Первой мировой войны член Центрального военнопромышленного комитета. С 25 сентября (8 октября) 1917 г. — председатель экономического совета и Главного экономического комитета Временного правительства. В декабре 1919 г. Третьяков назначается заместителем председателя Совета министров и министром торговли Всероссийского правительства под председательством В. Н. Пепеляева.

⁵⁹ Здесь имеет значение — унижительная капитуляция.

⁶⁰ Гостиница «Модерн» в Иркутске была штаб-квартирой «Троектории».

⁶¹ Генерал *Жанен М.* — глава французской военной миссии в Сибири.

⁶² *Меньшиков М. О.* (1859—1919), публицист, сотрудник газеты «Новое время». В 1919 г. расстрелян за контрреволюционную деятельность.

⁶¹ Русское название Приамурья и Забайкалья. Охватывает бассейн р. Амура до устья р. Зеи и ее притока Селемджи.

⁶² *Унгерн фон Штернберг Роман Федорович* (1886—1921). Окончил Павловское военное училище (1908 г.), служил в Забайкальском казачьем войске, участник Первой мировой войны. В августе 1917 г. вместе с Г. М. Семеновым направлен в Забайкалье для формирования добровольческих частей. В войсках Семенова командовал конно-азиатской дивизией. В 1920 г. перешел в Монголию, оттуда части Унгерна неоднократно вторгались на советскую территорию. В 1921 г. выдан монголами. По приговору трибунала расстрелян 1921 г. в Ново-Николаевске.

Из документов белогвардейской контрразведки Секретная сводка о работе Харьковского освага*

В числе многочисленных функций органов белогвардейской контрразведки определенное место занимало выявление и анализ объективной информации о деятельности различных антибольшевистских административных и политических учреждений, в том числе и Освага — Осведомительного агентства, затем Отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России. Осваг проводил разнообразные пропагандистские мероприятия и насчитывал к осени 1919 г. свыше 10 тыс. штатных работников в сотнях местных отделений, пунктов и подпунктов¹. Подробные отчеты о деятельности учреждений Освага, воссоздающие картину многоплановой и, казалось бы, продуктивной работы, сохранились в архивах². Однако содержание этих документов вступает в разительное противоречие с плачевными результатами белогвардейской пропаганды, как, впрочем, и с резко негативной оценкой Освага в мемуарах вождей и видных участников Белого движения. В этой связи особого внимания заслуживают донесения агентов контрразведки, стремившихся воссоздать соответствующую действительности картину постановки антибольшевистской пропаганды в различных регионах России.

Публикуемый ниже документ был подготовлен на основе анализа работы Харьковского отделения Освага — крупнейшего и важнейшего идеологического учреждения на занятой белыми осенью 1919 г. территории Украины. Тем не менее выводы и рекомендации этой сек-

* Предисловие, подготовка текста и примечания В. Г. Бортневского.

ретной сводки вовсе не носят частного и регионального характера, а дают возможность судить об общих недостатках в организации антибольшевистской пропаганды. Документ публикуется полностью по машинописному оригиналу, сохранившемуся в Архиве Гуверовского института (США)³. Исправленные орфографические ошибки и опечатки особо не оговариваются. Название материала принадлежит публикатору.

¹ См.: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920 гг.). М., 1982. С. 295—300.

² ЦГАОР СССР. Ф. 440 (Осваг); Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США). Колл. П. Н. Врангеля. Гр. I. Кор. 159—169.

³ Архив Гуверовского института... Колл. П. Н. Врангеля. Гр. I. Ящик 145.

Начальник
Харьковского Разведывательного пункта
Штаба Главнокомандующего
Вооруженными силами на Юге России
28 октября 1919 г.
№ 153

Гор. Харьков

Начальнику
Разведывательного Отделения
Штаба Главнокомандующего
Вооруженными силами на юге России

В предыдущих сводках неоднократно указывалось на необходимость принятия срочных, экстраординарных мер к упорядочению тыла Добровольческой Армии и привлечению к последней симпатий городского населения. Одним из таких мероприятий является правильно организованное, широко поставленное дело пропаганды и агитации.

Отдел пропаганды при Особом Совещании («Осваг») ¹ далеко не в той степени успешно достигает своих задач, в какой требует этого серьезное положение нашего тыла. За характерную единицу можно взять Харьковское отделение «Освага», поверхностный обзор деятельности которого и даст возможность судить о недочетах и недостатках конструкции и постановке дела нашей пропаганды. Харьковское отделение начало функционировать

с 14-го июня, сначала в весьма скромном составе служащих: 9 штатских и 12 вольнонаемных. В 2—3 дня, с бору да с сосенки, были набраны и по собственным проступкам уволенные. Быстрое увеличение штатов однако не помешало «Освагу» хронически не успевать за продвигающимся вперед фронтом, и обыкновенно его агенты прибывали в тот или иной населенный пункт месяца через полтора после его занятия нашими частями. Огромная территория с многомиллионным населением, буквально жаждущим каких-нибудь сведений о Добрармии — оставалась без таковых, а Харьковское отделение, силою обстоятельств превратившееся в крупный центр, базу нашей пропаганды по всей Малороссии, ограничивалось получением из Ростова ничтожного количества литературы и распределением ее, посредством длинной и долгой волокиты между своими «Пунктами».

Таким образом, чрезвычайно удобный момент, когда население представляло собой сырой, очень восприимчивый материал, был упущен, и место Осважской пропаганды в умах и сердцах населения было занято: во-первых — большевистской агитацией, и, во-вторых, нашей же собственной «антипропагандой», т. е.: поведением наших воинских частей и «деятельностью» нашей администрации. Эти две причины, хотя и заставили «Осваг» спохватиться и начать работать собственными средствами, но в то же самое время, в этой работе столкнули его не с чуткой восприимчивостью, а уже с глухим противодействием. Население, частично потерявшее веру в Добрармию, не верило уже «Освагу». В охарактеризованный период Харьковское отделение начинает быстро расширяться не только в своих размерах, но и в объеме своих задач. Довольно энергично организуются: культурно-просветительный, информационный, литературно-издательский, художественный, театральный, кино-театральный, технический отделы, и таким образом Харьковский «Осваг» — хотя и поздно — но все-таки получает некоторую самодовлеющую ценность. Эта ценность имела бы, несомненно, реальное очертание, если бы каждый из отделов, в полне и безусловно отвечал требованиям, предъявленным к нему самой жизнью. В практике действительности дело обстоит несколько не так, что и является надобность в поверхностной характеристике работы, каждого отдела в частности.

Работу ИНФОРМАЦИОННОГО отдела можно подразделить на две главные составляющие части: информацию «верх» (начальству) и информацию «вниз» (в на-

селение). Первая часть работы заключается в составлении сводок о всех проявлениях местной общественной и политической жизни и отсылки их высшей инстанции.

Материал для сводок собирают юноши-агенты, бестактность которых отметил на своих страницах «Наш Путь»; сведения компилирует помощник заведующего отделом Юрасов, который, по имеющимся сведениям, пишет сводки сквозь призму последней декларации. Написанные им, таким образом, сводки, скорее вредны, чем полезны — ибо в них тыловые настроения рассматриваются с предвзятой и теперь несколько устарелой точки зрения. Информация «вниз» заключается в ежедневном печатании бюллетеней, включающих в себя важнейшие события жизни России и заграницы. Бюллетени написаны сухим официальным языком и не дают читателю эффектных и ярких представлений, чем, конечно, в значительной мере уменьшается их агитационная ценность. Кроме перечисленных двух плоскостей работы, на обязанности информационного отдела лежит еще репортаж местной хроники для отсылки его в телеграфное агентство «Пресс-бюро». Эту свою обязанность отдел упростил до минимума, пользуясь в данном случае газетным материалом и задерживая, таким образом, сведения на целые сутки.

Литературно-издательский отдел весьма слабо удовлетворяет требованиям, предъявляемым ему не только пунктами, но и самим делением. Немалая часть времени и энергии уходит на розыск спекулятивных запасов бумаги, каковой на рынке Харькова вообще чувствуется большой недостаток. Отобенно не хватает бумаги, годной для брошюр, этим и объясняется, что за последние три месяца издано всего три маленьких брошюры; в большом количестве печатаются официальные декларации и комментарии к ним по рабочему и земельному вопросам. Кроме того, издаются портреты Верховного Правителя Адмирала Колчака, генерала Деникина, генерала Корнилова и др[угих] вождей Добровольческой армии. Портретов издано около 4-х миллионов экземпляров и их было бы вполне достаточно, если бы они были равномерно распределены. Издаваемая отделом литература отправляется как в прифронтовую полосу, так и за фронт — в Совдепию и в довольно большое количество экземпляров (1500000), но последняя попытка в большинстве случаев остается только попыткой, что неоднократно подтверждалось показаниями пленных и перебежчиков, единогласно заявляющих, что о Добровольче-

ской армии и обо всем, что связано с ней и происходит на занятой ею территории, они знают только из советских газет. «Закордонная литература» доходит по назначению только в случае временного отступления наших войск на той или иной территории.

Литературно-издательский отдел издает три газеты: ежедневная «Родина» и «Народное Слово» и еженедельная «Понедельник». Популярность первых двух газет незначительная; у «Понедельника» же таковая совсем отсутствует и раскупается он только ради информационных телеграмм. Более или менее удовлетворительно «Народное Слово», которое с приглашением нового состава редакции, реорганизовано в сторону популяризации и приближения к пониманию широких слоев городского и массы сельского населения. Большая часть экземпляров названных изданий бесплатно рассылается по Пунктам Отделения; часть расклеивается по городу Харькову. Хорошо поставлена издательская часть отдела, находящаяся в Харькове и обслуживаемая тремя крупными типографиями с ротационными машинами последних систем. Пропускная способность этих типографий не может быть использована полностью вследствие отсутствия так называемой рулонной бумаги, исключительно годной для вышеназванных машин. Такова деятельность Литературно-издательского отдела.

Деятельность Художественного отдела тесно связана с работой Литературного и Театрального отделов: для первого изготавливаются клише портретов и плакатов, рисунки для листовок и виньетки для афиш; для второго пишутся декорации и художественные щиты. Деятельность Художественного отдела несколько тормозится отсутствием необходимых технических материалов; запасы, оставленные большевиками, уже истощились и теперь в них ощущается острый недостаток. В достоинство отдела следует поставить издание им географических карт в довольно значительном количестве (10 000 экземпляров), распределенных с обозначенным фронтом в витринах.

Нелишне отметить, что на этих картах обозначаются только наши успехи; частичные же отступления не заносятся на карту целыми месяцами, в силу чего интересующееся население постепенно перестает верить.

Работа Театрального отдела довольно слабая: за три месяца в Харькове и уездах дано только всего 67 концертов и спектаклей. Большинство спектаклей были бесплатные, ибо на платные никто не приходил. Репертуар

пьес подобран не особенно тщательно: много пьес, с большим агитационным содержанием, в этот репертуар не включены.

Задачи существующего Кино-отдела, хотя и отнесены к одним из главнейших задач всего Отделения, но тем не менее — кинематограф — могучее средство пропаганды — остается по-прежнему в плоскости теоретических рассуждений о смысле и пользе. Оборудование трех передвижных агит-кинематографов и нескольких кино при Пунктах, по большей части в городах, не позволит, конечно, кино-отделу выполнить хотя бы десятую часть тех требований, которые должны были бы к нему предъявляться.

Организация широкой сети кинематографов и волшебных фонарей среди сельского населения должна значительно содействовать успеху нашей пропаганды; демонстрации картин следовало бы соединить с пояснительными лекциями и беседами. Ничего в этом направлении не сделано, и таким образом, богатейшие возможности остались неиспользованными.

Культурно-просветительный отдел (Заведующий Д. И. Пухальский) в своей работе сталкивается с одним из главных и непреодолимых препятствий — отсутствием необходимых и подходящих сотрудников. Это один из Отделов, который никак не может довести число своих сотрудников до существующего уже штата. В агитаторах и пропагандистах чувствуется большой недостаток, а словесная пропаганда в толще крестьянского населения, в большинстве неграмотного, конечно, во много раз плодотворнее, чем расклеивание воззваний и газет на зданиях волостных правлений.

Одной из существенных причин недостачи нужных работников является также и правило организации, по которому агитаторами могут быть приняты только те, кто прошел особые курсы агитации, открытие таковых было довольно неудачно. Из записавшихся на курсы 496 ч. [е-ловек] к экзаменам приступило только 54 слушателя, а выдержало их 34, из которых только 26 были приняты на службу в отделение. Состав окончивших курсы в образовательном отношении невысок: 10 человек из принятых 26-ти не имеет даже среднего образования. Порядочное число агитаторов мало пригодно для работы даже в деревнях, как вследствие незнания крестьянского быта, так и в силу недостаточного своего общего развития.

Просветительский отдел большую часть своей работы

обращает на организацию многочисленных маленьких библиотечек. В просветительной части своей работы отделом установлена тесная связь с: «Академическим Союзом», профес[сиональным] союзом преподавателей средней и низшей школы, с кооперативным обществом «Свобода и Культура» и с рядом рабочих профессиональных организаций (паровозные мастерские Ю. ж. д.², правление железнодорожного клуба и др.) В уездах работа часто происходит за счет просветительных организаций кооперации, с каковыми отдел в силу своих несовершенств конкурировать не может.

Культурно-просветительные организации в большинстве идут навстречу отделу, предоставляя свои помещения, часто оказывая финансовую поддержку.

Это обстоятельство позволяет отделу кое-как наладить свою работу и дает небольшое основание предполагать, что в будущем культурно-просветительные функции «Освага» примут формы и масштаб такой же работы кооперативных учреждений.

Культурно-просветительным отделом в Харькове и уездах организовано 581 лекция, которые, несомненно, дали бы хорошие результаты, если бы не сопровождалась бы более или менее крупными бестактностями.

Некий Г. Егоров, читая лекцию во 2-м госпитале, совершенно забыл, что говорит перед малограмотной аудиторией, не способной на объективное понимание событий, и поэтому, критикуя большевиков, позволил себе подчеркнуть на [их — В. Б.] достоинство. Результаты получились плачевные: «идея социализма есть идеал, к которому должно стремиться человечество»; «среди комиссаров есть люди, которые верят бескорыстно»; «Ленин и Луначарский — очень не глупые люди» — все это слишком запало в умы серых слушателей. На заводе «Гельферих-Саде» произошел еще более яркий пример бестактности. Сотрудник «Освага», отвечая на нападки [в — В. Б.] реакционности, позволил себе произнести буквально следующее: «Деникин не есть поклонник Монархической власти и борется за созыв Учредительного Собрания, но если Деникин, заняв Москву, не созовет Собрания, то я и вы возьмем винтовки и сметем его с лица земли». Тиранда очень характерная, и ее бестактность, даже преступность, в комментариях не нуждается.

Следует указать на характерный недостаток устной пропаганды Культурно-просветительного отдела. В речах всех Осважских ораторов красной нитью проходит мысль

о том, что Англия спасает Россию, а не Россия сама себя возрождает. В результате получается обзор правового устройства Английского государства, но никак не России.

Заканчивая характеристику работ каждого из отделов Харьковского «Освага», нельзя не указать на преступную небрежность царствующую в техническом отделе (Заведующего Тереня), на обязанности которого лежит экспедиция «на места» заготовленной литературы. Литература о земле рассылается на рудники, а деревни снабжаются только листовками по рабочему вопросу.

Такова работа местных Осважских отделов — со всеми ее недостатками и со всеми ее достоинствами.

Обилие в Отделе пропаганды формалистики и канцелярской волокиты превращает это живое, молодое дело в какое-то казенное «Присутствие». Блестяще организованы канцелярии и «кабинеты Начальников», заведены барышни с пишущими машинками; много молодых людей в «пиджаках», обложенных «входящими» и «исходящими» книгами, но самой пропаганды очень мало.

В мелких филиальных ячейках-пунктах дело обстоит не лучше.

Если во главе Пункта стоит шестидесятилетний генерал (генерал Агапеев³, генерал Остроградский), то весь пункт пропитан затхлой рутинной, и крестьяне скептически говорят: «генеральская пропаганда».

Если начальник Пункта — молодой студент-второкурсник, то происходит наивная игра «в начальники» и появляются надписи: «без доклада не входить» и т. д.

В том и другом случае крестьянин тоскливо смотрит с улицы на подоконники, заваленные литературой, но зайти боится, ибо уже горько обучен вернувшимся в родное пепелище старым исправником. Много раз приходилось наблюдать случаи, когда крестьяне уходили восвояси, инстинктивно чувствуя, что на Пункте сидит «Начальство».

Результаты всего этого получаются поистине ужасные. «Осваг» с каждым днем все больше и больше отходит от населения, наша пропаганда виснет в воздухе.

Наш Отдел пропаганды, копируя в постановке дела пропаганды большевиков, не перенял у них самого главного и самого важного: большевики своей пропагандой сумели подойти к населению вплотную.

Значение этого обстоятельства — невероятно большое: только благодаря ему большевики теперь сводят наши стратегические усилия насмарку.

Пор[учик] Федоров

¹ В соответствии с «Положением об Особом совещании при Верховном руководителе Добровольческой армии» от 18 (31) августа 1918 г. «Осведомительное агентство» (Осваг) входило в состав дипломатическо-агитационного отдела Совещания. В феврале 1919 г. «Осведомительное агентство» было преобразовано в Отдел пропаганды Особого совещания в составе семи подразделений: информационно-редакционного, агитационного, литературно-публицистического, художественно-агитационного, организационно-инспекторского, технического снабжения и общего. Однако термин «Осваг» имел самое широкое употребление вплоть до ликвидации Отдела в марте 1920 г. (основные его функции при Врангеле осуществлял Отдел печати Правительства Юга России). Руководителями Освага на всем протяжении его существования были кадеты: С. С. Чахотин (август — октябрь 1918 г.), Н. Е. Парамонов (октябрь 1918 — март 1919 гг.), а затем К. Н. Соколов.

² Ю. ж. д.— Южная железная дорога, основным транспортным узлом и местом пребывания правления которой был Харьков.

³ *Аганеев Владимир Петрович* (1876—1957) — Генерального штаба генерал-лейтенант, выпускник 1-го Кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища, ветеран Первой мировой войны. В Добровольческой армии был начальником штаба 2-го армейского корпуса, позднее — политический представитель в Константинополе. Умер в эмиграции.

Кронштадт в 1921 году: новые документы*

Кронштадтские события 1921 г. стали холодным душем для политики военного коммунизма, отрезвляюще подействовали на руководство РКП(б). Кронштадтцы, как и антоновцы и другие участники крестьянских восстаний заставили правящую партию пересмотреть свою политику. Забастовки, восстания в условиях чрезвычайного режима явились своего рода ответной реакцией на действия властей, средством доведения своих требований до руководства через тенёта чиновничьего аппарата.

Публикуемые документы из Архива Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета, Коллекция Фрэнка Голдера, ящик 21, дело 40 «Кронштадтская революция» дают возможность взглянуть на происходившее глазами руководителей восстания, зафиксировавших свои впечатления по горячим следам. Первый документ — копия заявления начальника артиллерии Кронштадта бывшего генерал-майора старой русской армии Александра Николаевича Козловского команданту Тернок от 18 марта 1921 г. с просьбой о ходатайстве перед правительством Финляндии о предоставлении бежавшим из Кронштадта участникам восстания статуса интернированных. А. Н. Козловский с известной степенью подробности излагает историю кронштадтских событий марта 1921 г. Они интересны для нас тем, что показывают взгляд одного из военных специалистов, перешедших на сторону восставших, на происходящие события и дают некоторые подробности о военном и продовольственном состоянии гарнизона, ходе боевых действий, об организованном и заранее спланированном уходе 8 700 человек за границу.

* Подготовка текста, предисловия и комментариев А. В. Смолина.

Документ написан от руки на восьми листах в клетку, черными чернилами, на русском языке. Заверочная запись сделана на финском и немецком языках 13 октября 1921 г.

Второй документ — копия коллективного заявления председателя Кронштадтского ревкома С. М. Петриченко, секретаря ревкома Э. Кильгаста, начальника обороны крепости Е. Н. Соловьянова и начальника штаба Б. А. Арканникова от 19 марта 1921 г. на имя коменданта Териок с просьбой о ходатайстве перед правительством Финляндии о предоставлении прибывшим кронштадцам статуса интернированных. В нем дается краткое изложение кронштадтских событий, но в более общей форме и с меньшей детализацией.

Документ написан от руки на 5 страницах в клетку, черными чернилами на русском языке. Заверочная запись сделана на финском и немецком языках 12 октября 1921 г. Публикуемые копии документов сделаны одной рукой и содержат стилистические неточности и грамматические ошибки, характер которых позволяет предположить, что копиист был финляндцем, для которого русский язык не являлся родным.

К о п и я *

Генерал-майор
Русской службы
Военный
Инженер-Технолог
КОЗЛОВСКИЙ
18 марта 1921 г.
№ 1
Териоки

Господину Коменданту
Карельского
Военного сектора

С самого захвата начала ** власти в России большевиками большинство населения России относилось (к большевикам — А. С.) частью несочувственно, а [в] большей массе пассивно, веря большевикам в их обещаниях улучшить жизнь. Но так как такого улучшения не последовало, а наоборот, вся Россия обратилась в тюрьму с принудительными работами, отсутствием права на ответственность, даже в самом минимальном размере, раз-

* На финском языке.

** так в тексте документа

ного рода репрессиями до расстрела включительно, без правового суда, то, пассивно относящиеся к большевистской власти, постепенно переходили на сторону противников этой власти, но, боясь репрессий, редко выступали открыто. Свободное слово, свободная печать, свобода передвижения, свобода труда и другие свободы были заменены действиями Чрезвычайных комиссий и карательных отрядов. Одним словом, большевики всю Россию желали сделать насильственно космунистами, а 180 миллионов — этого не желали.

Обрисовав общую картину настроения всей России, перехожу к описанию Кронштадтских событий последних 18-ти дней, не касаясь событий предшествующего периода, так как историю таковой не знаю и представляю этот вопрос осветить Временному Революционному Комитету, который почти в целом составе перешел на территорию Финляндии.

1-го марта в Кронштадт прибыл Председатель [Всероссийского] Центрального Исполнительного Комитета Калинин и комиссар Балтфлота Кузьмин ¹, для присутствия на митинге моряков и красноармейцев в морском манеже. На этот ситинг собрались также огромное количество рабочих и жителей Кронштадта, манеж оказался тесен, и вопреки желанию Калинина устроить митинг в манеже только для моряков и красноармейцев, по единодушному требованию толпы, митинг состоялся на Якорной площади в присутствии около 16-ти тысяч населения Кронштадта ².

Все ораторы (Кузьмин, Калинин и др.), которые восхваляли прелести существующего режима и надежды светлого коммунистического рая, были прерываемы единодушными возгласами: «довольно, надоела эта канитель, мы уже 3 года ее слышали, и больше слушать не желаем». Речь Кузьмина была бесцветна, наполнена не имеющими значения подробностями, говорилась весьма растянуто и была рассчитана, по-видимому, на то, чтобы не дать говорить прочим записавшимся нежелательным ораторам, а также истощить терпение слушателей, заставить их разойтись до окончания митинга, а резолюцию митинга вынести при составе, более благоприятном для коммунистов.

Военный моряк Перепелкин ³ героически выступил против существующего режима, огласил резолюцию общего собрания моряков 1-й и 2-й бригад линейных кораблей и предложил участникам митинга присоединиться к этой резолюции. Поднятием рук присутствующие на митинге

присоединились к этой резолюции. Не подняли руки только коммунисты, которых оказалось очень незначительное количество.

В указанной резолюции главными пунктами, предъявленными правительству были:

1) Управление государством не должно находиться в руках одной партии, а в руках всего народа, почему выборы в Советы должны производиться тайно.

2) Свобода труда, слова, печати и передвижений.

3) Уничтожение коммунистических боевых отрядов и заградительных отрядов.

4) Расформирование политических отделов и чрезвычайных комиссий.

5) Уничтожение правительственной поддержки пропаганде какой-либо партии и свобода пропаганды для всех социалистических партий за свой счет.

Перепелкин, заканчивая свою речь, предложил всем войсковым частям и организациям выбрать по 2 делегата для обсуждения вопроса по организации пере выборов в Кронштадтский Совет на новых указанных в резолюции основаниях.

2 марта, несмотря на противодействие комиссаров, вооружение всей коммунистической партии пулеметами, винтовками и огромным количеством патронов, во всех частях и организациях Кронштадта состоялись многочисленные собрания, которые почти единогласно (кроме коммунистов) присоединились к резолюции моряков и выбрали делегатов. Делегатское собрание состоялось в здании Инженерного училища, где и было решено вследствие оказываемого противодействия со стороны существующих властей провести повестку дня, образовать Временный Революционный Комитет, а существующую власть признать неправомочной⁴.

Первые действия Временного Революционного Комитета были направлены на обезвреживание существующей власти, что было достигнуто арестованием Комиссара Балтфлота Кузьмина, председателя Кронштадтского Совета Васильева⁵, комиссаров кораблей и других видных деятелей коммунистической партии. Эти действия Врем[енного] Револ[юционного] Комитета послужили сигналом для бегства в ночь со 2-го на 3-е марта из Кронштадта многих коммунистов⁶, хотя к тому не было никаких оснований, так как Врем[енный] Рев[олюцион-ный] Ком[ите]т решил только арестовать некоторых коммунистов, но жизни их не угрожало никакой опасности⁷. Эти-то бежавшие коммунисты и распространили

нелепый слух, что в Кронштадте происходит восстание под влиянием белогвардейских офицеров и во главе всего движения стою я⁸.

Действительно, после побега комиссаров и получении 3-го марта ультиматума от Правительства прекратить мятеж, освободить арестованных коммунистов, а также выдать главных зачинщиков Правительству, я и прочие офицеры гарнизона, не сговариваясь, решили принять участие в общем движении населения Кронштадта и помочь Врем[енному] Революционному Ком[ите]ту в деле отстаивания прав народа своими знаниями и опытом.

От Петроградского Совета последовало также предложение выслать от Совета представителей для выяснения на месте, в чем же в сущности, существует расхождение между Кронштадтцами и Советом коммунистического Правительства. Это предложение кронштадтцы поняли не иначе, как ловушку, так как резолюция моряков была ясна и не требовала никаких дополнительных разъяснений, и в ответ Революционный Комитет послал свое контрпредложение, в котором, соглашаясь на присылку делегации, предложил дополнить делегацию делегатами, свободно выбранными заводами и войсковыми частями Петрограда при контроле представителей от Кронштадта. В ответ на это радио, скрытое в повседневной прессе от населения всей России, последовал приказ Троцкого начать военные действия против Кронштадта⁹, и первый выстрел был произведен со стороны советских войск 7-го марта в 6 ч. 25 мин. вечера. Со стороны кронштадцев бой был принят и на огонь отвечали огнем, щадя насколько возможно мирное население Ораниенбаумского и Сестрорецкого берегов. Такие гуманные действия Кронштадта дали возможность противной стороне привлечь к участию в бою бронепоезда, а также установить батареи в районе населенных пунктов обоих берегов Финского залива. Первоначальные действия большевиков были весьма незначительны и нерешительны¹⁰, так как масса войск на их стороне втайне сочувствовала кронштадтцам и шла в бой лишь по принуждению, подгоняемая сзади пулеметами, из которых действовали коммунисты. Этим объясняется огромное количество пленных и перебежчиков, так например, на нашу сторону 8-го марта утром перешло 600 человек 561-го полка, а группа курсантов (юнкеров) захваченная нами в бою в количестве 250 человек, узнав истинную причину нашего восстания, согласилась с правиль-

ностью наших действий, а многие даже предложили действовать заодно с нами, но из осторожности это предложение было отклонено ¹¹. Положение Кронштадта было весьма прочно, и вначале являлась надежда долгого сопротивления, тем более, что самый существенный вопрос продовольствия был решен вполне благополучно очень сочувственным отношением к кронштадцам представителей Красных Крестов, находящихся на Финляндской территории.

Угрожающее положение по отношению [к] Кронштадту занял лишь один форт «Краснофлотский» (Красная Горка), где комендант и командир морского дивизиона — коммунисты, а бежавшие из Кронштадта комиссары ввели на форту такой режим, что резолюция моряков не стала известна личному составу форта, а также, если бы даже стала известна, то под углом зрения мятежа, возглавляемого белогвардейским «офицерем», как вульгарно отзывались о происходящих в Кронштадте событиях все газеты России, пишущие лишь только то, что им продиктуют из Москвы или Смольного (Петроградский Совет). Во все последующие дни после 7-го марта к осаждающему Кронштадт неприятелю прибывали подкрепления, как пехотные полки, так и артиллерия, атаки на Кронштадт производились и днем, и ночью разными частями, почему требовалась особая бдительность дозорных частей и наблюдателей. Ввиду малочисленности гарнизона Кронштадта (3800 штыков) ¹², через несколько дней боя появилось сильное физическое утомление командного состава и самих бойцов, но дух войск был тот же бодрый и решение биться до конца оставалось непреклонным. Тяжесть положения войск усугублялась еще тем, что приходилось нести усиленную внутреннюю караульную службу, опасаясь выступления коммунистов, гулявших на свободе по Кронштадту, имевших по-видимому, оружие, и арестуемых лишь при существовании прямых улик в противодействии мероприятиям Врем[енного] Рев[олюционного] Комитета. Увеличивающаяся с каждым днем утомляемость бойцов, порча некоторых орудий, которые были достаточно расстреляны и ранее, увеличение числа атак на форты и сам остров Котлин все более и более возрастающими силами, повели к тому, что пришлось сперва оставить форт Северный № 7, но неприятель на этом форту держаться не мог, вследствие разрушительного действия нашей артиллерии, и форт, сделавшись нейтральным, занимался на некоторое время то нами, то неприятелем. С тече-

нием времени, по тем же причинам пришлось оставить форты Северные №№ 6 и 5 южные №№ 1 и 2. Вследствие порчи многих наших орудий от огромного числа выстрелов, оказалось невозможным выбить неприятеля из этих фортов, и он прочно засел на них в неизвестном для нас количестве, сократив путь своего наступления на Котлин по открытому ледяному полю и лишив нас той артиллерии, которая была на занятых ими фортах. Катастрофическое положение Кронштадта обнаружилось к утру 17-го марта. С 5 часов утра этого дня неприятель повел наступление крупными силами на форты и остров Котлин. По подсчету Штаба Оборона участвовало в этой атаке около 2-х дивизий при поддержке 4-х бронепоездов и многих батарей (по моему мнению, не менее 8-ми) ¹³. В результате этих ночных действий к рассвету 17 марта оказалось, что нам пришлось отдать неприятелю форты: северные №№ 4, 3 и 2, а также восточную часть острова Котлина.

Особенно характерно отражение атаки на форт «Петр» и прилегающую к нему местность острова Котлина, в котором принимали участие граждане Кронштадта, не исключая женщин. В результате для Котлина создано чрезвычайное опасное положение в последующую ночь быть взятым штурмом со всех сторон, что и должно было последовать, чтобы «порадовать» все население России усмирением «Кронштадтского белогвардейского мятежа» в день праздника Парижской коммуны. На основании этого Штаб Оборона, совместно с Врем[енным] Рев[олюционн]ым Комитетом решили или к вечеру 17-го марта восстановить положение на Котлине, или же всем составом бойцов, оборонявших Котлин, интернировать в Финляндию, начав движение с 7 часов вечера, когда туман скроет это движение от неприятеля. Так как положение восстановлено не было, чему особенно мешали вооружившиеся коммунисты Кронштадта и засевшие в домах улиц, ведущих к восточной части острова, то приказ об эвакуации гарнизона на Финляндскую территорию последовал, и переход этот совершен в предшествующую ночь ¹⁴.

Мы все: гарнизон Кронштадта, политические деятели, а также гражданское население Кронштадта, прибывшие на территорию Финляндской Республики, просим Вас, Господин Комендант, быть ходатаем перед Финляндским Правительством о принятии нас в качестве интернированных со всеми правами, присвоенными лицам этой категории по законам Финляндской Республики.

*Военный инженер-технолог
Генерал-майор КОЗЛОВСКИЙ* ¹⁵

Завереная копия (*запись на финском языке*)
Терриоки, комендатура 13.10.21. (*Подпись неразборчива*)
Подтверждаю копия верна (*на немецком языке*) по-
черк другой.

К о п и я

Господину коменданту
Карельского Военного сектора

Д О К Л А Д

Вступив на территорию Финляндской Республики, Вам, как первому представителю Финляндской Республики, считаем необходимым доложить о мотивах, вынудивших нас к означенному поступку (переходу границы — А. С.).

Ввиду того, что захватившая власть в России партия коммунистов установила такой порядок выборов в представительные учреждения (Советы), что в России установилась кровавая диктатура коммунистов, приведшая страну к полному разорению и нравственному, и политическому гнету настолько, что дальше при подобных условиях жизнь стала невозможной. Несмотря на усиленный террор, народное недовольство стало выливаться наружу, помимо провинций, сначала в Петрограде, где было подавлено кровавыми репрессиями, затем в Кронштадте ¹⁶.

На общем собрании всего города Кронштадта 1-го марта с. г. созванном коммунистами во главе с председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Калининым была единогласно принята прилагаемая при сем резолюция, на основании которой были назначены свободные выборы в новый Совет, которые были сорваны провокаторским способом.

Учтя создавшееся положение, из числа выборных всего Кронштадта был избран Временный Революционный Комитет, которому фактически и перешла вся власть со 2-го марта с. г.

Все стремления Комитета уладить создавшийся инцидент мирным способом, [путем] переговоров, не увен-

чались успехом, благодаря тенденции удержать власть в своих руках во что бы то ни стало. С этой целью с аэропланов, несмотря на то, что радио и телефон с Петроградом действовали исправно, по приказу Троцкого были брошены прокламации, требующие безусловного и безоговорочного подчинения старым властям¹⁷.

Временный Революционный Комитет, ознакомив с содержанием ультиматума все население и гарнизон, на основании их решения постановил: требованию Троцкого не подчиняться. Не ожидая, что будут приняты меры военно-карательного характера, крепость обезопасила себя, выставлением сторожевого охранения и изоляцией наиболее деятельных коммунистов.

7-го сего марта с батареей Сестрорецка и Лисьего Носа был открыт орудийный огонь по городу и фортам, на что гарнизон был вынужден ответить огнем своих орудий, стараясь не причинить вреда зданиям и населению берегов, что и дало возможность Троцкому сосредоточить войска для решительного удара.

Начиная с ночи 8-го марта на остров Котлин начались атаки отборных коммунистических частей и курсантов (слушатели курсов командного состава), которые гарнизоном были отбиты. Артиллерийская бомбардировка и бросание бомб с аэропланов по городу производились ежедневно.

Несмотря на провокационную печать коммунистов, освещавших Кронштадтские события как заговор кучки офицеров во главе с бывшим генералом Козловским, показывание, согласно опросам пленных, перед вновь приведенными из Минской, Могилевской и Витебской губерний дивизиями, одетых в прежнюю офицерскую форму с погонами и орденами личностей, якобы, пленных офицеров Кронштадтского гарнизона, войска на берегах отказывались идти против Кронштадта, в результате чего в некоторых полках, например, в Минском, Оршанском и Невельском, начались расстрелы, в иных ротах этих полков расстреливался каждый пятый¹⁸.

В ночь на 17-е марта, после усиленной и бесчеловечной бомбардировки города и фортов, крепость была атакована значительными силами. Несмотря на то, что оставленные на свободе коммунисты во время этого штурма стрельбой из ружей и пулеметов по зданиям и войскам создавали в городе панику, к 10 ч. утра 17 марта усилиями и гарнизона, и жителей, остров был очищен от осаждавших, за исключением небольшого пространства в восточном конце города. К несчастью, за

эту ночь были взяты все форты второй линии северного фарватера, за исключением [форта] № 1 и форты №№ 1 и 2 южного и утеряны 18 трехдюймовых орудий, составивших артиллерийскую основу отражения штурма, за недостатком надлежащего количества пехотных частей.

Принимая во внимание:

1) отсутствие продовольствия и невозможность его доставки, увеличением гарнизона большим количеством пленных;

2) малочисленность пехотного гарнизона, утомленность его 15-ти дневными боями и службой, при абсолютной несменяемости, отсутствие на трети гарнизона кожаной обуви;

3) расстрелянность и испорченность материальной части орудий, недостаток снарядов, в особенности скорострельных и патронов;

4) неполучение поддержки извне, благодаря чрезвычайным репрессиям коммунистического правительства;

5) невозможность отстоять крепость при последующем подобном штурме, при недостатке командного состава, специалистов разного рода войск и при утерянной связи, умышленно портившейся оставленными на свободе коммунистами, видя абсолютную невозможность и бесполезность дальнейшего сопротивления, Временный Революционный Комитет постановил начать отступление во избежание излишнего кровопролития и жертв со стороны гражданского населения.

Помня прокламации Троцкого, все поведение коммунистического правительства за последние три года, расстрелы и издевательства над жителями в занятой части города, Временный Революционный Комитет, обсудив положение с военными специалистами, предложившими свои услуги движению с самого его начала, не мог допустить сдачи крепости на произвол коммунистов и постановил отступить на нейтральную территорию¹⁹.

Донося вышеизложенное, просим Вашего ходатайства перед Правительством Финляндской Республики о принятии нас на правах интернированных.

*Председатель Временного
Революционного Комитета гор. Кронштадта*
ПЕТРИЧЕНКО²⁰

*Секретарь Э. КИЛЬГАСТ*²¹

Начальник Обороны

*креп. Кронштадта СОЛОВЬЯНОВ*²²

*Начальник Штаба Ген. штаба Б.АРҚАННИКОВ*²³

19 марта 1921 года
Терюки. Финляндия.

Заверенная копия:

Терюки, комендантура

12.10.21.

(Подпись неразборчива) финский язык.

Подтверждаю, копия верна (немецкий язык, другой почерк).

КОММЕНТАРИИ

¹ Кузьмин Николай Николаевич (1883—1939), член РСДРП с 1903 г. Окончил Петербургский университет. В гражданскую войну назначался комиссаром различных частей и подразделений Красной Армии. В дни Кронштадтского восстания был комиссаром Балтийского флота. Арестован восставшими и провел в заключении 16 дней до освобождения крепости советскими войсками. Награжден вторым орденом Красного Знамени. В приказе по 7-й армии о его награждении, подписанном командармом М. Тухачевским говорилось, что Н. Н. Кузьмин «сражался в рядах войск как красноармеец, поднимая дух и наступательный порыв частей, чем оказал значительное содействие общему успеху». («Петроградская правда» 20 марта 1921 г.).

² 1 марта 1921 г. на Якорной площади Кронштадта состоялся митинг. В различных источниках назывались разные цифры участников от 12 до 15 тысяч человек.

³ Перепелкин П.— гальванер с линкора «Севастополь», год призыва 1912, член возникшего в ходе восстания ревкома, в литературе указывается, что с резолюцией выступил С. М. Петриченко.

⁴ Утром 2 марта 1921 г. во всех частях, учреждениях и кораблях начались выборы на делегатское собрание. В час дня в инженерном училище собрались более 300 делегатов. В президиум избрали: Петриченко С. М.— писарь с линкора «Петропавловск»; Яковенко — телефонист Кронштадтского района службы связи; Н. Архипов — машинный старшина; Тукин — мастер электромеханического завода; Орешин — заведующий третьей трудовой школой. Выбранные образовали Ревком, который впоследствии был увеличен еще на 10 человек.

⁵ Васильев Петр Дмитриевич (1896—?), фельдшер, член РКП(б) и председатель Кронштадтского Совета с 1919 г.

⁶ В ночь со 2 на 3 марта 1921 г. из Кронштадта в Ораниенбаум по льду залива ушел отряд коммунистов, около 150 человек, под командованием начальника политотдела Кронштадтской морской базы В. Громова, состоявший из лиц служивших в политотделе, особом отделе и ревтрибунале.

⁷ Восставшими было арестовано 327 членов РКП(б), 135 — оставалось на свободе. Никто из ком-

мунистов расстрелян не был. После взятия Кронштадта Красной Армией казнили 400 кронштадтских коммунистов без суда и следствия за поддержку требований восставших.

⁸ Вся правительственная пропаганда делала главный акцент на генерале А. Н. Козловском и офицерах флота как инициаторах мятежа. Правительственное сообщение от 2 марта 1921 г., подписанное председателем СТО В. Ульяновым-Лениным и председателем РВСР Л. Троцким, имело одним из заголовков «Мятеж бывшего генерала Козловского и корабля «Петропавловск». Лозунги, опубликованные в «Петроградской правде» 4 марта 1921 г. подчеркивали генеральский характер восстания. «Меньшевики и эсеры посадили на шею рабочим и матросам Кронштадта белого генерала». «Рабочие Петрограда, отражавшие генералов Корнилова, Краснова, Юденича, свернут шею генералу Козловскому!». Подобное несоответствие реальной роли Козловского и других офицеров вызвалось необходимостью возложить ответственность за мятеж не на политику большевиков, а на эсеров, меньшевиков, французскую контрразведку и белых генералов.

⁹ Исходя из приказа Л. Д. Троцкого, на милость Советской власти могли рассчитывать только «безусловно сдавшиеся».

¹⁰ Первый штурм Кронштадта начался утром 8 марта 1921 г. Красноармейские части действовали двумя группами. Северная группа (начальник Е. С. Казанский), сосредоточенная в районе Сестрорецка, насчитывала 3763 человека и 9 батарей. Южная группа (начальник А. И. Седякин) имела в своем распоряжении 9853 бойца. Кроме того в резерве находилось 4 тыс. человек и 18 батарей артиллерии. Атака крепости окончилась неудачей.

¹¹ Некоторые части сначала отказывались идти в наступление, например, 561-й полк. Однако в результате принятых мер в атаку пошли, но часть солдат сдалась кронштадтцам.

¹² Гарнизон Кронштадта перед восстанием насчитывал 18 тысяч солдат и матросов. По-видимому, цифра 3800 штыков включает в себя только находящихся в строю пехотинцев.

¹³ Во время второго штурма части 7-й армии насчитывали 24 тысячи человек при 433 пулеметах и 159 орудиях, а вместе с тыловыми и вспомогательными командами советские войска, сконцентрированные для второй атаки Кронштадта, составляли 45 тысяч бойцов. Во время второго штурма красноармейские части потеряли более 500 человек убитыми и около 1500 ранеными. Восставшие потеряли свыше 1000 человек убитыми и около 2 тысяч ранеными.

¹⁴ В Финляндию по льду залива ушли примерно 8 тысяч человек, которые были интернированы и размещены на бывшем русском форту Ино, в лагерях под Выборгом, в Териоках и других местах.

¹⁵ В связи с забастовками — «волынками» на заводах Петрограда 24 февраля 1921 года в городе было

введено военное положение. Разгон демонстрантов курсантами в Петрограде имел место, но расстрелов не производилось.

¹⁶ *Козловский Александр Николаевич* (1861—1940), генерал-майор старой русской армии (1912), в 1918 г. вступил в Красную армию, с 4. XII. 1920 — начальник артиллерии Кронштадта, примкнул к восставшим. После поражения восстания с частью гарнизона ушел в Финляндию, где жил и умер,

¹⁷ Имеется ввиду приказ председателя РВСР Л. Д. Троцкого от 5 марта 1921 г.

¹⁸ Полки 27-й Омской дивизии прибывшие с Западного фронта (1115 человек комсостава, 13059 пехотинцев, 488 кавалеристов при 319 пулеметах и 42 орудий отказались воевать против братьев-матросов. Неповиновение было быстро и решительно пресечено и дивизия участвовала во втором штурме.

¹⁹ По приказу особых троек без суда и следствия казнили 3 тысячи кронштадтских матросов. Часть арестованных отбывала наказание в специально построенном для кронштадтцев в районе Холмогор концентрационном лагере.

²⁰ *Петриченко Степан Максимович* (р. 1892) из семьи малоземельного крестьянина Жиздренского уезда Калужской губернии. С 1894 г. жил в Запорожье. Окончил 2 класса городского училища, работал металлом на заводе. В 1914 г. призван во флот. Исполнял обязанности писаря и хозяйственные должности. В 1919 г. вступил в РКП(б), выбыл во время перерегистрации. В марте 1921 г. во время Кронштадтского восстания стоял во главе Ревкома, после поражения бежал в Финляндию. В Праге издал книгу «Правда о Кронштадтских событиях». В августе 1927 г. подал заявление в советское консульство в Риге с просьбой вернуться на родину. В ответ ему было предложено вступить в контакт с советской разведкой, на что он ответил согласием и стал поставлять информацию о Финляндии. В 1937 г. заявил об отказе продолжать сотрудничество, на том основании, что не понимает, что происходит в СССР. Его удалось уговорить продолжать работу разведчика. В начале 1941 г. он дал ценную информацию о подготовке Финляндии к войне. Вернулся в СССР в 1945 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

²¹ *Кильгаст Э.* — штурман дальнего плавания, секретарь Ревкома.

²² *Соловьянов Евгений Николаевич* (1880—?), капитан старой армии. В 1921 г. — начальник штаба Кронштадтской крепости.

²³ *Арканников Борис Андреевич* (1886—?), подполковник старой армии. В 1921 г. — начальник оперативного отдела штаба Кронштадтской крепости.

СВЕДЕНИЯ О ПУБЛИКАТОРАХ

БОРТНЕВСКИЙ Виктор Георгиевич, 1954 г. р., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Ленинградского государственного университета. Автор исследований по истории России XIX—XX вв., истории гражданской войны.

ПОССЕ Нина Александровна, 1901 г. р., ветеран труда, член Союза театральных деятелей СССР.

СМОЛИН Анатолий Васильевич, 1947 г. р., кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Автор исследований по истории и источниковедению русских революций и гражданской войны.

ЧЕРНЯЕВ Владимир Юрьевич, 1945 г. р., кандидат исторических наук, научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Автор исследований по истории России XIX—XX вв., истории русских революций.

ШЕПЕЛЕВ Леонид Ефимович, 1928 г. р., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Автор исследований в области архивной эвристики, источниковедения и истории экономической политики России XIX — начала XX вв.

CONTENTS

- V. I. Kovalevsky** 's Reminiscences.
G. A. Knyazev. From the Notebooks of a Russian Intellectual written During the War and the Revolution (1915—1922).
V. A. Posse. The Civil War Years.
N. V. Ustryalov. The White Omsk.
Documents of the White Counter Intelligence Service.
Kronstadt. The Year 1921.

SOMMAIRE

- V. I. Kovalevskij** Souvenirs.
G. A. Knjazev Extraits des carnets d'un intellectuel russe. Années de guerre et de révolution (1915—1922).
V. A. Posse Les années de guerre civile.
N. V. Ustrjalov Omsk la blanche.
Documents des services de contre-espionnage des armées blanches.
Kronstadt. 1921.

Технический редактор *И. Д. Висоцук*

Сдано в набор 15.08.1991. Подписано к печати 24.10.
1991 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офс. № 2. Гарнитура
Литерат. Печать высокая. Объем усл.-печ. л. 19.32. Усл.
кр.-отт. 19,64. Тираж 23 000 экз. Зак. 1—334.
Цена договорная.

Совместное советско-американское предприятие «Свелен».
194156, Ленинград, Сердобольская, 1
Отпечатано в полиграфкомбинате «Молодь». Адрес поли-
графкомбината: 254119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ФИРМА ДРГ ИНТЕРНЕСНЛ

*уже 25 лет Ваш надежный
торговый партнер!*

**Она и сегодня
предлагает**

лучшее, что есть на американском
рынке в области медицинского
оборудования и биотехнологий

По самым доступным ценам:

- кардиологическое оборудование и системы мониторинга в области анестезиологии и хирургии;
- оборудование для гинекологических отделений;
- оборудование для лечения литотропии;
- одноразовые системы для внутривенного вливания, шприцы, ультразвуковое диагностическое оборудование;
- эндоскопическая техника;
- системы для круглосуточного амбулаторного наблюдения за состоянием сердечно-сосудистой системы;
- токсикологические системы для идентификации лекарственных веществ в наркотиках, токсикологии.

Ждем заказы

по адресу: Санкт-Петербург,

ул. Сердобольская, 1.

СП «СВЕЛЕН»,

Тел.: (812)

Телекс: 121340 MEDIN SU

Факс: 242-13-85

**МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР
СОВМЕСТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
«СВЕЛЕН»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:**

*Вы почувствовали недомогание?
Вам безразлично собственное
здоровье?*

Только в поликлинических отделениях
совместного предприятия «СВЕЛЕН»
Вы можете:

проконсультироваться

- у высококвалифицированных специалистов и пройти раннюю диагностику на стадии, когда отсутствуют клинические признаки заболевания

определить:

- возбудителей болезней и их токсины
- совместимость медпрепаратов в выданном Вам рецепте;
- чувствительность микрофлоры к антибиотикам

убедиться:

- в наличии или отсутствии в Вашем организме радионуклидов

подобрать:

- биологически адекватное питание для больного, которому необходима рациональная диета

вылечить:

- больные почки, печень, желудок, суставы

избавиться:

- от ревматоидных артритов, пиелонефритов, инфекционных гепатитов, язвы желудка и двенадцатиперстной кишки.

Предварительная запись на прием
по телефону в Санкт-Петербурге:
(812) 298-51-24

РУКОВОДИТЕЛЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

Совместное предприятие «СВЕЛЕН» предлагает комплект мебели, разработанный для удобства эксплуатации персонального компьютера любого типа.

Наша мебель позволит создать комфортные условия для Ваших сотрудников и украсит Ваш офис.

КОМПЛЕКТ ПОСТАВКИ

1. Стол компьютерный
2. Стеллаж большой
3. Стеллаж малый

Ориентировочная стоимость комплекта — 1650 руб.

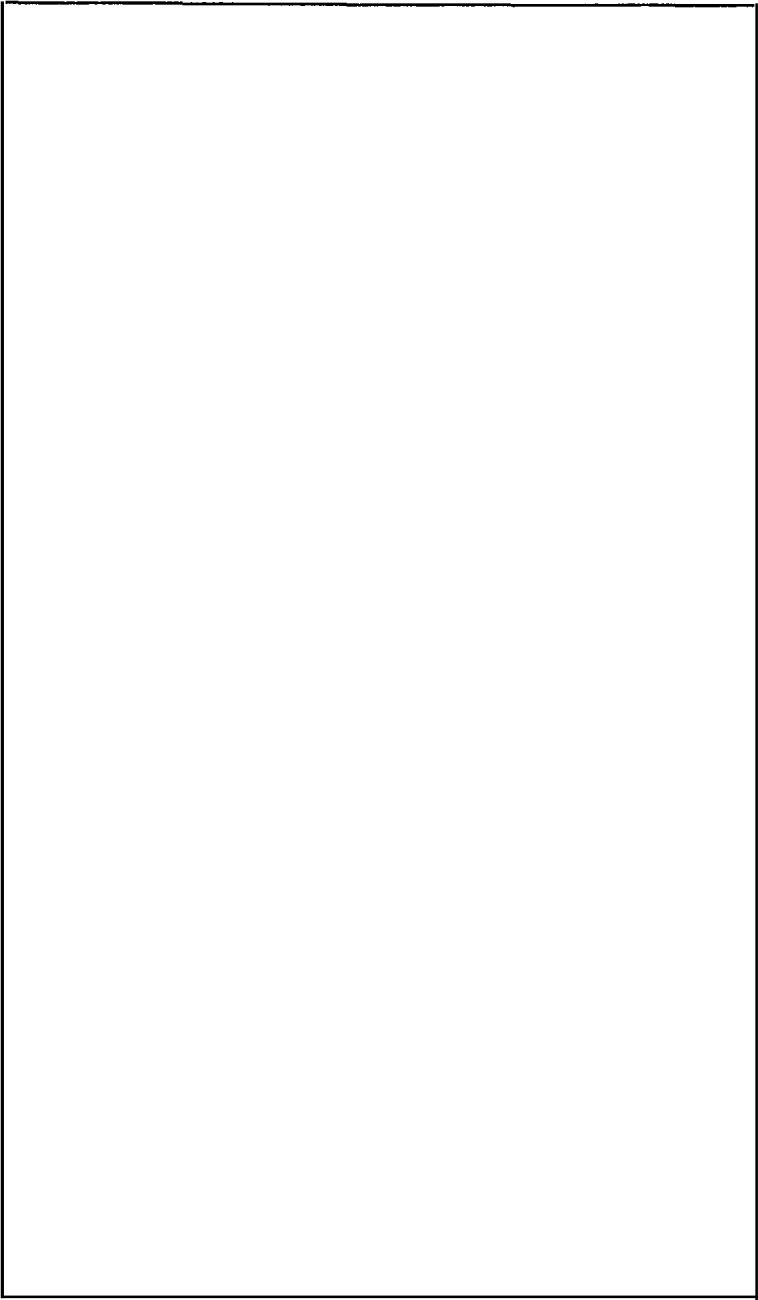
Поставка за пределы С.-Петербурга не менее 30 комплектов.

Мы готовы рассмотреть Ваши предложения по взаимовыгодному обмену.

*Наш адрес: 194156, Санкт-Петербург,
Сердобольская ул., дом. 1,
СП «СВЕЛЕН».*

*Телефон: в Санкт-Петербурге (812) 242-29-74
273-43-23*

*Телекс: 121340 MEDIN SU
Факс: 242-13-85*

В последующих книгах альманаха «Русское прошлое» наряду с продолжением начавшихся публикаций предполагается поместить мемуары видных участников Белого движения на Юге России — генерала П. С. Махрова и политического деятеля Н. В. Савича, протоколы Ясского совещания 1918 г., материалы о судьбах интеллигенции в революции, о положении русских эмигрантов в Финляндии в годы гражданской войны и во Франции в период Второй мировой войны, воспоминания узников сталинских лагерей, а также другие различные исторические источники из советских, американских и французских архивов.

Альманах «Русское прошлое» реализуется в розничной торговле, а также высылается наложенным платежом. Заказы направлять по адресу: 197345, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7 (магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академ-книги»).